

ТОММАЗО ГРОССИ

МАРКО ВИСКОНТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЕТСКАЯ

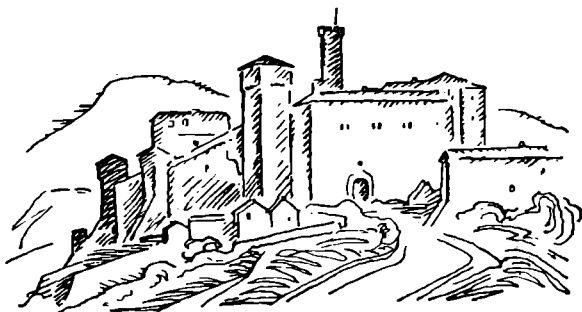
ЛИТЕРАТУРА»

МАРКО ВИСКОНТИ

ТОММАЗО ГРОССИ

ТОММАЗО ГРОССИ

Марко Висконти

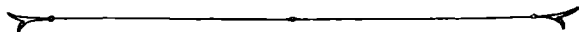

Исторический роман

*Перевод
с итальянского*

Рисунки В. Высоцкого

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1972

Tommaso Grossi
MARKO VISCONTI

Edizioni Paoline
Vicenza 1964

*Перевод Г. П. Смирнова под редакцией П. С. Гурова.
Послесловие и примечания А. С. Завадьё.
Стихи в переводе Е. Солоновича.*

Для среднего возраста
Томмазо Гросси
МАРКО ВИСКОНТИ

Ответственный редактор Н. С. Дроздова. Художественный редактор Л. Д. Бирюков.
Технический редактор Л. П. Костикова. Корректоры Н. А. Сафронова и
Э. С. Ульянова.

Сдано в набор 17/IV 1972 г. Подписано к печати 24/VIII 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Печ. л. 19,13. Усл. печ. л. 17,85. (Уч.-изд. л. 18,43 + 1 вкл. = 18,49). Тираж 50 000 экз.
ТП 1972 № 487. Цена 76 коп. на бум. № 1, Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва,
Центр, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 266.

ГЛАВА I

имонта — это небольшая деревушка, которую путешественник, обогнувший мыс Белладжо и плывущий по озеру Лекко, с трудом различает среди каштанов на берегу напротив Лиерны. С VIII века и до самого последнего времени, когда в Ломбардии отменили феодальные права на землю, Лимонта была данницей монастыря святого Амвросия Миланского, настоятель которого среди прочих званий носил также титул графа Лимонтского.

В 1329 году на самой границе между владениями монахов и землями Белладжо (камень, отмечающий эту границу, можно

видеть и по сей день) возвышался старинный замок, но в конце века он был разрушен, а теперь от него не осталось и следа.

Замок этот принадлежал тогда некоему графу Ольдрадо дель Бальцо, чьи предки в далеком прошлом были, по-видимому, сеньорами Белладжо, которое к описываемому времени стало свободной коммуной. Граф Ольдрадо, хотя он и владел поместьями в разных местах Ломбардии, проводил здесь большую часть года в обществе жены и единственной дочери, которые, подобно ему, любили это голубое небо, это прозрачное озеро, этот приятный и мягкий климат.

Богатый, знатный, обладавший широкими родственными и дружескими связями, род графов дель Бальцо всегда был заступником и защитником жителей соседних деревень, которые издавна, из поколения в поколение, почитали это семейство.

Но, получив столь славное наследие, граф Ольдрадо не сумел его удержать и быстро утратил уважение бывших вассалов своей семьи. И не потому, что был он так уж плох: по натуре это был хороший человек, но жить ему пришлось в суровую пору, и из-за робости и вялости характера он не находил в себе силы творить добро, хотя и стремился к этому.

Примерно в это время в Италию нагрянул император Людовик Баварский. Он отказался признать верховную власть жившего в Авиньоне папы Иоанна XXII (который отлучил его за это от церкви) и дерзнул возвести на римский престол под именем Николая V некоего Пьетро да Корвара из ордена францисканцев, что привело к расколу и потрясениям во всем христианском мире.

Жители Милана, уже давно страдавшие от отлучения, наложенного на них папой из ненависти к Висконти¹, могущественным и неизменным покровителям партии гибеллинов², сразу же поддержали антипапу, и, как только последний вновь освятил герцогство Миланское, его столицу, другие города и большие селения, они тотчас вновь открыли церкви, а немногие уцелевшие священники вновь приступили к отправлению цер-

---

¹ Висконти — знатный род, правивший в Милане. Основателем династии Висконти был Маттео, прозванный Великим (1250—1323), ставший властителем Милана в 1285 г. Он был главой партии гибеллинов, и в 1294 г. император назначил его своим наместником в Италии. После него в Милане правил его сын Галеаццо I.

² В описываемую эпоху (XII—XV вв.) Италия была раздроблена на множество мелких государств, и за власть над ней боролись папа римский и император. Сторонников императора называли гибеллинами, а сторонников папы — г в е л ь ф а м и.

ковных обрядов. Но в деревнях, особенно на берегах Комо, люди, менее ожесточившиеся в междоусобных распрях, остались верны истинному папе, отказались открыть церкви и считали раскольниками и вероотступниками тех священников, которых присылали к ним из столицы. Несомненно, в больших и малых городах были люди, думавшие так же, как и крестьяне, а в деревнях кое-кто разделял убеждения горожан. Можно себе представить поэтому, как «хорошо» и «весело» жилось в те трудные времена! Повсюду осквернялись святыни, вершились насилия и кровопролития. Архиепископ миланский, а также настоятель монастыря святого Амвросия, большинство аббатов крупнейших и богатейших монастырей, давно покинувшие насиженные места, и избраннейшая часть великого и вечного воинства божьего бродили, нищенствуя, по землям Италии и Франции, а палаты архиепископа, многие аббатства и церковные приходы были захвачены и насильно удерживались светскими сеньорами или духовными владыками — сторонниками антипапы и императора.

В те дни всеобщего хаоса Джованни Висконти, родственник князей Висконти, назначенный настоятелем монастыря святого Амвросия вместо законного настоятеля — аббата Астольфо да Лампуньяно, направил в Лимонту прокуратором монастыря некоего проходимца и негодяя, который был осужден в Милане за то, что делал фальшивые деньги; последний, желая отомстить бедным горцам за верность, которую они хранили своему законному господину, принялся чинить им всяческие притеснения, подвергать их всевозможным обидам и оскорблениям, обращаясь с ними так, словно они были его собственностью. Лимонтцы кинулись было к графу Ольдрадо, прося его заступиться за них перед аббатом, обратиться к князю, чтобы он заставил уважать их права, но просить графа было все равно что толочь воду в ступе: он так почитал всех и боялся, так не желал ни с кем ссориться, так опасался впасть в немилость у Висконти, что, жалея в душе этих несчастных, все же скорее дал бы им погибнуть, нежели хоть пальцем пошевелил бы, чтобы их защитить.

Пелагруа (так звали прокуратора монастыря) между тем все более наглел и дошел наконец в своей дерзости до того, что замыслил отважное мошенничество, которое разом позволило бы ему прибрать к рукам непокорных лимонтцев, перечивших ему на каждом шагу. Раздобыв где-то старинную грамоту, в которой говорилось, что эти земли будто бы были подарены им-

ператором Лотарем¹ монахам монастыря святого Амвросия, он хотел с ее помощью добиться, чтобы лимонтцы были объявлены уже не вассалами монастыря, а его крепостными. С этой целью он вызвал их на суд в Беллано.

В Беллано находилась тогда резиденция архиепископа — его дворец, церковь и курия (курией называлось место, где феодальный сеньор вершил правосудие), а решать дела подобного рода надлежало наместникам архиепископа. Но так как архиепископ бежал из епархии, а многие его владения на берегу Лекко и в Вальсассине, в том числе и резиденция в Беллано, были захвачены Крессоне Кривелло — сеньором могущественным и пользовавшимся милостью у Висконти, то дело лимонтцев попало не к людям архиепископа, а к слугам Кривелло. Этот же новый господин епархии настолько открыто благоволил к самозванному настоятелю монастыря святого Амвросия, настолько покровительствовал его грабегам, так как и сам безжалостно грабил своих новоявленных вассалов, что лимонтцам ничего хорошего ждать от него не приходилось. Самой собой разумеется, что они не смирились и снова пошли просить о помощи графа дель Бальцо, но все было напрасно. Хотя графа умоляли и его жена Эрмелинда, и его любимая дочь Биче, у него не хватило духу вступить за обиженных, а потому лимонтцы были вынуждены свыкнуться с мыслью, что их повлекут в это неправое и незаконное судилище, которое, увы, как они знали заранее, не сулило им справедливого решения.

День, когда было назначено разбирательство этого дела, уже клонился к вечеру, и сокольничий графа стоял на парапете замка, высматривая, не покажется ли на озере одна из лодок, которые должны были вернуться из Беллано. Наконец он увидел вдали бурый парус. Парус приближался, становился все больше; наконец лодка, которая его несла, причалила к берегу, и сокольничий бросился со всех ног сообщить об этом своему господину.

Он нашел графа в богато украшенном зале, где тот восседал на большом кресле с высокой, увенчанной острием спинкой. У его ног на низкой скамеечке сидел прелестный паж, живой и резвый, как бесенок. Обреченный в силу своих обязанностей на молчание и неподвижность, мальчик исподтишка забавлялся с огромной борзой, которая виляла хвостом, настораживала уши и время от времени по его знаку начинала скакать и прыгать.

---

¹ Лотарь II — император германский, царствовал с 1125 по 1137 г.

На вид графу дель Бальцо было лет около пятидесяти. Из-под его шапочки, отороченной черным бархатом, выбивались рыжие волосы, которые он с юных лет именовал белокурыми. Граф по-прежнему продолжал высокопарно называть себя белокурым, а поскольку с годами он поседел, то теперь и в самом деле именно белизна больше всего бросалась в глаза в его шевелюре. Худое веснушчатое лицо его заканчивалось острым подбородком, на котором, когда он говорил, тряслась короткая, жидкая бородка того же цвета, что и волосы. Серые глазки, глядевшие из-под мохнатых бровей, были не лишены огня, но на этом сухом лице в сочетании с неестественно тонкими в уголках и пухлыми посередине губами они лишь усиливали выражение блаженного самодовольства.

На руке графа сидел великолепный кречет, который, казалось, радовался его ласкам; он то нежно пригибался, издавая легкий клекот, то ерошил перья, то слегка поклевывал прикасавшуюся к нему руку. Когда сокольник вошел в зал, благородная птица сразу узнала приручившего ее наставника. Забив крыльями и заклекотав еще громче, она, казалось, просилась к нему на руку.

— Ну как, — спросил хозяин у сокольничего, — кто-нибудь вернулся из Беллано?

— Да, Микеле и его сын Арригоццо только что высадились на берег в Карнеччо.

Граф пересадил кречета на руку пажу, который тут же вышел, и вместе с сокольничим стал ждать гребцов; последние не замедлили появиться.

Отец выглядел почти стариком, сыну же, красивому молодому человеку, было лет двадцать семь — двадцать восемь.

— Какие новости ты привез? — спросил граф у старика.

— Какие бог послал.

— Ну, рассказывай о судебном разбирательстве.

— Дело было так. Приехали мы в Беллано. Как только зазвонил колокол, из дома архиепископа к нам вышел какой-то человек с лицом вероотступника, а с ним три или четыре книжника и фарисея, и с ходу начал бормотать что-то непонятное. Потом он вытащил какие-то древние пергаменты, только на то и годные, чтобы заворачивать в них соленую рыбу, и стал хлопать по ним рукой, будто они могли подтвердить его вымыслы. Наконец он завел другую песню и нагло заявил, что у него есть свидетели, которые говорят, будто мы, лимонцы, всегда были опороченными слугами монастыря.

— Наверное, оброчными?

— Ну да, обмороженными, и что поэтому нам всегда брили головы и только недавно позволили отпустить волосы. Ведь это такое оскорбление, что хуже, пожалуй, и не придумаешь!

— Но эти свидетели были там или нет? — спросил граф.

— Когда же их недоставало? Если бы нужно было снова распять господа нашего, так, вы думаете, не нашлось бы свидетелей? Были, конечно, свидетели, готовые за арбузную корку поклясться в чем угодно, — все эти проклятые гибеллины, продавшие душу дьяволу.

— И что было дальше?

— А дальше вот что. Как только кончила болтать эта хитрая лисица, заговорил наш адвокат Лоренцо Гарбаньяте. Он ясно сказал, что мы вовсе не вассалы и не обмороженные этого монастыря и что уже больше ста лет мы по закону ничего не платим, кроме подушной подати и общинных сборов, да еще десятину отработываем на сборе маслин и каштанов, ну, и поставляем лодки, а больше ничего. Потом он сказал в нашу защиту одно слово, очень какое-то чудное слово... Ты не помнишь, Арригоццо, какое это было слово?

— Он сказал что-то вроде, — ответил сын, — я помню, он сказал... что есть какое-то право... Ну, я не знаю, какое это право. Давнее, что ли...

— Он, наверное, сказал, что вы больше не крепостные по праву давности, — подсказал граф.

— Верно, вот как раз так! — в один голос воскликнули отец и сын.

— Еще бы! Я в таких делах разбираюсь.

— И чтоб доказать это мудреное право, — продолжал Микеле, — наш адвокат выставил своих достойных свидетелей, самых древних стариков из деревни и всей округи.

— Ну, и...

— Ну, и вроде бы все уже было кончено, верно? Раз уж с этим самым давним правом все оказалось ясно, так нет — этот злодей в судейской мантии выдумал новую штуку: «Обе стороны, говорит, привели свидетелей, готовых поклясться в своей правоте. Значит, по их показаниям истину установить невозможно. Передадим дело на суд божий!»

— На суд божий?

— Вот-вот. А все, кто собрался на площади, тут же стали хлопать в ладоши, будто и это взаправду была невесть какая мудрость. «Испытание каленым железом!» — крикнул кто-то.

«Нет, кипящей водой!» — закричал другой. «Лучше крестом!» — крикнул и я тоже и сказал моему Арригоццо, чтобы он постоял за Лимонту, а он сказал, что согласен.

— И они пошли на это?

— Нет. У них же мошенник на мошеннике сидит. Но я попросил, чтобы они это записали. Ведь я знаю, что при испытании крестом ничем не рискуешь. Я сам как-то в молодости отличился и выиграл спор за монастырь против жителей Белладжо...

— Ну, ты известный ловкач, — перебил его граф Ольдрадо. — Однако вернемся к делу. Чем же все это кончилось?

— Да ничем хорошим: адвокат настоятеля потребовал поединка, а судейский подпевала согласился. На том и порешили.

— Поединок *cum fistibus et scutis*? На палках и со щитами? — важно спросил граф. — Ведь людям незнатным запрещено пользоваться рыцарским оружием.

— Да, на палках и со щитами.

— А кто будет биться с вашей стороны?

— Кто будет биться? Легко сказать... Посмотрели бы вы, кто вызвался драться от монастыря. Это сущий черт с рыжей шерстью и вот такими плечищами.

— Так вы что, не согласились? О глупцы и трусы!

— По правде говоря, мой Арригоццо хотел было помериться с ним силами, да я ему не позволил и не позволю. И так нам бед хватает, чтобы рисковать тем немногим, что еще осталось, — своим единственным сыночком. Кто же нас с матерью утешит на старости лет? Оба мы теперь состарились, и, кроме него, у нас нет никого на свете. — Обернувшись к сыну, он взял его за руку и продолжал: — Береги себя, слышишь! Не встревай в это дело, сынок. Я этого не желаю, не желаю, и все. Ты ведь хочешь, чтоб нам жилось хорошо: и мне, и твоей бедной матери! Ты ведь знаешь...

— Вы же сами сказали: не надо и не надо. Что же мне было делать? — ответил Арригоццо. — Ну, правда, время еще есть: до поединка осталось четыре дня.

— И эти четыре дня ты проведешь дома под замком да под моим присмотром. Ишь расхрабрился!

— Как скажете! — сказал Арригоццо, поднимая плечи движением, в котором чувствовалась грубая, но искренняя любовь.

Тут в разговор вступил Амброджо (так звали сокольничего), который до этого все время молчал.

— А нельзя ли и нам, — сказал он, — подыскать какого-нибудь бойца за деньги? Мы бы ему хорошо заплатили, и пусть бы он сразился за честь деревни.

— Нет, — ответил граф, поглаживая бороду, — это невозможно: по закону только дворянам, духовным лицам и святым конгрегациям дозволено в суде божием выставлять бойцов со стороны.

— Ну, если так, — сказал сокольничий, — значит, или надо соглашаться, что все мы погибнем, или кто-то из лимонтцев должен драться с монастырским молодчиком.

— Именно так, и ничего другого сделать нельзя, — заключил граф.

— Эх, был бы дома мой Лупо! — воскликнул сокольничий. — Дома или поблизости, чтобы успеть его оповестить. Уж тогда-то эти господа не очень радовались бы.

— Слушай, — спросил его Микеле, — а верно, что твой Лупо поступил в услужение к Отторино Висконти?

— Да, сначала он нанялся к нему в слуги — пять лет назад, когда сбежал из дому, но теперь он стал его оруженосцем. И говорят, его господин очень им доволен и, куда бы ни поехал, всюду берет его с собой.

При этом известии лодочник, казалось, снова воспрянул духом. Потирая руки, он прошелся по залу и воскликнул:

— Тогда скорее в Комо, нельзя терять ни минуты!

— Постой! Откуда ты знаешь, что Лупо в Комо?

— Да ведь там Отторино Висконти, — ответил Микеле и, повернувшись к сыну, спросил: — Ты его тоже видел, когда мы были там в четверг?

— Это кого? Того молодого человека? Того рыцаря, который поздоровался с вами на набережной и потом долго разговаривал?

— Вот-вот.

— Еще бы не видеть! Он еще был другом сына хозяина, бедняжки Лионетто, царствие ему небесное, и, бывало, дневал и ночевал в замке, чтобы с ним не расставаться.

— Ну, вот что, — обрадованно заговорил опять старый лодочник, — пойдем скорее домой, перекусим и сразу в путь, пока озеро спокойно. Арригоццо, лодка у нас снаряжена?

— Да, парус, весла, запасной парус — все на месте, так что можно сразу и отправляться.

Отец схватил сына за руку, поклонился графу и повернулся к двери, говоря сокольничему:

— Так я попрошу его и от твоего имени, ладно?
— Скажи ему, что я тоже его прошу,—ответил сокольник.
— Ну, значит, завтра все его увидим,—сказал лодочник и исчез за дверью.

— Микеле! Микеле! — закричал ему вслед граф. — Помни, я тут ни при чем. Пусть все думают, что это ты все устроил. Навлечешь тут из-за вас беду на свою голову! Ты понял?

— Понял, понял.

ГЛАВА II

На другой день, в воскресенье, церковь святого Бернарда в Лимонте была открыта, и в ней служил присланный из Милана монах, — дело в том, что местный священник отказался отправлять службу, пока с герцогства не будет снято папское отлучение, и теперь скрывался, опасаясь Пелагра, который поклялся ему отомстить. В церкви, однако, не было никого, кроме самого прокуратора и его семьи. Жители же Лимонты, а также те, кто пришел из Чивенны и Белладжо, разбрелись по площади, собирались кучками на склоне холма или вокруг Источника Королевы, находившегося в двух шагах от деревни, и обсуждали важные новости предыдущего дня, прикидывая, ждет ли их из-за подлости и вероломства Пелагра неминуемое разорение, или все-таки еще можно найти какой-то выход.

Вначале по площади шныряли взад и вперед несколько вооруженных головорезов, пытавшихся посулами и угрозами заманить народ в церковь, но люди были слишком тверды в своей вере, слишком научены последними событиями и слишком многочисленны, чтобы поддаться уговорам или испугаться зверских физиономий четырех разбойников. Убедившись наконец, что у них ничего не выйдет, все четверо встали, словно часовые, у дверей церкви. Стоя там, они силой или уговорами старались принудить проходивших мимо снять шапку или откинуть капюшон, в зависимости от того, что те носили, однако все лимонтцы не только отказывались обнажать голову, но за неимением своих надевали чужие шапки, вызывая прохаживавшихся мимо, поглядывая в упор на стражников и посмеиваясь. Наконец их стали толкать, как бы нечаянно задевать локтями, стараясь свистками и криками вывести их из себя.

Пелагра, стоявший в церкви на коленях перед алтарем, услышал шум и оглянулся. Увидав толпу, необычно возбужденные лица и вызывающие жесты, он неожиданно ощутил

тоску по дому и почувствовал горячее желание оказаться с семьей в его надежных стенах, под хорошей охраной. Однако он и виду не подал, что встревожился, чтобы не лишать мужества своих людей.

Служивший перед алтарем священник также то и дело оглядывался через плечо, будто бы для того, чтобы высморкаться, прочистить горло или дать знак службе нести молитвенник или святые дары, и окидывал глазами это буйное сборище. И от того, что он видел, у него только сильнее посасывало под ложечкой. Евангельские тексты и сам обряд никогда не казались ему такими длинными, как сейчас. Он хотел бы поскорее добраться до слов: «Ступайте, богослужение окончено» — и торопился, насколько мог, к желанному концу, стараясь, однако, не выдавать своего беспокойства. А что было бы, если бы он и Пелаграу услышали речи, раздававшиеся снаружи, и поняли, чем пахнет дело и насколько разгорелись страсти?

— Творится оскорбительное беззаконие, а мы со всем этим миримся! — кричал какой-то парень из Лимонты, стоявший в окружении своих земляков.

— Что ж ты не едешь в Беллано вступить за честь деревни? — возразил седой старик, который слушал его, опершись на окованную железом палку и склонив голову на руки.

— Еще чего! Мне тут священник кое-что порассказал, — ответил парень. — Дратся с ним? Вишь чего захотел! Ведь он же колдун и зашил за пазуху травы, которые делают кожу тверже. . . тверже чертовой лысины.

— Стефаноло правду говорит, — поддержал его другой, — все знают, что он колдун и его нарочно пригласили, чтобы никто не мог одолеть его, а он с нас спустил бы шкуру. Знаем мы этих еретиков. Все они сговорились притеснять бедняков.

— Нам нужно хорошее правосудие, — вновь воскликнул первый парень, — да не где-нибудь, а здесь, у нас в деревне, пока они не погубят и наши тела, и наши души!

— Это верно — и тела и души, — согласился кто-то в толпе, теснившейся вокруг. — Сейчас этот сатана сам, видишь ли, лезет в божий храм, хотя под отлучением ходить в церковь — смертный грех, а раньше, когда это было первейшим долгом, он не очень-то себя утруждал. И все это — чтобы нас погубить.

— Теперь нужда заставила! Он ведь всегда был еретиком! — продолжал Стефаноло. — Мы-то раньше знали и видели, как его отлучал наш прежний архиепископ: он приговорил его всегда носить мантию с черными крестами.

— А прежде чем явиться к нам на нашу погибель, он был фальшивомонетчиком! — закричал кто-то из только что подошедших. — Я сам его видел, когда на пасху и рождество ездил в Милан отвозить монахам оброчную рыбу. Там на стене в Новом Бролетто была нарисована его рожа, а чуть пониже висела бумага, и на ней, говорят, можно было прочесть его имя, фамилию и все прочее. И после всего этого надо было послать его сюда, чтобы нас осчастливить?

— Теперь вот, если налетит буря во время жатвы, или если маслины побьют заморозки, или если в каштанах находишь одну шелуху, или если рыба не идет в сети, а лодка не может пристать к берегу, сразу же находят тысячу причин: то непогода, то влияние планет, то одно, то другое. А знаете, что я вам скажу? Все дело в еретиках, которые живут у нас в деревне. Диво ли, что дьявол является к нам, как к себе домой!

— Поджечь его дом, а самого негодяя — в петлю или в озеро! — закричали в толпе, теснившейся вокруг ораторов.

В это время богослужение кончилось, и Пелагруа в сопровождении телохранителей вышел из церкви и направился к своему дому в монастырском подворье, до которого было рукой подать. Толпа надвинулась на него, раздались крики:

— Бей еретика, бей нечестивца, в петлю его, на плаху!

Шум стоял невообразимый, но никто никого и пальцем не тронул. Едва прокуратор переступил порог дома, ворота хлопнулись перед носом у толпы — и будьте здоровы! Кто должен был войти, тот вошел, а кто не успел, тому и не надо! Крики в толпе еще больше усилились, но, так как до драки дело не дошло, надвигавшаяся гроза разрядилась бы легким дождиком, если бы не проклятое рвение наемников прокуратора, у которых руки зудели после того, как они постыдно оставили поле сражения какому-то скоту (так они презрительно именовали жителей Лимонты и их соседей). Поднявшись на башенку возле ворот, они принялись осыпать толпу насмешками и оскорблениями, грозя собравшимся скорой расправой за их дерзость. Стоявшие внизу озлобились и начали кидать камни, которые, однако, ни разу не попали в цель. Тогда стражники на башенке распалились еще больше. В конце концов пущенный кем-то камень задел одного из негодяев по плечу. Последний нагнулся, схватил угодивший в него булыжник, злобно метнул его вниз и, к несчастью, попал в мальчика лет девяти-десяти, который кричал вместе со всеми. Камень пробил мальчику голову, и он тут же скончался.

Кровь сыграла роль искры, попавшей в пороховницу. Толпа пришла в ярость, раздались проклятья и призывы к отмщению. Через мгновение ворота были выломаны, стражники смяты и затоптаны, и мощный людской поток заполнил весь двор. Монастырский дом был охвачен ужасом: повсюду, словно от налетевшего урагана, запирались ставни и двери, раздавались отчаянные крики, слышались испуганные возгласы. Растрепанные плачущие женщины бежали во внутренний дворик, спасаясь от вторгшейся лавины. Отовсюду доносились стоны и вопли, обрывки молитв и просьбы о пощаде.

Негодяи, засевшие на башне, не успели спастись. Разъяренная толпа ворвалась к ним, и ее суд был краток и справедлив: один за другим они полетели вниз, на камни, переломав при падении все кости. Пелагра, метавшийся по дому, точно безумный, был схвачен с пятью своими приспешниками и связан с ними одной веревкой. Одни говорили, что их надо послать вдогонку за первыми, другие — утопить в озере, третьи — «пустить на рассаду» (то есть закопать живыми в землю головой вниз), и так как последнее мнение стало как будто брать верх, кое-кто уже бросился за кирками и лопатами и начал подыскивать место для ям на площади перед церковью.

Несчастный прокуратор был бледнее смерти. Его седые волосы торчали как солома, широко раскрытые глаза смотрели на окружающих с ужасом и удивлением, побелевшие губы дрожали. Время от времени он, стуча зубами, повторял слабым, неуверенным голосом:

— Дайте мне исповедаться! Дайте мне исповедаться!

— Я тебя, нечестивую собаку, сейчас исповедую вот этим! — вскричал Стефано, который шумел и горячился больше всех, и, подступив к нему вплотную, занес дубинку, чтобы ударить его по голове.

Но оказавшийся рядом пастух схватил его за руку.

— Послушай, — сказал он, — а может, не надо? Неужто ты хуже турка? Хочет — пусть исповедуется.

— А кто же его может исповедать?

— Кто? Да кто угодно, а нет никого, так хотя бы тот монах, что приехал сюда служить обедню и все еще сидит в церкви — боится нос высунуть.

— Так ведь это же отлученный еретик, он не может исповедовать.

— Ну, кто-нибудь другой, например наш мессер (так в те времена называли приходских священников).

— Поди его отыщи: он прячется по милости этих же душегубов. И еще вот что: он не может исповедовать, ведь на нас наложено отлучение.

— Умиравших можно. Ведь кое-кого уже исповедовали. Вспомника-ка Тона из Казетты или Джорджо из Мулино.

— Да, но эти-то прохвосты — не умирающие.

— Конечно, умирающие, раз им приходит конец.

— Да нет же.

Тут каждый начал отстаивать свое мнение, и поднялся страшный шум.

— Можно! — кричали одни.

— Нельзя! — утверждали другие.

Наконец раздался чей-то голос, так повернувший этот вопрос, что все успокоились.

— Если мы прикончим их сразу же после исповеди, то можно считать, что они вроде бы как уже умирающие, верно?

— Верно, верно! Пойдем скорее искать священника.

— А где?

— Вчера он ночевал у лодочника.

— Тогда бежим к лодочнику. Микеле! Микеле!

Но Микеле весь день никто не видел.

— Я встретил Микеле вчера утром, — сказал кто-то из собравшихся, — но вечером он с сыном уехал в Комо.

— Да он, поди, уже вернулся: его лодка только что прошла за мысом Белладжо, — добавил кто-то еще.

— Тогда бежим к лодочнику! Скорее, скорее! Пошлите кого-нибудь к лодочнику! — закричало несколько голосов.

Домик лодочника стоял почти у самого берега озера, в устье маленькой речушки, под названием Ауччо, протекавшей в полумиле от Лимонты ближе к Белладжо. Пастух, отправившийся на поиски священника, встретил его по дороге в деревню в обществе лодочника, его сына и еще одного человека — Лупо, сына сокольничего. Все трое только что приплыли из Комо.

Добродушный священник, отличавшийся, несмотря на преклонный возраст, здоровьем и бодростью, поспешно поднимался по склону впереди остальных. На одном из поворотов тропинки он увидел, что навстречу спускается человек, посланный на его поиски, и остановился как вкопанный.

— Джанматтео, — крикнул он (так звали пастуха), — почему такой шум в Лимонте — кажется, того и гляди, земля провалится?

— Мессер! Мессер! — отвечал, запыхавшись, пастух. — Ско-

рее, скорее! Кроме вас, никто не сможет их спасти. Скорее! Монастырское подворье захвачено, и началось бог знает что. Прокуратора и его людей хотят прикончить. Бегите, умоляю вас.

Услыхав это, священник и в самом деле пустился бегом.

Не успел его коричневый капюшон показаться на площади, как все закричали:

— Священник пришел! Священник пришел!

Люди бросились к нему навстречу и стали просить, как о чем-то само собой разумеющемся, побыстрее исповедать Пелаграу и его подручных, дабы они могли убить их без промедления. Чтобы отговорить безумцев от столь жестокого намерения, священнику пришлось использовать весь авторитет своего сана, всю любовь односельчан, которую он снискал за свою долгую, посвященную им жизнь, всю славу, которую принесли ему недавние испытания и ореол перенесенных преследований.

Успокоению кипевших страстей в немалой степени способствовало и распространившееся в толпе известие о том, что прибыл Лупо и что он готов сразиться за свою деревню против монастырского наемника. Пока толпа теснилась вокруг сына сокольничего, который просил и уговаривал односельчан отказаться от кровопролития, успокоиться и положиться на него, священник вошел в дом прокуратора, утихомирил и выпроводил тех, кто еще буйствовал. Наведя порядок в главном дворе, он перешел во внутренний дворик и тут начал напряженно прислушиваться — ему показалось, что наверху кто-то плачет. Поднявшись по деревянной лестнице, он обнаружил запертую дверь, прислушался и, заглянув в замочную скважину, увидел в углу съежившуюся женщину с падающими на плечи растрепанными волосами. Она крепко прижимала к груди ребенка, пытаясь заглушить его плач. Священник сразу же узнал жену Пелаграу и осторожно постучался, говоря:

— Это я, священник, отворите! Все уладилось!

Бедная мать вздрогнула от неожиданности, испугавшись стука и раздавшегося рядом голоса. На мгновение она отняла ладонь от губ ребенка, и тот залился долгим истошным плачем. Но священник продолжал повторять: «Не бойтесь, это я, все хорошо», и женщина, отодвинув огромный засов, открыла дверь и предстала с малюткой на руках перед своим освободителем.

— О, сам господь вас послал! — проговорила бедняжка, дрожа и запинаясь. — Да вознаградит вас за меня бог, то есть не за меня, а за этого ангелочка, которого я держу на руках.

Произнеся эти слова, она схватила священника за полу его одеяния, целуя и орошая ее слезами радости и благодарности.

— А что мой муж? — спросила она затем тревожно и испуганно.

— Он в безопасности, — отвечал священник. — Но вам не стоит пока показываться людям. Вы пройдете вот здесь. — С этими словами он указал ей на потайную дверь в стене слева, которая выходила в сторону гор. — Идите по тропинке к замку и от моего имени попросите графа приютить вас хотя бы на одну ночь.

— Но разве он захочет, чтобы...

— Тогда обратитесь к Эрмелинде и скажите ей... Впрочем, не нужно ничего говорить: и так видно, что вы нуждаетесь в помощи, и графиня не откажет вам в приюте. Я в этом уверен. Идите же, и да поможет вам бог.

Женщина скрылась за потайной дверью, а священник, вернувшись на площадь, где люди по-прежнему толпились вокруг сына сокольничего, воскликнул громким голосом:

— Слушайте! Если вы хотите, чтобы все было правильно и законно, чтобы потом ни наместник, ни адвокаты, которым известно уловок больше, чем у вас волос на голове, не могли ни к чему придаться, то теперь следует ударить в малиолу и созвать сходку, чтобы назначить вашим защитником этого славного юношу, которого послал вам бог.

И через минуту на галерее над папертью появился деревенский пономарь и принялся бить молоточком по бронзовой пластине, вставленной в квадратную раму, то выбивая мелодию, то останавливаясь. Таким способом созывалось аренго, или народное собрание, а инструмент, по которому бил пономарь, назывался малиолой или маллиолой: от слова «маллеус» — ударный молоточек или, что более вероятно, от слова «маллум», означавшего сход, вече, собрание, созываемое этим своеобразным набатом.

Вскоре собрался народ, обсудили кандидатуру Лупо, и, как легко догадаться, он был единогласно провозглашен защитником жителей Лимонты.

Но между тем прошло уже порядочно времени, лимонтцев отвлекли новые заботы, прежняя ярость и жажда мщения угасли, и воспоминание о пролитой крови вызывало страх и смущение. Каждому хотелось поскорее уйти из этого ужасного места, от ненужных свидетелей и, скрывшись в тишине и уюте своего дома, постараться забыть о своем участии в преступле-

нии, за которое, как всем теперь стало ясно, им придется расплачиваться. Понурые, словно псы с поджатыми хвостами, лимонтцы мрачно разошлись в разные стороны: кто пошел вверх на гору, кто вниз к ее подножию, толпа поредела, и вскоре повсюду воцарились тишина и спокойствие.

Пелаграу все же побоялся остаться в деревне, чувствуя, что здесь земля горит у него под ногами. Спустившись на берег и отыскав какую-то лодчонку, он сел в нее вместе с немногими стражниками и теми своими домочадцами, которые избежали гибели во время бунта. Жену он ждать не стал, так как знал, что она с ребенком нашла убежище в замке графа. Отчалив от берега, он оглянулся в сторону Лимонты и принялся осыпать ее проклятиями, обещая вскоре вернуться с подкреплением от аббата и жестоко ей отомстить.

Но когда аббат узнал о случившемся, он обрушил свой гнев на самого прокуратора и, послав ему в Варенну, где тот скрывался, гневное письмо, не только не захотел вернуть его на прежнее место, но и пообещал наказать за трусливое бегство от кучки мужиков.

Что же касается несчастных лимонтцев, то нельзя сказать, чтобы аббат не жаждал с ними расправиться, но и великим мира сего не всегда удается сделать то, что им хочется. В те бурные времена у аббата было слишком много других хлопот, и он не смог сразу собрать необходимые силы. А потому, сделав вид, будто ничего не случилось, и предоставив делу идти своим чередом, он стал ожидать приговора, который должен был быть вынесен в Беллано. Он не сомневался, что суд выдаст ему горцев связанными по рукам и ногам, а потому откладывал кару до более удобного случая.

Лупо тут же поспешил в замок графа Ольдрадо, где он родился и где его с нетерпением ждали не только родные, но и все остальные его обитатели. Еще раньше, чем он сам добрался до замка, туда дошли вести о его появлении в Лимонте и о его стараниях утишить страсти, охватившие деревню. Никто, однако, не вышел ему навстречу, хотя многим очень хотелось это сделать. Дело в том, что граф, едва заслышав доносившийся из Лимонты гул, приказал немедленно запереть ворота и опустить решетки, словно замку грозила осада. Даже когда все уже было кончено, он никому не разрешал выходить из замка, и никакими силами его нельзя было переубедить. Но страх его был напрасен: хотя он уже больше не пользовался в округе таким почтением, как его предки, все же уважение к его имени

было настолько велико, что никто никогда не посмел бы сказать ему ни одного дерзкого слова.

Едва сына сокольничего впустили в ворота, обитатели замка встретили его с ликованием, которое невозможно описать.

Вот уже пять лет он не навещался в эти места, и теперь отец с матерью не могли на него наглядеться, а все вокруг спрашивали, как он живет, и осыпали его благословениями.

В глубине души граф Ольдрадо был рад, что бедным поселянам удалось найти человека, готового выступить на их защиту и способного доказать их правоту, сразившись с монастырским наемником. В любое другое время он не стал бы выказывать особой радости, чтобы кто-нибудь не подумал, что он хочет поссориться с таким могущественным сеньором, каким был тогда аббат; но сейчас эти горды, только что свершившие свое правосудие, тоже оказались могущественной силой, еще более явной и действенной, а главное — более близкой, чем аббат, и граф из прирожденной трусости решил выказать им дружбу, тем более что, приютив по настоянию жены и дочери жену прокуратора и ее ребенка, он очень опасался, как бы бунтовщики не расправились с ним самим. А потому нашему Лупо был оказан такой горячий прием, он был настолько обласкан своим прежним господином, что даже растерялся. Однако вы можете не сомневаться, что приветливость эта была искренней и чистосердечной, ибо недавние страхи привели лишь к тому, что растопили лед, сковывавший естественное сердечное благоволение графа к этому любезному ему, а теперь еще и очень нужному человеку.

Жена графа Эрмелинда находилась в это время в нижнем покое, где читала очередной текст из евангелия своей дочери Биче и дочери сокольничего Лауретте, которая прислуживала им обеим. Графиня сделала своим обычаем читать писание по воскресным дням с тех пор, как из-за папского отлучения священник перестал проповедовать в церкви. Она читала по-латыни, которую в те времена по всей Италии понимали примерно так же, как в наши дни понимают тосканское наречие, — то есть в зависимости от образованности и начитанности каждого.

Все трое сидели за маленьким столиком. Эрмелинде еще не исполнилось сорока лет. Это была высокая величественная женщина. Весь ее облик дышал приветливым достоинством, но лицо казалось бледным и измученным. Глаза Эрмелинды выражали усталость, словно ее мучило какое-то давнее горе, ни на мгновение ее не оставлявшее.

Биче была очень похожа на мать: тот же прелестный овал лица, такой же изящный профиль, то же выражение, тот же взгляд; но все ее черты были облагорожены цветением и радостью юных лет и осенены ореолом тихой безмятежности, тем мягким и таинственным ореолом, который исходит от души, не знающей еще жизненных тревог и далеко не уверенной в себе.

Окончив чтение, мать закрыла евангелие и сказала служанке:

— Пойди посмотри, не нуждается ли в чем-нибудь эта бедная женщина.

Лауретта вышла и, тут же вернувшись, сообщила, что у бедняжки есть все необходимое и она просила поблагодарить и благословить графиню, что она уже пришла в себя после всех этих ужасов и просит только об одной милости — чтобы ей с ребенком помогли добраться туда, где нашел спасение ее муж.

— Но ты ей объяснила, что ей лучше остаться здесь хотя бы до вечера, а тогда я найду кого-нибудь, кто проводит ее до Варенны?

— Да, я ей это сказала, и она охотно согласилась и все время повторяет, что она готова вам повиноваться и вечно будет молить господа за вас и вашу семью.

— Да сжалится над ней господь, — сказала Эрмелинда, — она всегда была доброй и достойной женщиной и вовсе не заслужила того, чтобы быть женой такого человека. Но что делать! — Графиня вздохнула и повторила дрогнувшим голосом: — Да сжалится над ней господь!

Тут в дверь негромко постучали, и в покой вошел граф, ведя за руку сына сокольничего, которого он тут же представил жене и дочери, говоря:

— Вот ваш Лупо, он приехал защищать законные права своих несчастных односельчан.

Эрмелинда и Биче приняли его со снисходительной любезностью, Лауретта же, увидев обожаемого брата, который всегда был ее любимцем и с которым она так давно рассталась, не смогла сдержать нахлынувшего на нее восторга: бросившись ему навстречу, она обняла его и, не в силах вымолвить ни слова, долго не отпускала. Когда наконец она оторвалась от него, все увидели, что она порозовела, утратив свою обычную бледность. Засмеявшись и словно досадуя на себя, она сказала изменившимся голосом:

— Ну что я за дурочка — так рада тебя видеть, а сама плачу!

И вот настал день, назначенный для божьего суда. Шеренга солдат Кривелло на площади святого Георгия в Беллано с трудом сдерживала толпу, стараясь отеснить ее от того места, где раздавался визг пил, стук молотков и голоса рабочих, спешивших возвести ограждение.

На левой стороне площади, если повернуться лицом к озеру, стоял дом архиепископа — длинное здание из грубо отесанного камня со стрельчатыми окнами, разделенными пополам тонкими колонками из черного вареннского мрамора. Справа от площади тянулись маленькие домишки, за которыми высился собор, посвященный в те времена святому Георгию. Фасад собора был увенчан острым фронтоном, посреди которого красовалась круглая цветная розетка, а чуть пониже стояла конная каменная статуя, изображавшая святого покровителя собора в тот момент, когда он заносит копье, чтобы поразить неизменного дракона. По обе стороны от него, в двух нишах, располагались статуи святого Христофора с младенцем Христом на плечах и святого Антония с колокольчиком на ручке посоха — произведения греческих мастеров, которыми в то время еще изобиловала Италия. Тяжелые, огромные фигуры святых занимали почти половину фасада, но именно так было принято тогда изображать бога и святых, ибо мастера того времени старались передать их сверхъестественную силу массивностью форм.

Двери собора были распахнуты, и внутри виднелась толпа вооруженных людей в самой разнообразной одежде. Это был народ, собравшийся сюда по приказу Крессоне Кривелло, который отправил глашатаев во все свои владения, во все свои замки, чтобы оттуда прислали к нему воинов, обязанных являться к сеньору согласно феодальной присяге. Такой необычный сбор ополчения был проведен, потому что распространившийся слух о бунте в Лимонте вызвал опасения, как бы смуты, съехавшиеся на состязание, не вызвали волнения среди жителей Беллано, которые и так уже не очень-то охотно сносили иго своей зависимости.

В самом большом зале архиепископских палат собирались тем временем знатные сеньоры и рыцари, дамы и благородные девицы, съехавшиеся из селений и замков по всему побережью озера и соперничавшие друг с другом новизной и великолепием нарядов, роскошью украшений и многочисленностью свиты.

Длинный коридор, ведущий в этот зал, был забит пажами, служанками и оруженосцами; огромный двор оглашался конским топотом, лаем собак и криками челяди.

Легко представить, как трудно было сеньорам тащить за собой всю эту совершенно бесполезную свиту. Особенно плохо приходилось лошадям: городок был зажат между озером и крутыми, недоступными для всадника холмами, добраться до него можно было либо на лодке, либо спустившись с гор по тропинкам. Но так уж было заведено: свиту брали для того, чтобы все ее видели и оценили богатство, щедрость и знатность ее господина.

Другие комнаты обширного строения, расположенные вдоль фасада, выходившего на площадь, были набиты народом попроще, который проник сюда либо по милости какого-нибудь сеньора, либо по протекции оруженосца, а то и просто с помощью монетки, вовремя сунутой в занесенную длань стражника.

Вместе с рыцарями и благородными дамами в противоположных концах зала для почетных гостей прогуливались адвокат монастыря святого Амвросия и адвокат жителей Лимонты. Оба были в длинных мантиях из лилового шелка, с откинутыми красивыми, отороченными горностаем капюшонами, висевшими сзади почти до земли. Но в отличие от своего противника адвокат лимонтцев не держал в руках серебряного жезла, ибо этого почетного знака удостаивались лишь те, кто защищал дела епископов, монастырей, приютов и монашеских орденов.

Вместе с защитником лимонтцев прогуливался Отторино Висконти, у которого служил Лупо. Он обещал своему оруженосцу приехать в Беллано в день состязания. Это был стройный рыцарь лет двадцати шести, о котором — да не посетует на нас читатель! — мы хотим сказать несколько слов, ибо он будет играть большую роль в нашем дальнейшем повествовании.

Отторино Висконти, сын Уберто, одного из братьев Маттео Великого, приходился двоюродным братом Галеаццо Первому, умершему за год до описываемых событий, а следовательно, и остальным трем сыновьям Маттео — Марко, Лукино и Джованни.

Едва лишь благородный юноша достиг возраста, когда смог носить доспехи, он поступил под начало к своему двоюродному брату Марко, человеку уже зрелого возраста, слывшему одним из самых смелых кондотьеров Италии. Научившись владеть оружием у этого великого воина, полюбившего его как сына,

Отторино получил под его руководством боевое крещение и навсегда встал под его знамена.

Таков был наш юный герой, изысканно одетый в алый бархатный кафтан и короткий голубой плащ, богато расшитый серебром и подбитый собольим мехом. Массивная золотая цепь дважды обвивала его шею и падала на грудь. Из-под дорогой шапочки того же цвета, что и плащ, выбивались черные кудри, мягкими волнами ниспадавшие на плечи, а белое перо, осенявшее слева его лоб, красиво оттеняло цвет его волос. Глаза его пылали сдержанной отвагой, лицо слегка загорело на полях сражений. Он был высок ростом, но строен и ловок. Его осанка, жесты и движения были полны гордости и смелой решимости.

Лоренцо Гарбаньяте, адвокат лимонтцев, рассказывал ему о драматических событиях в Лимонте и о той благородной роли, которую сыграл в них Лупо, его оруженосец, и юноша почувствовал, как сердце забилося у него в груди.

Переведя разговор на графа Ольдрадо и его семью, Отторино спросил адвоката о Биче, с которой он познакомился в замке ее отца, когда она была еще девочкой. Адвокат ответил, что за эти годы она стала настоящей красавицей.

— Так, значит, правда, что она очень похожа на свою мать? — спросил юноша.

— Вылитая мать, они похожи как две капли воды, — ответил Гарбаньяте. — Да мы сегодня увидим ее здесь: я слышал, что отец привезет ее с собой посмотреть на поединок.

— А когда он начнется?

— Через шесть часов после восхода солнца, если не случится ничего непредвиденного, а я этого очень опасаясь.

— Но что может случиться? Разве не все в порядке?

— Все в порядке, но дело очень осложняется отлучением. Наместник Кривелло велел взять под стражу местного священника, потому что тот не хочет благословить оружие. Священник же говорит, что скорей примет мученическую смерть, чем согласится нарушить отлучение. Наместник продолжает настаивать, и дело грозит затянуться.

— А нельзя ли послать за другим священником?

— А вы думаете, кто-нибудь согласится взять на себя такой грех? Здесь недавно был священник из Лимонты: он приезжал вместе с Лупо, но, услышав, о чем идет речь, тут же нырнул в толпу, и только его и видели.

— Что это там за шум? — спросил рыцарь, внезапно оста-

навливаясь и глядя на толпу, которая окружила человека, только что появившегося в зале.

— Наверное, какой-нибудь шут, — ответил Гарбаньяте, и он не ошибся.

В самом деле, посреди зала стоял причудливо одетый человек: два ряда серебряных колокольчиков украшали его куртку, штаны и плащ, на голове торчало что-то вроде колпака, с которого также свисало множество бубенчиков. Он взял висевшую у него на груди лютню, тронул струны и принялся выделять такие штуки, что можно было живот надорвать от смеха.

— Это Тремакольдо! Тремакольдо! — слышалось со всех сторон.

Тремакольдо был знаменитым жонглером с довольно дурной славой; он появлялся на всех ярмарках, при всех дворах, на всех турнирах и состязаниях — повсюду, где собирались люди; он знал тысячи шуточек, тысячи затей, умел выкинуть неожиданное забавное коленце, был изобретателен на насмешки, рассказывал интереснейшие истории, пел сирвенты¹ и баллады знаменитейших трубадуров и менестрелей², да и сам был менестрелем не из последних.

— Тремакольдо, Тремакольдо! — раздавались голоса со всех сторон. — Спой нам «Жалобу узницы»! Нет, «Ласточку — касатку». Или нет, другую. Спой нам песню, которую ты сочинил, когда бродил с ворами!

— Ну, так все же какую? — спросил менестрель.

— Последнюю.

— Нет, нет, другую.

— Значит, «Ласточку»?

— Да, «Ласточку».

Тремакольдо сыграл на лютне трогательное вступление и начал так:

Чуть погасит звезды зорька,
Ты окно мое находишь
И словами песни горькой
Разговор со мной заводишь.
В чем тоски твоей разгадка,
Легкокрылая касатка?
Может быть, твоя кручина
Вызвана утратой друга? ..

---

¹ Сирвенты — в средневековой поэзии язвительные песни, в которых высмеивались враги певца.

² Трубадуры и менестрели — средневековые поэты и бродячие певцы.

Но тут люди, толпившиеся вокруг него, вдруг расступились и, позабыв о певце, обратили взоры на новое зрелище, представшее их глазам. В зал под руку с отцом входила Биче, дочь графа дель Бальцо. Пока Отторино заключал в объятия своего прежнего хлебосольного хозяина и вежливо раскланивался с его дочерью, Тремакольдо, рассерженный прибытием новых гостей, отвлекших его слушателей, направился к ним; горя желанием отпустить по их адресу несколько шуточек и отомстить за унижение, которому он подвергся, как ему казалось, из-за них. Надо иметь в виду, что в те времена, когда знать держалась столь высокомерно и была столь щепетильна и нетерпима в вопросах чести, одним лишь жонглерам, шутам и менестрелям дозволялось говорить все, что угодно. Им прощались самые колкие и обидные словечки, которые непременно привели бы к кровавому поединку, если бы их произнес рыцарь.

Итак, Тремакольдо выступил вперед, собираясь исполнить свое намерение, но когда он увидел прекрасную Биче, гнев его внезапно остыл, и, обращая насмешку в похвалу, хотя и язвительную для слушателей, он сказал:

— Понятно, что сова умолкает при виде солнца, но чтобы гусаки и гусыни переставали щипать траву и устремлялись ему навстречу, — такого я в жизни еще не видывал.

И все от души рассмеялись этой грубой шутке.

В свои шестнадцать лет девушка была подобна свежей и благоуханной розе, расцветшей ранним росистым утром. Длинная голубая юбка с серебряной сеткой, спускающейся от талии до колен, повторяла цвет ее глаз, но голубизне материи было, конечно, далеко до эфирной глубины, до нежного и томного блеска очей Биче. Пышная копна блестящих светлых кудрей, поддерживаемых одним лишь венцом из серебряных и таких же небесно-голубых, как юбка, цветов, словно волна золотых нитей, ниспадала ей на плечи.

К природной кротости и простодушию, которыми дышало лицо девушки, примешивались легкая тень упрямства и едва заметный оттенок гордого и все же милого высокомерия, и это придавало ее прекрасным чертам особое изящество и прелесть.

Сопровождаемая отцом и Отторино, красавица прошла на середину зала. Ее встретил сдержанный ропот восхищения. Она видела, что все взоры обращены на нее, слышала гул, вызванный ее появлением, отчасти услышала, отчасти угадала, о чем говорили в толпе, и, робко опустив глаза, вся зарделась. Но

что было потом, когда жонглер, встав перед ней на одно колено, снял колпак и громким голосом провозгласил ее «королевой красоты и любви», — я не в силах описать. Ошеломленная, растерянная, охваченная жгучим стыдом и по-настоящему оскорбленная, она прижалась к отцу и стала шепотом умолять его увести ее, заставить замолчать, прогнать прочь этого человека, однако граф дель Бальцо, пришедший в восторг от успеха дочери, не только не прислушался к ее просьбам, но усадил ее в центре зала, сел справа от нее и знаком пригласил Отторино занять место с другой стороны. Учтиво ответив на приветствия, с которыми обращались к нему собравшиеся рыцари, он снисходительно заговорил с менестрелем, извинился за то, что своим приходом прервал его песню, и попросил его продолжать.

— Я спою что-нибудь другое, — сказал Тремакольдо и, прижав ладонь ко лбу, два-три раза медленно прошелся по середине зала.

Слушатели тем временем снова сомкнулись вокруг него. Наконец Тремакольдо поднял голову и запел хвалебную песню в честь Биче. Сравнив ее с лилией долин, с иерихонской розой, с ливанским кедром, поставив ее выше всех прекраснейших султанш, украшавших собою египетские и турецкие гаремы, вознеся ее над всеми знатнейшими дамами и принцессами, воспетыми в канцонах провансальских трубадуров, он сравнил ее

с мадонной Лаурой, которой в то время стихи Петрарки¹ дали бессмертную славу, не померкнувшую и ныне, пять веков спустя, и пожелал красавице с озера Комо быть воспетой певцом авиньонской красавицы, который, хотя ему и было еще только двадцать пять лет, уже слыл первым поэтом Италии. Обратившись наконец к юному рыцарю, сидевшему рядом с девушкой, он восславил его род, его добродетели и его храбрость и в заключение объявил, что они подходят друг к другу, «как драгоценный камень и золотое кольцо».

Много раз восторженные слушатели прерывали певца и начинали аплодировать, хотя и знали, что рукоплескания мешают и досаждают певцу; когда же песня была окончена и ничто уже не препятствовало выражению восторга, потолок, казалось, чуть не рухнул не только в зале, но и в соседней комнате, у двери которой столпились пажи и оруженосцы, чтобы послушать менестреля.

Отторино встал и, сняв с шеи золотую цепь, с рыцарской любезностью вручил ее певцу. Жонглер поблагодарил за подарок, намотал цепь на колпак, подпрыгнул и снова взялся за лютню.

---

¹ Петрарка Франческо (1304—1374) — великий итальянский поэт. Он посвящал свои стихи красавице Лауре де Сад, которая жила в городе Авиньоне.

Но тут граф Ольдрадо, увидав на другом конце зала адвоката Гарбаньяте, сказал дочери: «Я скоро вернусь» — и поспешил к адвокату, чтобы узнать у него, когда начнется поединок. Девушка, чувствуя себя еще более одинокой, оттого что на нее было направлено столько чужих глаз, стыдясь и робея, поднялась со своего сиденья и подошла к окну, где, как ей казалось, можно было отдохнуть и немного прийти в себя; и ее очень ободрило, что тут, среди стольких незнакомцев, рядом вскоре оказался Отторино. Присутствие друга ее отца, товарища ее покойного брата, человека, с которым она сама когда-то очень дружила, было ей очень приятно. Да и толпа, так пугавшая девушку, теперь снова собралась вокруг Тремакольдо, который завел новую песню, и Биче почувствовала, что мало-помалу румянец смущения сходит с ее лица и замешательство, от которого она вся трепетала, исчезает. Но по мере того как проходило мучительное смущение, ее все больше охватывало другое, менее заметное, но все же неотступное чувство неуверенности, какой-то неясный страх, оттого что она впервые осталась одна с мужчиной, который не был ее отцом. Поэтому время от времени она оборачивалась и, видя, что граф прохаживается по залу с Гарбаньяте, делала ему знаки, чтобы он вернулся к ней, однако граф, поглощенный беседой, был занят законами, папами и церковным правом. Он жестами давал ей понять, что скоро вернется, но все не возвращался.

Отторино же обращался к девушке с той же почтительной и сдержанной простотой, как и во времена их дружбы в Лимонте, когда она была еще девочкой. Он вспоминал о забавах, шалостях и развлечениях, о мелких ссорах и смешных огорчениях тех дней, которые вызывают у нас грустную улыбку, потому что они уже больше не вернутся. Постепенно присутствие юноши стало действовать на нее успокаивающе, прежний страх стал исчезать, уступая место странной и чуть грустной нежности. Она стала реже оглядываться назад, чтобы посмотреть, не идет ли отец, а если и оглядывалась, то не с такой тревогой, растерянностью и смятением, как раньше.

Что же касается юноши, то присутствие Биче наполняло его тайной и блаженной гордостью. Все восхищались этой девушкой, самые блестящие рыцари сочли бы честью, если бы она сказала им хоть одно слово, бросила на них хоть один взгляд, а он был единственным, кого она удостоила разговором, кому по-дружески поверяла свои мысли.

Вот так эта первая встреча после долгой разлуки, эта под-

держка, которую Биче обрела в Отторино, это внимание де-вушки, льстившее самолюбию юноши, привели к тому, что вне-запно в обоих проснулась память о той почти родственной — назовем ее так — привязанности, которую они давно питали друг к другу, и в сердцах их пробудились ростки иного чувст-ва, в которое так легко перерастает простое расположение.

Но тут прозвучал рожок, оповещавший, что начинается бо-жий суд. Шут оборвал свою песню, и все бросились на балко-ны, чтобы занять удобное место. Граф дель Бальцо подошел к дочери, и она тоже вышла из зала в сопровождении отца и От-торино.

ГЛАВА IV

В конце архиепископского дома, обращенного в сторону гор, у подножия которых лежит городок, находилась галерея, на-зывавшаяся немецким словом «лобия»; с нее зачитывались по-становления и приговоры. Взгляды зрителей, сгрудившихся у окон, забравшихся на крыши или толпившихся на площади, устремились на галерею, на которой вскоре появились три че-ловека.

— Кто это? — спросила Биче у отца.

— Тот, что сел посредине, — отвечал граф, — это судья, а рядом с ним стоят адвокаты. Тот, что справа, с серебряным жезлом в руке, — монастырский адвокат, а другого ты знаешь: это Гарбаньяте.

Снова прозвучал рожок, и все смолкли. Тогда монастыр-ский адвокат, повернувшись к судье, сказал так громко, что его услышали на дальнем конце площади:

— Подтвердите, что вы уполномочены его преосвященством, высокочтимым монсеньером Крессоне Кривелло решить спор между монастырем святого Амвросия и жителями Лимонты.

На что судья торжественно ответил:

— Подтверждаю.

Тогда адвокат продолжал:

— В вашем присутствии я заявляю, что жители Лимонты являются кабальными слугами монастыря святого Амвросия.

Гарбаньяте ответил:

— А я утверждаю, что права истца недействительны из-за давности.

Тут заговорил судья:

— Обе стороны представили свидетелей, готовых присяг-

нуть в верности своих слов. Не желая быть косвенно виновными в клятвопреступлении и основываясь на полномочиях королевского и архиепископского наместника, мы постановили решить дело божьим судом, устроив для этого поединок на палках со щитами.

Обернувшись затем к адвокату истца, он спросил:

— Подтверждаете ли вы, что просили Раменго из Казале выступить в защиту монастыря?

— Подтверждаю, — отвечал тот.

— А вы, — обратился судья к Гарбаньяте, — подтверждаете ли, что от жителей Лимонты выставляется Лупо, житель этой деревни?

— Подтверждаю, — отвечал адвокат.

— Прекрасно, а теперь будь внимательна, — сказал дочери граф Ольдрадо.

Оба адвоката взяли в руки по большой узловатой дубине и, подойдя к креслу судьи, обменялись ими в знак согласия на поединок. После этого на галерее появились оба бойца, встреченные рукоплесканиями и приветственными криками. Прodelав множество формальностей, которые было бы слишком долго описывать, оба они по очереди поклялись, что во время испытания не будут применять «никакого зелья, заклинания или колдовства, но будут уповать лишь на помощь бога, девы Марии и доблестного воина святого Георгия». После этого оба удалились с галереи, чтобы спуститься на место боя.

Пока они шли вниз по внутренней лестнице, на площади возникли шум и волнение: те, кто стоял позади и хотел пробраться вперед, напирала на тех, кто занимал лучшие места и не хотел подвинуться.

Оба бойца разошлись в разные концы огороженной площадки и встали друг против друга. На каждом были узкие кожаные штаны, плотно обтягивавшие ноги, и красные башмаки. Все остальное тело оставалось обнаженным. В левой руке каждый держал прямоугольный, слегка вогнутый деревянный щит, обтянутый кожей, в правой — узловатую дубовую палку.

На вид Раменго из Казале можно было дать лет тридцать пять. Это был невысокий, коренастый мужчина с бычьей шеей, короткими руками и жесткими рыжими волосами.

Лупо, сложенный гораздо пропорциональнее, был на голову выше, красивее и легче своего противника, но в нем не чувствовалось той силы, которой дышали мощная фигура и геркусовские формы его соперника.

Толпа вновь притихла, стоявшие по краям площади взобрлись на стулья, скамейки и столы, которые запасливо принесли с собой. Все балконы и крыши домов вокруг были заполнены народом. Все глаза устремились на соперников, все сердца забились сильнее; и по лицам было видно, что большинство присутствующих желает успеха Лупо, так как он сражался за правое дело, а кроме того, сразу же понравился зрителям благодаря своей стройной фигуре и красивому, вдохновенному лицу.

Молодой защитник Лимонты, который стоял спиной к собору, посмотрел на дворец архиепископа и, увидев графа, Отторино и Биче, быстро им поклонился, а затем опустил глаза, обернулся к отцу и как бы сказал ему взглядом: «Не бойтесь ничего, положитесь на меня!»

Раздался последний сигнал рожка, и оба бойца, прикрывая голову щитом и ловко вертя дубинками, медленно и осторожно двинулись навстречу друг другу.

Дойдя до середины поля, где он был в пределах досягаемости противника, Раменго широко расставил крепкие ноги, выдвинул правую вперед, перенес всю тяжесть тела на левую и в таком положении стал ждать нападения врага.

Лупо начал прощупывать противника ложными выпадами, но тот был опытным бойцом и хотел выждать, чтобы пыл его молодого и горячего противника угас, а потому вертелся на месте, словно циркуль, причем левая его нога служила осью, а правая двигалась по окружности. И, поворачиваясь, этот умелый воин отбивал щитом и дубинкой все удары с такой легкостью и изяществом, с такой ловкостью и спокойствием, словно это ему ничего не стоило. Но когда, замахнувшись на него, Лупо внезапно открыл свой бок, он воспользовался этим и нанес бы юноше сокрушительный удар, если бы тот вовремя не отскочил, словно кошка, назад. Дубинка оцарапала ему кожу и пронеслась мимо с таким свистом, что бедный Амброджо схватился за сердце и побледнел как смерть.

Толпа, поддерживавшая лимонтца, увидела в этом дурное предзнаменование, и ее охватила тревога. Однако юношу этот опасный выпад только разозлил, и, сгорая от стыда за допущенную оплошность, он с такой яростью обрушился на противника, что Раменго был вынужден податься назад и уже не мог больше придерживаться прежней осмотрительной и расчетливой тактики: слишком уж быстро сыпался на него град ударов, за которыми не то что рука — глаз не успевал, слишком могучим и неудержимым был порыв, с каким юноша наседа на не-

го то справа, то слева. Однако бывалый монастырский боец продолжал внимательно защищаться и, воспользовавшись опрометчивостью противника, нанес новый удар в самую середину щита, который тут же треснул пополам. Почувствовав боль в руке, Лупо взглянул на нее и увидел, что щит его сломан и одним концом упирается в плечо; тогда он разжал кулак, высвободил руку, отбросил прочь ненужное больше орудие защиты, быстро схватил дубинку обеими руками и, размахнувшись изо всей силы, обрушил ее прямо на голову Раменго. Тот хотел было прикрыться щитом, но удар тяжелой, разящей дубины был так сокрушителен, что щит ударил Раменго по голове и оглушил его. У Раменго зашумело в ушах, помутилось в глазах, он пошатнулся раз, другой и наконец грохнулся на землю, растянувшись, словно мертвый, во всю длину. Но при падении он, то ли пытаясь прикрыть лицо, то ли случайно, поднял левую руку и повалился на нее так, что голова его оказалась не на земле, а на щите.

Пока длился этот поединок, отец Лупо глазами, руками, всем телом, всей душой следовал за каждым движением сына. Он то втягивал голову в плечи и пригибался, сжимаясь в комок, словно старался увернуться от нацеленного в него удара, то, упершись ногами в землю и изо всех сил наваливаясь на ограду, приподнимался на цыпочки, чтобы придать больше силы удару, который его сын наносил своему противнику. И когда Раменго наконец повалился на землю, он поднял глаза к небу, чувствуя, что у него мутится рассудок.

Но тут раздались громовые восторженные клики, и совсем измученный отец мог упиться сладостью похвал и приветствий, обращенных к его сыну.

— Да здравствует Лупо, сын сокольничего, да здравствует Лимонта! — кричали со всех сторон.

Адвокат Гарбаньяте, еще до начала сражения снова спустившийся в зал для знатных, спрашивал тем временем у Отторино:

— Не кажется ли вам, что Раменго убит?

— Убит? О нет! Правда, у него идет кровь из носа и из ушей, но это пустяки. Он немножко оглушен, но скоро оправится.

— Тогда надо предупредить Лупо, чтобы он переложил его голову на землю, иначе они могут придаться к этому и сказать, что поединок окончился вничью.

В самом деле, по тогдашним обычаям, победителем в по-

единке при суде божьем считали только того, кто прижал к земле голову своего противника или заставил его покинуть поле боя.

Граф дель Бальцо услышал совет адвоката и отчасти потому, что действительно желал помочь лимонтцам извлечь пользу из победы, одержанной их защитником, а отчасти из-за вечного стремления всегда и во всем слыть знатоком, крикнул Лупо, чтобы тот поступил так, как говорил Гарбаньяте, сделав вид, будто он сам до этого додумался. Но не успел он еще насладиться похвалами, которыми осыпало его большинство собравшихся сеньоров, как сообразил, что поступил весьма опрометчиво, подав совет, который мог навлечь на него немилость аббата, и одному богу известно, скольких сожалений и тревог стоили ему эти несколько минут удовлетворенного тщеславия.

Лупо еще до начала поединка разговаривал с глазу на глаз с Гарбаньяте, и тот объяснил ему, что надо делать, но он не знал всех уловок и ухищрений, к которым обычно прибегают крючкотворы-законники, и теперь, глядя на Раменго, расprostертого на земле, решил, что вряд ли могут быть еще какие-нибудь затруднения. Однако, услышав совет графа, он подумал про себя: «Положить его голову на землю? Да ведь он и так валяется здесь как мертвый. Чего же им еще надо?» Но, желая избежать всяких сомнений, он решил, что стоит на всякий случай выбросить противника за ограду. Видя, что тот еще не подает признаков жизни, он нагнулся над ним, схватил его за пояс, приподнял и взвалил себе на плечи. Пробежав с ним круг вдоль ограды, он остановился у прохода, знаком попросил толпу отойти в сторону, слегка разбежался и затем сильным толчком выкинул Раменго, словно мешок с зерном, наружу, так что тот покатился по земле, задевая за ноги солдат и зрителей.

В толпе раздались рукоплескания и крики:

— Да здравствует Лимонта! Да здравствует Лупо!

Затем люди стали расходиться, и толпа, растекаясь по близлежащим улочкам, постепенно поредела.

Между тем рыцари вновь обступили Тремакольдо, спевшего по их просьбе прерванную появлением графа дель Бальцо «Ласточку» — песню, которую в то время распевали повсюду на озере Комо и которую будто бы сочинила некая княгиня, заключенная в замке Реццонико своим ревнивым мужем и умершая там от голода.

Мы еще познакомим наших читателей с этой песней, когда

менестрелю случится петь ее в следующий раз, хотя и не для своего удовольствия.

Когда песня была окончена, граф дель Бальцо вышел из зала вместе с глубоко взволнованной Биче. Многие другие дамы и кавалеры последовали их примеру, и в зале осталось лишь несколько человек.

— Послушай, — сказал тогда менестрелю один из немногих оставшихся, — теперь мы хотим послушать твою последнюю песню, ту, что ты сочинил, когда бродил с ворами, которые чуть тебя не обчистили.

— Если бы чуть, — отвечал Тремакольдо, — а то ведь они забрали все то ничтожное достояние, которое я успел скопить на этом свете, и я уж только и думал, чтобы сохранить голову на плечах!

— Как же все было?

— А так, что этим господам захотелось однажды послушать, как я пою.

— Ну, и ты им угодил?

— Еще бы! Я тут же, не сходя с места, придумал песню, которая спасла мне жизнь да принесла еще четыре золотых флорина в придачу.

— Спой же! Спой же!

— Хотите, чтоб я спел ее так, как пел им тогда?

— Конечно, пой и ничего не бойся.

— Ну, так слушайте. — И, настроив лютню, Тремакольдо запел:

Хотите, чтобы радовали вас
Сердечным отношением красотки?
Хотите, чтобы вас господь упас
От виселицы или от решетки?
Оставьте менестрелю узелок,
Оставьте лютню, чтобы петь он мог.

Гол как сокол, скитаясь налегке,
Ни зноя не боится он, ни хлада,

И все его богатство — в узелке
И в лютне. Что еще бедняге надо?
Оставьте менестрелю узелок,
Оставьте лютню, чтобы петь он мог.

Неприхотлив — где ляжет, там и спит:
Земля — матрац и узелок — подушка.
Во сне воображает он, что сыт
И что монеты не вмещает кружка.
Оставьте менестрелю узелок,
Оставьте лютню, чтобы петь он мог.

Он для себя поет и для людей,
Которых с полуслова понимает.
Он в песнях не поносит богачей,
А попросту их на смех поднимает.
Оставьте менестрелю узелок,
Оставьте лютню, чтобы петь он мог.

Слагая песни, цел и невредим,
Из края в край прошел он Иудею.
С незаменным узелком своим
И с лютней неразлучною своею.
Оставьте менестрелю узелок,
Оставьте лютню, чтобы петь он мог.

Бродягой век он прожил в нищете,
Не праведней других и не беспутней,
И вот к последней подошел черте —
Все с тем же узелком и с той же лютней.
Оставьте менестрелю узелок,
Оставьте лютню, чтобы петь он мог.

Хотите, чтобы радовали вас
Сердечным отношением красоты?
Хотите, чтобы вас господь упас
От виселицы или от решетки?
Оставьте менестрелю узелок,
Оставьте лютню, чтобы петь он мог.

ГЛАВА V

Люди, съехавшиеся в Беллано со всего озера, отправились теперь домой.

Жители Лимонты спустились к озеру последними: у них было шесть лодок и они хотели ехать все вместе, а потому подождали, пока Лупо отпустят наместник и адвокаты, которые задержали его из-за каких-то формальностей.

Граф дель Бальцо с большей, чем это принято между друзь-

ями, церемонностью пригласил Отторино провести несколько дней у него в замке. Маленькое общество прошло в небольшую каюту, снабженную всеми теми удобствами, которыми окружали и окружают себя господа во время поездок по нашим озерам. Биче села напротив отца, а священника из Лимонты хозяин любезно усадил напротив молодого рыцаря.

На лодке было четыре весла: два на носу и два на корме. Микеле, как самый старший, взял руль, а его сын Арригоццо сел на первую пару весел. На это место сажают обычно самого опытного и сильного гребца.

Лупо, только что застенчиво и робко внимавший похвалам, которыми его осыпали господа, прошел на нос и уселся на него верхом, опустив ноги по обе стороны. Ему нравилось разрезать ногами волны и чувствовать, как его лицо и грудь окатывает дождь мелких брызг. Скрестив руки на груди, он смотрел на горы, где не был столько лет, узнавал извилистые долины, цветущие луга и страшные обрывы, с которыми было связано столько воспоминаний юности. Их вид, их названия были дороги для него, как лицо и имя любимого друга.

Амброджо, его отец, сидел рядом с ним на дне лодки и думал о том, какое счастье иметь такого сына — сына, который стоит иного рыцаря. Время от времени он подсаживался к нему поближе и говорил что-нибудь ласковое, а Лупо чаще всего отвечал ему лишь взглядом или улыбкой.

Когда они доплыли до мыса Мокате, Арригоццо заметил над ущельем Менаджо облачко и сказал:

— Ну, быть буре. Приналяжем-ка, ребята, на весла, чтобы нам добраться до Варенны прежде, чем она нас застигнет.

Размеренный стук весел сразу усилился и стал более частым.

Тем временем в каюте отец Биче, обсудив еще раз события этого дня, перевел разговор на Марко Висконти и принялся рассказывать молодому гостю о том, что тот и так давно знал, о том, что граф обычно сообщал всем и каждому, а именно: как он учился в школе вместе с этим знаменитым полководцем.

— Мы оба долбили тривиум и квадравиум¹, а потом также право и свод законов, — говорил граф, — и Марко был одним из самых способных. Да что там говорить, только один ученик и мог с ним состязаться.

---

¹ Тривиум и квадравиум — два основных курса в средневековых учебных заведениях. Тривиум включал в себя грамматику, риторику (ораторское искусство) и «диалектику» (умение вести спор), а квадравиум — арифметику, геометрию, астрономию и теорию музыки.

Тут он засмеялся с притворным смущением, которое сразу должно было показать, кто был этот неназванный ученик. Но, опасаясь, что Отторино, может быть, недостаточно сообразителен, чтобы понять его намеки, граф тут же добавил:

— Мы всегда были соперниками, и я помню, как мы спорили, когда появилась книга Данте Алигьери «О монархии»¹ — книга ядовитая, которую потом сожгли на костре, как она того и заслужила. А Марко настолько закоснел в своей приверженности гибеллинам, что открыто защищал эту книгу. Поверьте, я тоже выступил в защиту моего мнения, и все же, несмотря на это, мы всегда были добрыми друзьями.

— В самом деле, он часто упоминал о вас в разговорах со мной, — отвечал Отторино.

— Правда? И что же он говорил?

— Он знал, что я был дружен с вашим бедным Лионетто и много времени провел у вас в замке, а потом расспрашивал меня о вас, о вас и о графине, которую всячески восхвалял.

Граф Ольдрадо понизил голос и нагнулся к уху юноши, словно не хотел, чтобы его слышала дочь. И все же он говорил так громко, что Биче, хотя и делала вид, будто она ничего не слышит, и действительно пыталась не слушать, не пропустила ни одного его слова.

— Да будет вам известно, — говорил граф, — что Эрмелинда должна была выйти замуж за Марко, но потом произошли всякие неприятности... Ну, не будем об этом, я расскажу вам все при удобном случае: там было столько горя, столько ссор и столько крови! Мой тесть погиб, когда Марко настиг их при переправе через Адду.

В этот миг разговор был прерван внезапным раскатом грома. Через секунду послышался голос рулевого, который кричал:

— Идет менаджино! Садись по двое на весла!

Лодка закачалась, так как Лупо и Амброджо должны были поменяться местами, чтобы выполнить этот приказ. Затем на некоторое время воцарилась тишина, и они слышали, как вдали ревет буря. Рев ее становился все сильнее. Священник открыл окошко и выглянул наружу: с Менаджо надвигались черные тучи и уже было видно, как катились первые мощные валы с белыми барашками на гребнях.

---

¹ Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт. По политическим взглядам он был умеренным гвельфом, но в своей книге «О монархии» критиковал власть папы, а впоследствии примкнул к гибеллинам.

Граф выглянул в дверь, выходящую на корму, и сказал, обращаясь к Микеле:

— Почему ты не причалил к берегу, когда началась непогода, и зачем ты забрался в эти проклятые скалы, где невозможно высадиться?

— А что делать, если буря застигла нас врасплох? — отвечал лодочник. — Давайте, ребята! — закричал он снова. — Взялись все вместе, навались!

Гребцы разом подались вперед, потом снова навалились на весла, наклонились и опять расправили сильные плечи. Слышно было, как скрипят уключины при их мощных гребках; но тут на лодку внезапно обрушился шквал, впервые волны стали захлестывать ее с борта, и она пошла, виляя носом. Через минуту волны отбросили ее назад, и все расстояние, которое с таким трудом выиграли гребцы, было потеряно.

Несмотря на это, они продолжали отчаянно работать веслами. Рассекая волны мощными ударами, они пядь за пядью подплывали все ближе к мысу Варенны. Вот они уже почти приблизились к нему. Осталось только обогнуть его, как вдруг яростный порыв ветра ударил лодку в борт и завертел ее на месте. В тот же миг послышался треск ломающегося дерева, и раздался испуганный голос:

— Руль сломался!

— Все пропало! Конец!

— Черт возьми! Тяни же, тяни!

— Смилуйся, дева Мария!

— Поставь весло вместо руля! Держи! Отпускай! Поднимай!

— Скорей, дурак, скорей!

— Господи, помилуй!

— Опусть весло, черт тебя подери!

— Держи! Держи!

На лодке поднялась страшная суматоха: люди толкались, мешали друг другу, а грохот волн, разбивавшихся о скалы, свист ветра и зловещие удары грома, отражавшиеся эхом в ущельях и горных пещерах, заглушали крики и ругань.

Священник воздел руки к небу, благословил бурю, дал всем отпущение грехов, а затем опустился в углу на колени, закрыл лицо ладонями и препоручил господу свою душу, а граф тем временем, выпучив глаза и разинув рот, прикрывал рукою дочь, прижимавшуюся к его груди, и тоже повторял:

— Господи, помилуй!

Отторино выскочил из каюты, чтобы помочь чем сможет

гребцам, и увидел, что суденышко, получив сильный удар в борт, завертелось волчком и понеслось к скалам Моркате, где его ждала верная гибель, а гребцы тем временем прилагали все силы, чтобы избежать выступающих из воды камней. Как раз в тот момент, когда Отторино выскочил из каюты, Арригоццо откинулся всем телом назад, но, не найдя опоры в весле, которое проскочило мимо набегавшей волны и лишь слегка скользнуло по воде, полетел за борт. Некоторое время он барахтался в волнах, но потом его затянуло под лодку, и он погрузился в пучину. Ударившись головой о днище, он не смог уже выплыть.

— Ребята, суши весла! — готовясь к последнему повороту, крикнул кормчий, который из-за возвышавшейся посреди лодки каюты даже не заметил, что его сын погиб.

Снова слышались мольбы и ругательства, и все слилось в один общий безумный крик, когда лодка, поднятая огромной волной, грузно села на камень и затрещала по всем швам.

В момент катастрофы юный рыцарь не потерял присутствия духа: выбрав на скале уступ поровнее, он проворно перепрыгнул на него и потянул с собой цепь, прикрепленную к носу лодки; но откатывающаяся волна отнесла суденышко назад и увлекла бы со скалы и самого юношу, если бы он не вцепился изо всех сил в камень, на котором нашел себе убежище. Поднялась новая волна, и лодка снова надвинулась на скалу. На этот раз Отторино быстро ухватился за борт, а Лупо, сокольников и другой гребец, стоявшие наготове, мигом соскочили на скалу, и всем вместе им удалось обмотать цепь вокруг дикой смоковницы, росшей в расщелине. Нос суденышка, прикованного к скале, высывался из воды, словно морда быка, привязанного к ограде. Само же оно под напором волн, не оставлявших его в покое, качалось, совсем ложилось набок, металось из стороны в сторону, но освободиться уже не могло.

Отторино и другие потерпевшие крушение помогли графу и его дочери выбраться на безопасный уступ, а затем торопливо рассыпались в разные стороны по крутым склонам огромной скалы, внимательно высматривая, не покажется ли где утопающий. Один лишь отец, оставивший лодку последним и в общей суматохе не заметивший отсутствия сына, сел на камень с обломком весла в руке и без всякой тревоги стал искать его взглядом среди остальных спасшихся, уверенный, что никто не погиб.

Оправившись от испуга, граф, раздраженный пережитой опасностью, принялся ругать лодочника и его Арригоццо, также не подозревая, что произошло. Микеле выслушал обращен-

ные к нему упреки понутив голову, с видом человека, сознающего свою вину; но, услышав слова, слишком обидные для его сына, он не смог сдержаться. Он готовился уже было возразить графу, как вдруг, повернувшись лицом к озеру, увидел под водой какой-то странный предмет, который застрял между выступами заливаемого волнами рифа. Он с тревогой вгляделся в этот предмет, принимавший, казалось, разные очертания и похожий на коричневую куртку, и наконец различил человеческую руку, то всплывавшую, то погружавшуюся в воду под напором волн.

Бедный отец чуть не упал замертво. Он оперся на обломок весла, который держал в руке, вскочил на ноги и закричал дрожащим голосом:

— Арригоццо! Арригоццо!.. — Не слыша ответа, он побежал на вершину скалы, осмотрелся вокруг, пересчитал всех одного за другим и не нашел среди них сына. Тут он увидел графа, который только что поносил Арригоццо, зарычал: — Ах, это ты, собака! — и, схватив палку, бросился на него, собираясь разmozжить ему голову.

Биче закричала. Отторино вовремя успел отвести удар. В это мгновение подбежали Лупо, сокольниковый, гребцы и все вместе обезоружили обезумевшего отца, который, ударив себя кулаком по лбу, отскочил в сторону и бросился в озеро.

Было видно, как он борется с разъяренными волнами, проявляя силу и отвагу, которые может пробудить одно лишь отчаяние. Несколькими гребками он доплыл до утопленника, протянул к нему руки, нащупывая его под водой, и схватил было его за волосы, но благородное чувство отцовского сострадания не позволило ему столь грубо обращаться с телом любимого сына; он просунул левую руку под его подбородок, чтобы поддерживать над водой его голову, а правой принялся грести, стараясь вернуться обратно к утесу. Гребцы спустились в полузатопленную лодку, бросили старику веревку от паруса, и, ухватившись за нее, он смог выбраться на скалу со своей ужасной, но бесценной ношей.

Он опустил тело сына на камни, положил его голову к себе на колени, нагнулся над ним и стал ощупывать его грудь, надеясь услышать биение сердца. Он прижимал его к себе, терся щекой о его щеку, покрывал поцелуями глаза, губы, все лицо, словно стараясь вдохнуть жизнь в это мертвое тело. Неожиданный порыв ветра шевельнул руку утопленника, которая плетью упала на землю, заставив содрогнуться все тело. При этом движении несчастный отец ощутил прилив надежды, и на

мгновение краска вернулась на его щеки. Казалось, морщины на его лице разгладились, в глазах, смотревших на любимого сына, появился внезапный огонек. Но, убедившись в своей ошибке, он вцепился руками в волосы, погрозил сжатыми кулаками озеру и закричал:

— Проклятый ветер! Проклятые волны! Будь проклята эта лодка и тот миг, когда я в нее сел! Да пропади все пропадом!

Все столпились вокруг него, онемев от ужаса. Никто не осмеливался произнести слова утешения. Наконец священник, дав лодочнику немного излить свое отчаяние, подошел к нему поближе. Не говоря ему ни слова, он положил руку на голову сына, лежавшую у старика на коленях, и промолвил с живым состраданием:

— Бедный Арригоццо! Ты всегда был добрым сыном, всегда боялся бога и почитал своих родителей.

— Что правда, то правда, — отвечал отец, растроганный похвалами своему любимцу, — я не стоил такого доброго сына.

— Как знать, мой бедный Микеле, — продолжал священник, — может быть, господь ниспосылает нам великую милость, призывая к себе раба своего сейчас, когда истинная вера привлекает на себя столько опасностей. Верни же создателю то, что он дал тебе и что он взял у тебя для целей, которых мы не можем знать, но которые, несомненно, означают справедливость и сострадание к его избранныкам.

— Но что же я буду делать без него? — воскликнул лодочник. — Что я скажу своей бедной Марте, когда вернусь домой и она меня спросит: «Что ты сделал с нашим сыном?»

— Господь вас не оставит, — мягко убеждал его добрый священник. — Он послал вам скорбь, но он же даст вам силу, чтобы ее перенести.

Микеле поднял глаза и немного погодя снова начал причитать:

— Отчего не умер я! К чему оставлять в живых такого бесполезного, всем надоевшего старика и брать к себе юношу в расцвете лет? Единственную нашу надежду и поддержку... наше утешение... — Но дальше продолжать он не смог... Когда слезы немного облегчили его горе, лодочник, обернувшись к священнику, сказал: — Ах, какого сына, какого сына я потерял! Как он меня любил! И какой он был смирный! Такого рассудительного и разумного сына не было во всей Лимонте. Сколько раз его бедная мать говорила мне, что я, хоть и старик, мог бы брать с него пример.

Тем временем остальные спасшиеся обсуждали, как им перебраться с голого утеса на берег, пока не наступила ночь. Скала, о которую разбилась их лодка, находилась совсем рядом с высоким мысом и, казалось, отделилась от него совсем недавно. Более того, было бы не так уж трудно добраться до подножия мыса по нескольким глыбам поменьше, которые появлялись над поверхностью воды, когда откатывалась волна. Но если бы они и достигли мыса, положение их осталось бы таким же трудным, так как он круто уходил на недостигаемую высоту.

Они еще долго медлили и оглядывали соседние вершины, ожидая, не покажется ли где-нибудь пастух, вышедший на поиски заблудившейся овцы или козочки, которого они могли бы жестами известить о своей беде и просить о помощи, но сколько они ни смотрели и направо и налево, нигде не было видно ни одной живой души. Кричать же в этой пустыне, среди гор, под оглушительный грохот бури, было совершенно бесполезно.

После долгих размышлений и колебаний Лупо наконец сказал товарищам:

— Надо решаться, пока еще светло. Я попытаюсь влезть вон туда, — он показал пальцем на одну из вершин, вздымавшихся справа, — а там найду какой-нибудь способ спуститься в Варенну и приеду за вами на лодке.

Сокольниковый ни за что не хотел согласиться, чтобы он подвергал себя такой опасности.

— Оставайся с нами, — говорил он, — отдадимся все на волю providения.

Отторино также пытался отговорить его от этого предприятия, казавшегося безрассудным, а то и просто безумным, но Лупо твердил свое:

— Мальчишкой я тут охотился, и от Кодано до Леньоне нет такой пропасти, которой бы я не знал. Так не удерживайте меня: надеюсь, с божьей помощью мне удастся добраться до Варенны.

Он снял башмаки, сбросил с плеч плащ и, оставшись в короткой и легкой кожаной куртке, немедленно отправился в путь.

Лупо без особых трудностей добрался до подножия горы, задержался немного на последнем утесе, прижавшемся к горе, посмотрел на вершину, на которую ему предстояло взобраться, ощупал руками камни и покачал головой, словно сомневаясь, удастся ли ему на них удержаться; затем, перекрестившись, он медленно и осторожно полез вверх, перебираясь с камня на ка-

мень, с уступа на уступ, с утеса на утес. Если ему попадался терновник, ветка маленького дубка или жидкая поросль альпийской травы, он хватался за них, подтягивался и так поднимался все выше и выше. Любая трещина, любая неровность или расселина помогали ему; он работал локтями, ногами, пускал в ход пальцы и ногти, иногда полз на коленях, иногда извивался по камням словно змея, и поднимался все выше и выше.

Оставшиеся на скале следили за ним, трепеща при каждом его неверном движении, при каждом опасном шаге. В блеске молний они видели, как он достиг половины пути, как выбрался затем на край ужасного утеса, сотрясаемого громом, и повис над волнами, ревавшими у подножия горы; и временами им казалось, что ему предстоит лезть на новую гору, еще более крутую и неприступную, чем первая.

К счастью, Лупо удалось найти небольшое углубление, в котором он смог устроиться поудобнее и перевести дух. Посмотрев вниз, чтобы измерить пройденный путь, он тут же отвел взгляд, испуганный огромной высотой. Немного погодя он вновь перекрестился и полез дальше. Чем выше он взбирался, приближаясь к последней вершине, тем более крохотным представлялся снизу — иногда он совсем сливался со скалой, по которой карабкался, и казался то кустом, раскачивающимся на ветру, то ястребом, кружащим по ущельям в поисках добычи.

Однажды они совсем было потеряли его из виду и пришли в ужас, когда увидели, что какой-то предмет стремительно катится вниз, но тут же разглядели, что это камень, который высоко подпрыгнул и, разлетевшись на множество кусков, свалился в озеро. Смельчак показался вновь, на сей раз как неясное темное пятно; затем он окончательно исчез.

Отторино спросил у гребцов, выдержит ли какое-нибудь судно такое волнение на озере.

— В такую бурю, — отвечал спрошенный, — можно считать храбрецом всякого, кто осмелится хоть на три пяди отойти от берега, но под вечер ветер, должно быть, утихнет, и к тому времени, когда Лупо сможет быть в Варенне, волна станет поменьше.

Молодой рыцарь ничего больше не сказал и сел на скалу рядом с Биче.

Все умолкли, и сквозь грохот волн и рев ветра был слышен только тихий размеренный голос бедного Микеле, читавшего молитвы над телом сына.

Отторино взял за руку Биче, которая была так испуганна и растерянна, что не отняла ее; наоборот, ей было даже приятно чувствовать, что рядом есть человек, который может ее защитить, так как вид отца, сидевшего неподалеку с опущенной головой и стучавшего зубами от холода и страха, не мог вселить в нее особой бодрости. На какой-то миг девичьи волосы, развеваемые ветром, коснулись лица юноши, и, несмотря на их бедственное положение на этом голом утесе, несмотря на все ужасы и страдания, перенесенные в течение дня, он не променял бы эту минуту на самые счастливые дни своей жизни.

Примерно через час, показавшийся бесконечным всем, кроме, пожалуй, Отторино и Микеле, не замечавших бега времени и всей душой предававшихся, увы, столь разным чувствам, у мыса Варенны показался огонек. Раздался общий крик радости, и в ответ донеслись далекие крики, приглушенные ветром. Потерпевшие крушение продолжали кричать, и по их голосам лодка, шедшая им на помощь, находила свой путь среди бушующих волн. Спустя немного времени через торжественно-неумолимый рев стихии пробился какой-то новый, размеренный звук; то нарастая, то стихая, он становился все слышнее. Последовала новая переключка, и наконец суденышко оказалось около утеса. Оба графских лодочника бросились навстречу лодке, чтобы не дать ей разбиться о скалу, и с их помощью Лупо, который тоже приплыл в этой лодке, сумел перебросить с носа на берег широкую доску, послужившую мостом, связавшим утес с суденышком.

Первым, кто поспешил спуститься в лодку, едва убедившись, что она выглядит достаточно устойчивой, был граф Ольдрадо. Он прыгнул в суденышко, обернулся к дочери и был очень обрадован, когда увидел, что Отторино, взяв ее за руку, помогает ей перейти шаткий мостик. Один за другим в лодку перешли все остальные; лодочник спустился последним. Он положил труп сына на дно, поближе к корме, а сам устроился рядом. Спустя немного времени Лупо заметил, что Микеле весь промок и заоченел в своей легкой куртке. Он снял с себя плащ и прикрыл им старика. Микеле и не поблагодарил Лупо за плащ и не отказался от него; долгое время он, казалось, вообще его не замечал. Но потом, шевельнув рукой, он ощутил какую-то помеху, опустил на колени, снял с себя плащ, и, накинув его на тело сына, любовно расправил складки и подоткнул края.

Когда лодка обогнула мыс, спасенные увидели, что мол в Варенне весь озарен огнями, и вскоре до них долетели крики толпы, заполнившей набережную. Лодка приблизилась к берегу. Следуя советам, которые подавали с берега самые опытные кормчие, гребцы своевременно повернули лодку, вошли в гавань и оказались в безопасности. Жители местечка засуетились вокруг спасенных: кто подтягивал лодку повыше, кто светил прибывшим и помогал им выходить на берег, и каждый старался превзойти другого в услужливости. Но при всем добродушии жители Варенны были не прочь подшутить и пошутиться над попавшими впросак гребцами из Лимонты. Те сначала молчали, а потом стали огрызаться, и, слово за слово, разгорелся такой спор, что дело чуть было не дошло до драки, но тут в толпе прошел слух, что графский лодочник привез в лодке тело утонувшего сына, и все крики и оскорбления мгновенно утихли, сменившись всеобщим ропотом сострадания. Бедному отцу предлагали кров, любую помощь и услуги, однако он от всего отказался и пожелал провести ночь возле покойника, которого утром собирался отвезти в Лимонту.

На рассвете он отыскал плотника и попросил сделать крест, чтобы установить его на месте крушения. Вынув из кармана жалкие монетки, он стал по одной перекладывать их в свою мозолистую ладонь, чтобы отсчитать нужную сумму и расплатиться с мастером.

— Эти деньги он заработал сам, — повторял Микеле, — а эти он принес мне позавчера, когда вернулся из Лекко. Кто бы мог подумать, что они пойдут ему на крест!

Как только ветер утих, в Варенну прибыли остальные лодки с жителями Лимонты. Среди них была и лодка другая Микеле, которую он накануне одолжил кому-то из своих земляков. Утром несколько сострадательных людей положили в нее тело утонувшего. Когда бедный отец вышел на берег и увидел свою лодку с лежащим в ней грузом, он почувствовал, что слезы навертываются ему на глаза; но, сделав над собой усилие, он сел в лодку, взял в руки одно весло, уперся им в песок, оттолкнулся, достал второе весло и стал грести, медленно удаляясь от берега, к которому постепенно поворачивался спиной.

Озеро было спокойным и гладким, оно блестело, словно зеркало.

О, как непохожи были безмятежность и спокойствие озера на боль и отчаяние, бушевавшие в душе бедного лодочника!

Некоторое время Микеле греб молча и хмурился все боль-

ше. Наконец, не в силах сдержать отчаяние и ярость, он ударил веслом по воде и воскликнул:

— Подлое озеро!

Весло треснуло пополам. Тогда он резко вкинул в лодку второе весло и обломком первого, оставшимся у него в руках, ударил по борту, вдребезги разбив уключину.

Но при этом он так накренил лодку, что третье весло, лежавшее на одной из скамеек, сползло с нее и чуть было не упало на тело сына. Микеле испуганно вскочил, подхватил весло, подержал его в руках, взглянул на него и сказал:

— Это его весло. — Затем он осторожно положил его на прежнее место. — Господи! — воскликнул он. — Помоги мне, осени меня своей дланью! Не дай врагу привести меня к гибели и погубить мою душу! — И он снова принялся грести, лихорадочно повторяя слова молитвы.

Тем временем лодка приближалась к Лимонте, и при виде родных мест еще более тягостная скорбь охватила душу осиротевшего отца и несчастного мужа.

Но боже милостивый! Как застучало его сердце, когда, приблизившись к берегу, он различил среди множества людей, которые смотрели на него и, казалось, его ждали, растрепанную женщину с исцарапанным лицом, бившую себя в грудь и рвавшую свои седины. И ему показалось, что горы и долины эхом вторят ее жалобам, ее отчаянному плачу.

Нет, рука не подымется описывать столь горестное зрелище. А потому мы оставим несчастного лодочника и его еще более (если только это возможно) несчастную жену и вернемся к нашим героям, которых мы оставили в Варенне.

ГЛАВА VI

На ночь путники кое-как устроились у приходского священника, которому просто не верилось, что его скромное жилище могло удостоиться чести принять столь высоких гостей. Он даже немного возгордился и позже нередко с удовольствием упоминал об этом посещении.

Там же, в Варенне, жил в это время и Пелагруа, оставшийся совершенно неожиданно без крова, без денег, без какой-либо поддержки и без всяких надежд; скоро ему пришлось бы покинуть и эту деревушку, жители которой были ему рады, как гвоздю в башмаке. Короче говоря, он оказался в положении со-

баки, которую хозяин выгнал на улицу. Наутро этот негодяй смиренно — во всяком случае, по виду — явился к священнику из Лимонты, стал униженно просить у него прощения за все зло, которое ему причинил, и за еще худшее зло, которое собирался причинить, и умолял помочь ему в беде и посоветовать, как найти выход из столь отчаянного положения.

Добрый священник был охвачен состраданием не столько к самому Пелагруа, которому небольшая кара за его деяния пошла бы только на пользу, сколько к его жене и невинному ребенку. Он обещал походатайствовать перед графом дель Бальцо, хотя, по правде говоря, не надеялся добиться от него какой-нибудь помощи. Но, к счастью для негодяя, священник, придя к графу, застал его в компании дочери и Отторино. Добрая и мягкая девушка, познакомившаяся с женой Пелагруа, когда та укрывалась в замке, и разделявшая с матерью жалость к этой несчастной женщине, была глубоко растрогана словами своего духовника и стала упрашивать отца найти какое-нибудь убежище для изгнанника и его семьи.

Легко себе представить, как принял граф эту просьбу, исполнение которой грозило не более и не менее, как поссорить его с настоятелем монастыря святого Амвросия, а заодно и ухудшить его отношения со всеми жителями Лимонты.

Не желая, однако, прямо отказать дочери, бедняга стал изворачиваться и искать всякие предлоги, что-то невнятно бормотал и был весь как на иголках, но Отторино, обрадовавшись возможности угодить девушке и услужить ее отцу, сам с готовностью предложил устроить Пелагруа, заверил всех, что дело можно уже считать улаженным, и получил в награду от Биче взгляд, исполненный такой невинной и радостной доброты, такой безмятежности и ласки, что почувствовал, как блаженство наполняет все его существо.

Священник счел долгом отвести Отторино в сторону и предупредить его, из какого теста слеплен человек, которому он собирается оказать услугу, не сомневаясь, что подобные сведения заставят молодого человека быть осторожнее. Но то ли от беспечности, естественной в этом возрасте, то ли от того, что он и подумать не мог, чтобы человек, так сказать, осененный милостью Биче, мог оставаться тем же злодеем, каким был прежде, Отторино не придавал большого значения словам священника; не найдя ничего лучшего, он решил направить своего нового подопечного к Марко Висконти, который во имя их старой дружбы не преминет, конечно, дать ему место в одном из

своих многочисленных замков. Итак, он велел принести ему прибор, чтобы написать письмо Марко, но — поверите ли? — во всей деревне ни за какие деньги нельзя было найти чернильницы, пера, куска пергамента или бумаги. Местный священник никогда ничего не писал, а аптекарь и немногочисленные дворяне селения вообще не умели держать перо в руках. И так обстояло дело не только на берегах Комо, а во всей Ломбардии, во всей Италии, во всей Европе. И это вполне естественно. Разве в те времена мечей, копий, луков и арбалетов, во времена зубчатых стен, осаждаемых и отбиваемых замков и укреплений, — разве в такие времена могло развиваться искусство письма, это нежное, слабое и капризное растение, расцветающее в тиши и уединении и не выносящее шума и грубого обращения? Но тут сокольничий вовремя вспомнил о старом нотаиусе, который жил в Перледо, небольшой деревушке, расположенной в горах, у подножия которых стояла Варенна, быстро сходил к нему и вернулся со всеми необходимыми принадлежностями; правда, ему пришлось повозиться, размачивая содержимое чернильницы, которое высохло уже больше года назад.

Принявшись за письмо к Марко, чтобы отрекомендовать ему Пелагра, молодой человек должен был объяснить, как и почему он взял на себя эту заботу, а потому рассказал все, что произошло с ним за это время, начиная от поединка своего оруженосца и кончая событиями прошедшего дня, упомянул о графе дель Бальцо, в замке которого собирался провести несколько дней, затем перешел к Биче и, в полном согласии с пословицей: «У кого что болит, тот о том и говорит», написал о ней несколько больше, чем следовало бы тому, кто не хочет себя выдавать. Под конец, стараясь как можно точнее описать девушку своему господину, он в пылу юношеской восторженности стал утверждать, что она, по всеобщему мнению, как две капли воды похожа на мать и стремится подражать ей в своем поведении. Эти слова заронили первую искру. Но не будем забегать вперед.

Наши герои сели в наемную лодку и к вечеру прибыли в Лимонту. Уже ходившие там слухи, что аббат монастыря святого Амвросия решил наказать строптивцев независимо от исхода божьего суда, вид тела бедного утопленника, привезенного утром, тягостное зрелище отчаяния несчастных родителей и долгое ожидание лодки графа, прибывшего гораздо позже, чем думали, — все это весьма охладило первоначальное чувство признательности к молодому победителю, и потому, когда

Лупо ступил на берег, он не застал там толпы и его не встретили, как он надеялся, кликами и рукоплесканиями. Вспомнив о прекрасных мечтах, которым он предавался, сидя на носу лодки при отплытии из Беллано, он почувствовал себя весьма огорченным.

Священник остался в Лимонте, все же другие, сев на приготовленных лошадей, поднялись на гору и продолжали путь, пока не приехали в замок.

Эрмелинда приняла молодого человека с обычной любезностью. Для нее Отторино был особенно желанным гостем, так как она помнила о тесной дружбе, которая когда-то связывала юношу и ее бедного сына. Однако скоро она стала испытывать некоторое беспокойство из-за его ухаживания за Биче, тем более что от глаз заботливой матери не укрылось застенчивое удовольствие, с которым ее дочь принимала это ухаживание.

Спустя еще немного времени она увидела, что обычно свойственная Биче открытая и непритворная веселость уступила место робкой и застенчивой радости. Эрмелинда заметила, что девушка краснеет, когда она спрашивает ее об Отторино, и опускает глаза, не выдерживая материнского взгляда, и все это стало ее серьезно беспокоить.

Нет, она вовсе не считала неподходящей для дочери эту партию — более почетную, по правде говоря, вряд ли можно было бы найти, — но ее смущали слухи о том, что юноша уже обручен с дочерью Франкино Рускони, владельца Комо, и что этому браку покровительствует Марко Висконти.

Что же касается графа, то он был вне себя от радости, что у него гостит такой знатный рыцарь, двоюродный брат наместника и наперсник Марко Висконти, а потому суетился весь день напролет, стараясь сделать пребывание юноши в замке как можно более приятным. И когда он устраивал пиры, охоту или прогулки в соседние деревушки, рядом с ним всегда была Биче, без которой отец и шагу не мог ступить. Он не упускал ни одного случая рассказать ей о подвигах их молодого гостя и, словно нарочно, опять и опять перечислял все, что тот сделал для их спасения во время бури, без конца возвращаясь к подробностям того памятного дня и мучительных часов, проведенных на утесе, о которых девушка сама и без того слишком часто вспоминала с трепетом, вызванным не одним только страхом.

Кроме того, граф скоро открыл в юноше и другое достоинство, которое в его глазах было еще более ценным, чем все остальные, — Отторино всегда соглашался с мнениями хозяина

дома, терпеливо и даже охотно выслушивал истории из его жизни и никогда не оспаривал честолюбивых выдумок графа.

— Вот воспитанный молодой человек, — говаривал последний, — не то, что эти нынешние молокососы, которые, еще не вылезши из пеленок, уже хотят учить старших... Ты видела, — спросил он однажды Биче, — ты видела, с каким вниманием слушал он меня вчера вечером? Когда я объяснял ему, почему поединок Лупо с Раменго должен считаться недействительным, он за два часа ни разу не мигнул.

И это была сущая правда: все два часа молодой человек, сидевший рядом с девушкой, был наверху блаженства и не слышал ни единого слова из рассуждений графа.

Когда же Эрмелинда пыталась с обычной своей скромностью предупредить мужа, убедить его, что надо быть осторожнее, он называл ее подозрения вздором и вынуждал ее замолчать. Добрая женщина не смогла, как собиралась было, выяснить положение дел, поговорив начистоту с самим Отторино, так как граф строжайше ей это запретил, и вынуждена была довольствоваться единственным средством, которое ей оставалось, — написать в Комо, чтобы узнать, насколько в действительности серьезны те обязательства, которые взял на себя юноша, а в ожидании ответа осторожно следить за дочерью, мешать ей видаться с Отторино и отвлекать от мыслей о нем.

Немножко капризная, как и все избалованные дети, Биче по натуре была очень мягка. Как это нередко случается, она всегда относилась с большим почтением и с большей нежностью к матери, которая по необходимости держалась с ней довольно строго, чем к излишне снисходительному графу. Редкие улыбки и ласки матери доставляли ей гораздо больше радости, чем все проявления любви со стороны отца.

Но после того как в замке появился Отторино, в ее отношении к родителям постепенно произошла странная перемена. Эрмелинда, всегда внешне строгая и холодная, всегда со словами поучения и порицания на устах, по-прежнему вызывала у дочери уважение, но, так сказать, подавляла ее душу, бросала на нее тень, в то время как девушка, полная новой жизни, охваченная неизведанными ранее ощущениями, жаждала кому-нибудь о них рассказать. Имя юноши, наполнявшее девушку радостью, если его упоминал граф, заставляло ее трепетать от страха, когда его произносила мать, а потому она старалась не оставаться наедине с нею, и нет ничего удивительного в том, что изо дня в день ее глубокая любовь к матери постепенно

слабела. Дальше — больше, и вскоре девушка уже начала испытывать в присутствии матери досадливую скуку, а в редкие минуты возвращения прежней дочерней привязанности, с ужасом чувствуя, как она переменялась, Биче горько упрекала себя и давала себе множество прекрасных обещаний, выполнить которые все равно была не в силах.

Эта внутренняя борьба длилась до тех пор, пока в замок не прибыл гонец от Марко Висконти и Отторино, поговорив с ним, не объявил, что через два дня его ждут в Милане.

Биче казалось, что ей снится страшный сон: она никак не могла поверить, что Отторино должен уезжать, — ведь ей было с ним так приятно! Прежде, расставаясь с юношей, она знала, что через два, через три, через четыре часа она вновь его увидит, и это ожидание занимало ее мысли и утешало ее во все время его отсутствия. Часы проходили, и Отторино появлялся вновь. Но теперь, когда он уедет, чем заполнит она все эти дни, все эти бесконечные вечера?

Она вспоминала счастливые дни, которые проводила в замке до того, как в нем появился роковой гость. Мать, служанка, лютия и гнедой, — но при мысли обо всем том, что было ей когда-то дорого, сердце ее осталось спокойным, словно она нажимала на клавиши клавесина с перерезанными струнами.

Следующий день, накануне отъезда Отторино, граф решил посвятить соколиной охоте, и Биче должна была непременно в ней участвовать.

— Я покажу вам, как летают мои соколы, — говорил граф своему гостю, — а потом вы мне скажете, есть ли такие птицы у Марко Висконти. Вы увидите ирландских, норвежских и датских ястребов и кречетов. У меня есть и гнездовые, и странствующие соколы; а какая чудесная свора — и гончие и волкодавы! Вы посмотрите потом на моего любимого сокола, которого я обучил сам — ведь я иногда развлекаюсь тем, что приручаю соколов по-новому, своими способами... Ну, да хватит: сами увидите.

В тот же день из Комо пришло письмо, и, получив его, Эрмелинда долго разговаривала с мужем. Биче из своих комнат, где она заперлась со служанкой, слышала голоса родителей, которые, казалось, спорили между собой, и она, конечно, догадывалась, о чем могла идти речь.

Весь день Биче удавалось избегать матери, и они встретились только вечером за ужином. Эрмелинда выглядела задумчивой и огорченной, иногда она посматривала на дочь, словно

собираясь открыть ей какую-то тайну, и Биче, боясь остаться с матерью наедине, решила, что лучше сделать так же, как и раньше: под предлогом, что завтра надо рано вставать для охоты, она попросила разрешения встать из-за стола и удалилась к себе. Запершись в своих комнатах, она почувствовала себя спокойнее и, перед тем как лечь спать, села у зеркала и велела Лауретте расчесать ей волосы. Служанка, догадавшаяся о сердечной тайне своей юной госпожи, с лукавым видом завела разговор об Отторино, поддразнивая ее скрытыми намеками, в ответ на что Биче хотела сделать обиженный вид, и это удалось бы ей в большей мере, если бы румянец, покрывавший ее лицо, можно было приписать гневу, а не стыдливому смущению. Причесав Биче, Лауретта начала было уже ее раздевать, как вдруг раздался легкий стук в дверь и послышался голос Эрмелинды:

— Отвори, это я... Оставь меня с ней, — сказала она служанке, подбежавшей открыть дверь.

Та поклонилась и ушла в соседнюю комнату.

Оставшись наедине с матерью, Биче готова была провалиться сквозь землю от замешательства. Опустив голову, она ждала, что скажет ей мать.

— Я вижу, мое присутствие не очень тебя радует, — начала Эрмелинда. — Это меня огорчает, очень огорчает, дочь моя.

Девушка хотела было ответить, но у нее перехватило горло, и она, растерянно пробормотав несколько не имеющих смысла слов, умолкла.

— Кто бы мог поверить, что вид твоей матери способен привести тебя в смятение? — продолжала графиня. — Правда, я давно уже должна была бы заметить, что ты переменялась в обращении со мной, что ты уже не любишь меня, как прежде. Но трепетать при моем появлении!.. Это слишком, слишком тяжело для той, кто тебя так любит.

— Я не трепещу. Отчего я должна трепетать? — ответила живо девушка, которой досада на то, что мать заметила ее смущение, отчасти вернула природную твердость характера.

— Биче!.. Как дерзко ты отвечаешь! — сказала мать сердитым голосом, но тут же, словно уступая внезапному порыву, схватила дочь за руку и продолжала: — Послушай, дочурка, не говори так со своей матерью. Или ты думаешь, что у меня может быть другая мысль, другая забота в этом мире, кроме одной — видеть тебя счастливой? Ты моя радость, мое утешение. О, если бы ты могла понять, как мне бывает горько всякий

раз, когда я вынуждена тебе возражать! Но ведь так велит мне мой долг, и я делаю это ради твоей же пользы. Вспомни, душенька, как однажды, еще маленькой, ты серьезно заболела и все время плакала и просила у меня молока. Подумай, как болело у меня сердце, и все же я не дала тебе молока — оно тебя убило бы. Не знаю, о чем ты думала тогда, но теперь ты сама все отлично понимаешь...

— Скажите же наконец, чего вы хотите? — спросила Биче, растроганная и в то же время недовольная собой за свою мягкость.

— Я хочу, чтобы ты поняла одно... Ну, перестань, не гляди на меня такими испуганными глазами. Нет, дорогая доченька, ты не услышишь горьких слов из уст своей матери. Поди сюда, послушай меня с такой же любовью и спокойствием, с какой я буду говорить. Отторино завтра уезжает...

Услышав это имя, девушка вся похолодела, но, сделав над собой усилие, ответила как можно более равнодушно:

— Да, я знаю, но какое это имеет ко мне отношение?

— Гораздо большее, чем это нужно для твоего и моего спокойствия, — строгим тоном ответила Эрмелинда. — Перестань притворяться, не думай, что ты можешь что-то скрыть от матери, которая видит все, что творится в твоей душе.

— Но, в конце-то концов, что плохого я сделала? Я только во всем повиновалась отцу.

— Да, в эти дни ты старалась ему повиноваться, как никогда раньше. А когда ты не забывала моих советов, то умела, не споря с ним, управлять им, как хотела. Но я не собираюсь тебя бранить, бедняжка, ты ведь не знала, что так меня огорчаешь... Ты могла думать... Правда, я и сама, наверное, виновата: ведь до сих пор я ни разу не поговорила с тобой прямо. Я и сама надеялась... но теперь, когда я знаю все...

— Что вы знаете? — спросила девушка, впившись взглядом в глаза матери, словно надеялась прочесть в них смысл тех слов, которые собирались произнести ее уста.

— Дело в том, что Отторино... Ну, короче говоря, ты должна его забыть, потому что он уже связан словом... и вскоре должен жениться на дочери Франкино Рускони, сеньора Комо.

Щеки Биче запылали, как уголь в жаровне, затем покрылись мертвенной бледностью; мгновение она еще пыталась овладеть собой, сложила дрожащие губы в слабую улыбку, тут же исчезнувшую с ее лица, и, сломленная страданием, горько зарыдала.

Эти слезы заменили матери то признание, которое девичий стыд не позволял Биче выразить в словах. Прижав к себе голову дочери, целуя и осыпая ее нежными ласками, она сказала:

— Плачь, моя дорогая, плачь вместе с матерью... Неужели ты думаешь, что ты мне чужая и мне тебя не жаль? Неужели ты думаешь, что из-за этого я тебя меньше люблю? Что мне больше не дорого все то, что было дорого раньше? Нет, моя милая, нет, моя славная дочка... Если бы ты захотела еще больше завладеть моим сердцем, еще сильнее утвердиться в нем, то ты добилась этого сейчас своими слезами, пробудив ту нежность, которая охватывает душу матери при виде горя дочери... послушной дочери.

Покоренная этими словами, а еще больше тем чувством, с каким они были сказаны, Биче бросилась в объятия матери, спрятала пылающее лицо на ее груди и, по-прежнему плача навзрыд, нежно к ней прижалась.

— Теперь ты понимаешь, — продолжала Эрмелинда, тоже глубоко взволнованная, — ты сама прекрасно понимаешь, что было бы нечестно с твоей стороны позволять ему сохранять с тобой ту же дружескую близость, что и прежде. И пусть твой отец будет предоставлять вам возможность видеться — он же не даст и самой легкой тени упасть на его любимую дочку, — ты знаешь о своей слабости и знаешь, что... быть может, и его чувства могли как-то измениться... Короче говоря, приличие требует, чтобы ты теперь держалась от него подальше. Завтра его весь день не будет в замке, а ты останешься со мной. Потом он уедет, и все твои заботы останутся позади... и обо всем будем знать только мы с тобой.

Графиня хотела еще сказать Биче, что она должна будет отвечать отцу, когда тот придет утром звать ее на охоту, но в это время на лестнице послышались чьи-то шаги, и она узнала походку графа. Не желая, чтобы он видел ее здесь, Эрмелинда поспешно высвободилась из объятий дочери, поцеловала ее еще раз и вышла со словами:

— Это твой отец, я должна уйти.

Биче долго сидела, стараясь хоть как-то прийти в себя. Наконец она позвала служанку, и та ее раздела. Видя, что госпожа все еще очень взволнована, служанка не осмелилась сказать ей ни слова и, только уложив ее в постель, как обычно спросила, что ей дать почитать.

— Хотите, я дам вам книгу про чертей и грешников, которая вам так нравится?

— Нет, задерни полог, погаси светильник и уходи.

— А завтра разбудить вас на заре, да? Ведь на охоту едут спозаранку.

— Нет, не приходи, пока я не позову.

— А какое приготовить платье?

— Я же сказала: ничего не надо. Выйди и оставь меня.

«Ну, море сегодня бурное», — подумала служанка выходя.

И Биче, вся предавшись своему горю, уткнулась в подушку, чтобы не было слышно, как она плачет. Ей казалось, что постель ее усеяна шипами и колючками; не находя покоя, она ворочалась с боку на бок, садилась, вставала, словно ей не хватало воздуха, потом опять ложилась, закутывалась в одеяла и все время безутешно рыдала.

Ей представлялось, как дочь Рускони, прекрасная и гордая, гарцует по улицам Комо, а Отторино легким галопом едет с ней рядом и они обмениваются ласковыми словами и взглядами.

Наконец, сломленная усталостью и страданиями, она забылась в дремоте, полной слишком живых и слишком мучительных сновидений.

Она собиралась встать пораньше и сойти вниз по первому зову, чтобы застать отца наедине, пока будут идти приготовления, и добиться, чтобы он одобрил ее намерение. Она твердо решила ни в коем случае не ехать на охоту и не дать себя уговорить, чтобы не послушаться матери.

Утром она позвала Лауретту, чтобы та ее одела. Служанка подала ей охотничий костюм, приготовленный с вечера, и Биче, целиком погруженная в свои мысли, либо не заметила этого, либо не придавала этому значения. Услыхав голос отца, она спустилась в зал и застала его там одного. Граф поднялся навстречу дочери и сказал:

— Сейчас все будет готово. Пойдем.

— Но я спустилась лишь для того, чтобы поздороваться с вами и пожелать вам удачи, — отвечала в смущении Биче.

— Ну, что за причуды?

— Нет, — отвечала Биче, отводя в сторону руку, увлекавшую ее к выходу, — подождите. Сядьте, мне нужно сказать вам два слова.

— Но у тебя будет время сказать их не два, а тысячу: разве на охоте мы не будем весь день вместе? И раз уж ты встала так рано, пойдем, чтобы не задерживать тех, кто нас ждет.

Я уже вам сказала, что я не поеду, что я хочу остаться дома.

— А я тебе говорю, оставь свои глупости и не будь ребенком.

Пока длился этот спор, в зал вошел Отторино; после обычных приветствий он, попросив разрешения у графа, взял девушку за руку и вывел ее во двор, где ее уже ждал оседланный иноходец. Девушка шла не сопротивляясь, словно замороженная. Правда, у нее мелькнула мысль о матери, но как могла она повернуть назад теперь, когда встала столь рано и вот так оделась? Что она могла сказать? Что передумала? Но как это сказать? И почему передумала? Надо было как-то все объяснить, придумать причину. А она чувствовала, что у нее кружится голова, и не могла в этот миг произнести ни одного слова.

Часа через два они добрались до каштановой рощи, где псаря спустили со сворки собак, которые тут же бросились в разные стороны, вынюхивая дичь, а господа вместе с Амброджо поднялись тем временем на вершину холма, откуда был виден весь ход охоты. Едва они достигли вершины, как граф, обращаясь к дочери, сказал:

— Смотри, Диана уже что-то учуяла. — И он показал на легавую, которая шла в их сторону, поглощенная поиском, уткнув нос в землю и помахивая хвостом. — Смотри, она делает стойку... Вот она подняла бекаса... Скорей сними колпачок с Гарбино! Да скорей же, какая ты сегодня неповоротливая!.. Выпусти его: он его уже видит, вот так, хорошо... Смотри, как быстро он летит! Нет, от него не уйти... Молодец Гарбино! С какой яростью он кинулся вниз! Все, ударил!

И действительно, все увидели, как сокол налетел на добычу и вместе с ней упал к подножию холма, на котором расположились охотники. Граф бросился вниз, чтобы выхватить бекаса из когтей Гарбино, и, воспользовавшись этим, Отторино приблизился к Биче и взволнованно проговорил:

— Умоляю вас, скажите, что с вами. Если я чем-то вас обидел, не наказывайте меня слишком жестоко. Биче, прошу вас, ведь вы же знаете, что завтра я должен вас покинуть...

— Да, я знаю, — прервала его девушка с улыбкой, которая не могла скрыть ее горечь, — я знаю, что вы завтра уезжаете, но моя мать сказала мне кое-что, о чем вы умолчали. Она сказала мне, что вы поедете через Комо. — Хотя Биче старалась произнести эти слова с безразличным видом, ей не удалось совсем скрыть свое чувство, и юноша сразу все понял.

Он густо покраснел и начал, запинаясь:

— Да, я не могу отрицать... Но тогда ведь я еще не знал

вас... Но клянусь вам... Клянусь честью, Биче, что одну только вас...

Однако его речь была прервана появлением графа, который кричал своему сокольничему:

— Дай ему поклевать мяса и надень на него колпачок!

Слова, а еще больше смущение юноши убедили девушку в том, что мать сказала ей правду. На мгновение она почувствовала себя сломленной и униженной, но тут же овладела собой, и ей стало стыдно за свою слабость; в ее сердце вновь пробудилась презрительная гордость, воспитанная многолетней привычкой видеть, как любое ее желание исполняется немедленно. Поэтому, сделав вид, будто она целиком поглощена собаками и соколами и будто все ее мысли заняты охотой, она целый день ни на шаг не отходила от отца и ни разу не заговорила с Отто-рино, не посмотрела на него и вполне преуспела в том, чтобы превратить в желчь и отраву всю ту радость, которой юноша ожидал от этого дня.

На следующее утро молодой рыцарь в сопровождении Лупо выехал в сторону Милана, и Биче, измученная, истерзанная своим горем, сначала даже ощутила облегчение. Мать в тот день держалась с ней сухо и сурово, а это только увеличивало досаду Биче; вовсе не чувствуя себя виноватой, она возмущалась, считая, что мать к ней несправедлива. Весь день она капризничала, на всех дулась, а вечером рано ушла спать. Увидев, что барышня мрачна, как туча, служанка оставила зажженный светильник и поспешно удалилась. Биче взяла со столика, стоящего рядом с постелью, книгу в кожаном переплете. Это был «Ад» Данте¹. Когда накануне вечером Лауретта хотела подать ей книгу про чертей и грешников, она говорила именно об «Аде», ибо перед каждой песней была нарисована миниатюра, на которой изображалось все, о чем говорилось в песне. Если бы у кого-нибудь из вас нашлась теперь эта книга, он оказался бы обладателем целого состояния.

Биче читала книгу тайком от матери, да и сам граф долго бушевал, прежде чем позволил ей это. Дело было даже не в том, что он боялся, как бы «Божественная комедия» не повлияла плохо на молодую девушку. Нет, просто он был зол на Алигьери за его книгу на латинском языке «О монархии», которую, как уже говорилось, этот гордый гибеллин написал много лет назад

---

¹ Произведение Данте «Божественная комедия» состоит из трех частей: «Ад», «Чистилище» и «Рай».

и которая как раз в это время, через четыре года после смерти автора, вдруг возбудила много толков в Италии и Германии.

Только за несколько дней до появления Отторино в замке граф дал наконец дочери столь желанную книгу, которая, однако, была лишь первой частью «Божественной комедии», ибо, хотя в Тоскане уже знали «Чистилище» и некоторые песни «Рая», в Ломбардии был широко известен один «Ад».

Биче читала книгу по вечерам, запершись одна в своей комнате. Поглощала она ее с большой жадностью, наслаждаясь и фантастическими рассказами, полными жизни и страстей, и тем привкусом, который дочери Евы умеют из духа противоречия находить в любом запретном плоде.

Как мы уже сказали, она протянула руку, чтобы взять книгу, открыла ее, и вдруг что-то зашуршало меж страниц и выпало на одеяло. Что это? Бумага?.. Записка... Для нее... От кого? Надо ли говорить?..

ГЛАВА VII

Читатель, конечно, помнит, что по пути из Беллано граф не закончил начатый вполголоса разговор с Отторино о Марко и Эрмелинде. В нем он намекнул, что Висконти когда-то собирался на ней жениться, но затем возникли серьезные осложнения, разрушившие его брачные планы и приведшие к распрям и кровавой мести. Биче, как мы уже упомянули, слышала, хотя и не подала виду, все до единого слова и с тех пор жаждала узнать об этом как можно подробнее. Но так как ей претило расспрашивать посторонних, она не раз подбивала служанку поговорить об этой истории с ее матерью, женой сокольничего, которая в молодости прислуживала Эрмелинде и должна была все знать.

Лауретта считала хорошим все, что могло угодить ее госпоже, а теперь, видя ее постоянно мрачной и раздраженной, особенно хотела заботами и угождением вернуть ее бывшее расположение; потому она стала вертеться вокруг матери и упрашивать ее так мило, так нежно и ласково, что та, правда порядком помучив ее, однажды вечером, когда они остались одни, сначала строго предупредив дочь, что все это — великая тайна и что об этом никому ничего нельзя говорить, в конце концов рассказала ей о несчастной любви Эрмелинды к Марко Висконти.

— Молодые люди познакомились и обручились, когда их отцы, Маттео Висконти и Симоне Кривелло, были друзьями.

Но Маттео не соглашался на свадьбу, и тогда Симоне Кривелло перешел на сторону Торриани¹ и помог им изгнать Висконти и стать господами в Милане, а свою дочь решил выдать за графа Ольдрадо дель Бальцо. Марко, переодевшись паломником, пробрался ночью к Эрмелинде и стал уговаривать ее бежать с ним. Девушка сначала заколебалась, а когда согласилась, было уже поздно.

Присутствие Марко в доме Кривелло было открыто, слуги уже готовились схватить его, и тогда он разорвал пополам золотую цепочку, одну половину оставил себе, а другую отдал Эрмелинде и сказал ей, что она может считать себя свободной от своего обещания, только когда получит недостающую часть. Потом он бежал, убив двух слуг, которые пытались его задержать. Симоне Кривелло запер дочь в башню и, раздобыв ту половину цепочки, которая осталась у Марко,— ее выкрал у него предатель-слуга — передал ее через одного менестреля дочери вместе с подложным письмом от Марко. Эрмелинда, считая себя свободной, скрепя сердце согласилась выйти замуж за Ольдрадо дель Бальцо. А Марко Висконти, узнав о предательстве Симоне Кривелло, убил его.

— Сколько же потребовалось интриг и обманов, чтобы убить бедного старика, — сказала Лауретта и, поблагодарив мать за ее доброту, тут же помчалась к Биче, чтобы пересказать ей все, что она узнала.

Теперь, когда мы дошли до того места повествования, когда столько раз уже упоминавшийся Марко начнет появляться на сцене, сталкиваться с нашими героями и участвовать в событиях, о которых мы собираемся рассказать, необходимо поведать читателям о его жизни и нарисовать его портрет.

Марко Висконти, второй сын Маттео Великого, повсюду с любовью и верой следовал за отцом, деля с ним удачи и невзгоды, и всегда был его любимцем. Обладая благородным сердцем, острым умом, ловким телом, он всегда был первым во всех упражнениях, подобавших знатному юноше согласно нравам того времени, но даже в детстве соперники прощали ему его неоспоримое превосходство из-за скромности его поведения — добродетели особенно ценной при знатности его рода, красоте его лица и изяществе манер. Однако горе тому, кто пытался встать ему поперек дороги, кто осмеливался идти наперекор его страстной, порывистой натуре, не знавшей удержу ни

---

¹ Торриани — знатный миланский род, одно время соперничавший с Висконти.

в любви, ни в гневе! Лишь отец, пока он был еще жив, мог умерять своим словом его ярость.

Доблестный и удачливый предводитель военных отрядов, он со временем стал одним из самых знаменитых кондотьеров своего века. Славнейшим среди его подвигов была осада Генуи, проведенная против объединенных армий папы, крупнейших гвельфских городов Италии и сицилийского короля Роберта с таким искусством и успехом, что она была признана удивительной. Именно во время этой осады, когда генуэзский дож передал ему, что, если он не уберется немедленно с генуэзской земли, они встретятся под стенами Милана, Марко ответил, что незачем так далеко ходить, покуда он сам стоит под стенами Генуи, и послал ему вызов на поединок. Это, как пишут историки, сильно разгневало генуэзского владыку, однако он счел за благо вызова не принимать.

Галеаццо, старший брат Марко, унаследовавший после смерти Маттео Миланское княжество, завидовал славе младшего брата и часто упрекал отца за то, что тот позволяет Марко бросать свои отборные войска в самые рискованные авантюры; поэтому братья всегда питали друг к другу тайную неприязнь.

Но когда отлученный папой от церкви Маттео умер в тяжелейшие времена, окруженный ненадежными вассалами и теснимый отрядами многочисленных врагов, его сыновья поняли, что необходимо держаться вместе. Марко помирился со старшим братом и оказал ему огромную помощь во всех войнах, которые тому в течение многих лет пришлось вести против церкви и изгнанных из Милана знатных семей.

Однако, едва укрепив свою власть во владениях, унаследованных от отца, Галеаццо отчасти из-за своего властного характера, а отчасти из-за непомерных налогов вызвал ненависть миланцев, которые, естественно, жаждали облегчения и хотели вернуть прежние городские свободы. Марко, также с трудом переносивший тиранические замашки брата, желавшего единолично властвовать в государстве, которое он, Марко, сохранил и расширил, проливая собственную кровь, присоединился к недовольным, жаждавшим перемен. И когда вожди гибеллинов из многих итальянских городов обратились к Людовику Баварскому, избранному императором Священной Римской империи, с просьбой прийти в Италию и помочь им, Марко (как повествуют некоторые летописцы) отправился с ними в Тренто и перед лицом императора обвинил своего брата в том, что он вместе с папой плетет тайные интриги, желая примириться с церковью

и предать дело гибеллинов и империи. После этого, если верить тем же историкам, Людовик Баварский, явившись в Милан, велел схватить Галеаццо, его сына Адзоне и двух братьев, Лукино и Джованни Висконти, и бросить их в крепостную тюрьму в Монце, а их земли отдал под власть своего наместника, барона Вильгельма ди Монтефорте.

Однако многие современники утверждают, что сам Марко был тоже арестован Людовиком Баварским и брошен в тюрьму вместе со своими братьями и племянником. Одни говорят, что ему удалось бежать, другие — что его отпустил сам Людовик.

Достоверно одно: спустя некоторое время, когда император пошел из Ломбардии в Тоскану, а затем в Рим, где он совершил достаточно известную ошибку, сместив папу Иоанна XXII и

назначив на его место другого по своему усмотрению, Марко Висконти был в его свите и пользовался большой милостью. Кроме того, он сам и через своих друзей, в особенности через Каструччо Кастракани¹, сеньора Лукки, не переставал упрашивать императора отпустить его родственников.

Наконец его просьба была исполнена, и после восьми месяцев мучений Висконти вышли из печально известных темниц, прозванных в народе «каменными мешками Монцы»: это были маленькие каморки, расположенные одна под другой на разных этажах башни, и попасть в них можно было только через отверстие в потолке. Внутри царила крошечная тьма, пол был выпуклый и неровный. Камеры были такие маленькие, что заключенный не мог ни встать во весь рост, ни вытянуться на полу, и ему приходилось терпеть невыносимые мучения, сидя на корточках или стоя полусогнутым. Галеаццо сам приказал возвести это ужасное узилище, чтобы содержать в нем государственных преступников, но первым испытал его, оправдав пророчество, ходившее в народе во время постройки тюрьмы.

Изнуренный страданиями, Галеаццо умер под Пистойей несколько месяцев спустя после освобождения. В Милане же, где барон Монтефорте восстановил всех против себя, возникло сильное движение в пользу Марко.

Но то ли Людовику Баварскому были неприятны слава великого воина и слишком большая любовь миланцев к нему — хотя трудно предположить, чтобы он с высоты своего трона мог кому-либо завидовать, — то ли он не решился изменить установленный порядок наследования, то ли гибеллины посеяли в нем сомнения относительно верности Марко, то ли, наконец, потому, что оба брата, Лукино и Джованни, которых гораздо больше устраивала власть их молодого племянника Адзоне, сумели соблазнить императора, щедро суля ему золото, до которого он всегда был падок, а тогда особенно в нем нуждался; короче говоря, дело кончилось тем, что Людовик Баварский назначил наместником города и области Милана Адзоне Висконти, сына Галеаццо, который обязался выплатить ему за это большие деньги.

Миланцы были этим очень недовольны, а Марко, негодующий на императора, на братьев, на племянника и на всех гибеллинов, вступил в тайные переговоры с Флоренцией и с папским

¹ Каструччо Кастракани — крупный деятель партии гибеллинов, приближенный императора Людовика Баварского, который сделал его сеньором Лукки в 1320 г.

легатом¹ в Ломбардии кардиналом Берtrandо дель Поджетто, которые, вероятно, не поскупились на обещания помочь ему людьми и деньгами в борьбе за овладение отцовским престолом.

Как раз в это время и начинается наша история.

ГЛАВА VIII

Прибыв по зову Марко в Милан, Отторино сразу же отправился во дворец и, оставив Лупо внизу с солдатами, прошел в отдаленный покой, где хозяин дома диктовал старому секретарю какое-то письмо.

Марко отличался высоким ростом; в описываемое время ему было лет сорок пять или чуть больше. Тяготы беспокойной и бурной жизни лишили его лицо первоначальной свежести, огня и задора, сквозивших в его взоре, когда он был юношей, и наложили на него отпечаток сдержанной гордости и тихой печали, отражавшей вечную неудовлетворенность его души, но не окрашенной ни горечью, ни злобой.

Увидев входившего Отторино, Марко сделал ему знак рукой, чтобы он садился, и сказал:

— Подожди минутку, я сейчас.

Затем он вернулся к секретарю, который с поднятым пером вопросительно смотрел на своего господина, не зная, остаться ему или уйти.

— Нет, нет, — сказал ему Марко, — пиши дальше; мой двоюродный брат должен знать все.

И он стал диктовать последние фразы письма, адресованного папскому легату в Болонье. Письмо было написано на неуклюжей латыни того времени, и заключавшие его слова, которые услышал Отторино, означали в переводе следующее:

«Замки Сеприо и Мартесана (это были владения Марко) не забыли еще моего голоса, друзья республики — не погибли, лев дремлет, но когда я его разбужу, рык его долетит до Ватикана. Безбородый бражник (так в Милане обычно называли Людовика Баварского) скоро будет кусать себе пальцы. Да здравствует церковь и да погибнут предатели родины! — таков мой старинный боевой клич».

Чтобы понять все значение последних слов, читатель должен вспомнить, что Марко впервые произнес их за восемь лет

---

¹ Легатами назывались послы папы римского.

до описываемых событий, когда, разгромив армию папы, он бросился преследовать миланских перебежчиков, сражавшихся в ее рядах. Эти слова приобрели в то время большую известность, и по ним можно было догадаться, что Марко Висконти уже тогда в глубине души не был врагом папы, хотя и боролся против него с оружием в руках.

Когда письмо было окончено, секретарь вышел, а Марко с улыбкой сказал Отторино:

— Ты все-таки вернулся! Обязательно хотел, чтобы за тобой прислали гонца, да?

— Я не думал. . . — начал было юноша извиняющимся тоном.

— Ну, довольно, довольно! Теперь ты здесь, и я тебе все прощаю.

Они обменялись еще несколькими словами, а затем Марко, дружески положив руку на плечо двоюродного брата, стал рассказывать ему о причинах, побудивших его примириться с авиньонским папой, и посвятил его во все свои новые планы.

— Итак, да здравствует папа Иоанн! — воскликнул Отторино. — А как же Николай Пятый? Тот, за кого мы до сих пор сражались, — что будет с ним?

— Он останется тем, кем и является на самом деле, — раскольником и лицемером.

— Так, значит, нам надо сесть на школьную скамью и зубрить словечки гвельфов?

— Зато папа вновь нас благословит, — сказал Марко.

— Да, но отлучит другой, — возразил Отторино.

Прославленный воин, нахмутив брови, ответил:

— В конце концов, ты отлично знаешь, что законный папа — это тот, который живет в Авиньоне. Он преследовал моего отца, мою семью, всех наших друзей, он отлучил нас от церкви, объявил нас еретиками, причинил нам все зло, какое только мог, но от этого он не перестал быть истинным папой. Ты думаешь, все эти годы, пока я враждовал с ним, я был в мире с самим собой, помня о том, что меня отлучили от церкви?

Юноша, и не подозревавший, что подобные чувства могли терзать душу его прославленного родственника, изумленно смотрел на него, а тот продолжал со смущенным видом:

— Память о моем бедном отце всегда омрачала для меня радость всех моих побед. Ты знаешь, как мой отец, этот великий ум, столько лет отмеченный печатью папского гнева, сумел подняться высоко над всеми другими властителями Италии. Но, одолевая светский меч папы, он никогда не позволял себе на-

смеяться над его духовным мечом¹. И когда на склоне лет он почувствовал, что близится его последний час, что скоро он покинет этот свет, он вспомнил прожитую им жизнь и ужаснулся. О, из моей памяти никогда не изгладится та ночь, когда он, мучимый видениями, велел созвать всех своих домашних, духовенство монастыря святого Иоанна в Монце и, преклонившись перед алтарем, сказал, что жаждет умереть в лоне святой церкви. Он заливался горячими слезами, сокрушаясь, что не сможет покоиться после смерти в освященной земле. Если бы ты видел, какой невыразимой мукой было искажено его лицо, остававшееся невозмутимым даже в тоске изгнания и спокойным даже в минуты тайных тревог!

Отторино не мог опомниться, и, если бы Марко не вкладывал в свои слова столько чувства, он подумал бы, что перед ним безумец.

— Я расскажу тебе сейчас, о чем мы договорились с нашим двоюродным братом Лодризио. Он начнет вооружать своих вассалов под тем предлогом, что хочет помочь своему брату, аббату монастыря святого Амвросия, который посылает в Лимонту отряд, чтобы наказать взбунтовавшихся против него мужиков. Ты приехал оттуда и, наверное, знаешь, в чем дело?

— Конечно, но, по правде говоря, мне очень жаль бедных горцев, которых просто за уши втянули в это дело, и если бы можно было...

— Чего же ты хочешь? Такова прихоть господина аббата, а сейчас это нам только на руку!

— И все же мне очень жаль,— настаивал юноша,— что граф дель Бальцо может потерпеть из-за этого ущерб.

— А кстати, Расскажи-ка мне про этого графа дель Бальцо: он все такой же болтун, каким был в юности?

— Бедняга! — ответил Отторино, который не мог заставить себя сказать «да».

— А Эрмелинда, его жена? Ты ее видел?

— Видел ли я ее? Я две недели прожил в их доме. Это ангел, настоящий добрый ангел.

Марко встал, сделал несколько шагов, а потом спросил:

— Значит, Биче во всем похожа на нее?

— Она вся в мать: они похожи как две капли воды.

— Ты столько мне про нее написал из Варенны... Послу-

---

¹ Светским мечом папы в средние века называли его власть над папским государством, а духовным мечом — его верховную власть над церковью и право окончательного решения в вопросах веры.

шай, а этот твой... Как его? Да, Пелагруа, которого ты мне рекомендовал, я послал его управляющим в мой замок в Розате. С виду он человек бойкий и, быть может, еще пригодится... Но знаешь, мне не очень-то нравится, как неумеренно ты хвалишь Биче! Это не слишком честно по отношению к дочери Франкино Рускони, которая, насколько я знаю, влюблена в тебя до безумия. Ну, довольно. Я хочу, чтобы ты скорей породнился с ее отцом, и тогда Комо наверняка будет на нашей стороне. — Отторино ничего не ответил. — Мне пришла в голову еще одна мысль, — продолжал Марко, — скажи, этот твой граф дель Бальцо, он все такой же рьяный гвельф, каким был раньше?

— Да, он нисколько не изменился.

— Так пригласи его в Милан, — сказал Марко. — В такие дни богатый человек из знатного рода, который болтает о чем угодно, воображает себя знатоком законов и пропитан всеми этими премудростями до мозга костей, — это же дар божий. Постарайся, чтобы он обязательно приехал.

— Не знаю, захочет ли он. Граф — человек очень осторожный и ведет в своих горах тихую и спокойную жизнь.

— Если я правильно тебя понял, ты хочешь сказать, что он не рискнет сунуться в город, который до сих пор принадлежит гибеллинам? Ну что ж: страх против страха, припугни его чем-нибудь похуже, и он приедет. Сообщи ему, что банда головорезов направляется в Лимонту и устроит там содом и гоморру и что аббат монастыря святого Амвросия думает, будто он подстрекал его вассалов бунтовать. Короче говоря, подтолкни его, заставь его удрать оттуда сюда.

— Мне не хотелось бы, — отвечал, колеблясь, Отторино, — чтобы из-за меня с ним приключилось что-нибудь плохое.

— Ну и пугливым же ты стал, братец! — сказал Марко, глядя ему в глаза. — Как ты заботаешься о спокойствии своего друга! Ну, довольно! Если он приедет, слава богу, а если нет, то и говорить не о чем: аббату он действительно мил, как смертный грех, банда, которую тот посылает в Лимонту, отлично знает, что в замке полно денег и драгоценностей, — так что пусть поразмыслит и сам выберет, что ему больше по душе.

Тут Марко замолчал так, словно ему нечего было добавить и он не желал ничего больше слушать, а потому Отторино низко поклонился и вышел.

Когда он спустился в зал, где оставил своего оруженосца, стоявший там шум стих: пажи и солдаты почтительно приветствовали родственника своего господина, а Лупо вышел за ним.

— Что за крик вы там подняли? — спросил Отторино у оруженосца, когда они спускались по лестнице.

— Ничего особенного, — отвечал Лупо. — Просто, пока мы болтали и пили, как это полагается, один солдат из отряда Беллебуоно, который служит у вашего брата Лодризио, не зная, что я из Лимонты, сказал ужасную вещь о моей деревне.

— И что же сказал этот неотесанный болван?

— Он сказал, что в ней живут одни еретики и негодяи — в общем, наговорил кучу оскорблений — и что ему приказано отправиться туда, и он хочет дать каждому из своих шестидесяти копейщиков повесить по одному жителю деревни, а себе оставить десяток еретиков.

— Неплохо сказано! — заметил Отторино. — Язык у него подвешен, как у тюремного колокола, который звонит всем на беду! И ты смолчал?

— Я ответил, что быть палачом ему очень подходит и по виду и по повадкам, но что если он тронет хотя бы одного из моих горцев, то обожжет себе руки. Ну, слово за слово, мы разгорячились, я не выдержал и поставил ему синяк под глазом, и тут все начали так шуметь, будто я его убил до смерти.

— Ты слишком скор на расправу.

— Это верно, я понимаю, что поступил дурно, но как тут было удержаться! Этот негодяй и родного отца не пощадил бы! Если бы не мое уважение к этому дому, клянусь жизнью, я его и не так отлупил бы.

— Да что за черт в тебе сидит! Ты что, хочешь сделать еще хуже?

— Ладно, ладно, — закончил Лупо, — может, мы еще повстречаемся в Лимонте, если его занесет туда каким-нибудь недобрый ветром, так я ему добавлю тогда, что недодал.

Немного времени спустя они действительно встретились друг с другом, и Лупо сдержал свое обещание. В своем месте мы еще расскажем об этом, а сейчас нам следует отправиться в Лимонту и навестить графа дель Бальцо.

В один прекрасный день к нему прибыл гонец из Милана. Граф долго беседовал с ним с глазу на глаз, а затем твердо заявил жене, что завтра он должен уехать в город, и во всем доме поднялась суeta — ведь надо было подготовиться к путешествию. Эрмелинда, удивленная и недовольная этим неожиданным решением, тщетно пыталась узнать его причину.

Когда стали обсуждать, какой путь выбрать, графиня предложила переправиться через озеро в Лекко, а оттуда доехать

до Милана, до которого от Лекко шла дорога. Правда, дорогой ее можно было назвать весьма условно — она состояла из одних ухабов и ям, среди которых попадались такие глубокие, что лошадь проваливалась в них по грудь, но таковы были все дороги в те времена, и лучше найти было невозможно. Но после ужасного вечера, проведенного на злосчастном утесе в Моркате, графа при одном упоминании об озере и лодках мутило, а потому его решение было твердо: он по тропинкам доберется через горы до Вальсассины, затем отправится в Канцо и Инверинго, а оттуда — в Милан.

Но и тут было свое неудобство, если не сказать опасность, ибо путешественникам приходилось ехать верхом по крутым и обрывистым тропкам. И еще хуже было другое: путников здесь нередко грабили окрестные феодалы. В те дни любой мелкий дворянчик, содержавший трех-четыре наемных негодяев, жаждал воевать и за неимением лучшего вел войну на дорогах, подобно Риньеру да Корнето и Риньеру Паццо, упомянутым Данте в «Божественной комедии». То были ужасные времена!

Рано утром граф, его жена, дочь, слуги и охрана — всего насобралось человек двадцать — отправились в путь.

Когда они добрались до перевала Мальпенсанти на Ламбре, им повстречались два рыбака из Вассены, ограбленных разбойниками, когда они возвращались из Монцы с деньгами, вырученными за недельный улов. Один из них, рассказав о том, как случилось несчастье, добавил, что у него было письмо для графа, которое пропало вместе с курткой.

— А от кого письмо? — спросил его граф.

— От кого, не знаю, — отвечал рыбак, — а дал мне его сын вашего сокольничего на рынке в Монце.

— Так, значит, Лупо был в Монце?

— Да, он был там вместе со своим господином... с тем красивым юношей, который так долго гостил у вас в замке.

Биче затрепетала, но обнаружила свое волнение только тогда, когда отряд собирался вновь тронуться в путь. Указав на рыбаков, она спросила мать:

— Бедные люди! У них нет хлеба для их детей. Можно, я дам им что-нибудь?

— Дайте во имя божие! Вы само милосердие.

Девушка вынула из кармана золотую монету и отдала ее тому из двоих, кто сказал ей эти слова.

— Поделитесь и молитесь бога за нас.

В последний раз, когда мы говорили об Эрмелинде и Биче,

мы оставили их в ссоре друг с другом: мать сделала дочери выговор за то, что та не послушалась ее и отправилась на охоту, а дочь, заупрямившись, сердилась на нее. Но девушка была не в состоянии долго выносить скорее горестное, чем сердитое молчание матери и на второй день после отъезда Отторино взволнованно объяснила ей, что была вынуждена поехать на охоту вопреки своей воле и даже толком не поняв, как это произошло. Она передала матери свой разговор с Отторино и показала письмо, которое нашла между страницами Данте.

Эрмелинда прочла письмо. Отторино в нем признавался, что он действительно вел переговоры о браке с дочерью Франкино Рускони, но не зашел так далеко, чтобы нельзя было взять свое слово назад, и решительно утверждал, что хочет видеть своей женой только одну женщину — ее, Биче, к которой адресовано его письмо. Юноша просил прощения за то, что, не соблюдая приличий, он решился написать ей прежде, чем попросил ее руку у родителей, но заверял ее, что он сделал бы это немедленно, если бы мог надеяться, что не будет отвергнут.

Эрмелинда ласково обещала дочери сделать все возможное для ее счастья. Она предупредила ее, однако, чтобы та не слишком надеялась на успех, потому что, возможно, отказаться от этого брака будет не так легко, как думал юноша, — ведь все дело велось Марко Висконти, человеком вспыльчивым, не привыкшим к возражениям и к тому же давним врагом их дома. Наконец она попросила дочь предоставить все делать ей, и та обещала ни в чем не выходить из повиновения.

После этого мать снова вернула дочери прежнюю нежность и сейчас, во время путешествия, обращалась с ней так же ласково, как и раньше.

Граф же, озабоченный рассказом рыбаков из Вассены, стал размышлять, что бы могло означать письмо, которое они везли для него. Быть может, в Милане возникли беспорядки и Отторино предупреждает его, чтобы он туда не ездил? Как знать? Как знать? В конце концов граф решил свернуть с дороги, заехать в Монцу, поговорить с юношей и только после этого что-либо предпринимать.

ГЛАВА IX

Путники выехали на площадь святого Иоанна в Монце перед самой вечерней и увидели толпу, собравшуюся вокруг помоста, с которого горячо проповедовал какой-то священник. При виде

приближающейся кавалькады люди оставили проповедника и устремились к вновь прибывшим, чтобы узнать, кто они, откуда и куда едут, и в один миг наши путешественники оказались среди назойливой, любопытной толпы. Эрмелинда видела, что церковь открыта и, желая избежать расспросов, сказала мужу:

— Пока вы ищете Отторино, мы с дочерью подождем вас в храме. Возвращайтесь скорей, чтобы продолжить путь и постараться достигнуть Милана еще до темноты.

Вскоре семья графа и все их сопровождавшие выехали дальше в Милан, и Отторино, которому нечего было делать в Монце, конечно же, вызвался их проводить.

— Уверю вас, я написал вам только то письмо, которое вам привез в Лимонту один из моих слуг, — говорил молодой рыцарь отцу Биче, рядом с которым ехал.

— Однако, — отвечал граф, — рыбаки из Вассены, о которых я вам уже говорил, утверждают, что у них было ваше письмо. Более того, они сказали, что получили его от Лупо здесь, на рыночной площади в Монце.

Послали за Лупо, и он объяснил, что письмо было от него самого и предназначалось его отцу. В нем он просил старика укрыться в каком-нибудь надежном месте. Письмо это написал под его диктовку один знакомый священник в Монце, и Лупо попросил рыбаков доставить его.

— Ну вот! Теперь все понятно, — воскликнул граф и, продолжая вполголоса разговор с молодым рыцарем, спросил его: — Скажите-ка, а что это вы мне писали, будто аббат монастыря святого Амвросия...

— Он совершенно вне себя, — отвечал Отторино, — сегодня здесь, в Монце, я слышал, будто нынешней ночью в Лекко погрузятся на лодки шестьдесят копейщиков, которых он посылает в Лимонту, чтобы расправиться с ее несчастными обитателями.

— Боже милостивый! Но при чем тут я? Разве моя вина, что эти упрямые горцы не повинуются своему господину?

— Что я могу вам сказать? Мне известно, что аббат сердит и на вас.

— Вот несчастье! Но, повторяю, я ведь не имею к этому делу никакого отношения. Он утверждает, будто я их защищаю, но посудите сами: обо всем, что вы мне написали, и о том, что говорил мне ваш гонец, я никому не сказал ни слова.

— Как? Значит, в Лимонте никто ничего не знает?

— Ничего.

— Раз так, надо скорей кого-нибудь туда послать, чтобы предупредить их, — сказал юноша.

— Ради бога, не делайте этого: если увидят, что они предупреждены, то кто сможет убедить аббата, что это не моих рук дело? А он и так уж меня недолюбливает...

Но Отторино, не слушая его, сказал своему оруженосцу:

— Не мешало бы тебе съездить в Лимонту и предупредить своих земляков, что над ними собираются тучи. Вернись в Монцу, возьми свежего коня и скачи в Лимонту.

— Нет, нет, — запротестовал граф, — вы меня погубите! Аббату известно, что Лупо — сын моего слуги...

— Он мой оруженосец, — отвечал Отторино, — я все беру на себя.

— Подумайте, — продолжал граф, — ведь сейчас они, наверное, уже все знают.

— Но разве вы не говорили, что они ни о чем не подозревают?

— То есть... Я, собственно, ничего не знаю... но, по здравому рассуждению, их должен был предупредить кто-нибудь из Лекко. Ну конечно, их предупредили! Их наверняка предупредили, я готов биться об заклад, что их предупредили.

— Во всяком случае, лучше удостовериться еще раз, — возразил юный рыцарь.

— Но как же бедный Лупо проберется в темноте через эти пропасти! — продолжал настаивать граф.

— Пусть это вас не беспокоит, — вмешался в разговор сын сокольничего. — Коня я оставляю в первой же деревне, где меня застанет ночь, а дальше пойду пешком: разве не сделаешь десяток-другой миль, когда дело идет о жизни стольких несчастных людей.

Сказав это, Лупо повернул коня и галопом помчался обратно.

Подъехав к Эрмелинде, Отторино передал ей свою беседу с графом и объяснил причину внезапного отъезда Лупо. Он всячески старался привлечь внимание девушки и повернуть разговор так, чтобы и она приняла в нем участие; но Биче ни разу не открыла рта и не подняла на него своих опущенных ресниц. Да и ее мать, узнав все, что касается Лимонты, казалось, также не была расположена слушать его дальнейшие рассуждения и отвечала ему настолько холодно и сухо, насколько позволяла ее природная любезность.

Обескураженный таким приемом, юноша терялся в догадках: «Может быть, Биче не получила письма? Может быть, она

отвергла мою любовь? Или мать не хочет выдавать ее за меня? Уж не собираются ли выдать ее за кого-нибудь другого?»

Чтобы поскорее избавиться от своих сомнений, он незаметно оттеснил графа от остальных спутников, ловко навел разговор на его дочь — для краткости я не хочу всего пересказывать — и напрямик попросил у него ее руки. Отец молодой девушки принялся многословно восхвалять род юноши и его самого, но под конец начал путаться и запинаться и дал Отторино понять, что очень боится нажить неприятности с Марко, который, как говорила ему жена, собирается сам устроить женитьбу юноши.

Отторино отвечал, что он не сомневается в согласии Марко, который и занялся его делами лишь для того, чтобы сделать ему приятное, но что в любом случае он сам себе господин и, как бы ни было велико его почтение к этому сеньору, он, в конце концов, не приходится ему ни вассалом, ни сыном и может делать то, что ему нравится, хочет того Марко или не хочет.

При этих словах граф сделал гримасу, которая, казалось, говорила: «Друг мой, можешь шутить сколько угодно, а что до меня, то я не намерен ломать голову над тем, как лбом прошибить стену». Однако вслух он сказал:

— Ну, мы еще поговорим об этом потом.

Но юноша, заметив, что его слова произвели неблагоприятное впечатление, постарался поправить дело и начал объяснять графу, что если бы Марко было известно, что та, из-за которой он решил отказаться от своих первоначальных намерений, — дочь графа Ольдрадо дель Бальцо, то ему нечего было бы возразить. Он напомнил графу, что Марко Висконти справлялся о нем и очень хотел видеть его в Милане, где дела как будто начинают складываться в пользу папы Иоанна. И наконец, он намекнул, хотя и весьма туманно, что на графа возлагают надежды благодаря его репутации при папском дворе.

Нужно ли говорить, смутился наш герой при этих словах или возгордился? Этот достойный человек, привыкший хвалить сам себя, не был избалован чрезмерными похвалами других, и потому его лицо осветилось той неуместной улыбкой польщенного самолюбия, которую каждый из нас, считая тщеславие далеко не лучшим украшением, старается подавить или согнать со своего лица; граф, однако, совсем не сдерживался — казалось, самодовольство, сквозившее в его чертах, так и рвется наружу, словно для того, чтобы в самые прекрасные мгновения жизни испортить столь достойные ощущения, возникающие так редко.

— Послушайте, — сказал наконец граф, — Марко, по правде

говоря, оказывает мне слишком большую честь, которой я не достоин... Впрочем, я уже говорил вам, что мы с ним дружили в детстве! Ну, хорошо, если я что-нибудь могу сделать, я весь в его распоряжении. Что же касается нашего разговора о Биче, то повторяю: если она не будет возражать, то я уже сейчас могу ответить вам согласием и считаю, что брак этот был бы очень удачным — он и почетен и приятен мне: вы ведь знаете, как я вас ценю и уважаю. А Эрмелинда, даю вам слово, только возблагодарит небо.

Тем временем отряд достиг Милана. Граф направился к Брера дель Кверга, где находился его дом, а юноша поскакал прямо к Марко Висконти.

ГЛАВА X

Как только Марко увидел, что Отторино входит в комнату, где он сидел один, читая какие-то бумаги, он встал и любезно пошел навстречу юноше.

— Уже вернулся? — спросил он. — Ну, как дела в Монце?

— Там царит всеобщее недовольство, — отвечал юноша, — но никто не смеет поднять голову — все боятся герцога Тека.

— С кем ты говорил?

— С вождями гвельфов, которых вы мне назвали: с Гудзино, с Гавацца, с Монечино Дзева и с Берузио Рабия. Рабия, как только ему удастся уехать, не вызывая подозрений, прибудет в Милан, чтобы договориться с вами о планах на будущее.

— А что ты скажешь о горожанах?

— Ничего хорошего. Ваш священник Мартино, которого вы послали туда своим проповедником, говорят, только чудом вырвался из когтей достопочтенных мужей, которых он пытался наставить на путь истинный.

— Неужели они так фанатично преданы антипапе Николаю?

— Если бы они и правда держались за Николая или за Иоанна! Нет, просто эти негодяи хотят половить рыбку в мутной воде, и только.

— Прибыл ли наконец граф дель Бальццо?

— Мы только что приехали вместе.

— Видишь, мой совет сослужил неплохую службу. Теперь, когда он здесь, было бы глупо этим не воспользоваться. Надо бы, чтобы он взялся... Послушай, сделай вот что... Он ведь приехал со всем семейством?

— Да, со всеми своими родными и близкими.

— Завтра я устраиваю для друзей небольшой праздник. Не мог бы ты прийти вместе с ним?.. Эрмелинда... Ну, ее я, конечно, не могу надеяться увидеть, но... вот Биче, о которой ты рассказывал мне столько чудес... Ты не найдешь какого-нибудь способа привести ее вместе с отцом?..

Отторино, который ничего другого и не хотел, проникся уверенностью, что раз уж его господину не терпится увидеть девушку, то он легко простит ему отказ от брака с дочерью Рускони, а потому он тут же обещал сделать все возможное, чтобы выполнить его желание.

На другое утро Отторино явился к графу и объявил ему, что Марко приглашает его в тот же день вместе с Биче к себе в гости и просил его проводить их к нему, что это большая милость и особая честь, которая высоко поднимет его в глазах всех миланцев, и отказываться от нее ни в коем случае нельзя.

Эрмелинда, которой граф сообщил об этом, как о деле уже решенном, также не высказала возражений. Теперь, когда Отторино по всем правилам просил руки ее дочери, девушка могла считаться его невестой; и было вполне естественно и справедливо, что молодой человек хотел представить ее своему господину, чтобы тот одобрил его выбор и не сердился за нарушение прежнего обязательства, к которому сам имел отношение. Вместе с тем, представляя себе, как ее дочь предстанет перед Марко Висконти, бедная женщина трепетала от тайного страха, вызванного воспоминаниями и предчувствиями; когда она отпускала Биче, которая также казалась глубоко взволнованной ее рассказами об этом человеке, ей показалось, что она выносит приговор, определяющий всю дальнейшую жизнь ее дочери, и она смотрела ей вслед полными слез глазами.

Марко Висконти, окруженный знатнейшими миланскими юношами, сидел в одной из палат своего дворца в ожидании обеденного часа. Всегда блистательно щедрый, когда он чествовал своих друзей и сеньоров, в эти дни он удвоил обычную пышность, доведя ее до великолепия и расточительности, чтобы привлечь к себе новых сторонников и поразить толпу, столь падкую до всякой роскоши. Летописцы отмечают, что великолепием празднеств и пиров, изысканностью нарядов и конских украшений, богатством выходов в сопровождении знатных юношей, пажей и оруженосцев он далеко превзошел своего племянника Адзоне, ставшего владетельным князем Милана.

Одним из главных действующих лиц в этом кружке был

Лодризио Висконти, брат самозванного настоятеля монастыря святого Амвросия, ближайший советчик Марко и вдохновитель всех его тайных интриг. Это был видный человек лет сорока, с характером незаурядным, но буйным и беспокойным, который уже стал притчей во языцех, а впоследствии приобрел слишком постыдную известность. Лодризио давно ненавидел Отторино — и из зависти к юному рыцарю, ибо он видел, что Марко отдает предпочтение юноше, в то время как ему хотелось самому быть единственным наперсником своего господина, и из-за судебной тяжбы касательно родового поместья в Кастеллетто на Тичино, которое в конце концов отошло к Отторино. Марко старался их помирить, и с некоторых пор могло показаться, что они стали относиться друг к другу немного лучше. Однако Лодризио не забыл старой обиды и всегда был начеку, выжидая удобной минуты, чтобы погубить своего соперника.

Паж возвестил о прибытии графа дель Бальцо. Глаза присутствующих обратились к двери. Граф вошел, держа за руку дочь. Марко в смятении устремился им навстречу. Когда он увидел Биче, вошедшую в зал с опущенными глазами и разлитым по лицу стыдливым румянцем, ему показалось, что перед ним ее мать, что он видит подлинную Эрмелинду, и его охватило волнение. Однако он сумел сдержаться, встретил отца с учтивым достоинством, с приветливым лицом и ласковым взглядом, который тем не менее внушал почтение, а дочери оказал внимание, подобающее девице знатного рода, и развлекал ее веселым разговором, пока не вошли пажи и не объявили, что обед подан. Все перешли в другой зал. Марко усадил Биче по правую руку от себя, графа — по левую, а остальные приглашенные разместились вокруг стола.

Мы не станем задерживаться на распорядке и церемониале этого пиршества, которое, конечно, не отличалось такой же роскошью, как пиры, устраивавшиеся в особо торжественных случаях, однако в наши дни могло бы составить честь любому самому богатому и пышному двору Европы.

Стол украшали тончайшие скатерти и салфетки, отделанные кистями и бахромой, с вышитым посередине изображением змеи; драгоценная посуда, сверкающие золотые и серебряные блюда; всевозможные яства из разных местностей, приправленные причудливыми соусами разнообразных оттенков, позолоченные рыбы, павлины, тщательно украшенные собственными перьями и столь искусно установленные на столе, что они казались живыми; лесная дичь, медвежонок со слегка посеребренной

шерстью, золотыми когтями и зубами и со свечой во рту. При каждой смене блюд подавались большие чаши с душистой водой для омовения рук, изысканные вина разливались в прекрасные чеканные кубки из драгоценных металлов и изящные хрустальные бокалы, украшенные узорами, цветами и звериными мордами.

Когда гости пили последний кубок, в залу вошли двенадцать пажей в двухцветных — красно-белых — штанах и куртках. Они внесли праздничные подарки. Одни удерживали на кожаных поводках борзых, гончих или легавых собак в бархатных ошейниках, со сворками из цветного сафьяна; другие несли на красных нарукавниках обученных для разных видов охоты благородных соколов, ястребов и кречетов с красными колечками на ногах, белыми ремешками и в колпачках, украшенных жемчугами, серебряными колокольчиками и маленькими гербами со змеей; третьи держали в руках шпаги с позолоченными эфесами, стальные шлемы, плащи и мантии из рытого бархата, с шелковыми поясами, жемчужными пуговицами и золотыми кистями.

При появлении пажей с дарами Марко заметил, что у них нет ничего, что можно было бы преподнести благородной девице. Он знаком подозвал к себе оруженосца, и тот, выйдя на минуту из зала, вернулся с жемчужным венцом на золотом подносе. Тогда Марко Висконти встал из-за стола, взял венец в обе руки, преклонил колено перед Биче и, снова поднявшись, бережно возложил его на ее голову.

— Да благословит господь королеву нашего пира, — сказал он, и все присутствовавшие ответили криком одобрения.

После этого Марко попросил девушку «придать (как он выразился) особую ценность его скромным дарам, раздав их собственноручно рыцарям и баронам, удостоившим его своим посещением». Биче встала, и все гости последовали ее примеру. Марко вызвался служить ей оруженосцем. Он повел ее от стола к столу и, получая от пажей дары, передавал ей одну вещь за другой; девушка с величайшим изяществом вручала их тому, кто оказывался перед ней, а удостоенный ее милости, преклонив колено, целовал край одежды прекрасной дарительницы. Отторино достался стальной шлем с эмалевым гребнем, и кое-кто заметил, что рука смущенной королевы задрожала, когда она вручала дар молодому рыцарю; впрочем, это могло быть вызвано и тем, что шлем был слишком тяжел для нежной ручки девушки.

Последним получал подарок граф дель Бальцо, которому

Марко приготовил великолепного кречета. Подобно остальным, граф преклонил колено перед дочерью и поцеловал край ее платья, но, вставая, он не смог сдержать порыва отцовских чувств, заключил ее в объятия, поцеловал в лоб и проговорил:

— Дочь моя, да благословит тебя бог!

Это вызвало новый взрыв восторга во всем зале.

Когда шум утих, Марко сказал девушке:

— Прекраснейшая и милосерднейшая королева, неужели среди всех осчастливленных вами я один останусь без вашей милости? Если моя просьба не слишком дерзка, могу ли я надеяться получить из ваших рук какую-нибудь ленту, шнурок, нитку в знак того, что вы согласны признать меня своим вассалом?

Девушка смутилась и растерялась, но отец сказал ей:

— Скорее... дай ему что-нибудь... ну, что-нибудь... какое-нибудь из твоих украшений.

Биче повиновалась и сняла с запястья расшитую золотом ленту, которую Марко принял из ее рук, опустившись перед ней на одно колено.

Встав из-за стола, гости разбились на отдельные кучки и принялись обсуждать новости, главным образом о папе и анти-папе. Граф тотчас же овладел разговором, пустив в ход всю свою латынь и каноническую ученость, и молодые люди, не умевшие говорить ни о чем другом, кроме как о своем коне и мече, только таращили глаза на столь удивительного эрудита. Но мало-помалу слушатели устали, им надоело восхищаться и все принимать на веру. Вспомнив, что и у них есть языки, они один за другим стали отходить от оратора, возле которого осталось всего три-четыре человека, да и те, как только граф перестал внушать им страх, под тем или иным предлогом примкнули к новому кружку, состоявшему только из людей, перебежавших в него из первого.

Там разговор шел о турнире, который в этот день было решено устроить, чтобы отпраздновать избрание Адзоне Висконти имперским наместником. После множества вопросов и ответов Лодризио извлек из-за пазухи пергаментный свиток и сказал:

— Вот подлинный вызов, который объявляли глашатаи.

Все присутствовавшие столпились вокруг него, и он начал читать:

— «Слушайте, слушайте, слушайте! Господа князя, бароны и дворяне, я извещаю вас о великом и благородном состязании, о турнире и пышном празднестве, которое состоится

в городе Милане, в Ломбардии, через месяц, считая от нынешнего дня.

Дабы покончить с праздностью, показать себя, отличиться в воинском деле и снискать благосклонность прекраснейших и благороднейших дам, которым мы служим, а также для того, чтобы выразить ликование города и всего герцогства по случаю назначения знаменитого и великодушного Адзоне Висконти имперским наместником, мы, рыцари, чьи имена подписаны ниже, решили устроить турнир и состязание, на котором от восхода и до заката солнца будем держать поле, готовые принять вызов любого миланского или чужеземного рыцаря.

Условия состязания.

Первое состязание — на коне в ограде с нанесением четырех обычных ударов и одного в честь дамы.

Второе состязание — сражение мечами на конях: один на один, двое на двое или все собравшиеся с согласия судей турнира.

Рыцари, держащие поле, предоставят вызывающим их рыцарям копьяд одинаковой длины и толщины, мечи — по выбору вызывающих.

Если кто нанесет рану коню, виновный будет удален с поля.

Тот, кто сломает больше копий и нанесет больше хороших ударов, получит в награду боевые доспехи.

Для вызова на поединок надо коснуться копьем щитов одного или нескольких рыцарей, держащих поле, или их вызывающих, каковые щиты будут выставлены в конце поля, а за ними будут стоять служители для оповещения рыцарей о вызове.

Рыцарей, держащих поле, а равно их вызывающих, просят принести или передать главе указанных распорядителей щиты со своими знаками или гербами, дабы оные были выставлены до начала состязаний в указанном месте, в случае же, если оные щиты не будут доставлены в надлежащее время, они будут приниматься лишь с согласия устроителей и Великого и Блистательного Господина Имперского Наместника.

В знак подлинности сего документа мы подписали свои имена».

Тут читавший остановился.

— А имена? — сказал кто-то. — Читайте дальше.

— Вот эти имена:

«Скараморо Липрандо, Отторино Висконти, Брондзин Каймо, Пинала, Пьетро Меравилья, Танцо, братья Бираго, братья Боси, Бертоне Какатоссичи, Лоренцуоло да Ландриано.

Составлено в Милане, в 1329 году от рождества Христова, месяц, день. . .» Ну, что вам сказать еще?

Марко ни на шаг не отходил от Биче и все время почтительно и любезно беседовал с ней. Когда уже вечером ее отец подошел к нему, чтобы испросить разрешения удалиться, он проводил ее до дверей зала, где, препоручив ее отцу, высказал ему множество самых неумеренных похвал и, всячески его обласкав, сказал ему на прощание, что отныне надеется наверстать время, потерянное в течение их слишком долгой разлуки.

Граф вышел от Марко настолько опьяненный радостью, что ног под собой не чуял. Едва вернувшись домой, он рассказал жене о том, с каким почетом их принимал Марко Висконти, и Эрмелинда почувствовала облегчение: она не сомневалась, что Отторино говорил с Марко о своем намерении жениться на Биче и что благосклонность последнего к графу и девушке означает его одобрение.

Немного спустя появился и сам Отторино, сияя так же, если не еще больше, чем граф. Когда речь зашла о событиях прошедшего дня, Отторино заметил, что граф и графиня считают, будто Марко уже дал согласие на его брак с Биче, но не стал их разубеждать. После такого приема, свидетелем которого он сам был, он уже слишком уверился, что его судьба не вызывает сомнений, и решил при первой возможности, как только останется наедине со своим господином, поговорить с ним о том, о чем не мог сказать в присутствии множества посторонних. Поэтому он прямо заговорил с родителями Биче о свадьбе, как о деле ближайших дней, и без труда добился их согласия. Затем граф подмигнул жене и повернулся к Биче, которая во все время их разговора молчала, не осмеливаясь поднять голову.

— Послушай-ка,— сказал он с глуповато-насмешливой улыбкой, которая всегда появлялась на его лице, когда он собирался отпустить шутку,— послушай-ка, а ведь мы судим да рядим без хозяина: мы сосватали тебя, не спросив твоего согласия, а у тебя, может быть, и в голове ничего подобного не было.

Биче, покраснев, взяла мать за руку и не ответила ни слова.

Эрмелинда сделала знак графу, чтобы он перестал шутить, а затем улыбнувшись, сказала Отторино:

— Как бы не относилась моя дочь к тому, что никто не может решать за нее, я хочу, чтобы пока вы удовлетворялись согласием ее матери.

Молодой человек стал прощаться, и девушка, видя, что он уходит, подняла голову и, не выпуская руки матери, спросила:

— Вы ведь завтра придете?

— Ага, ага, вот ты и попалась, вот ты и попалась, скрытница! — вскричал граф, заливаясь смехом. — Вот ты какая! А мы-то приняли ее за святую Лучию! Ах, негодница!

Юноша ушел столь же довольный, как и те, кто остался дома.

ГЛАВА XI

В потайном покое Марко Висконти горел трехфитильный серебряный светильник, источавший слабый приятный запах. Лодризио сидел на кресле с ручками, но без спинки, положив один локоть на маленький столик и подперев лицо ладонью, и разговаривал с хозяином дома, который слушал его рассеянно, словно занятый какими-то иными мыслями.

— В этом мы можем быть уверены, — говорил лукавый советник, — сегодня герцог монтефортский получил двадцать пять тысяч золотых флоринов, которые Людовик Баварский поручил ему взять у вашего племянника Адзоне, а завтра он со своими немцами будет уже в Тироле и не вернется назад. Когда император, который ждет его с деньгами в Тоскане, не имея ни гроша, в одно прекрасное утро узнает, что выкинул его посланец, у него будет дурацкий вид, клянусь жизнью! Да знаете ли вы, что это был мастерский удар? Одним махом избавиться сразу от всех! И нельзя же затевать что-либо новенькое, не избавившись прежде от них.

— Конечно, — ответил Марко равнодушно.

— Однако, — продолжал Лодризио, — вы были совершенно правы, когда сегодня утром сказали мне, что время еще не пришло, ибо надо дать сделать свое дело тем священникам и монахам, которых послал папа, а Баварца заставить потратить как можно больше людей и денег, что он и так каждый день делает. Да, кстати, известно ли вам, кузен, что восемьсот немецких всадников покинули свое знамя, так как им не выплатили жалованья, и засели в долине Ньеволе, в замке Черульо? Интересно, знают ли уже об этом во дворце наместника?

Марко, поглощенный совсем иными мыслями, услышал последнюю фразу как сквозь сон, когда до сознания человека доходит только звук слов, но не их смысл, и все же оставляет какой-то след в замутненном, полудреmlющем мозгу, позволяя по этому последнему звуку догадаться о сути произнесенной речи. По слову «Черульо», все еще звучавшему у него в ушах

вместе с вопросительной интонацией Лодризио, Марко понял, о чем идет речь. Сделав вид, что он все время внимательно слушал, он спросил:

— Это тот самый отряд немцев в Черульо?

— Да, я говорю, не слышали ли чего-нибудь о них ваши братья и наместник?

— Об этом сообщил сам Баварец, — ответил Марко. — И теперь император всячески торопит моего племянника, чтобы заставить его уплатить обещанные деньги; с их помощью он надеется вновь заставить повиноваться взбунтовавшийся отряд.

— Тут-то он и попал впросак! Не очень-то здесь разживешься, даже если захочешь, — ответил советник.

— А знаешь, — продолжал Марко, — знаешь, что надумал Адзоне? Угадай! Послать вместо денег в Черульо меня.

— Что?

— Он хотел бы отправить меня к бунтовщикам заложником, чтобы они вели себя тихо, пока он не соберет денег для расплаты с ними.

— Очень любезно с его стороны! — сказал Лодризио, ухмыляясь.

— Вот так-то, — продолжал Марко, — и как раз сегодня утром он начал проверять, как я к этому отнесусь, говоря, что я ниспослан ему самим небом и что никто, кроме меня, не сможет вызволить его из случившейся с ним беды — ведь эти немцы знают меня и поверят моим словам. И тут он заговорил о моих подвигах.

— Гм, ваши подвиги? Надо было ему сказать, что самый славный ваш подвиг еще впереди. Что же до его предложения, то он не так уж глуп. Ему хотелось бы убрать вас отсюда, а то он так и живет в вашей тени. Это и слепому видно.

Марко улыбнулся, а затем сказал:

— А знаешь, что приходит мне в голову, когда я думаю об этом?

— Нет, а что?

— Заманить его в его же собственную ловушку: я поехал бы в долину Ньеволе, как он хочет, привлек бы на свою сторону этих восемьсот копейщиков, которые за меня пойдут в огонь и в воду (тут мой племянник не ошибся), уплатил бы им из своего кармана. А ты здесь устроил бы переворот. А когда Баварец пойдет сюда на помощь своему ставленнику, тут-то я и ударю со своими восьмьюстами копейщиками из Черульо и всеми теми, кого наберу тем временем в Тоскане.

Лодризио вскочил, восклицая:

— Братец, да ведь это же золотые слова! Давайте и вправду сыграем с ним такую шутку!

— Ладно, — сказал Марко, — при удобном случае мы еще об этом потолкуем. Мне тоже кажется, что тут можно кое-чего добиться, но сегодня вечером я не хочу больше говорить о серьезных вещах. До завтра.

— Говорю вам, это чудесная мысль, — продолжал тем не менее Лодризио, направляясь к выходу. — А как бы повлияла на переговоры с Флоренцией такой поворот, что вы в Ньюволе встали во главе восьмисот копий!

— Кстати, о Флоренции, — сказал Марко, чтобы покончить с этим разговором, — ты мне напомнил, что нынче ночью мне надо еще написать Флорентийской сеньории¹. Да будет с тобой благословение божие, братец.

— До свидания, — ответил Лодризио и удалился.

Оставшись один, Марко еще некоторое время взволнованно мерил комнату шагами. Иногда он качал головой и жестикулировал, словно хотел отогнать какие-то назойливые мысли. Наконец он решительно остановился и сказал вслух, словно приказывая самому себе: «Надо написать Флорентийской сеньории». Затем он снял шпагу, чтобы она ему не мешала, и хотел повесить ее на стену, но, взявшись за рукоятку, увидел дар Биче — полученную от нее ленту, которую он повязал вокруг эфеса. Одно мгновение он смотрел на нее, а потом почти гневно отвел глаза. Подойдя к столу, он взял кусок пергамента, открыл чернильницу, обмакнул перо и, заметив, что оно пишет толсто, принялся его чинить. Он вертел его так и эдак, расщепил и снова подрезал; голова у него кружилась. Однако спустя немного времени он словно очнулся от сна и ощутил жажду деятельности. Он отбросил истерзанное перо, которое с удивлением увидел у себя в руках, взял новое, быстро зачинил его и принялся писать:

«Достопочтенным и ученым мужам Флорентийской общины, ревностным и славным друзьям шлет Марко Висконти свой искренний привет».

Поставив точку, Марко откинулся на спинку, поднял глаза к потолку и принялся обдумывать фразы, которыми хотел начать письмо. Однако рука его больше не тянулась к перу, взгляд

---

¹ Флорентийская сеньория — совет, возглавлявший Флорентийскую республику. Члены этого совета назывались приорами.

не отрывался от потолка, а дело не двигалось вперед. Наконец он обеими руками резко отодвинул докучное письмо, встал, хлопнул ладонью по лбу и принялся расхаживать по комнате, говоря сам с собой:

— Разве я и раньше не знал, что она похожа на Эрмелинду? Ведь мне об этом и писал и столько раз говорил Отторино!.. Вот пустая голова!.. Даже голос точь-в-точь ее!.. И улыбка, и осанка, и взгляд!.. Бедная голубка! При виде ее, при звуке ее голоса мне показалось, что вновь ожила моя юность, мои давние надежды. О, как далеки те времена! Тогда тлетворный дух беззакония еще не запятнал моего сердца.. Достаточно было Эрмелинде спеть песню, чтобы весь мир мне улыбался, чтобы в каждом я видел друга.. А потом? Сколько страданий и сколько гнусностей! Я сам за это время запятнал себя грязью, я сам упивался кровью! А мне казалось, что я рожден не для этого.. Биче! Какое прелестное имя!.. — Тут на лице его появилась злая и презрительная усмешка, словно он поймал своего подчиненного на каком-то постыдном деле. — И это ты? — продолжал он. — Это ты, тот самый Марко, от которого пол-Италии с трепетом ждет решения своей судьбы? Марко, которого не сломили долгие годы страданий и тяжелых испытаний? Как? На пороге великого и туманного будущего, навстречу которому ты дерзко идешь, ты еще можешь мечтать о какой-то девчонке?.. Что сказал бы Лодризио, этот злой насмешник? Ну да ладно! Пусть рассеются проклятые тучи и полным светом вспыхнет моя звезда... Да, я так хочу!

Снова обратившись к начатому письму, он уже не выпускал пера из рук и не отрывал глаз от пергамента до тех пор, пока не исписал мелким почерком четыре больших листа, а после этого отправился спать, и голова его была полна гвельфами и гибеллинами, папой и императором, интригами и сражениями...

Вернувшись через несколько дней из Павии, куда он ездил для совещания с заговорщиками, Отторино предстал перед своим господином с твердым решением признаться ему во всем и умолять его не гневаться на него за то, что он выбрал Биче в невесты. Но при первом же взгляде на насупленное, угрюмое, хмурое лицо Марко вся его решимость исчезла. Юноша рассказал о том, что было связано с делами, ради которых он был послан в Павию. Затем он перешел к графу дель Бальцо, используя в качестве предлога недавний спор последнего с одним монахом о незаконности низложения папы Иоанна. Это был долгий, яростный спор, в конце которого монах пошел на по-

пятный и наконец согласился с мнением графа, отчего тот очень возгордился.

В глубине души Марко посмеивался, слушая рассказ о событии, которое он сам же подстроил с помощью одной хитрой уловки. Тут будет уместно рассказать нашим читателям, что после приезда графа дель Бальцо в Милан Марко, желая привлечь его на свою сторону, позаботился о том, чтобы в его доме постоянно бывали знатные рыцари и ученые, которые вели споры на злободневные темы. И дабы не оставлять графа, вооруженного только латынью, которая была не бог весть какой опорой, лицом к лицу с более сильными противниками, он втихомолку подсылал к нему нескольких могучих помощников, среди которых был и наш старый знакомый, адвокат, защищавший лимонцев, и эти помощники доблестно приходили на выручку хозяину дома всякий раз, когда замечали, что он начинает сдавать.

Представьте себе, как радовался граф, какой спесью он надувался оттого, что мог целыми днями произносить речи перед внимательными и почтительными слушателями и вести подобные споры.

Раз уж мы заговорили об этих беседах, надо сказать читателю по секрету еще об одном обстоятельстве. Чаще всего победа в спорах определялась не благодаря доводам главного оратора, а благодаря гораздо более веским и убедительным доводам, которые содержались в письмах, приходивших из Тосканы. В них сообщалось, что антипапа Пьетро да Корвара оставлен почти всеми, а влияние папы Иоанна, наоборот, все больше возрастает. Другой аргумент, более личного свойства, коренным образом менявший воззрения и чудесным образом убеждавший даже самых упрямых, исходил из всегда открытой и неистощимой казны Марко. После такого умело купленного раскаяния обращенный, если это был человек, разбиравшийся в догмате веры и прочих материях того же рода, нередко попадал на званый вечер в дом графа дель Бальцо. И там, долго отстаивая перед хозяином давно уже преданные им принципы, он под конец делал вид, что сдается под напором его аргументов, увлекая своим примером других простаков.

Для той эпохи, когда жестокость и грубость расцветали гораздо более пышным цветом, чем хитрость, это была весьма тонкая игра. В наши же дни, когда люди настолько изощрились в искусстве подставлять ножку своим ближним, подобная уловка показалась бы нелепостью или невинной шуткой для девиц и младенцев.

Но вернемся к Отторино, который упомянул про графа только для того, чтобы как-то перейти к разговору о его дочери. Рассказав о поражении монаха, он заметил, что на лице Марко отразилось удовольствие, причину которого мы объяснили выше. Это была мимолетная удовлетворенная улыбка, вызванная тем, что ему так удалась его хитрость. Отторино заметил ее и приободрился. Но Марко тотчас же нахмурился и сказал ему с плохо скрываемой насмешкой:

— Когда я был таким же мальчишкой, как ты, я действовал больше копьем и мечом, говорил о лошадях и турнирах, а ты все трешься около священников и разговариваешь о папах и законах!

— Послушайте, — отвечал юноша, слегка смущенный, но все же довольный возможностью как-то перейти к нужному ему разговору, — граф только что приехал в Милан, он был сомной очень любезен... да, по правде говоря, и его семья... — Тут он запнулся, так как заметил, что на лицо его собеседника легла мрачная тень. «Вот не повезло! — подумал он. — Наверное, я что-то не так сказал, а он чем-то недоволен!» Он попытался перевести разговор на другую тему, но не смог избежать некоторого замешательства, как всякий человек, которому приходится подыскивать другие слова, чтобы не стоять с глупым видом как раз в тот момент, когда на языке у него уже вертится готовая фраза, а он должен ее переделывать.

Марко не перебивал юношу, молча рассматривал его расстроенное лицо, слушая его сбивчивую, запутанную речь и не спуская с него холодного, пронизательного взгляда, который словно видел его насквозь, — взгляда, перед которым опустил бы глаза и самый знатный и самоуверенный человек. Из затруднительного положения юношу вывел паж, доложивший, что аббат монастыря святого Амвросия ожидает приема.

— Пусть войдет, — сказал Марко, и Отторино удалился, несколько обиженный подобным обращением, но не придав случившемуся большого значения, так как приписал все плохому настроению своего господина. Он был уверен, что осуществит свое намерение при первой же возможности, когда Марко будет в духе.

А пока все свободное время Отторино проводил у невесты. Он говорил ей о своей любви, о своих надеждах, предаваясь приятным воспоминаниям о днях, проведенных вместе в Лимонте, вновь и вновь возвращаясь к кораблекрушению и охоте. С напускной строгостью Отторино требовал, чтобы Биче объяснила

ему, чем было вызвано то пренебрежение, которое доставило ему столько мук, и ее ответы наполняли его радостью. Нежные упреки, которые она делала с улыбкой, речь, оборванная на полуслове, или стыдливый румянец, появившийся на щеках девушки при некоторых воспоминаниях, убеждали влюбленного юношу, что и он любим.

В один из таких дней Марко пригласил Отторино сопровождать его в поездке по городу. Из многочисленных рыцарей свиты Марко выбрал нашего героя и велел ему ехать рядом с собой. Это была честь, о которой мечтали все молодые поклонники знаменитого воина. Отвечая кивком или движением руки на приветствия людей, собравшихся у окон, на балконах и на улицах, чтобы посмотреть, как он проедет, Марко осыпал двоюродного брата самыми любезными знаками внимания, словно стараясь своей необычайной благосклонностью и расположением подбодрить его и искупить ту суровость, которую проявил по отношению к нему при их последней встрече.

— Послушай, Отторино, — сказал он ему спустя некоторое время, — мне скоро придется ехать в Тоскану, и ты поедешь со мной.

Это внезапное заявление привело юношу в замешательство.

— Конечно, это большая милость, — сказал он нерешительно, — но... как раз сейчас...

— Что? У тебя, может быть, есть планы, которые важнее дел твоего господина?

— Нет, но...

— Но что?

— Вам, наверное, известно, что я один из тех рыцарей, которые будут держать поле, и под вызовом стоит и мое имя.

— Ну, если тебе мешает только это, то помочь нетрудно. Ты думаешь, свита моя настолько поредела, что тебе нельзя будет найти замену? Ты ведь знаешь: раз речь идет о служении господину, то замена разрешается. Впрочем, я понимаю, — продолжал он с деланной улыбкой, — я, наверное, догадываюсь, почему тебя так смутило мое неожиданное предложение. Ведь в Милан скоро приедет Франкино Рускони с дочерью... Но не беспокойся, на этот раз долг не помешает любви. Перед отъездом ты обменяешься с нею кольцами.

Загнанный в угол, Отторино понял, что времени для колебаний больше нет, что нужно решительно объясниться.

— Мне очень жаль вам перечить, — начал он, — но прошу вас во имя верности, с которой я всегда служил вам...

— Куда ты клонишь? — резко прервал его Марко. — Неужели ты изменил свое намерение?

— Вы угадали, — ответил юноша, — я никогда не давал слова дочери Франкино... это были лишь пустые разговоры, и я считаю себя все еще свободным.

Тем временем кавалькада достигла Брера дель Кверга и теперь двигалась мимо дома графа дель Бальцо. Марко и Отторино одновременно подняли глаза на балкон, с которого на них смотрели отец и дочь. Читатель легко угадает, на которого из двух всадников были обращены взоры дочери, в то время как граф суетился и перегибался через перила, посылая Марко поклоны и воздушные поцелуи. Когда они проехали мимо, юноша хотел продолжить начатый разговор, но Марко, строго взглянув на него, жестом приказал вернуться в ряды свиты. Затем он отпустил поводья, пришпорил коня и погнал его бешеным галопом во двор своего дома. Там он спешил, молча поднялся по лестнице и весь день не выходил из своих покоев.

А теперь, с позволения читателей, вернемся назад и посмотрим, что случилось в Лимонте, где мы оставили наших друзей в то самое время, когда на них должно было обрушиться страшное несчастье — целых шестьдесят копеечников во главе с Беллебуоно были готовы предать огню и мечу всю деревушку.

Пока злодеи, отчавившие под вечер от берегов Лекко, тайно добирались до Лимонты, мечтая о грабежах и резне, пока Лупо с противоположной стороны стремглав скакал по извилистым и запутанным горным тропкам, надеясь вовремя добраться до земляков и предупредить их о грозящей опасности, чтобы они ушли в горы или подготовились к обороне, ни о чем не подозревающие жители Лимонты разошлись, как обычно, по домам, где их ожидали привычные вечерние дела.

Хижина лодочника, отца утонувшего Арригоццо, стояла, как мы уже упоминали, чуть в стороне от остальных, к северу от деревни. От озера была видна только ее соломенная крыша с деревянным крестом наверху. Все остальное заслоняли два старых каштана, как бы заключившие домик в свои объятия. Внутри находилась небольшая каморка с земляным полом, плетеным из прутьев потолком и стенами, черными от копоти.

В одном углу виднелась небольшая лежанка, покрытая толстым грубым одеялом, которое в здешних краях называют «каталанским», потому что их привозят из Каталонии; это на-

звание и по сей день сохраняется в некоторых деревнях на озере Комо. Убогое это ложе принадлежало бедному Арригоццо, а сейчас на нем спал его верный друг, маленький пудель.

Рядом с кроватью, не далее чем в двух шагах, находился огромный ящик, наполненный землей, в котором, по обычаю тех времен, распространенному повсеместно в Европе (камины были изобретены лишь совсем незадолго до описываемых событий), разводился огонь. Над ним на треножнике стоял глиняный горшок, в котором что-то варилось. Середину комнаты занимали буковый стол и четыре плетеных стула. Полдюжины весел, полка для посуды, на которой было выставлено несколько тарелок, три глиняные миски и три латунные ложки, блестящие, словно золотые, а также ящик, багор и рыболовная сеть завершали меблировку дома.

Сидя возле стола, старая Марта, мать утонувшего Арригоццо, пряла при свете железного светильника, прицепленного крючком к жерди, свисавшей с потолка. Скорей худощавое, чем изможденное лицо, изборожденное лишь немногими морщинами, прямая спина и уверенные движения рук говорили о том, что тяготы и лишения нищей жизни не сломили ее крепкой и сильной натуры. Но на ее челе, на котором всегда отражалась безмятежность, теперь лежала тень недавнего и неожиданного горя. Увидев ее впервые, вы сразу заметили бы на ее щеках бледность, которая не могла быть обычной, и свежие следы слез. Легко было, однако, догадаться, что ее глаза, сейчас распухшие и потускневшие, вовсе не привыкли плакать.

Было видно, как она шевелила губами, произнося молитвы, но молилась она молча, и были слышны лишь последние слоги слов, которые она сопровождала частыми и усердными наклонами головы.

Время от времени она бросала взгляд на ложе погибшего, затем поднимала глаза к небу с таким безутешным горем, что было ясно, о чем она молила всевышнего — чтобы он скорее призвал ее к себе и она воссоединилась с любимым Арригоццо.

Микеле, сидевший спиной к столу, склонялся над огнем и помешивал ложкой чечевичную похлебку, булькавшую в горшке. На лице его отражалось еще более глубокое и тяжкое горе, в котором чувствовались не только боль, но и гнев. Он нарочно не оборачивался к жене, чтобы вид материнских страданий не усугубил его скорби, и продолжал, не поднимая головы, делать свое дело.

Спустя полчаса женщина встала, убрала прялку, подошла

к огню и сняла с него горшок. Затем она направилась к полке, по-прежнему поглощенная молитвой, увидела три тарелки, машинально взяла их и проделала все те движения, к которым за долгие годы привыкли ее руки. Поставив тарелки на стол, она положила рядом три ложки, разлила похлебку и позвала:

— Микеле, иди ужинать.

Но едва Микеле, услышав ее голос, повернулся к столу, Марта заметила, что на столе стоит лишняя тарелка, поспешно схватила ее и поставила на пол, сделав вид, что приготовила ее для щенка. От мужа, однако, не укрылись поспешность и смущение жены, а на столе, на привычном месте, он заметил третью ложку. Догадавшись, что ее положила по рассеянности мать, привыкшая заботиться о сыне, он отвернулся, чтобы не выдать своего волнения, взял тарелку и ложку и отошел на прежнее место.

Опустив голову, Марта постояла немного, чтобы прийти в себя, затем окликнула щенка, который, подняв мордочку, помахал хвостом и поглядел на нее. Марта подошла к кровати, погладила щенка и, ласково с ним разговаривая, взяла его на руки и поставила рядом с миской. К этому псу у нее никогда не лежало сердце. По правде говоря, Марта его просто невзлюбила и не раз бранилась из-за него с сыном, потому что в такие трудные годы, думала она, нельзя брать еще лишнее бремя, ведь и самим-то им нелегко прокормиться. Но теперь, когда Арригоццо умер, она не могла отказать щенку в необходимых заботах, не могла дурно с ним обращаться, отказывать ему в ласке — это показалось бы ей дурным поступком, преступлением, святотатством.

Песик поблагодарил хозяйку за непривычную ласку повизгиванием, более похожим на человеческий стон, опустил морду в миску и немного полакал похлебку, потом вспрыгнул на кровать и снова замер в прежнем положении. «И этой бедной твари хочется умереть вместе с ним», — подумала про себя старуха, все время смотревшая на щенка. Затем она села за стол, перекрестилась и начала есть. Поводив ложкой по тарелке, она выловила немного чечевицы, но еда, казалось, не шла ей в горло, и, лишь увидев, что муж направляется к столу, чтобы поставить миску на место, она поспешно проглотила две-три ложки, стараясь показать ему, что ест с охотой.

Через минуту она заметила, что поставленная мужем миска почти полна. Она взяла ее в руки, подошла к Микеле, по-прежнему сидевшему у огня, тронула его за плечо и сказала:

— Микеле, перестань! Съешь, пожалуйста. Ты протянешь ноги, если будешь упрячиться: ты же весь день ничего не ел!

Лодочник резко дернул плечами и не ответил ни слова. Марта продолжала печальным голосом:

— Ну, съешь хоть немного! Не хочешь же ты умереть с голоду? Ты же должен подумать о себе. Сделай это для меня: ведь если и тебя со мной не будет... — Но тут голос ее прервался.

— Ну вот! — с трудом сказал лодочник. — Скоро ты кончишь причитать? Весь день, весь день одно и то же! — И, смахнув в свою очередь слезы с лица, он продолжал: — Разве его этим воскресишь? Ей-богу, я больше не вынесу!

Несчастная старуха сдержала слезы, отчего горечь в ее сердце стала еще сильнее, вытерла передником лицо и снова принялась за пряжу.

Долгое время они хранили глубокое молчание. Марта, ни на минуту не оставляя своей работы, иногда поглядывала на мужа, который сидел на низкой скамеечке, опершись руками о колени и закрыв лицо ладонями, и, казалось, плакал.

Наконец он встал, подошел к жене, обнял ее и хотел ей что-то сказать, чтобы как-то успокоить ее, чтобы лаской смягчить ту боль, которую он только что причинил ей своими неуместными словами, но произнес только:

— Ну ладно, Марта, я сделаю так, как ты хочешь. Я поем, чтоб угодить тебе. — И он в самом деле сел за стол и принялся за еду. — Послушай, Марта, — промолвил он вскоре, — завтра мне надо отвезти в Дервио нашего старосту; давай попросим его заказать заупокойную службу на деньги общины... И лучше всего в Лугано, они-то ведь там не отлучены.

— Про заупокойную службу я ему уже говорила, — ответила женщина. И, показав пальцем на пряжу, добавила: — Видишь эту шерсть? Это для епископа в Лугано: работа тоже пойдет на оплату мессы.

Закусив губы, искривившиеся и задрожавшие от внезапного волнения, и с трудом удерживая слезы, лодочник почувствовал к старой подруге своих дней такую нежность, такую жалость и сострадание, в которых было нечто более святое и, можно даже сказать, более ласковое, нежели в той первой пылкой любви, которую он испытывал к ней в годы их молодости.

Был поздний час; вокруг стояла тишина, слышался только глухой шум озера да скрип каштанов, скрывавших хижину лодочника. Внезапно щенок, лежавший на кровати, поднял голову, насторожил уши и заворчал, потом спрыгнул на пол и побежал к двери, злобно рыча и лая. Микеле и его жена прислушались, но снаружи не было слышно ничего странного, не раздавалось никаких необычных звуков. Микеле отодвинул засов, открыл дверь и вышел из дому. Издали, со стороны Лимонты, доносился лай еще одной собаки — собаки рыбака. Тогда он поднялся на бугор за хижинкой, взглянул на деревню и увидел, что небо в той стороне порозовело, а на ближайших отрогах гор мелькают и переливаются яркие пятна — отсветы пожара.

— Лимонта горит! — вскричал лодочник и побежал в деревню на помощь соседям.

— Побереги себя! — крикнула ему вслед Марта и, вернувшись в дом, опустилась на колени и начала молиться.

Приблизившись к деревне, Микеле слышал долетавшие оттуда неясные крики, затем крики усилились и стали доноситься со всех сторон: и справа, и слева, и с противоположного склона горы, и с берега озера. Сначала он различал отдельные голоса и мог бы сказать, в каком доме, в какой хижине они раздаются. Но постепенно шум нарастал, голоса сливались в общий гул и становились неразличимыми в едином вопле.

Взобравшись на холм, Микеле убедился, что деревня загорелась не случайно: на его глазах одновременно запылали два дома в разных ее концах. Он прислушался, приложив для верности к уху ладонь, и в неясном гуле различил угрозы и ругательства. Присмотревшись внимательно к церковному двору, он заметил, что в мечущейся толпе поблескивают мечи и доспехи. Его охватила тревога. Еще немного, и он все понял.

А между тем пожар разгорался. В один миг вся деревня была охвачена пламенем. Можно было подумать, что горит само озеро. Видно было, как несколько лодок уходят от берега, отчаянно работая веслами. Вначале лодки и люди в них казались раскаленными докрасна угольками, но, отплывая все дальше от берега, они постепенно угасали, и светлые точки цвета позднего заката то исчезали из виду, то вновь появлялись среди последних отблесков, перескакивающих с волны на волну, пока совсем не пропадали в нескончаемой ночной мгле.

Лодочник хотел броситься вперед, подхлестываемый жела-

нием ввязаться в свалку, но его удержала мысль о той, кого он оставил одну в их бедной хижине.

Пока он так стоял, ему вдруг послышался какой-то шорох, потом хрустнула ветка, словно кто-то к нему приближался. Лодочник спрятался за толстым стволом старой оливы и в свете пожара увидел женщину с младенцем на руках и маленькой девочкой, цеплявшейся за ее юбку. Женщина вела за собой на веревке корову, которая упиралась, оглядывалась на деревню и время от времени принималась мычать, словно тоскуя о покинутых яслях. В ответ издалека и с разных сторон доносилось ответное мычание: видимо, и другие несчастные старались спасти своих детей, скот и жалкое имущество.

Микеле сразу же узнал женщину. Он вышел из-за дерева и окликнул ее по имени.

— Что там случилось? — спросил он. — Скажите, можно ли чем-нибудь помочь?

— Монастырские солдаты подожгли деревню, — отвечала испуганная женщина. — Они убивают всех, кто попадется им в руки. Мы разорены, мы погибли! Боже мой, что мне привелось увидеть! Это последняя ночь Лимонты! Видно, господь наказывает нас за великие грехи. Микеле, — продолжала она умоляющим тоном, — раз уж провидение вас нам послало, — пожалуйста, помогите мне тащить корову. Это все, что у меня осталось, чтобы прокормить моих бедных детей.

Микеле одной рукой взял веревку, другой подхватил девочку, до тех пор с плачем семенившую за матерью и не поспевавшую за ее быстрым шагом, и все вместе они направились в сторону Белладжо.

— Господь воздаст за это вам и вашему бедному усопшему сыну, — сказала несчастная женщина. — Милосердие, которое вы оказываете бедной вдове, вернется вам сторицей на том свете и пойдет во искупление доброй души вашего Арригоццо. . . Ах, Микеле! Вас жалела вся деревня, все только и говорили о вашем несчастье, но завтра скольким еще людям придется оплакивать своих близких, сколько еще людей пожалеет, что они не потеряли своего сына так, как вы потеряли вашего!

Микеле шел вперед с тяжелым сердцем, поглядывая то на горящую деревню, то на свою лачугу. Доведя вдову с семейством до безопасного места, он бегом вернулся к своей хижине.

Но едва он переступил порог, как ему навстречу поднялся какой-то мужчина в панцире. Думая, что перед ним один из разбойников, опустошавших Лимонту, он схватил кол, служив-

ший засовом, и решительно двинулся вперед, но солдат поспешно воскликнул:

— Микеле, ты что, не узнаешь меня?

— Это ты, Лупо? Неужто ты пришел с этими собаками?

— Боже упаси! Я спешил вас предупредить, да не успел. Солдаты уже высадились на берег и все предали огню, а наши или разбежались, или погибли. Теперь, раз уж силой не можешь, надо что-нибудь придумать, чтобы предупредить зло, которое еще не совершилось, и вырвать оставшихся в живых из лап этих дьяволов. Рыбак Стефано, которого я встретил на берегу озера, говорит, что они хотят повесить пленников завтра.

— Боже милостивый! Я готов, но... что мы можем сделать вдвоем против них всех? — сказал лодочник.

— Мы не одни, нас еще кое-кто дожидается, и у меня есть одна мысль, но надо, чтобы ты мне помог. За этим я и пришел сюда, зная, что ты храбрый человек.

— Боже милостивый! — повторил Микеле. — Ты знаешь...

Но Марта догадалась, что его удерживает беспокойство за нее, и сказала:

— Не думай обо мне. Ангел-хранитель оградит этот дом. А если... если... все равно, забота о ближних — это наш долг... Иди же, иди.

Сказав лишь: «Да хранит тебя бог!», Микеле бегом последовал за Лупо, который на ходу начал рассказывать ему свой замысел. Вместе они внесли кое-какие изменения, и каждый приготовился сыграть свою роль. Добравшись до деревни, Лупо пошел в обход ее, чтобы позвать трех-четырех земляков, вооруженных топорами и ножами, которые дожидались его, спрятавшись в каменоломне, а Микеле, совершенно безоружный, не имея и палки в руках, направился к церковному двору, где собрались монастырские солдаты. Как только его заметили, один из солдат бросился к нему с обнаженным мечом, но лодочник, подняв вверх руки, успел крикнуть прежде, чем тот ударил его:

— Мне нужен ваш предводитель. Ведь его зовут Беллебуоно?

— Чего ты не поделил с Беллебуоно?

— Мне кое-что нужно сказать ему по секрету... Ну-ка, покажи, где его найти. От этого будет польза и для тебя и для него.

«В худшем случае, — подумал солдат, — одним дроздом будет больше в клетке, да и к завтрашнему празднику добавится лишняя свечка».

— Ну, так шагай поживей, деревенщина, — сказал он вслух, — иди за мной.

И он повел его в церквушку, где была свалена скудная добыча, награбленная в деревне. Там же, связанные по рукам и ногам, находились семеро несчастных, попавших живыми в руки разнузданных солдат, которые собирались с ними расправиться. Среди этих бедняг лодочник сразу узнал приходского священника, которого как раз в это мгновение какой-то солдат ударил по лицу.

— Вот тебе Беллебуоно, — сказал Микеле человек, приведший его сюда, и показал рукой на насильника.

Лодочник направился к Беллебуоно, который вначале, казалось, готов был проглотить его живьем. Но, выслушав то, что лодочник прошептал ему на ухо, он быстро смягчился. Некоторое время они говорили вполголоса, и наконец предводитель отряда копейщиков, взяв с собой четырех солдат, направился вслед за стариком к домику, стоявшему несколько поодаль от деревни, в долине реки Ронкате.

— Так ты говоришь, добра там больше, чем на триста флоринов? — спросил Беллебуоно у своего провожатого, когда они опередили сопровождавших его солдат шагов на десять.

— А как же, — отвечал лодочник. — Ведь там вся утварь и церковные сбережения почти за двадцать лет.

— А разве дом священника не возле колокольни?

— Там, куда я вас веду, живет его племянник, и все добро припрятано у него.

— Черт возьми! Почему же их не нашел никто из моих солдат, которые ночью переворошили всю деревню?

— Да разве это возможно! Никому и в голову не придет искать их там, где я вам покажу!

Тем временем они приблизились к домику, стоявшему на крутом склоне, и Микеле сказал:

— Вот здесь.

— Ринальдо и ты, Винчигуэрра, — приказал Беллебуоно, — оставайтесь здесь на страже. Чтобы никто не выходил из дому без меня, и, если понадобится, по первому же сигналу зовите всех остальных, а мы войдем внутрь.

— Послушайте, — сказал лодочник предводителю, стараясь говорить погромче, чтобы его услышали все четыре солдата. — Значит, вы обещаете мне отпустить всех, кого захватили?

— Да, я обещал и отдам тебе всех, кроме священника: уж очень он мне надоел своими проклятыми проповедями. Я хочу

пустить его на рассаду — посмотрим, как у него будет работать язык, когда мы закопаем его вниз головой.

— Нет, нет, — отвечал Микеле, — вы обещали мне всех.

— Ну ладно, получишь и попа, если твой клад будет стоить лишнего покойника.

Двое солдат, получившие приказ начальника, остались у входа на страже, а Беллебуоно, Микеле и два других копейщика спустились вниз по лестнице и оказались в маленькой каморке, в стене которой виднелась дверь.

— Если хотите, я пойду с вами, — сказал лодочник предводителю, — и покажу вам, где что лежит.

— Ах, мошенник, — отвечал тот, — там, наверное, есть потайной ход, через который ты хочешь дать тягу и оставить меня с носом, словно какого-нибудь дурака. Ну уж нет, подожди меня здесь с моими добрыми друзьями, которые составят тебе компанию. . . Солдаты, что бы ни случилось, не отпускайте его до моего возвращения.

Копейщики тут же поставили лодочника между собой, причем он не оказал ни малейшего сопротивления, а лишь промолвил, обращаясь к Беллебуоно, который с фонарем в руке направился к указанной двери:

— Да вы и сами не ошибетесь: как только пройдете вторую комнату, спуститесь по винтовой лестнице — и за четвертым бо-
чонком увидите квадратную плиту. . .

— Да, да, я все помню, — отвечал Беллебуоно.

— Если хотите, я пойду с вами, — настаивал лодочник.

— Сам справлюсь!

Это были последние слова Беллебуоно, донесшиеся уже из второй комнаты. Потом слышно было, как он спускается по лестнице, свет от его фонаря стал слабее и наконец совсем исчез. Несколько секунд все было тихо, потом откуда-то снизу, из подвала, донесся глухой звук, словно упало что-то тяжелое.

Лодочник весь трепетал. Сердце, казалось, готово было выскочить у него из груди. Хорошо еще, что в каморке было довольно темно и его стражи не могли заметить, как напряглось его лицо.

— Что это там за шум? — спросили разом оба солдата, стоявшие по бокам Микеле. — Может, Беллебуоно споткнулся? . . Или уронил что-нибудь? . . А вдруг там засада? . . Пойдем посмотрим?

— Пойдем! Ой, нет, — он же велел подождать его здесь. . . А нужно будет, так он нас позовет.

Пока они так переговаривались, в двери, еле освещенный огарком, еще тлевшим в каморке, показался Беллебуоно и махнул рукой лодочнику; тот подошел к нему; они вполголоса обменялись несколькими словами, затем Микеле сказал громко, так, чтобы его слышали оба стороживших его солдата:

— Ну вот, я сдержал свое обещание, теперь вы должны сдерживать ваше.

Они вышли все вместе и, забрав с собой двух часовых, стоявших снаружи, направились к церкви. Когда они шли по тропе, лодочник, замыкавший группу вместе с человеком, которого копейщики по-прежнему слушались как начальника, начал чистить рукоятку его меча, выпачканную кровью.

— Что ты делаешь? — тихо сказал тот, кому оказывалась эта услуга. — Лучше оставь как есть. В такую ночь не быть запятнанным кровью — это улика!

Они еще о чем-то шептались и вдруг остановились. Лодочник подозвал четырех солдат, шедших впереди, и сказал:

— Послушайте, ваш начальник хочет спуститься на минутку к озеру, ему надо кое-что сложить в лодку, а потом он сразу же вернется назад. А пока вы пойдете со мной и отдадите мне пленников.

Тут человек, до сих пор только шептавшийся с Микеле, заговорил с солдатами:

— Поди сюда, Ринальдо, и ты, Винчигуэрра, и вы двое, — сказал он вполголоса и отсыпал каждому из них по горсти серебряных монет. — Вот вам для начала, а сейчас идите и отпустите пленников.

Сказав это, он спустился вниз по склону и исчез из виду.

Лодочник пошел дальше с четверьмя солдатами, и один из этих последних сказал своему товарищу:

— Ты слышал, как изменился голос Беллебуоно? Совсем на него не похож.

— Это от опущенного забрала, — отвечал тот.

— А скорей всего знаешь отчего? — сказал первый. — Это из-за ноши, которую он тащит под мышкой.

— Черт возьми! — вмешался третий. — Мы, солдаты, не очень-то часто такое видим. Пенки-то нам не достаются. . .

— А ведь было сказано, что он и с нами хочет поделиться? Верно? — спросил первый у Микеле.

— Дело в том, — отвечал лодочник, — что половину он по справедливости хочет оставить себе, а остальное, наверное, поделит между вами.

— Молодец, старик, — снова сказал первый. — И тебя тоже не годится оставлять без награды, потому что ты хороший человек, настоящий друг солдатам.

— Для себя я ничего не прошу, кроме того, что мне обещал ваш начальник, а если вы кое-что добавите, то это будет великая милость.

— Возьми, старик, возьми! — И каждый уделил ему малость из только что полученных монет. В эту минуту все они были щедры, так как надеялись получить гораздо больше при дележе добычи с Беллебуоно.

Вернувшись в деревню, они вошли в церковь; четверо копеечников, передав приказ Беллебуоно, велели стражникам отпустить пленников и тут же перерезали путы, которыми они были связаны.

Как только их освободили и поставили на ноги, Винчигуэрра сказал лодочнику:

— Ну, ступай, добрый человек, мы с тобой в расчете.

Но когда Микеле уже пошел к горе вместе с освобожденными земляками, засыпавшими его в приливе радости сотнями вопросов, слух об этом необыкновенном происшествии разнесся по церковному двору, и отовсюду тут же сбежались солдаты, чтобы не дать пленникам уйти.

— Не может быть, чтобы Беллебуоно так распорядился! — кричали они.

— Нет, это правда. Он сам мне так сказал, и всем нам тоже, — отвечали четыре солдата.

— Нет, вы все врете! — еще громче вопил кто-то из солдат. — Перед тем как вы ушли, Беллебуоно задержался и шепнул мне на ухо: «Припаси-ка еще одну веревку: когда я вернусь, мы вздернем и этого мужлана».

— Но ведь он сам нам так сказал, — не сдавались четверо копеечников, — он сам велел нам сделать все, что просит этот добрый человек, и освободить пленников.

— Нет, нет, не верьте! Здесь что-то не чисто! — кричали сбежавшиеся негодяи.

Кое-кто начал было уже вязать пленников и лодочника, как вдруг несколько человек разом закричали:

— Беллебуоно! Беллебуоно! Идет Беллебуоно!

В самом деле, все увидели, что к ним быстрым шагом направляется знакомая фигура в латах, с опущенным забралом и своим знаменитым копьём в руках. Врезавшись в середину толпы, вновь прибывший не стал тратить времени даром, а раз-

махнулся тяжелой и крепкой дубиной и принялся без разбора раздавать направо и налево увесистые удары, изредка приговаривая или, вернее, цедя сквозь зубы:

— Ах, негодяи! Ах, негодяи!

Побитые смущенно и покорно пятились. Больше всех досталось тем, кто извинялся с самым заискивающим видом.

— Мы не поверили, что это вы так распорядились! Если бы вы сразу сказали. . . — оправдывались провинившиеся, но их предводитель продолжал без устали награждать ударами и правого и виноватого.

Подавив таким образом начинавшийся бунт, он подал руку священнику, жестом приказал остальным освобожденным следовать за собой и удалился вместе с ними по первой же тропинке, которая вела в горы, оставив солдат возле церкви в Лимонте, где они еще долго ломали голову, бродили взад и вперед, спорили и почесывались.

Когда спасенные прошли значительную часть пути, священник обернулся к своему избавителю, который все еще держал его под руку и помогал ему на подъеме, поблагодарил его от всей души и сказал, что теперь он может вернуться обратно, так как все они уже в безопасности. Остальные также столпились вокруг мнимого Беллебуоно и стали наперебой говорить, что они обязаны ему жизнью. Тогда последний, сняв шлем с головы, предстал перед всеми в своем истинном виде. Читатели, конечно, давно уже догадались, что это был Лупо.

Всю ночь и все следующее утро солдаты ждали возвращения Беллебуоно с гор, но ждали они напрасно; наконец четверо провожавших его в последнюю экспедицию снова зашли в знакомый нам домик, спустились по лестнице, по которой, как они слышали, спускался их начальник, попали в темную каморку, а оттуда в подвал, где и нашли в углу его бездыханный труп.

Тут-то и стало ясно, что мужичишка, как называли они лодочника, их провел, что в подвале, должно быть, скрывались люди — более того, они нашли тому явное доказательство: недалеко от трупа валялась куртка и плащ, оставленные одним из убийц Беллебуоно, который переоделся затем в доспехи разбойника и появился так среди монастырских солдат, обойдясь с ними уже известным нам образом.

Легко себе представить ярость и стыд избитых солдат.

— Ах ты подлый предатель! — кричали они с пеной у рта. — Попадись ты нам только. . .

Но «подлый предатель» был не так глуп: вместе со своей

женой он укрылся в надежном месте, так же как и все уцелевшие после этой ужасной ночи.

Шестьдесят копейщиков постояли еще дней пять в Лимонте, вымещая свою злость на жалких развалинах и безлюдных полях, но затем, после нескольких стычек с беглецами, возглавляемыми Лупо, отплыли наконец в Лекко, оставив человек десять удобрять опустошенные ими поля.

Весть об этом событии дошла до Милана, и Марко Висконти узнал о нем как раз вечером того дня, когда Отторино сопровождал его в поездке по городу, о чем мы уже рассказывали, — дня такого черного и мучительного, какого у него еще не бывало.

Аббат монастыря святого Амвросия, задыхаясь от бешенства, сам явился к нему во дворец и рассказал обо всем случившемся.

Этот аббат, приходившийся, как мы уже говорили, братом Лодризио Висконти, всей душой был предан Марко, использовавшему силы монастыря для своих, хорошо известных читателю целей, о которых, впрочем, сам аббат, втянутый в эти интриги братом, ничего не подозревал. Марко и Лодризио прекрасно понимали, что аббат не захотел бы порвать с антипапой и Людовиком Баварским, милостью которых он из простых монахов был вознесен так высоко, а потому считали благоразумным не посвящать его в свои тайны. Как бы ни был тебе близок человек, как бы он тебя ни уважал и ни боялся, все же нельзя ждать, чтобы он ради тебя срубил сук, на котором уютно устроился. И Марко достаточно знал людей, чтобы не требовать от них таких жертв.

Рассказав по порядку и с большим жаром обо всем, что случилось в Лимонте, аббат закончил так:

— И чего уж я совсем не ожидал, так это того, что все было подстроено нашим родственником и вашим приближенным. Да, да, эти взбунтовавшиеся мужики нашли себе защитника, который прикрывает их вашим именем.

Марко, не прерывая прелата, дал ему излить всю злобу, но при этих словах он почувствовал, что в нем поднимается гнев. Бросив на своего собеседника суровый взгляд, он сказал:

— В какое сумасбродство вы меня впутываете, мессер? Знайте, я не допускаю неисполнения моих приказаний, но и не потерплю, чтобы возводили напраслину на кого-либо из моих людей.

— Извините меня, — поспешно сказал аббат, заметив, что

зашел слишком далеко. — Я имел в виду не кого-либо из ваших вассалов и упомянул вашего приближенного только потому, что негодяй у него служит, хотя вовсе этого не достоин. Это сын одного мерзавца, а яблоко от яблони недалеко падает.

— Короче! — сказал Марко.

— Это оруженосец Отторино, по имени Лупо, сын сокольника графа дель Бальцо; именно он убил Беллебуоно. Я вам уже говорил, что рядом с трупом нашли куртку и плащ, не так ли?

— Да, вы мне это сказали.

— Так вот, выяснилось, что эти вещи принадлежат Лупо, и меня уверяют, что скоро он как ни в чем не бывало вернется в Милан, в дом Отторино. Впрочем, повторяю: я совершенно уверен, что Отторино тут ни при чем. Уже не говоря о том, что наши семьи связаны родственными узами, он знает о вашем милостивом ко мне расположении и, конечно же, постарался бы не причинять мне неприятностей. А кроме того, совершенно ясно, что этот мерзавец действовал на свой страх и риск: ведь он родом из Лимонты и хотел помочь односельчанам... Вот почему я пришел к вам просить позволения... просить вас, если вы разрешите...

— О чем же?

— Чтобы монастырь святого Амвросия как владелец Лимонты осуществил свое право сюзерена и покарал раба, нарушившего долг верности.

Марко, казалось, колебался, но его собеседник просил все настойчивее.

— Если бы оскорбление было нанесено мне, — говорил он, — я мог бы простить, но ведь вы видите, что тут затронуты честь и интересы монастыря...

— Ну да, конечно, та же старая песня, — перебил его Марко. — Но в конце концов делайте что хотите: мне-то что за дело до ваших забот?

— Я обращаюсь к вам, чтобы показать все мое почтение и благодарность за ваши бесчисленные милости, — продолжал аббат. — Не думайте, что я забыл, кому я обязан своим саном.

Марко и в самом деле уговорил Людовика Баварского назначить его аббатом, но к его недавнему возведению в кардинальский сан не имел никакого отношения. Этот сан был дан ему антипапой Пьетро Корвара, который, видя, что почва с каждым днем все более уходит у него из-под ног, наделял своих приближенных чинами, титулами, привилегиями и всем, что не требо-

вало звонкой монеты, вовсе не водившейся у него в казне, стараясь таким образом заполучить больше друзей, сторонников или просто товарищей по несчастью.

Однако Марко принял эти восхваления как должное, отнюдь не беспокоясь о том, что его заслуги вовсе не стоили таких благодарностей, и аббат отбыл с почтительными поклонами, предлагая и ему и его друзьям услуги — свои собственные, всех монахов и всех монастырских вассалов.

Это новое происшествие еще больше настроило Марко против Отторино. Хотя при аббате он и сделал вид, что оскорблен даже возможностью подозрения, что кто-то из его приближенных имел касательство к этому делу, но про себя твердо решил, что в любом случае Отторино не мог оставаться совсем в стороне и что Лупо хотя бы посвятил его в свои планы. Он подумал также, что и близость Отторино к дому графа дель Бальцо могла внушить ему мысль помочь обитателям Лимонты. Это заставило его вспомнить о Биче, и он почувствовал, что гнев и ревность наполняют его душу.

ГЛАВА XIII

Да, это была ревность. С тех пор как Марко впервые увидел дочь графа дель Бальцо, образ скромной и прекрасной девушки преследовал его упорно, неотступно, постоянно, точно навязчивый бред больного.

По-настоящему Марко за всю свою жизнь никого, кроме Эрмелинды, не любил. Со временем, когда исчезла всякая надежда, любовь его угасла, уступив место честолюбию и жажде мести, всем тем высоким и низким побуждениям, которые подвигли его на великие и преступные дела, запечатлевшие его имя в истории. И тем не менее образ Эрмелинды никогда не умирал в его сердце; память о ней умеряла порой бурные порывы его гнева; даруя жизнь поверженному врагу, спасая погибающего, он как бы на мгновение вдруг снова становился другом этого нежного существа и опять чувствовал себя юным Марко, тем Марко, которого время и страсти так сильно изменили.

Когда он впервые встретился с Биче в Милане и увидел, что она так похожа на ее мать, образ которой сохранился в его памяти, он почувствовал, что его влечет к ней непреодолимая сила: душа его потянулась к Биче, как к родному и близкому человеку, а давно остывшее сердце вспыхнуло новым огнем, за-

трепетало, как в давние дни, привычно подчинившись знакомому очарованию.

Закончив в тот день разговор с Лодризио, во время которого он замыслил отнять у своего племянника Адзоне власть над Миланом, Марко решил поехать в Черульо, чтобы заплатить, как он сказал, из собственного кармана взбунтовавшимся немецким наемникам, и должен был отправиться в путь как можно скорее, но теперь, когда любовь между Отторино и Биче казалась ему несомненной, все его намерения были нарушены. На что решиться, что сделать, чтобы успокоить пожиравшую его страсть? Взять с собой Отторино? Но юноша вышел из повиновения и даже если бы опять стал его слушаться, все равно Марко не смог бы постоянно видеть его перед собой. Отослать его под предлогом переговоров в какую-нибудь дальнюю провинцию, где он задержался бы до его возвращения из Черульо? Но он не смог бы притвориться, что по-прежнему доверяет этой злой змее, ужалившей его в самое сердце. Оставить его здесь, рядом с Биче, а затем вернуться в ореоле славы, выполнив свои планы, и узнать об их браке? Одна мысль об этом приводила его в бешенство, заставляя его жаждать мести и крови... Горе тому, кто попался бы ему под руку в этот миг! Однако после долгих размышлений и колебаний он склонился наконец к более осторожному плану, решив, что все-таки уедет, но перед тем пригласит к себе графа дель Бальцо и запугает его Рускони или чем-нибудь еще пострашнее на тот случай, если Отторино решил бы из-за Биче изменить своему слову. Марко хорошо знал графа и был уверен, что это ему удастся.

После того как он принял это решение, перед ним снова забрезжила надежда, и он предался размышлениям, которые немного рассеяли его первоначальную горькую уверенность. Кто мог поручиться, что Биче отвечает взаимностью на любовь Отторино? Есть ли у него другие доказательства, кроме слишком густого румянца, появившегося на щеках девушки, когда она посмотрела на юношу, гарцевавшего на коне под ее балконом? Этого было достаточно, чтобы Марко потерял способность рассуждать здраво; но не ошибся ли он?

Чтобы выяснить истину, он решил еще раз увидеться с Биче и узнать ее сердечную тайну. Он приказал устроить накануне своего отъезда праздник и пригласил на него графа, дав ему понять, что ждет его непременно вместе с дочерью.

Однако тем временем произошло новое событие, которое легко могло бы заставить Марко изменить принятое решение. Но

об этом мы поговорим позже. А пока вкратце расскажем об Отторино.

Хотя Отторино был раздосадован и взбешен суровым и странным приемом, который оказал ему накануне его господин, он все же вернулся в его дом, чтобы как-то оправдаться и принести извинения за то, что он заколебался, когда Марко предложил ему ехать в Тоскану. Он хотел сказать, что готов сопровождать Марко, хотел просить не лишать его столь великой чести, но двери дворца постоянно были для него закрыты, а под конец ему даже дали понять, что он никогда больше не должен приходить в этот дом.

Как велико было его огорчение, не стоит и говорить. Вовсе не подозревая настоящей и главной причины, навлекшей на него гнев Марко, Отторино приписал его своему отказу от дочери Рускони, чего действительно было вполне достаточно, чтобы впасть в немилость у такого человека.

Тогда юноша стал серьезно размышлять над своим положением. Отказаться от Биче — об этом не могло быть и речи. Но как же примириться с сеньором? Правда, возвращаясь из Монцы, он хвастал перед графом (не знаю, помнит ли об этом читатель), что, в конце концов, он сам себе хозяин и волен жениться на ком угодно, даже вопреки воле Марко. Но тогда это было скорей бахвальством, а теперь, по здравом размышлении, он чувствовал, что не в силах порвать с этим человеком. Марко Висконти! Мы его уже немного узнали, а Отторино знал его гораздо лучше, чем мы. Не говоря уж о том, что дружба с таким человеком могла усмирить и сделать благоразумным любого, даже самого дерзкого и наглого врага, Отторино не мог перенести, что впал в немилость у Марко, который всегда любил его, как сына, направлял его первые шаги на бранном поприще, выпестовал из него рыцаря и всегда был для него примером, наставником и светочем, озарявшим его путь.

У него была еще и другая причина для размышлений: если бы юноша и попробовал заупрямиться, взять, как говорится, быка за рога и, невзирая ни на что, просить руки Биче, то сам граф отказал бы ему — Отторино прекрасно понимал, что он вовсе не хочет ссориться с Марко; правда, граф об этом не говорил, но догадаться было нетрудно.

Одолеваемый подобными мыслями, Отторино изо дня в день становился еще мрачней и печальней, и, как он ни старался, ему не удавалось скрыть свою грусть от Эрмелинды и ее дочери, с которыми он проводил большую часть своего времени.

Они стали расспрашивать его о причине столь внезапной озлобленности; он, однако, избегал объяснений и либо заводил разговор о другом, либо отвечал столь уклончиво, что они начали беспокоиться, не случилось ли с ним какого-либо несчастья.

А что делал в это время отец девушки? . . . Что делал граф дель Бальцо? Бедняга! Опьяненный успехами и похвалами, которыми он упивался с утра до вечера, замороженный бесчисленными расшаркиваниями и поклонами, которыми его повсюду встречали как близкого друга Марко, он совершенно не думал ни о жене, ни о дочери и почти забыл об их существовании. И беда, если Эрмелинда пыталась иногда низвести его с его гордой высоты и хоть на миг вернуть к земным делам. Беда, если она пыталась заговорить с ним о Биче, о браке, с которым что-то никак не получалось, о сомнениях, вызванных поведением Отторино, — граф тут же приходил в бешенство. К чему торопиться? Пусть все идет своим чередом! Разве не все в порядке? Какие могут случиться затруднения? Он наденет ей на палец обручальное кольцо, как только та, другая, вернет ему его; ну и что же, что он не торопится?

Спустя несколько дней Отторино начал поговаривать о том, что хотел бы по возможности ускорить помолвку, но тут же туманно намекнул, что об этом никто пока не должен знать. Загнанный в угол Эрмелиндой, решившей выяснить истину, он стал путано ссылаться на Марко, которому якобы не хотелось предавать все слишком скорой огласке, чтобы не создавать впечатления, будто он поссорился с Рускони. Такое объяснение могло быть и правдой, однако графиня на этом не успокоилась: ей казалось, что такой простой причины было бы недостаточно для того, чтобы вызвать столь очевидное смятение в душе юноши. Она засыпала его вопросами, настойчиво допытываясь правды, и в конце концов он сдался и подробно рассказал ей, как обстояли или, вернее, какими ему представлялись его дела. Нетрудно догадаться, как была огорчена и испугана Эрмелинда.

Что же после всего этого могла сказать своей дочери любящая мать, когда, оставаясь с ней наедине, она видела ее задумчивой и печальной и догадывалась, какой тайный червь точит ее сердце? Чтобы она больше не думала о свадьбе? Чтобы она забыла Отторино? По правде говоря, она пока еще не считала это необходимым, а, кроме того, хорошо понимала, что говорить об этом уже поздно: разве в сердце ее дочери не разгорелся огонь, с которым она больше не может справиться? Огонь, который безжалостно испепелит ее жизнь.

Поэтому она решила рассказать Биче обо всем. И теперь Отторино, часто втайне советовавшийся с обеими, успокаивал их одной и той же надеждой.

— Марко, — говорил он, — должен скоро уехать в Тоскану, где ему, видимо, предстоит задержаться весьма надолго. Дальность расстояния, новые заботы, с которыми ему придется столкнуться, заставят его позабыть о пренебрежении к его слову. Ему ведь важно не мое обещание, — говорил юноша, — а выполнение его прихоти — такой уж он человек. Но когда Биче станет моей, он со всем примирится. Вот увидите: все пойдет, как надо, и время все уладит. Когда Марко вернется, ему, вероятно, будет не до Рускони, а тому вряд ли захочется из-за несбывшихся надежд терять дружбу с Висконти, ибо, повторяю, ни я не давал слова, ни сам Марко никогда не связывал себя обещаниями. А кроме того, моя верность ему, моя служба... он таких вещей не забывает.

Эти и другие подобные рассуждения, казалось, утешали Биче, однако у ее матери не становилось спокойнее на душе.

Еще больше угнетала ее мысль о том, что граф, узнай он — боже упаси! — о недовольстве Марко, все перевернул бы вверх дном и скорее отказал бы Отторино от дома, чем рискнул разгневать Висконти. Поэтому лучше было обо всем молчать. Так дело с помолвкой, которая должна была состояться после отъезда Марко в Тоскану, откладывалось и откладывалось, пока в дом графа не прибыл один из оруженосцев Висконти, который передал, что его господин приглашает графа с дочерью на упомянутый уже нами выше праздник. Отторино был очень этому рад, хотя сильно расстроился из-за того, что не попал в число приглашенных, но тут же принялся отвергать все доводы Эрмелинды, уговаривавшей мужа не брать с собой Биче, а также и возражения самой девушки, и так настаивал, что было решено принять оба приглашения.

Вечером, в день, назначенный для празднества, граф прогуливался по залам своего дома уже совсем готовый, в платье из расшитого золотом бархата и в сапогах с тупыми загнутыми кверху носами, гораздо шире ног, и золотой цепочкой, спускавшейся с колен. Он самодовольно расхаживал взад и вперед, любясь собственным изяществом. Одна из его сестер, вызвавшаяся сопровождать Биче вместо матери, сидела рядом с Эрмелиндой и нетерпеливо следила за племянницей, которая нарочно тянула время и, притворившись, будто на голове у нее развязался один из серебряных бантов, велела Лауретте все поправить.

По мере того как приближалось время, когда она должна была предстать перед Марко, душу девушки, знавшей о его немилости к Отторино, все сильнее охватывал тайный страх. Она трепетала при одной только мысли, что ей придется встретиться с этим человеком, вынести его испытующий взор. Она так нуждалась в присутствии Отторино, чтобы почерпнуть в его словах хоть немного смелости. Ведь только ради него она и согласилась пойти на этот праздник, а он до сих пор не пришел; и странно — он не появлялся в течение всего этого дня!

Как только лента была завязана, тетка встала и протянула руку Биче, которая, не найдя больше никаких отговорок, пошла вместе с ней и с графом к двери. Они уже выходили из зала, когда в дом, запыхавшись, вбежал Отторино. С изменившимся лицом он воскликнул:

— Вы знаете, что случилось? Сегодня ночью наемники аббата из монастыря святого Амвросия схватили Лупо, когда он спал, и приговорили его к смерти. Завтра его казнят.

Услышав, что ее любимому брату грозит смерть, Лауретта, похолодев от ужаса, побежала предупредить родителей. Все остальные застыли, как громом пораженные.

— Я умолял, угрожал, обещал все, что угодно, — продолжал Отторино. — Но напрасно: видимо, аббат заручился согласием Марко, иначе он и пальцем не посмел бы тронуть моего оруженосца.

— Послушайте, Отторино, — сказал, запинаясь, граф, — я же вам говорил, а вы все делали по-своему. . .

Но жена и дочь тут же заставили его замолчать: надо было спасти Лупо и тратить время на пустые разговоры не приходилось.

— А почему бы вам не обратиться к Марко? — вновь сказал граф Отторино. — Оскорбление нанесено вам, а он ваш друг и близкий родственник. . .

— Я был у него, но он отказался меня выслушать.

— Что-что? Как вы сказали? Марко не захотел вас выслушать?

Охваченный горем, юноша отбросил все предосторожности и откровенно рассказал, как обстоят дела. Он признался, что Марко уже давно не желает его видеть.

— Так, значит, вы в немилости у Висконти? — воскликнул отец Биче. — Ну, вот теперь я понимаю, к чему клонила Эрмелинда: чтобы я ни на что не намекал Марко, не заговаривал с ним ни о назначенной свадьбе, ни об Отторино и ни

о чем! Так вот в чем дело! Хоть бы словечко мне сказали, а? Ну, раз вы мне ничего не говорили, то и с меня ничего не спрашивайте: я умываю руки и ни во что не желаю вмешиваться.

— Неужели вы даже не помешаете казнить сына вашего слуги и не замолвите словечка, чтобы спасти его жизнь? Ту жизнь, которой он добровольно рисковал ради своей деревни и ради вас? — спросила Эрмелинда.

— Боже мой! Вы же сами знаете, что аббат и так меня подозревает... И при чем тут я? Разве я властен над сердцем Марко, чтобы позволить себе такую смелость?

Но тут на помощь заступникам Лупо пришла сестра графа.

— Как? — сказала она. — Разве не вы самый близкий друг Марко? Разве не вы человек, которому он больше всех доверяет? Не вы ли сами об этом столько раз говорили? Кто же этого не знает! И вы хотите промолчать, когда речь идет о жизни вашего слуги?

— Но боже мой! Если бы я мог...

— Вы можете и должны это сделать, — настаивала сестра.

— Послушайте, — не отступал Отторино, — ночью, когда Марко станет прощаться со своими друзьями, веселый после праздника, он не сможет отказать вам в первой же милости, которую вы у него попросите... У него доброе сердце... Скажите ему, что это храбрец, осужденный на смерть за то, что он пытался спасти свою деревню, за то, что он вырвал невинных людей из лап разнузданных негодяев. Скажите ему, что это солдат, сражавшийся под миланскими знаменами и обогривший их своей кровью, что нельзя допустить, чтобы доблестный воин погиб смертью преступника, и что у Лупо есть отец и мать.

Тут граф дель Бальцо повернулся к двери, из-за которой все громче слышались чьи-то рыдания и всхлипывания. Через мгновение она распахнулась, и все увидели сокольничего, Марианну и Лауретту, заплаканных, бледных, потрясенных страшной вестью. Амброджо бросился к ногам господина, обхватил его колени, обратил к нему умоляющий взор и хотел что-то сказать, но изо рта его вырвался лишь глухой, невнятный стон. Побелевшие губы старика дрожали, и слышно было, как судорожно стучат его зубы. Глаза всех присутствовавших обратились к нему. Даже его дочь и жена, казалось, забыли о своей боли, подавленные еще более невыносимым горем, которое было написано у него на лице.

— Мой сын! Мой сын! — воскликнул наконец старик, с трудом выговаривая слова. — Спасите моего сына!

Граф наклонился, чтобы поднять его с пола, но тот покачал головой и махнул рукой.

— Нет, — сказал он, — оставьте меня здесь, оставьте меня умереть здесь, я не встану, пока вы не пообещаете спасти его.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал граф. — Встань же, Амброджо, соберись с силами; я обещаю, что буду просить и умолять за него. Ну, успокойся!

— Ты слышал, — сказала тогда Марианна, — господин обещал спасти твоего сына. Успокойся. Будем уповать на милосердие божие.

— Вы мне обещаете? Вы обещаете? О, скажите человеку, в чьих руках находится жизнь моего Лупо, человеку, одного слова которого достаточно, чтобы вернуть мне сына, скажите ему, что и у него был отец и этот отец любил его... Если же аббат жаждет мщения, то пусть его жертвой буду я — ведь у меня та же кровь и та же плоть... Это я его послал, и вся вина моя, а он послушался своего отца. — Заметив в этот миг Отторино, которого он в первое мгновение от волнения не увидел, старик внезапно поднялся на ноги и направился к нему скорее с решительным, чем с почтительным видом. — Это вы, — сказал он, — должны позаботиться о его спасении, ибо вы довели его до такого несчастья...

— Можно ли, — оборвала его жена с укоризной, — можно ли говорить так с добрым рыцарем, который все делает для твоего сына и который пришел сюда ради его спасения?

— О, да благословит вас господь! — воскликнул Амброджо, немного успокоившись. — Простите меня. Пожалейте бедного отца, который от горя лишился ума и сам не знает, что делает и говорит. Скорей, не теряйте время, идите... идите, а потом вернитесь, чтобы возвратить мне жизнь.

Граф вытер глаза.

— Не сомневайтесь, — сказал он. — Я сделаю все, что мог бы сделать для своего собственного сына.

Он сделал знак Биче и сестре, чтобы они следовали за ним, и они направились к выходу. Лауретта, которая до сих пор лишь плакала и причитала, подбежала к Биче в тот самый миг, когда она выходила из зала, схватила ее руку и поцеловала, обливая ее слезами, не в силах вымолвить ни слова, но взглядом, выражением лица, всем своим видом моля ее спасти брата.

Едва они переступили порог, как в следующем зале наткну-

лись на Бернардо, второго сына сокольничего, который, вытянувшись, словно на часах, ждал своей очереди.

Надо сказать, что, едва услышав роковую новость, которую Лауретта принесла, когда все были дома, Марианна, потрясенная этой вестью больше всех на свете, вскочила и, обращаясь к своему любимцу Бернардо, воскликнула:

— Ты, только ты можешь его спасти! Беги скорей к хозяину: ты умеешь хорошо говорить. Мы народ простой, а ты ему скажешь все, как положено.

Нерасторопный парень сначала заколебался—а как, а что?.. Но тут Амброджо бегом бросился вниз по лестнице, а жена с дочерью устремились за ним.

В то время как бедный отец, простершись у ног господина, молил его исторгнутыми из глубины души словами, перед которыми не могло устоять ни одно сердце, словами, перед которыми замирает в восхищении искусство, тщетно пытающееся им подражать, жена сокольничего упрямо продолжала повторять про себя: «О боже! Он только и делает, что плачет да сетует. Разве этим поможешь? Я тоже могла бы все это сделать. Был бы здесь Бернардо, он бы нашел, что сказать!» Вот почему, когда, выходя вместе со всеми из первого зала, она увидела его у двери, она сразу приободрилась и, схватив его руку, торопливо промолвила:

— Скажи же ему: мы ведь сами ничего не сумели сказать.

Тогда Бернардо преградил путь графу и громким ледяным голосом ученика, затвердившего наизусть молитву, начал:

— Несмотря на то, что Лупо... Хотя мой заблудший брат...

Но тут отец, схватив его за плечо, рванул к себе и закричал:

— Да пропусти же ты их во имя всевышнего!

Воспользовавшись этим, граф прошел дальше, а Бернардо остался стоять на месте как столб и, опустив руки, долго-долго смотрел ему вслед с раскрытым ртом.

ГЛАВА XIV

Тем временем в празднично украшенных залах, сиявших огнями бесчисленных свечей, которые трепетно и лучисто переливались в позолоте стен, в зеркалах и на гладкой мебели, в диадемах и поясах танцующих красавиц, среди радостной

суеты и моря веселых звуков Марко не находил себе места, терзаемый тайной печалью и полный томительного беспокойства. Он проклинал это глупое веселье, столь не отвечавшее его настроению и тем более мучительное, что ему надо было притворяться, будто он в нем участвует. Время от времени он выходил в соседнюю комнату, выглядывал из окна во двор, чтобы посмотреть, не приехал ли граф дель Бальцо, напрягал слух, стараясь различить, не скачет ли кто-нибудь по улице, но не слышал ничего, кроме громких, все более нараставших звуков празднества. Тогда он возвращался обратно, чтобы посмотреть на танцы, поговорить о назначенном на завтра турнире, выслушать добрые пожелания и напутствия друзей, знавших о его поездке в Тоскану, но его сердце было далеко от всего этого.

Устав от долгого ожидания, он иногда скрывался от гостей, уходил во внутренние покои и заставлял себя подолгу оставаться там, надеясь, что, вернувшись, он увидит в зале желанную гостью, а потом нарочно вмешивался в самые шумные споры, чтобы забыть о времени, которое казалось ему бесконечным.

В таких муках он провел часа два, пока наконец не появился граф в сопровождении дочери и сестры. Марко, находившийся в противоположном конце зала, заметил появление бледной, чем-то удрученной девушки, и его охватил такой порыв жалости, любви и сострадания, что он невольно вздрогнул. Все то короткое время, которое ему понадобилось, чтобы пересечь зал, он мучительно сомневался, кто она ему — друг или враг; он то жаждал упасть к ее ногам, то хотел обидеть ее колким словом. И все же он ничем не выдал своего смятения. После обычных приветствий тетка взяла Биче за руку и повела ее к небольшой группе дам и девиц, которые с восхищением или с недоброжелательной завистью разглядывали прекрасное лицо девушки, полное наивной чистоты, словно заимствованной ею у ее родных гор, и какой-то бесхитростной простоты, смешанной с осторожностью и невольным кокетством, отражавшимся в каждом ее движении, в каждом взгляде, которым опасение за жизнь попавшего в беду человека придавало особую прелесть.

Граф дель Бальцо подошел к Марко. Оба хотели побыть вдвоем, оба хотели поговорить, чтобы узнать то, что каждого интересовало, но оба молчали, надеясь, что другой вот-вот скажет что-нибудь такое, от чего можно будет перейти к занимавшему их вопросу.

Марко принялся расхаживать по залу, граф последовал за

ним, не зная, с чего начать. Он перебирал в уме тысячи вступлений, но тут же их отбрасывал; минутами он, казалось, уже был готов открыть рот, но все никак не решался. Наконец он собрался с духом, сказал несколько слов о празднике, но его собеседник никак не поддержал разговора, и тогда отец Биче подумал, что лучше прямо перейти к делу. Утвердившись в этом благородном намерении, он начал так:

— Послушайте, Марко, вы можете подумать, что я себе слишком много позволяю, но ваша доброта меня обнадеживает: я... хотел бы просить вас об одной милости...

— О милости? Меня? — ответил Марко, направляясь в нишу окна, куда за ним последовал граф. Эти слова были произнесены с таким изумлением и холодным высокомерием, что вся остальная тирада, заготовленная его несчастным собеседником, замерла на устах последнего. Марко на миг умолк, словно ожидая ответа на свой надменный вопрос, однако ответа не последовало. — А не лучше ли вам просить об этой милости Рускони? — продолжал он с горькой и ядовитой улыбкой. — Ведь вы ему сделали столько добра, что он не замедлит исполнить вашу просьбу.

— Как? Что вы говорите? Я не собирался никого обижать, и к тому же я едва знаю Рускони!

— О, не сомневайтесь, — сказал Марко, — вы скоро узнаете его получше: Рускони не такой человек, чтобы остаться в долгу и не отблагодарить за услугу пусть даже и незнакомого человека.

С этими словами Марко повернулся, делая вид, что собирается уходить.

Но граф, подойдя к нему вплотную, стал настойчиво его расспрашивать:

— Пожалуйста, скажите мне прямо, в чем дело?.. Ведь я правда ничего не знаю... Неужели причиной тут этот юноша... Отторино?

Марко, который хотел, чтобы граф выболтал побольше, молча слушал, продолжая делать вид, что собирается его оставить.

— Выслушайте, выслушайте же меня, — продолжал граф все более тревожно, — я ничего не знаю; вы же видите, я ни в чем не виноват... конечно, этот мальчишка... я не могу отрицать, он намекал, что охотно женился бы на моей дочери, но я ему ясно сказал, что только с вашего согласия... и что я не соглашусь выдать за него дочь, пока...

Марко, чувствуя, что его начинает бить дрожь, не смог сдержать нетерпения и, перебив графа, спросил:

— Но Биче-то согласилась на этот брак?

И пока он ждал ответа, лицо его так исказилось, что у графа мурашки забегали по коже.

— Биче? — ответил он нерешительно. — Вы спрашиваете о Биче? Она пойдет замуж за того, кого ей укажут родители. . . Она так простодушна, бедняжка, так невинна, настоящая голубка, поверьте мне, и в сердце у нее нет никого, кроме меня и ее матери.

— Значит, — продолжал допытываться Висконти, — вы думаете, что она не очень огорчится, если этот брак расстроится?

— Огорчится? Да что вы! Я-то ведь знаю характер моей дочери и ничуть об этом не беспокоюсь.

Услышав эти восхитительные слова, Марко ощутил такой восторг и пришел в такое прекрасное настроение, что чуть было не кинулся графу на шею, но вовремя сдержался, подумав, что пока ничего, конечно, не произошло, но все могло еще случиться после его отъезда в Тоскану, если не придумать средства удержать юношу подальше от дома графа дель Бальцо. Надежней всего было бы нагнать страху на отца девушки, запугать его какой-нибудь мнимой опасностью. Поэтому, отнюдь не подавая виду, что у него стало легче на душе, Марко ответил:

— Ну, раз так, то тем лучше для нее и тем лучше для вас. Мне было бы грустно знать, что вы поссорились с таким могущественным и своенравным сеньором, как Рускони. Признаюсь вам, мне было бы очень неприятно выбирать между своими. . . и теми, кто идет против меня и кого я не могу считать товарищами, друзьями моей ранней юности. — И тут, сменив гнев на милость, на высокомерную милость человека, снисходящего к низшему, чтобы на мгновение поднять его до себя, он похлопал графа по плечу и добавил: — Быть может, вы не знаете, что это я вел переговоры о браке между Отторино и дочерью сеньора Комо. Юноша теперь как будто колеблется и не прочь уклониться, но дело зашло так далеко, что на карту поставлена моя честь. Ну да ладно, если мы с вами договоримся, все обойдется как нельзя лучше, а Отторино не станет мне перечить — он знает, что ссорой со мной ничего не добьется.

— О, не беспокойтесь, — сказал граф, — с моей стороны вы можете ничего не опасаться. Знай я раньше, как обстоит дело, я не позволил бы этому молодому человеку бывать в моем

доме, ибо ваше расположение и мое спокойствие мне дороже всего золота мира.

— Ну хорошо, что было, то было, и не будем больше об этом говорить, но впредь...

— Отныне, что бы ни случилось, даю вам слово, он не переступит порога моего дома... можете быть в этом уверены.

Марко хотел было намекнуть графу о тех намерениях, которые сам имел относительно Биче, но не решился этого сделать, пока не узнал чувств самой девушки; ибо заставить ее подчиниться власти и воле отца, не будучи уверенным в ее сердечной склонности, было бы для его вспыльчивой и страстной натуры хуже, чем навсегда ее потерять.

Добившись таким образом от графа того, чего он хотел, Марко стал с ним прощаться.

— Ну хорошо, граф, — сказал он, — я рад, что мы расстаемся большими друзьями, чем мне казалось до нашего разговора.

Он пожал графу руку и, пройдя в середину зала, смешался

с группой гостей, столпившихся вокруг одной из только что приехавших красавиц.

Между тем граф, оставшись один в нише окна, начал ругать про себя жену, дочь и Отторино, из-за которых он попал в эту скверную историю.

Потом, когда его гнев немного улегся, а страх был смягчен спасительной мыслью, что теперь все благополучно уладилось, он вспомнил о Лупо и о милости, которую он должен был испросить для него у Марко. На душе у него стало ясно — так отстоявшаяся вода, избавившись от плававшей в ней мути, вновь становится прозрачной до самого дна. Он вспомнил о Лупо, о его родителях, о его сестре; в ушах вновь зазвучали их умоляющие слова, он вновь увидел их лица, их слезы; он вспомнил свое обещание, и его охватила жалость, пробудившая угрызения совести, стыд; но ничто уже не могло заставить его переменить свое решение.

«Просить Марко за оруженосца Отторино после всего этого неприятного разговора? Ну уж нет! — сказал он про себя. — Нет, нет, на это я не пойду: пусть провалятся в тартарары Лупо и все его заступники, а я не хочу из-за него рисковать своей головой... Конечно, дома поднимется страшный шум: Эрмелинда и Биче раскричатся... Ну и пусть! Я их всех перекричу. Слава богу, я не такой человек, чтобы уступать только потому, что я один, а все против меня». С этими мыслями, вызвавшими у него новый прилив желчи, граф вышел из ниши, и, озабоченный и встревоженный, прошел в зал.

Биче, видевшая со своего места, как отец долго разговаривал с Марко, думала, что они говорят о Лупо, и с замиранием сердца ждала, чем это кончится. Когда Висконти наконец оставил графа и вернулся к гостям, она исподтишка бросила на отца робкий и озабоченный взгляд, пытаясь угадать по его лицу судьбу брата своей служанки; однако ей ничего не удалось прочесть на этом лице, и она стала ждать, когда отец к ней подойдет. Прошло, однако, порядочно времени, прежде чем граф вышел в зал. На лице его было уже известное нам выражение — это показалось девушке плохим предзнаменованием, и она глубоко огорчилась.

— Что же он вам сказал? — спросила она графа, как только он к ней приблизился.

— О чем?

— Как — о чем? О помиловании Лупо, которого вы у него просили.

— Какое там помилование! Я не просил ни о каком помиловании.

— Боже мой! Значит, он ответил вам «нет»?

— Он не сказал мне ни «да», ни «нет». И вообще это не мое дело и не твое. Ты поняла? И держи язык за зубами, а если будешь болтать, не миновать нам всем беды.

— Вы стали совсем другим!

— Да, я стал совсем другим, потому что узнал кое-что, чего раньше не знал.

— Что же это? Неужели ничего нельзя сделать? Неужели он должен умереть?

— Да замолчи ты, упрямица, и веди себя прилично.

— Раз так, то я сама с ним поговорю, я брошусь к его ногам, стану умолять его. . .

— Ты с ума сошла! Только этого и не хватало!

— Но почему? Что случилось? Скажите мне. . .

— Я тебе уже все сказал. Хватит. Образуемся и веди себя как подобает.

С этими словами граф исчез в толпе приглашенных, оставив дочь в совершенной растерянности, — ей казалось, что все это ей снится.

Заметив, что граф оставил Биче одну, Марко, ни на минуту не терявший ее из виду, подошел к креслу, на котором она сидела, и спросил у нее, предварительно получив разрешение у ее тетки, не окажет ли она ему честь пройтись с ним по праздничным залам: он показал бы ей рыцарей, которые завтра должны будут держать поле в состязании. Биче, которой очень хотелось остаться с Марко наедине, чтобы выпросить у него помилование для Лупо, приняла с согласия тетки рыцарственно предложенную ей руку и вместе с Марко пошла по залу.

— Вы уже знаете, что поле будут защищать двенадцать рыцарей, — говорил Висконти девушке. — Одиннадцать из них я вам покажу, потому что они все здесь, но двенадцатого вы тут не найдете. Впрочем, я знаю, что его вам представлять не нужно, потому что вы и так давно его знаете, не правда ли?

Биче покраснела, но не сказала ни слова.

— Мы как-то вместе проезжали мимо вашего дома, и я видел, как вы очень приветливо с ним раскланялись. Кроме того, я знаю, что прежде он подолгу бывал в Лимонте, да и сейчас тоже.

— Да, это верно, я его знаю, — сказала девушка, робко опустив глаза. — Кстати, у него есть оруженосец, о котором. . .

— Умоляю вас, не будем говорить о его оруженосцах... — перебил ее Марко. — Поговорим немножко о нем самом.

В этот миг, собираясь последовать за своим провожатым в один из покоев, соседствовавших с последним из празднично убранных залов, девушка оглянулась и увидела отца, который, приложив палец ко рту, всем своим видом словно умолял ее молчать и вести себя осторожно. Это неожиданное зрелище еще больше усилило страх и растерянность бедняжки, и без того смущенной и напуганной тем, что ей придется остаться наедине с человеком, о котором ей столько рассказывали, слушать его слова, затрагивающие самые тайные, самые интимные секреты ее сердца, и готовиться просить его о таких важных вещах. Однако, призвав на помощь всю свою твердость и решительность, которые не оставляли ее и в самые трудные минуты, она начала дрожащим и умоляющим голосом:

— Господин мой, могу ли я надеяться, что будет выслушана одна моя смиренная и горячая просьба?

— Разве вы не согласились, чтобы я был вашим рыцарем и вассалом? — ответил Марко. — Почему же вы так со мной говорите? Не просьб, а повелений жду я от вас.

Они молча прошли через три или четыре комнаты и достигли уединенного покоя, где их не мог видеть никто из приглашенных на праздник гостей.

Очутившись в этом укромном месте и оглянувшись вокруг, Биче в первое мгновение почувствовала некоторую робость; но тут же, опустившись на колени перед тем, кто привел ее сюда, она с рыданием промолвила:

— Одно ваше слово может спасти жизнь человека. Сжалось над несчастным семейством. О, если бы я могла просить так, как недавно просил его несчастный отец! Если бы господь вложил в мои уста его слова! Я уверена, что тогда вы не смогли бы мне отказать!

Биче говорила с Марко таким образом, полагая, что отец ее, как было условлено, обо всем ему уже рассказал; но тот, ничего не зная и видя только, что его умоляют с таким пылом о чем-то, чего он не понимает, вначале изумился, а потом почувствовал такую жалость, любовь и сострадание к коленопреклоненной владычице его мыслей, что, забыв обо всем на свете, наклонился к ней, чтобы поднять ее, и заговорил вне себя от волнения:

— Что вы делаете?.. Нет, нет, нет... Встаньте! Разве можете вы преклонять колени перед смертным? Вы?

Биче тем не менее не встала и продолжала умолять его, простирая к нему руки и глядя на него сквозь слезы такими глазами, что Висконти на минуту показалось, будто перед ним не Биче, а сама ее мать, которая много лет тому назад, в ту памятную ночь, когда он явился к ней, чтобы увезти ее из отчего дома, так же стояла перед ним на коленях и так же его умоляла. Чувствуя, что рассудок его мутится, Марко силой поднял прекрасную просительницу, усадил ее в кресло, и, пока она, закрыв лицо ладонями, безудержно рыдала от горя, ужаса и стыда, так что слезы струились сквозь пальцы ее белых рук, он, не смея к ней приблизиться, продолжал:

— Скажите же мне, о чем вы просите. Клянусь надеждой на вечное спасение, я сделаю все от меня зависящее, чтобы выполнить вашу просьбу. Я сделаю все, хотя бы это стоило мне моего положения, жизни, чести. Скажите же мне, не мучайте меня, кто этот человек, которого я могу спасти?

— Лупо, — ответила, рыдая, девушка.

— Как? Тот самый вассал монастыря святого Амвросия, которого приговорили к смерти?

— Да, он сын сокольничего моего отца и брат моей любимой служанки... Если бы вы их видели!..

— Ну, не плачьте больше: Лупо спасен, я дарю его вам... Если бы я мог своей кровью выкупить хоть одну из ваших слезинок! Перестань, Эрмелинда! Эрмелинда!.. Боже, вы сводите меня с ума! Биче, не плачьте больше, Лупо не будет казнен.

— Вы сказали, что он не умрет?

— Да, клянусь бессмертием моей души.

Марко был весь во власти своего чувства к девушке. Он подошел к столу и, не садясь, написал аббату монастыря святого Амвросия несколько фраз, в которых причудливо переплелись просьбы, угрозы и приказание немедленно отпустить на волю Лупо, о котором они говорили несколько дней тому назад. Перевязав письмо шелковой лентой, Марко запечатал его своей печатью, надписал адрес и вручил его Биче.

— Передайте это аббату, — сказал он, — и Лупо будет вам возвращен.

— Господь воздаст вам за то, что вы помешали пролитию невинной крови, — сказала девушка, — и осушили слезы стольких несчастных: вся его семья будет вечно молить за вас бога. — И она направилась было к двери.

— Биче, — сказал Марко, сделав ей знак, чтобы она остановилась, — прошу вас, останьтесь еще на минуту. Вы успеете

отдать письмо и завтра утром... Послушайте, сегодня ночью я отправляюсь в дальний путь... Но память о вас... Биче... верьте мне, я навсегда сохраню в своем сердце...

— О, я тоже никогда не забуду милость, которую вы мне оказали. Я тоже буду молиться за вас... Подумать только, что я так боялась говорить с вами! Моя мать была права, когда сказала, что у вас доброе и благородное сердце.

— Так, значит, ваша мать больше меня не ненавидит? Так, значит, она меня простила? А вы, Биче, прощаете ли вы меня? Можете ли вы не питать ко мне ненависти?

— Я? Что вы говорите.. Моя признательность к вам... и уважение...

— Мне этого мало, и это вовсе не то, чего я хочу от вас! — воскликнул Висконти, взяв ее руку в свои дрожащие ладони. — Зачем так долго притворяться? Знайте же, Биче, что с тех пор как мы с вами расстались... моя судьба решена навсегда... Я тоже с трепетом жду из ваших уст милости или смертного приговора.

Девушка дрожала, как листок на ветру, и старалась высвободить свою руку. Но тут Висконти, запнувшись на полуслове, словно озаренный новой, только что пришедшей ему в голову мыслью, разжал пальцы, так что Биче смогла вырвать руку. Мгновенно переменившись в лице, он минуту молчал, а потом строго спросил ее:

— Скажите, а этот Лупо — оруженосец того, кого вы недавно мне называли?

— Да, он его оруженосец.

— Его? Чей же?

— Его... Вашего двоюродного брата... Того рыцаря... — отвечала девушка, не осмеливаясь произнести вслух имя.

— Скажите же, чей? — высокомерно приказал Марко.

— Отторино, — пробормотала Биче, внезапно покраснев.

— Ответьте мне, как вы ответили бы исповеднику на одре смерти, — продолжал Марко мрачным и дрожащим голосом, — это из благосклонности к нему вы пришли просить за Лупо?

— За него должен был просить вас мой отец.

— Я вас не об этом спрашиваю. Скажите мне откровенно, это он уговорил вас просить меня за Лупо?

— Да, он тоже умолял отца, ведь сам он впал у вас в немилость и не был уверен...

— А, вам известны все его тайны!.. Когда же вы его видели?

— Незадолго до того, как я пришла в ваш дом...

— И вы видите с ним каждый день, не так ли? А обещание... которое вы дали... Вы это сделали добровольно?... Вы любите его?... Скажите, скажите мне, во имя господи!

Охваченная ужасом Биче молчала.

— Так, значит, вы не отрицаете этого?

— Нет, не отрицаю, — едва слышно промолвила девушка. — Он... должен стать моим супругом.

— О, будь он трижды проклят! — вскричал Марко срывающимся голосом и выхватил из рук Биче письмо, словно собираясь разорвать его на клочки.

Бедняжка почувствовала, что у нее подгибаются ноги, тьма застилает ей глаза, и она без сознания опустилась на пол.

Несколько мгновений Висконти смотрел на нее налитыми кровью глазами; правая рука его потянулась было к кинжалу, но он тут же ее отдернул, вложил письмо за пояс бесчувственной девушки и ринулся вон из комнаты; спустившись по потайной лестнице, он вышел во внутренний двор. Охваченный непреодолимым желанием, страстной потребностью двигаться, что-то делать, дышать свежим воздухом, он вскочил на лошадь, уже оседланную, потому что этой ночью он собирался уехать, и стремглав поскакал по первой же улочке, представшей его взору. Только один из многих оруженосцев, которые должны были сопровождать Марко, едва успел выехать за ворота, но так и не смог его догнать и следовал за ним далеко сзади. Такова уж была натура этого человека: при первой же вспышке страсти настоящее целиком заслоняло для него и прошлое и будущее, поглощая все его мысли.

Он скакал, словно спасаясь от невидимого врага, но этот враг неотступно следовал за ним, терзая его сердце и не давая ему ни минуты передышки.

Встретить встающий день, заполнить душу обычными заботами, снова погрузиться в жизнь, столкнуться с жестокой, немолимой реальностью! Только одна мысль заполняла гнетущую пустоту его сердца, и утешала его, и вселяла в него мужество — мысль о том, что еще можно кое-что сделать, что он может мстить.

Марко ласково заговорил с лошастью и поехал шагом, направляясь в сторону колокольни, видневшейся вдали над лесом. Когда он подъехал поближе, ему показалось, что он узнает окрестные места. Свернув на тенистую тропинку, окаймленную двумя рядами ив, он увидел маленькую пастушку, которая под-

гоняла хворостиной корову и тихонько пела. Он спросил у нее, не Розате ли та деревушка, что виднеется вдали, но девочка испуганно вскрикнула и с плачем побежала через поле. Опустив голову, Марко двинулся дальше и за небольшой долиной увидел башни замка Розате, который, как мы знаем, ему принадлежал. Вскоре он разглядел развешающееся прямоугольное знамя — значок владетельного сеньора, разглядел высеченный под воротами герб, изображавший змею, обвивавшуюся вокруг дерева, подъехал к краю рва, окружавшего зубчатые стены, трижды постучал рукояткой меча по окованной железом луке седла, ему опустили мост, и он проехал в ворота.

При въезде во второй двор он встретил управляющего, который бросился поддержать его стремя. Это был Пелагруа, тот самый прокуратор монастыря святого Амвросия, которого изгнали из Лимонты, а Марко, как мы уже упоминали, взял в свой замок, произведя его затем в ранг управляющего. Пелагруа, однако, не удалось оказать услугу, ради которой он так торопился, ибо Марко быстро соскочил на землю и, бросив ему в руки поводья, приказал никому не говорить о своем прибытии.

Выражение лица хозяина, беспорядок в его одеянии, измученный вид коня вызвали у пронырливого слуги кое-какие доозрения, которые, однако, были далеки от истины, как небо от земли.

ГЛАВА XV

Придя в себя, Биче увидела, что лежит на кровати в незнакомой комнате, и спросила у находившейся рядом служанки, где ее отец, но тут же заметила, что граф стоит около кровати с другой стороны. Она села на постели, потом вскочила на ноги и, прижавшись к его руке, воскликнула:

— Уйдем отсюда, уведите меня скорей!

Выйдя на улицу, граф потребовал, чтобы дочь объяснила ему, что произошло, но та вместо ответа лишь ускорила шаг, стараясь побыстрее добраться до дому, который представлялся ей сейчас единственным надежным убежищем в мире. Однако через минуту она вспомнила о письме Марко, нашла его за поясом и, вынув оттуда, показала отцу и сказала:

— Вот оно, вот оно!

— Что это?

— Помилование для Лупо. Письмо аббату, от Марко.

— Но... ничего не понимаю... Если он исполнил твою просьбу... Уж не наделала ли ты глупостей? Ты не упоминала ему имя... Отторино?

— Но он сам меня о нем спрашивал.

— И что же ты ему ответила? Как ты с ним себя вела?.. Да говори, наконец, скажи что-нибудь!

— Ах, оставьте меня в покое, оставьте меня в покое... Я все расскажу матери...

— Вот к чему ведут ваши хитрости. Но довольно! Запомни, что я тебе скажу: ты не должна больше с ним видаться. Поняла? Никогда не должна с ним видаться.

Биче задыхалась, оглушенная и измученная, она плохо понимала смысл его слов.

Всю дорогу граф бушевал и возмущался. Он то умолкал, то вновь начинал кричать. Около двери их дома он сказал дочери:

— Дай это письмо.

Биче повиновалась, и они вошли в дом.

Там их уже ждали родственники Лупо, Эрмелинда, Отторино и все домочадцы. Едва граф с дочерью появились в прихожей, как все устремились им навстречу со светильниками в руках, но при первом же взгляде на их лица у всех мелькнула одна и та же мысль: бедный Лупо обречен. Вопли и рыдания вновь огласили весь дом.

Оставив дочь, тут же бросившуюся в объятия матери, граф сделал знак Отторино следовать за собой, прошел с ним в один из залов нижнего этажа и вручил ему послание Марко.

— Вот, — сказал он, — помилование для вашего оруженосца, идите и пусть вам обоим сопутствует удача, но помните, что ни вас, ни вашего слугу я не хочу больше видеть у себя в доме.

Сказав это, он круто повернулся на каблуках, быстро вышел и заперся в своих покоях.

Отторино взглянул на письмо, узнал печать Марко, и радость от неожиданного спасения его верного слуги сначала смягчила ту горечь, которую он испытал, услышав странное и жестокое требование графа.

Размахивая письмом, Отторино побежал в зал, где тем временем собрались все остальные, и закричал:

— Помилование! Помилование! Вот письмо от Марко!

Все бросились к нему, чтобы посмотреть и самим потрогать этот благословенный листок бумаги, послышались радостные возгласы, плач, все стали обнимать друг друга, отец Лупо попросил дать ему письмо в руки. Оросив его слезами, он стал показывать его жене, Лауретте и младшему сыну.

— А теперь скорее на коней! — вскричал Отторино.

Тут же были оседланы два скакуна, один для него, другой для сокольничего, который захотел поехать с ним, и оба галопом поскакали по направлению к Кьяравалле.

— Дай-ка мне письмо, — сказал Отторино сокольничему, — я его хорошенько спрячу.

— Ах, оставьте его у меня! — умоляюще воскликнул тот. — Я держу его на груди, и, если бы перестал чувствовать его телом, если бы перестал придерживать его рукой, мне показалось бы, что у меня больше нет сердца.

Всю дорогу они, конечно, говорили только о Лупо.

А Лупо тем временем шагал из угла в угол по маленькой камере в нижнем этаже башни аббатства Кьяравалле. В его темнице не было ничего, кроме грубо сколоченного орехового стола с горящим светильником, висящего на стене деревянного распятия и скамеечки для молитвы перед ним. Четыре солдата несли стражу у двери, пятый находился в камере вместе с заключенным — это был Винчигуэрра, один из солдат, сопровождавших Беллебуоно, когда он отправился в свою последнюю экспедицию в Лимонту, о которой мы рассказывали выше. Заключенный ходил по камере ровным шагом, лицо его было спокойно. В эту минуту он как раз разговаривал с Винчигуэррой о том, что привело его в темницу.

— Подумать только, — говорил Винчигуэрра, — как нас провёл этот мужичишка.

— Ого, — воскликнул Лупо, — не слишком ли много ты себе позволяешь?

— А в чем дело?

— А в том, что если ты хочешь остаться моим другом, то не оскорбляй добрых людей.

— Все вы такие! Друг за друга в огонь и в воду полезете: ты же горец, ясное дело.

— Конечно, и я горжусь этим: горный ястреб всегда лучше болотной утки.

— Да, да, ты из Лимонты, а я из Кьяравалле; но в конце концов все мы слуги монастыря, так зачем же нос задирать?

— Слуги монастыря — только за наши грехи, но я никогда не служил монахам.

— Неужели ты думаешь, — отвечал Винчигуэрра, — что мне самому охота проливать кровь за те гроши, которые я здесь получаю? А помнишь, как мы вместе сражались под знаменами Марко Висконти?

— Да здравствует Марко! — воскликнул Лупо, гордо поднимая голову при звуке имени, которое заставляло трепетать сердца всех ломбардских солдат. — Вот это человек! Всегда он впереди всех, первым показывает чудеса храбрости и всегда приветлив, всегда друг солдатам. Когда всем доставалось, когда всем приходилось туго, он всегда был вместе со всеми, не то что твой... наели себе брюхо и покрикивают из трапезной: «Полезай в пекло! Давай шагай!..» А чего ради? Ради их прекрасных глаз? Чтобы они жирок себе наращивали? И какие подвиги они совершают? Вот как в Лимонте: ни с того ни с сего ночью, как предатели, напали на невинных бедняг. Да разве это солдатское дело?

— Пожалуй, ты прав.

— Да приди я вовремя и собери этих несчастных, еще неизвестно, чем кончилось бы дело. Пожалуй, вы попали бы в хорошую переделку... Ну да ладно, не хочется об этом вспоминать — у меня до сих пор сердце болит.

— Бедный Лупо! Мы всегда были друзьями, товарищами по оружию, а теперь, подумать только, что меня заставляют делать!..

— Делай свою работу.

— Да, но, поверь, сторожить тебя и знать, что потом тебя поведут на виселицу... Не по мне это.

— Да брось, залей все глотком вина, — сказал осужденный. Он налил два стакана из большой бутылки и протянул один из них собеседнику со словами: — За здоровье Марко!

— За это можно, — отвечал стражник, — Марко добрый друг монастыря и двоюродный брат аббата: я могу принять твое приглашение и выпить с тобой вместе. За здоровье Марко, и за твое тоже!

С этими словами оба залпом опорожнили свои стаканы.

— Ты сказал — и за мое здоровье? — продолжал Лупо, вы-

тирая губы. — Ты хотел сказать — за упокой моей души, верно? На моем месте вряд ли стоит беспокоиться о здоровье брентного тела. Видишь, — сказал он, глядя в оконце, — небо побелело, уже рассвет, и скоро... Ведь все будет через час после восхода солнца?..

— Бедняга! Да, через час после восхода.

— Послушай, — продолжал Лупо, — на то мы и солдаты, чтобы убивать друг друга, если понадобится. Так в чем же дело? Умереть от топора, который раскроит тебе череп, как яблоко, или от копья, которое пронзит тебя насквозь, как лягушку... Ну... в общем, если умираешь, исполнив свой долг, — это все равно, а я умираю, исполнив свой долг... То есть, если уж говорить правду... все-таки тяжело погибнуть вот так в петле, со связанными руками и ногами, словно какой-то мошенник, на глазах всякого сброда, который сбегается посмотреть на тебя, как на подлого убийцу. Нет, лучше умереть на поле боя, верхом на добром коне, рубя налево и направо, под звуки трубы и с надеждой на победу в сердце.

— А что я тебе говорю? — откликнулся стражник. — Раз уж надо умирать, так умереть сегодня или завтра — не все ли равно?

— А вот скажи ты мне, что смерти можно избежать, — продолжал Лупо, — разве я не обрадовался бы? Еще как! Но раз уж надо испить эту чашу, то остается только набраться терпения, смириться и не противиться доле, ниспосланной богом.

Винчигуэрра вздохнул, снова наполнил оба стакана, опорожнил свой стакан и жестом пригласил Лупо последовать этому примеру.

— Нет, нет, — отвечал приговоренный, — в такую ночь лучше следовать заветам божьим и умереть добрым христианином, зная, на что ты идешь...

— Послушай, хочешь я позову отца Афанасия, которого ты только что отослал?

— Нет, нет. Все, что нужно, уже сделано.

На минуту в камере наступило молчание, и они услышали унылый звон колокола. Лупо, казалось, задумался, но тут же снова заговорил:

— Видно, времени осталось уже совсем мало. Послушай, Винчигуэрра, вот что я тебе скажу. В первый раз, как тебе придется поехать в Милан, разыщи дом графа дель Бальцо. Это около Брера дель Кверго. Там живет все мое семейство: отец, мать... — Произнеся эти дорогие слова, он почувствовал вдруг,

как сердце его сжалось. Пройдясь взад и вперед по камере, он вновь обратился к Винчигуэрре. — Так сделаешь? — спросил он.

— Да не даст мне господь счастья в этой жизни и спасения на небесах, если я не исполню твоего желания! — отвечал стражник.

Сняв с шеи серебряную цепь, Лупо вручил ее своему собеседнику и продолжал:

— Скажи им: пусть они носят ее в память обо мне. А сестра пусть заглянет в шкафчик, который стоит в комнате, что рядом с клеткой для соколов, — там она найдет самшитовую шкатулку, а в ней — золотое кольцо. Это все, что осталось у меня от добычи, которую я взял в Тоскане. Я хранил это кольцо, чтобы подарить ей, когда она выйдет замуж, а теперь... пусть носит его в память обо мне.

— Послушай, — сказал Винчигуэрра, — я человек небогатый, но кое-что у меня, слава богу, есть. Вот взяни-ка, — продолжал он, вынимая из сумки на поясе горсть крупных и мелких монет. — Что мне с ними делать? Ты избавил бы меня от полдюжины пирушек, если бы был так добр и взял бы их у меня. Я бы отвез их твоему отцу — может быть, они ему пришлись бы кстати. Во всяком случае, ему они больше пригодятся, чем мне.

— Нет, нет, спасибо.

— Послушай, окажи ты мне эту милость, успокой мою душу. Клянусь тебе, мне гораздо приятнее расстаться с этой мелочью из любви к тебе, чем, скажем, получить свою долю, которую там, в Лимонте, посулил нам твой... ну, тот самый человек. Я сам как-то думал, что уж больше не выживу, и знаю, какими дорогими становятся тогда все родные, а особенно отец и мать. Невольно на ум приходят все огорчения, которые когда-нибудь им причинил. И помню, до чего же было обидно, что у меня ничего не оказалось с собой такого, что можно было бы послать им на память о себе.

Лупо положил ему руку на плечо и сказал:

— Я знаю, что ты предлагаешь мне деньги от души и что между солдатами дары даются и принимаются с одним и тем же чувством. Но, слава богу, родители мои ни в чем не нуждаются... А если бы нужно было послать им денег, так у меня, глянь-ка, кое-что еще есть. — С этими словами он вывернул карман куртки и высыпал на стол добрую пригоршню монет. — У вас в отряде шестьдесят человек, верно? — спросил он затем.

— Было шестьдесят, да одиннадцать после нашего герой-

ского похода осталось на полях Лимонты, так что, если я правильно считаю, нас теперь всего сорок девять.

При воспоминании о том, какой славой покрыли себя его дорогие земляки, Лупо поднял голову, и на лице его мелькнула гордая и довольная улыбка.

— Ну хорошо, — сказал он, — а те, кто остался в живых, не окажут мне честь выпить стакан вина за осужденного на смерть?

— Хоть два, — отвечал Винчигуэрра, — но сам я пить не стану: пусть моя доля пойдет за упокой твоей души.

— Только не давай ничего монахам святого Амвросия! — возразил Лупо. — Не связывайся ты с ними: ничего мне не надо от этих разжиревших еретиков. Да, кстати, я совсем забыл: у меня есть еще брат, с которым, по правде говоря, мы не очень-то дружили, но когда одной ногой стоишь в могиле, ни о ком забывать не следует, и ему тоже надо что-нибудь послать, хотя бы из уважения к матери, которая очень его любит. У меня есть серебряное распятие, но я хотел подарить его тебе, чтобы ты меня помнил, — вот я и не знаю, как мне быть.

— Для твоего брата? — воскликнул Винчигуэрра. — Ничего, сейчас мы все уладим: я возьму твое распятие и дам тебе взамен вот эту реликвию, а ты отправишь ее брату. Видишь, — сказал он, расшнуровывая камзол, — это осколок колонны святого Симеона-столпника. Я его собственными руками снял с одного странника, возвращавшегося из Святой Земли, когда мы его грабили в Романье.

— Идет! — сказал Лупо. — Давай меняться, но с уговором, что ты ее отвезешь ему от моего имени. — Сняв с груди серебряный крест, он вручил его Винчигуэрре, а потом обнял его и обменялся с ним прощальным поцелуем. — Теперь, когда все мои земные дела улажены, — продолжал лимонтец, — нужно думать только о душе.

Он направился к висевшему на стене распятию, опустился перед ним на колени и начал молиться.

Чтобы не мешать ему, Винчигуэрра отошел к двери, пересказал остальным четверым стражникам все, о чем он говорил с заключенным, показал деньги, которые надо было распределить между всеми, и закончил так:

— А я сам пообещал ему отдать свою долю на молебен за упокой его души.

— Возьми и мою долю! И мою! И мою! — сказали все остальные. Затем все погрузились в молчание, ожидая тот тяго-

стный миг, когда они должны будут повести несчастного на казнь. Всем было не по себе, оттого что такому молодому, красивому и храброму солдату придется умереть столь недостойной смертью. И, даже разговаривая друг с другом, они старались говорить вполголоса — знак уважения, не слишком значительный сам по себе, но примечательный со стороны этих грубых людей, вся жизнь которых проходила среди смертей и убийств.

Двор монастырского дома и крытый ход, ведущий к темнице, где сидел Лупо, были переполнены любопытными, которые всегда и везде сходятся поглазеть на казнь, словно на какой-то праздник, на дикий языческий ритуал. Их толкает на это, видимо, какое-то тайное удовольствие, которое невольно испытывает каждый, кто созерцает жесточайшие и невыносимые муки и, приучая свою душу к ужасу и состраданию, мысленно представляя себя на месте жертвы, постигает таким образом таинство жизни и смерти.

Час, когда осужденного должны были вывести на казнь, уже настал, и собравшаяся во дворе толпа начала роптать. Винчигуэрра, у которого внутри все кипело от этого глупого и жестокого нетерпения, вымещал свою злобу на самых наглых, отгоняя их древком копья от входа в темницу.

Наконец во дворе послышался все нарастающий шум и раздались голоса:

— Едут! Едут!

Все пришло в движение, гул усилился, многие встали на цыпочки, стараясь увидеть ворота, выходившие на улицу. Винчигуэрра побежал в кордегардию, чтобы быть вместе с остальной стражей, и Лупо, услышав топот, поднялся с колен, перекрестился и спокойно спросил:

— Что, уже пора?

В этот миг дверь распахнулась, пропустив внутрь двух из четырех стражников, стоявших снаружи, и монаха с какой-то бумагой в руках. За его спиной Лупо заметил еще одного человека и, догадываясь, кто это может быть, с невольным трепетом опустил глаза. Но вдруг он почувствовал, что его кто-то обнимает. Неужели он ошибся? .. Нет, это руки отца, который, прижав его к груди, не может ни плакать, ни выговорить хоть слово.

— Напрасно вы приехали ко мне в эту последнюю минуту, — сказал Лупо, когда ему удалось овладеть собой и вновь обрести дар речи. — Я ни о чем уже не думал, кроме вечной жизни и владыки небесного; вы причинили зло и себе и мне.

Не будучи в состоянии издать ни звука, Амброджо старался жестами и кивками разубедить сына; наконец после долгих усилий он, рыдая, произнес:

— Нет, ты не умрешь.

— О, если я умру, — отвечал сын, — мне будет жаль только вас и других родных: с остальным я уже примирился.

В это время, пока сокольничий, все крепче обнимая сына, отрицательно качал головой, монах выступил вперед и сказал Лупо:

— Ваш отец говорит правду: аббат вас помиловал!

— Помилован! Помилован! — вскричали солдаты в кордегардии.

— Помилован! — подхватили солдаты, стоявшие у выхода.

Слова эти, передаваясь из уст в уста, прокатились по всему крытому ходу, разнеслись по двору и достигли монастырского дома, вокруг которого кишели толпы любопытных.

— Возблагодарим же аббата за его милость, — продолжал монах, обращаясь к осужденному.

— Мы с Отторино, — сказал сокольничий, — привезли аббату письмо от Марко Висконти, в котором он просил о твоём помиловании.

— Письмо от Марко? — сказал Лупо. — Да здравствует Марко! — воскликнул он, и жизнь показалась ему еще более драгоценной, потому что он получил ее в дар от своего полководца.

— Да здравствует Марко! — вскричали стражники.

— Да здравствует Марко! Да здравствует Марко! — эхом прокатилось вокруг.

Тем временем в толпе ходили самые нелепые слухи.

— Каково, а! — сам Марко Висконти прибыл в монастырь, чтобы освободить осужденного, который приходится ему родственником!

— Да нет, это письмо от Висконти привез какой-то рыцарь, родственник Марко.

— Дело не в нем. Просто среди монастырских солдат много земляков осужденного, и аббату пришлось уступить им.

— А я говорю, что Марко прислал письмо с приказом освободить пленника!

— Неправда!

— Да мне сказал об этом отец Бонаventura!

— Не может этого быть!

— Ты что, учить меня собрался?

Но эти и другие разговоры превратились во всеобщий крик ликования при виде заключенного, который вышел из темницы, держа за руку своего обезумевшего от счастья отца. Бурный восторг, охвативший в этот миг всех собравшихся, сделал бы честь и гораздо более гуманной и доброй толпе нашего более мягкого времени.

А ведь это были те же люди, которые совсем недавно пришли посмотреть на казнь несчастного. Это они только что возмущенно вопрошали, почему осужденного слишком долго не вешают. Да и чего еще можно было от них ждать? Дело было не в том, что им хотелось видеть повешенным бедного Лупо: они даже не знали, кто он такой, что он сделал и за что его должны казнить. Быть может, они просто жаждали сильных впечатлений и получили их, хотя и не те, которых ожидали.

Пробившись сквозь толпу, с трудом удерживаемую стражниками, Лупо с отцом вышли на площадь Кьяравалле. Здесь недалеко от церкви они увидели Отторино, а рядом с ним крестьян, которые держали под уздцы трех лошадей. Среди всеобщего ликования молодой рыцарь крепко обнял своего верного оруженосца. Миг спустя все трое были уже в седлах.

— А разве ты не пойдешь поблагодарить аббата? — спросил у Лупо какой-то монах.

Лупо взглянул на своего господина, увидел, что тот пожимает плечами, как бы говоря «не стоит», и ответил:

— Я слишком тороплюсь.

Винчигуэрра, проводивший Лупо до церкви, повесил ему на шею серебряную цепь и, вынув из кармана деньги, которые должен был раздать товарищам, сказал:

— Возьми, это — твое.

— Деньги оставь себе, — ответил лимонтец, — выпейте на них за мое здоровье.

— Охотно, — отвечал стражник. — Да, кстати, я не вернул тебе серебряное распятие.

— Возьми его себе, возьми его на память обо мне, — ответил Лупо, пожимая ему руку, и поехал вслед за отцом и Отторино через толпу, которая расступалась, давая им дорогу.

Когда всадники выехали на площадь и собирались повернуть налево, в узкий переулок, Лупо совсем рядом увидел приготовленную для него виселицу. Помахав ей рукой, он громко воскликнул:

— Прощай, моя дорогая! — что вызвало в толпе взрыв веселого хохота.

Бедный Амброджо, казалось, никак не мог поверить, что его сын едет с ним рядом живой и здоровый. Он не сводил с него глаз, словно опять и опять испытывая жгучую потребность в этом убедиться, крепко держал его за руку и вполголоса растроганно повторял:

— Негодный мальчишка! Безобразник! Натерпелся же я из-за тебя страху! Плохо мне было. Пожалуйста, послушайся меня: брось ты солдатскую службу, вернись домой, поживи мирно подле матери... Бедная женщина! А ты еще жаловался, что она тебя мало любит... Видел бы ты эту несчастную!

— Знаю, знаю, я никогда и не сомневался, что она меня любит.

— Говорю тебе, она так сильно, так крепко тебя любит, что даже я не могу любить тебя сильнее. А Лауретта? А твой брат? Ведь и он, хоть и кажется таким равнодушным...

— Да, да, я очень вам всем благодарен.

— Так, значит, ты вернешься домой, доставишь радость отцу на склоне его лет?

— Поговорим об этом после. Вы же знаете, мне надо посоветоваться с моим господином.

— Да, да, это верно, это очень верно — ведь ты ему стольким обязан. Если бы ты знал, сколько он для тебя сделал и как старался... И граф тоже, и графиня, и маленькая госпожа, да и вообще все-все. В беде меня только то и утешало, что я своими глазами видел, как все тебя любят.

Понимая, что в первые минуты после встречи отца и сына всякий третий был бы лишним, Отторино обогнал их на несколько шагов и сделал вид, будто думает о другом, но, дав им излить свои чувства, он придержал коня, дождался обоих спутников и, когда они начали его благодарить, перебил их и сказал Лупо:

— Надо торопиться, чтобы не опоздать на турнир, ты ведь знаешь, что сегодня первый день состязаний, и я надеюсь, ты не откажешься нести службу оруженосца?

— Конечно! Поверьте, я думал об этом даже там, в Кьяравалле, и церемония, которую мне хотели устроить, была мне неприятна более всего потому, что мешала служить вам на поле боя!

— Еще немного — и тебе самому услужили бы разлюбезные монахи, но на этот раз я отбил у них такую охоту. Видел бы ты, какую кислую рожу скорчил аббат, прочитав письмо Марко! Он весь извивался, словно нетопырь, которого выкуривают

серой, и, признаюсь, мне было очень приятно смотреть, как он впивает яд и источает сладость.

— Кстати, — сказал Лупо, — благоволение и милость, оказанные мне, выше всяких человеческих надежд. Марко Висконти...

— Все это благодаря хозяину, — перебил его Амброджо. — Это он вместе с Биче ходил к Марко просить за тебя.

— Ну что ж, я вечно буду благодарен графу, — отвечал юноша, слегка уязвленный тем, что Марко вовсе и не думал о нем, а он-то уже успел немножко загордиться. — Однако прежде всего надо сходить к Марко и поблагодарить его.

— Он сегодня ночью уехал в Тоскану, — сказал Отторино.

— Ах, как жаль! Чего бы я только не дал, чтобы удостоиться чести поцеловать его славную руку и сказать, что отныне моя жизнь принадлежит ему.

Услышав, как сын выражает такую горячую и даже фанатичную благодарность Марко, Амброджо понял, что тот ничуть не изменился и по-прежнему одержим бесом ратного дела. Низко опустив голову, он с грустью подумал: «Если уж и посетила тебя не излечила, то я ничего не могу поделать».

Лупо прочитал это на морщинистом лице своего отца; огорчившись, что у него вырвались слова, которые могли расстроить отца, и желая как-то поправить дело и выразить ему сыновнюю привязанность, он задумался, что бы сказать ему приятного и ласкового, не касаясь ничего, в чем они не могли бы прийти к согласию, и не давая обещаний, которых он не собирался исполнять, и, наконец, спросил у отца, как поживают его соколы, оставшиеся в Лимонте.

Отторино удивленно взглянул на своего оруженосца: настолько странным и неуместным показался ему этот вопрос в такую минуту. Но отец, которому никак не удавалось заставить Лупо заинтересоваться его возлюбленным ремеслом, который никогда не слышал, чтобы сын хоть раз по доброй воле упомянул сокола или манок — настолько ему опротивела соколиная охота из-за постоянных попыток его к ней приучить, — очень глубоко ощутил всю любовь, всю деликатную нежность, скрытую в этом вопросе.

— Они здоровы, все здоровы, — ответил он, сжимая руку сына и чувствуя, что на глаза у него навертываются слезы.

Когда они въехали в Милан, молодой рыцарь сказал Лупо:

— Через два часа будь на поле в полной готовности. Ты найдешь меня там.

И он помахал рукой обоим спутникам, которые в ответ почтительно склонились почти к лукам своих седел.

Читатель легко представит себе, как встретили Лупо дома. Достаточно сказать, что мать впервые в жизни выбрала своего любимца Бернардо, начавшего попрекать Лупо за его приверженность врагам церкви и доказывать, будто в этом и заключалась причина случившейся с ним беды.

— Да замолчи же ты наконец! — раздраженно прикрикнула она на младшего сына. — У тебя еще будет время поговорить с ним об этом.

Лупо тут же спросил о хозяевах. Биче лежала в жару, Эрмелинда ухаживала за больной дочерью. А граф?

— Он заперся у себя и никого не хочет видеть, — ответил ему паж.

— Неужели я не смогу поблагодарить его? — сказал сын сокольничего.

Поднявшись по лестнице, он пересек пять или шесть залов, пока не оказался перед дверью покоев хозяина, а за ним пошли и все его родственники, не хотевшие оставлять его в радости так же, как не забывали его в горе. Лупо тихонько постучал в дверь. Граф по шуму во дворе, по топоту на лестнице и, наконец, по звукам голосов в зале понял, что приехал Лупо.

— Уходите, — сказал он через дверь. — Уходите, я не желаю никого видеть.

— Граф, хозяин, господин, это я, ваш Лупо, позвольте мне поцеловать вашу руку.

— Ступай, ступай, да будет с тобой господь, — ответил граф по-прежнему из-за двери.

— Ведь это вы добились для меня помилования у Марко, впустите же меня, впустите...

— Откройте, сжальтесь над нами, — умолял Амброджо.

— Откройте, — вторила ему Марианна, — мы хотим обнять ваши колени, доставьте нам эту радость.

— Откройте, откройте! — принялись кричать все в один голос. — Да здравствует граф дель Бальццо! Да здравствует наш господин!

Уступив наконец всеобщим настояниям, граф слегка приоткрыл дверь, и в образовавшейся щели показалась физиономия, на которой отразились испуг и удовольствие одновременно. Одни бросились ему в ноги, другие принялись целовать руки, кто благодарил, кто плакал от восторга. Насладившись вдоволь своим триумфом, граф выдернул у Лупо руку и проговорил:

— Хватит, хватит, я рад тебя видеть живым и здоровым, а теперь иди отсюда на все четыре стороны. И запомни: чтобы ноги твоей не было в моем доме. — Повернувшись затем к сокольничему, он добавил: — А ты знай, что если сын твой не изменит привычек, то напрасно мы его спасали!

С этими словами он втянул голову обратно и захлопнул дверь, оставив всех в полном смущении и недоумении.

Не зная, что и думать, Лупо надел доспехи, попрощался с родными и пошел садиться на коня, чтобы, как и было условлено, приехать на поле состязания, как вдруг на пороге одной из комнат встретил свою сестру Лауретту, которая, приложив палец к губам, сказала ему вполголоса:

— Кланяйся Отторино от моей хозяйки Биче. Скажи ему, чтобы он был мужественным, и передай, что она надеется, что и вдали от нее он ее не забудет.

— И вдали от нее?.. Это что еще за новости? Отторино, насколько мне известно, никуда не собирается.

— Да, но граф не велел ему приходить больше в наш дом.

— Как? Почему?

В этот миг за дверью послышался шорох шагов. Лауретта, вновь приложив палец к губам, бросилась на цыпочках в соседнюю комнату, а ее брат спустился во двор.

ГЛАВА XVI

Выехав через ворота Альджизо (сейчас на их месте находится мост Беатриче), Лупо прищепил коня и направился к церкви святого Симпличано, возле которой была устроена ограда для турнира.

Со всех сторон валил народ, чтобы посмотреть на зрелище, столь любимое в те времена. Дорога была забита мужчинами, женщинами и детьми в праздничной одежде.

Добравшись до церкви святого Симпличано, которая тогда, как помнят миланцы, находилась далеко за чертой города, наш оруженосец увидел толпу, глазевшую на выставленные для всеобщего обозрения щиты. По тогдашнему обычаю, на стене церкви или монастыря, расположенного поблизости от ристалища, вешались гербы рыцарей, которые должны были участвовать в состязании, чтобы их владельцев легче было узнать во время боя; и если кто-либо хотел отвести одного из рыцарей, избранных для состязания, если какая-нибудь дама или благородная

девица могла обвинить такого рыцаря в бесчестном поступке, у них была возможность принести свои жалобы судьям турнира, которые, исключив такого рыцаря из списков, проверяли выдвинутое против него обвинение и, в случае, если его проступок оказывался действительно серьезным, налагали на него штраф.

Убедившись, что герб Отторино — разделенный на четыре поля красно-белый щит со змеей в середине — выставлен вместе с другими, Лупо двинулся дальше. Чем ближе подъезжал он к месту состязания, тем сильнее теснился и шумел народ.

В одном месте пел менестрель, аккомпанируя себе на лютне, в другом — жонглер под дудку и барабан водил по кругу мартышек и собак; чуть поодаль бродячий торговец продавал ладанки и снадобья от лихорадки, расхваливая чудодейственные свойства трав святого Павла и святой Аполлонии. Повсюду виднелись палатки, в которых сидели игроки в кости, шашки и в любимые азартные игры того времени, называвшиеся «россыпь» и «ремешок». Хотя эти игры и были запрещены законом, предприимчивые мошенники все же безнаказанно раскидывали свои сети для уловления простаков. Народ толпился возле лавок, навесов и просто столов, с которых торговали жареной бараниной, свининой и телятиной с разными приправами, а также ржаным и пшеничным хлебом, ячменными лепешками, мальвазией, верначчей, верначчуолой и другими винами и снедью.

На противоположной стороне, справа от поля, торговали оружием.

— Как идут дела, Джакомо? — спросил Лупо краснощекого толстяка, который стоял у входа одной из лавок и разглядывал прохожих.

— Так себе, — отвечал оружейник. Это был Джакомоло Бираго — один из самых известных панцирных мастеров. — Хотя по нынешним временам и совсем неплохо, — добавил он.

— А ты не забыл отправить латы Отторино?

— Как же, я отнес их ему еще утром, сам примерил, и он в них — как картинка. Скажу тебе по чести, это такие доспехи, что ими можно гордиться: нагрудник не пробьешь кинжалом, я его сам закалил, а посередине золотом навел арабески. И дело не в том, что это моя работа, но, ей-богу, я перещеголял и Бьяссоно, и Пьеро дельи Эльминульфи, и Эсторе Казато.

В это время к лавке подошел какой-то старик, закутанный в коричневый плащ и в капюшоне, шлык которого был обмотан вокруг шеи.

— Послушайте, мастер, — сказал он Джакомоло, — мне ну-

жен шлем хорошей закалки, с широким оплечьем и заклепанным забралом.

— Тот, что совсем закрывает лицо и открывается сзади?

— Вот-вот.

— Нет, такого старья не держу. У нынешних шлемов рыцарь может поднять и опустить забрало, когда хочет. Если желаете, могу вам предложить такой товар наилучшей выделки. Посмотрите сами. — И с этими словами он повернулся ко входу в лавку, но покупатель его остановил.

— Нет, нет, — сказал он, — не утруждайте себя, мастер, мне нужен только такой шлем, о котором я вам говорил. Где бы мне его достать?

— Попробуйте спросить в четвертой или пятой лавке, начиная от моей. Вы умеете читать?

— Нет.

— Все равно, вы не ошибетесь. А то просто спросите Амброджо Каймо, — вам каждый покажет его лавку. У него, пожалуй, найдется то, что вам нужно, — он всяким старьем торгует. А если и у него нет, то больше можете не искать.

— А если найдется, то сколько это может стоить?

— Как вам сказать? — ответил Бираго, растягивая слова и пожимая плечами. — Это все равно что спрашивать, сколько стоит реликвия — может быть, больше, а может быть, и меньше: все зависит от набожности покупателя и от совести продавца.

— Простите, что я вас побеспокоил, — сказал старик и пошел дальше.

— Что это за шлем он хочет купить? — спросил Лупо, вновь завязывая разговор с оружейником.

— Такие шлемы, — отвечал Бираго, — употребляли раньше те, кто хотел участвовать в состязании или турнире, не открывая своего имени. Они целиком выкованы из одного куска, и потому нет опасности, что от удара копья забрало откроется и все увидят лицо сражающегося.

— А, понятно! Скажи-ка мне, наместник еще не приехал?

— Нет, но уже сражаются с чучелом. А как только он придет, начнется турнир.

— И долго еще ждать? — спросил Лупо.

Вместо ответа оружейник поджал губы и покачал головой, но через минуту, понизив голос, сказал:

— Таковы уж нынешние господа! Был бы на их месте Марко! — И он тяжело вздохнул.

— Да, если бы это был Марко! — ответил Лупо, тоже вздыхая.

— И зачем было ему уезжать? — продолжал еще тише оружейник. — Он должен был бы остаться здесь, с нами, — ведь мы все его сторонники. В нашей округе все, от аббата до последнего мальчишки, готовы пойти за него в огонь и в воду.

— А солдаты! — воскликнул Лупо. — А сеньоры! Да и вообще все. Но как знать, может, он тоже не зря уехал. Я думаю, что тут дело не такое простое, как кажется.

Их разговор был вновь прерван появлением старика в плаще, который возвращался назад со шлемом в руках.

— Эй, добрый человек! — окликнул его оружейник. — Нашел ты его все-таки?

— Да, — ответил тот, приближаясь и показывая шлем, который надел на кулак. — Я купил его там, где вы посоветовали.

Бираго открыл шлем, тщательно осмотрел его изнутри и снаружи, а затем сказал:

— Английская работа. Сколько с тебя взял Каймо?

— Угадайте.

— Восемь серебряных амвросиев.

— Больше.

— Имперскую лиру?

— Еще больше.

— Ну, так скажи сам, что-то я не догадываюсь.

— Я заплатил два золотых флорина.

— Два золотых флорина?

— Да, два золотых флорина, по тридцать имперских сольди.

«Вот грабитель!» — хотел было сказать оружейник, но прикусил язык и, возвращая шлем незнакомцу, пробормотал только:

— Надо сказать, немало должно быть флоринов у того, кто отдает два флорина за это старое железо.

— Кто же будет носить этот шлем? — прямо спросил Лупо у незнакомца, но тот приложил палец к губам и направился к тому переулку, из которого пришел.

Оба собеседника провожали незнакомца взглядом до тех пор, пока он не исчез в толпе. Тогда оружейник сказал:

— Понес кому-то, кто хочет, чтобы его не узнали на турнире.

— Если бы меня не ждали, — добавил Лупо, — я бы пошел за ним следом и поглядел бы, где сядет эта птичка.

В это время к лавке подошел какой-то покупатель и спросил у Бираго кинжал. Оружейник, приподняв перекладину у входа

пригласил его в лавку, и лимонтец, поняв, что торговец будет занят, отправился дальше.

Сделав в толпе большой круг, он наконец выбрался к той части поля, где были построены ложи и многоступенчатые деревянные трибуны, полого спускавшиеся в сторону города и круто обрывавшиеся с края, граничившего с лесом.

Лупо прошел на поле и увидел трибуны под балдахинном, украшенные гирляндами, коврами, шелком, золотой и серебряной парчой. В передних рядах сидели рыцари, дамы и благородные девицы; за ними стояли оруженосцы и пажы. Повсюду колыхались перья, виднелись шляпы и пышные головные уборы, поблескивало оружие, сверкали драгоценности. Большая ложа с колоннами, обтянутыми белым бархатом с золотым шитьем, выглядела странно пустой среди этой пестроты. Она предназначалась для наместника императора и его свиты. Над ней сверкали изображения змеи, а выше — черного орла: гербы Висконти и императора.

На обширной площадке, устроенной посреди поля, торчало укрепленное на колу чучело, изображавшее вооруженного рыцаря со щитом в левой руке и тяжелым толстым копьем — в правой; и каждый, у кого была лошадь, мог при желании испытать на этом чучеле свою силу и ловкость. Это называлось «сражаться с чучелом» или «с сарацином», так как позднее чучело стали наряжать в одежду мавра. В те времена и в последующие века это было одно из любимых народных развлечений и вместе с тем неплохая школа владения оружием. Упражняясь, юноши приучались метко поражать врага в голову и грудь, то есть наносить удары, считавшиеся единственно достойными и дозволенными.

Копья участникам этого состязания вручались судьями и были одинаковой длины и толщины. Тот, кто сломал больше копий и нанес больше хороших ударов, объявлялся победителем.

Но самое любопытное заключалось в том, что при неверном ударе у чучела срабатывала пружина, заставлявшая его с помощью особого механизма и скрытых гирь вращаться вокруг оси и наносить ответный удар неловкому бойцу.

На другой стороне поля, напротив площадки с чучелом, возвышалось иное сооружение, которое мы сейчас вам опишем. Из земли торчало толстое бревно высотой примерно с человека среднего роста. На нем была горизонтально укреплена на железной оси жердь, которая начинала вращаться, стоило до нее дотронуться. Всадники должны были скакать во весь опор и на-

нести удар копьем по одному из концов жерди. Искусство заключалось в том, чтобы избежать удара, наносимого противоположным концом вращающейся жерди. Участники этой игры рисковали жизнью, а епископы не раз запрещали ее так же, как и турниры и другие опасные развлечения, но запреты епископов и пап, и даже вселенских соборов¹, оставались гласом вопиющего в пустыне.

Вышеописанное устройство называлось бараном, потому что на концах жерди вырезались бараньи головы, и про участников игры говорили также, что они «сражаются с бараном» в отличие от тех, кто «сражался с чучелом».

Войдя в шатер Отторино, Лупо принялся облачать своего хозяина в новые доспехи, присланные Бираго, тщательно прилаживая каждую мелочь, внимательно осматривая и коня, и сбрую, и оружие; затем, убедившись, что все в порядке, он отправился в палатку для оруженосцев, расположенную в конце поля. Оттуда он стал наблюдать за теми, кто сражался с чучелом. Вдруг он заметил, что сквозь толпу пробирается какой-то человек в красно-желтом одеянии, которое с одной стороны казалось целиком красным, а с другой — целиком желтым. Такая расцветка была в те времена вполне обычной; но странный вид ему придавала свисавшая с его колпака цепочка серебряных бубенцов, которые звенели при каждом шаге их владельца.

— Здравствуй, Тремакольдо, — сказал оруженосец, когда странная фигура приблизилась к нему настолько, что он смог узнать менестреля.

— А, это ты, Лупо, — отвечал тот. — Вот хорошо, что я тебя встретил. Я как раз шел к палатке оруженосцев, чтобы взять у кого-нибудь на время нагрудник и лошадь. Я хочу попытать счастья с сарацином. Не окажешь ли ты мне эту услугу?

— Попытать счастья с сарацином? Ты спятил? Займись-ка лучше своим делом: ведь это тебе не песенки петь. Видишь ту жердь, что у него в руках? Ей случалось сбивать с ног и не таких сумасшедших, как ты.

— Это мое дело, и не задавай лишних вопросов: я поспорил с Арнольдо Витале — он победил меня в пении любовной канцоны, а я вызвал его на состязание с сарацином.

— Да разве ты не знаешь, что Арнольдо — оруженосец и что копьем он владеет не хуже настоящего рыцаря?

---

¹ Вселенскими соборами и называются съезды высшего духовенства католической церкви, на которых решаются наиболее важные вопросы.

— Ну и что? А ты знаешь, на каких условиях мы состязаемся? Он должен сломать о сарацина копье, а мне, чтобы выиграть, достаточно ткнуть его так, чтобы не получить удара дубиной, которую он держит в руках.

— Так, значит, вы состязаетесь не на равных?

— На равных? За кого ты меня принимаешь? Я, конечно, немножко тронутый, но не настолько.

— И тебе не стыдно?

— Чего? Чтобы без труда получить отличного коня?

— А что ты ставишь в ответ?

— Кусок той золотой цепи, которую подарил мне твой господин в Беллано; остальное я проиграл в кости.

— Бедная твоя цепь и бедные твои плечи! А впрочем, делай что хочешь.

— Значит, ты одолжишь мне коня и нагрудник?

— Только на одно состязание.

— Конечно.

— Ладно, входи, я надену на тебя доспехи.

Надев на шута легкую броню с крюком для копья на нагруднике, Лупо посадил его на своего собственного коня, дал ему в руки копье и сказал:

— Попробуй упереть древко вот сюда. — И он показал ему на крюк. — Покрепче сожми колени, подайся вперед к луке, так, чтобы ударом тебя не вышибло из седла. Вот так, еще больше... Держи копье крепче, напряги как следует руку. Постарайся попасть в цель и молись своему святому.

— Я сам все сделаю, — отвечал Тремакольдо и рысью поехал на середину поля.

— Подожди, я надену тебе шпоры! — крикнул ему вслед Лупо.

— Обойдусь и без них, — ответил шут и поехал дальше.

Глашатай объехал поле, возвещая о начале состязания между Арнольдо Витале и Тремакольдо и рассказывая его условия. Все знали ремесло одного из противников и потому приготовились к какой-нибудь необыкновенной проделке.

Передав судьям оба заклада, два конюха, наряженные в медвежьи шкуры и подражающие походке зверей, которых они изображали, приблизились к соперникам, чтобы вручить им по копыю. Но в тот миг, когда Тремакольдо протянул было руку за своим оружием, конь, на котором он сидел, насторожил уши, раздул ноздри, подозрительно и злобно понюхал медвежью шкуру, а затем испуганно подался назад и встал на дыбы, так

что бедный всадник чуть было не рухнул на землю. Однако, заметив опасность, он стиснул колени и кошкой вцепился в гриву заартачившегося коня. На его счастье, на нем не было шпор, а в эту минуту рядом оказался Лупо, который, схватив коня за узду, назвал его по имени, погладил морду и, похлопав по загривку и крупу, быстро его успокоил.

Как только утих смех, вызванный этим происшествием, герольд возвестил громким голосом:

— Состязается Арнольдо Витале!

И вот на поле выехал всадник. На нем были гладкий панцирь и серебряные шпоры — отличительный знак оруженосцев. Разогнав коня, он ринулся на сарацина и с такой силой вонзил копьё в середину щита, что чучело зашаталось, а копьё разлетелось в щепки. Это было уже третье копьё, сломанное за день, но никто еще не попадал в самый центр щита, где был укреплен острый железный конус — так называемое наверхие, и поэтому удар Арнольдо был признан лучшим.

Герольд возвестил:

— Удар безупречен!

Раздались всеобщие рукоплескания.

Спустя минуту в толпе послышались крики:

— Очередь Тремакольдо! Пусть скачет Тремакольдо!

— Я здесь, я никуда не прячусь, — отвечал шут.

— Быстро обопри копьё на крюк, — сказал ему Лупо, который стоял рядом, играя роль его секунданта, или, как говорили тогда, подсказчика. — Поверни коня и пусти его во весь опор.

Но хитрец, которому вовсе не улыбалось лететь сломя голову навстречу опасности, уже придумал уловку, чтобы выйти, как говорится, сухим из воды. Вместо того чтобы положить копьё на опорный крюк, он просто взял его под мышку и помчался к мишени, раскачиваясь и подпрыгивая в седле, так что можно было живот надорвать от смеха. Подъехав к цели, он ткнул копьём наугад и угодил в складки надетого на сарацина пурпурного плаща. Это был скверный удар, а потому машина закрипела, вздрогнула и махнула своей тяжелой дубиной, которая пришлась бы как раз в левый бок всадника. Все ждали, что шут свалится на землю. Но, нанеся удар, он тут же выпустил копьё из рук и припал к гриве скакуна, так что дубина просвистела над самой его головой, зацепив лишь кончик шапки, которая отлетела далеко в сторону под громкий смех и колкие издевки благородной публики и простолюдинов, теснившихся вокруг площадки.

Счастливо избегнув опасности, Тремакольдо, полуживой от страха, стал потихоньку поднимать голову и вскоре из-за гривы выглянул его лукавый глаз. Затем он покрасивее уселся в седле, повернул коня и подъехал к сараину, который тем временем опять повернулся и замер с поднятой кверху палицей. Там, вспомнив о своем ремесле шута, он вытаращил глаза, сделал гримасу и, высовывая язык, закричал чучелу:

— Болван, болван, сопляк несчастный! Ты что, думал сыграть со мной шутку, да? Ах ты черная собака! Ну нет, Тремакольдо на мякине не проведешь! Не так-то я прост, язычник поганый!

— Тремакольдо, — сказал ему тогда один из судей, следивших за состязанием, — по условию ты проиграл.

— Как — проиграл? Но ведь дубина меня не коснулась.

— Взгляни-ка вон туда, на землю, — там валяется твоя шапка. Она свидетельствует против тебя, — ответил судья.

— Какое мне дело до моей шапки? Она тоже вроде шута, и взбредет ей в голову попрыгать на песке — я-то тут при чем?

Судья хотел было возразить, но тут в спор вмешался Арнольдо Витале. Все еще упиваясь славой, которую принес ему этот меткий удар, он выступил вперед и сказал:

— Тремакольдо прав: речь шла о теле, а не о шапке. — И, повернувшись к шуту, добавил: — Забирай коня. Он твой, ты его выиграл в честном состязании.

Всем присутствующим понравилось это рыцарственное великодушие. Они осыпали Арнольдо похвалами, и доблестному воину присудили, по всеобщему согласию, главный приз состязания с чучелом — меч с серебряной рукоятью.

Тем временем на турнир прибыл императорский наместник Адзоне, которого сопровождали его дядья, Лукино и Джованни Висконти, и блестящая свита, состоявшая из баронов, оруженосцев и пажей.

Как только толпа заметила, что наместник появился в ложе, кое-где раздались крики:

— Да здравствует Адзоне! Да здравствует наместник! Да здравствует повелитель Милана!

Но кричавшие не очень утруждали себя, и вскоре глухой шум перекрыл их голоса, а откуда-то донеслось даже весьма отчетливо: «Да здравствует Марко!», так что Лукино, обведя толпу взглядом, наклонился к уху племянника и прошептал:

— Хорошо, что мы вовремя отправили его с поручением!

Появление Адзоне в ложе послужило сигналом к началу турнира. И вот по звуку трубы из двух белых шатров выехали двенадцать всадников в белых плащах и шлемах с белыми перьями и столько же оруженосцев, одетых в зеленое. Одновременно из двух противоположных шатров выехали еще двенадцать рыцарей с оруженосцами, первые — в красных плащах и шлемах с красными перьями, вторые — в желтых куртках.

Впереди белого отряда ехал наш Отторино, отряд рыцарей в красном возглавлял доблестный миланец по имени Скара-моро. Оба отряда, которым предстояло сразиться друг с другом тупым, то есть турнирным оружием, медленно двинулись навстречу друг другу; они остановились перед ложей наместника, и все рыцари приветствовали его, опустив копья, которые держали наперевес.

Приветствуя наместника, оба отряда выстроились в шеренгу вдоль галереи, но теперь отделились друг от друга и, повернув коней, двинулись один налево, другой направо; объезжая поле, они встретились на полпути и приветствовали друг друга. Благородные кони фыркали и, казалось, дрожали от нетерпения. Рыцари с открытыми забралами и поднятыми вверх копьями двигались сомкнутым строем, лишь предводители ехали впереди остальных. Шлемы, латы, щиты, золотые и серебряные позументы сверкали в лучах солнца, прошедшего уже больше половины своего пути по небесам. Видно было, как колышутся полы плащей и конские чепраки, как развеваются на ветру перья, султаны, флажки.

Едва только наш знакомый оружейник увидел, что приехал наместник, он оставил свою временную лавку под присмотром подмастерья и побежал к двум белым шатрам, стоявшим по левую сторону поля. Здесь у ограды его уже ждала жена.

С полдюжины подмастерьев заняли для него место, и едва они заметили в толпе его шапочку с пером — отличительный знак мастера-панцирника, как сразу же пропустили его вперед, так что он смог весьма удобно устроиться рядом с женой, положив руки на ограду.

— Смотри-ка, они сидят на нем, словно перчатка, — сказал Бираго одному из своих подмастерьев, показывая на латы Отторино, который как раз проезжал мимо.

Тот хотел было сказать что-то в ответ, но жена оружейника перебила его и, схватив мужа за руку, спросила:

— Джакомо, дорогой, глянь-ка вон на того рыцаря, третьего в ряду. Неужто он одноглазый, ведь у него на глазу повязка? Зачем же такой калека лезет в драку?

— Он видит обоими не хуже нас с тобой, — ответил оружейник, — я его знаю: это Брондзин Каймо, один из тех Каймо, что одно время жили в Сан-Амброджо, а теперь живут под Новым Бролетто. Я тебе расскажу, почему у него завязан глаз. Каймо очень долго ухаживал за одной дамой из рода Ламбуньяно, но она и слышать не хотела о его любви, потому что он всегда был недалеким малым. Чтобы избавиться от него раз и навсегда, она дала ему понять, что не может больше видеть перед собой увальня, о котором дальше стен нашего города никто ничего не слышал. Она, конечно, сказала ему все это немножко поучтивей, но получилось то же самое. И что же тогда делает этот бедняга? Однажды вечером он застиг свою даму, когда она гуляла у себя в саду, бросился к ее ногам, поймал ее руку и приложил ее к своему глазу и дал обет не открывать его, пока он не выбьет из седла трех рыцарей, и никогда не появляться перед нею, пока оба его глаза не будут открыты, то есть пока он не выполнит своего обета.

— Какая странная клятва! — воскликнула жена Бираго. — А теперь-то он держит слово?

— Конечно, и, видишь ли, благодаря этому стал довольно известным человеком, потому что всюду ищет ссоры; он и сам летал с коня несчетное множество раз, однажды вывихнул плечо, потом вернулся домой с перебитой рукой, потом со сломанным ребром, но все же за эти три года — вернее, три с половиной — ему удалось выбить из седла двух человек, а сейчас он явился сюда, потому что там, где дерутся, дело без него никогда не обходится. А если ему удастся свалить и третьего, то он снимет повязку с глаза и явится к даме, которая тогда уж не сможет быть с ним суровой по-прежнему.

В эту минуту мимо разговаривающих супругов проезжал отряд рыцарей в красном. Впереди ехал Скараморо. Из-под шлема виднелось его загоревшее лицо с хищными глазами; левую щеку около рта пересекал шрам, тянувшийся до подбородка. Широкогрудый, широкоплечий, наводивший ужас одним своим видом, он ехал на прекрасном вороном с равнодушием человека, привыкшего подвергаться гораздо большим опасностям.

— Смотри-ка, смотри, — сказал Бираго, показывая на него жене, — это лучшее копьё Милана. Он сражался в Германии, во Франции и в Палестине.

— А мне больше нравится предводитель белых, — отвечала жена, — с виду он ничуть не хуже этого, а лицом больше похож на христианина.

— Он тоже храбрый рыцарь, — возразил муж, — и тоже покупает доспехи у меня, но Скараморо ему не по плечу.

— А почему у тех двоих, — опять спросила жена, указывая на шеренгу белых, которые, закончив круг, выстроились перед шатрами, — почему у них щиты одноцветные и без всяких украшений?

— Это значит, что они новички: пока не пройдет года со дня их посвящения в рыцари или пока они не совершат какого-нибудь подвига, они должны носить совсем гладкие, одноцветные щиты. А теперь помолчи — состязание начинается.

Действительно, раздался звук трубы и рыцари, выстроившиеся по обеим сторонам поля, разом опустили забрала, затем, при втором сигнале, взяли копья наперевес, а при третьем одни с криком: «Святой Амвросий и Отторино!», другие — «Святой Георгий и Скараморо!» устремились навстречу друг другу и столкнулись посреди ратного поля с грохотом, подобным грохоту бури. В первой же схватке ломаются копья, рыцари вылетают из седел, кони сталкиваются грудью, бьют друг друга копытами, кусаются, вырываются из свалки с пустыми седлами и галопом несутся по арене. Зрители кричат от восторга, неистовствуют, подбадривают соперников, дают советы. В клубах пыли, окутывающей и скрывающей все поле, — полная сумятица и неразбериха. Немного погодя сбегаются конюхи и ловят лошадей, оруженосцы помогают своим господам забраться обратно в седла, служители выносят из свалки нескольких пострадавших. А за оградой по-прежнему слышатся крики зрителей, которые еще не уверены, на чью сторону склоняется победа.

После первой стычки рыцари оставили копья и взялись за мечи, прозванные мотыгами, ибо они были тупыми, без острия и с незаточенным лезвием, но очень тяжелыми; когда рука, не знавшая никакого иного ремесла, опускала такой меч на шлем противника, то, если удар приходился точно, он нередко проламывал голову, находившуюся внутри, или, по меньшей мере, оглушал так сильно, что пострадавший долго качался из стороны в сторону. Тем временем герольды, распорядители и их помощники в поле, наблюдавшие за тем, честно ли ведется бой и все ли действуют так, как должно, без усталости кричали:

— Рыцари! Рыцари! Не забывайте, чьи вы сыны, будьте достойны своих отцов!

Сражение длилось с переменным успехом уже, быть может, более часа, но под конец стало казаться, что рыцари в белом потерпят поражение: четверо из них были унесены к шатрам с тяжелыми ранениями, другие под натиском противника постепенно уступали поле брани. И наместник, решив, что исход битвы ясен, собирался уже во избежание излишнего кровопролития дать знак к ее окончанию, как вдруг Отторино, вспомнив о Биче и ее словах, переданных ему оруженосцем, почувствовал, что ярость и стыд овладели всем его существом. Откинув за плечи щит, он схватил меч обеими руками, ринулся навстречу предводителю рыцарей в красном, совершавшему в тот день настоящие чудеса, и закричал:

— Защищайся, Скараморо!

Рыцарь, которому была адресована эта угроза, быстро прикрыл голову широким щитом и одновременно нижним острым его концом ткнул нападающего в латы, не причинив ему, однако, никакого вреда. Увидев, что противник его защитился и удар, нацеленный ему в голову, был бы бесполезен, Отторино не стал рубить сверху, но, изловчившись, быстро опустил меч, повернул его и нанес яростный удар сбоку. Пройдя ниже щита, меч поразил Скараморо в правую щеку с такой силой, что бедняга свалился по другую сторону коня, и его, полумертвого, с раздробленной челюстью, отнесли в шатер красных.

Тогда Отторино принялся кричать: «Святой Амвросий, святой Амвросий!» Обессиленные воспрянули духом, побеждавшие заколебались и стали отступать, а наш герой наносил сокрушительные удары, рыча, точно лев. Его соратники мужественно помогали ему, стараясь из последних сил. В одно мгновение положение совершенно изменилось: еще двое рыцарей в красном были сброшены с коней, а те, кто оставался в седле, лишившись вождя, который мог бы их сплотить, совершенно пали духом. Противники, защищаться от которых было теперь бесполезно, повсюду теснили и преследовали их. Наместник сделал знак рукой, прозвучала труба, и схватка прекратилась.

В то время как толпа кричала, хлопала в ладоши, кидала в воздух шапки и береты, приветствуя победителей, на поле показались семь герольдов — распорядители и их помощники. Пришпорив коней, они набросились на одного из всадников из отряда рыцарей в красном и, колотя его древками копий, погнали вон из огады. По правилам турниров такому наказанию подвергали всякого, кто не опускал оружия сразу же после отбоя.

Бойцы, которые могли еще держаться в седле или на ногах,

предстали перед судейской ложей. Здесь одного за другим их выкликал по имени герольд, и на основании отзывов, которые давались о каждом маршалами турнира, было решено, что все вели себя отважно, как истинные и славные рыцари. Порицанию подвергались лишь двое: один из отряда белых за то, что он ранил противника в бедро, а это при сражении на копьях считалось неправильным ударом, так как попасть надо было в грудь, и один из отряда красных за то, что ударил мечом коня. Однако за первого вступился сам противник, который, ощупав рану, заявил, что удар был направлен в щит, но острие копья соскользнуло и впилося не туда, куда, несомненно, метил рыцарь. Что же до второго, то он был также оправдан, ибо один из служителей поля показал, что конь его соперника вскинул голову как раз в тот момент, когда обвиняемый опускал меч.

Затем называли тех, кто остался в шатрах. Их было десять: семеро раненых и трое убитых. Судьи решили, что все они вели себя доблестно и достойно.

Но среди раненых хуже всех пришлось известному нам Брондзину Каймо, герою с перевязанным глазом, хотя рана его и не была самой тяжелой. При первом же столкновении копье проникло через щель его забрала (тут уж, верно, не обошлось без нечистого) и попало прямо в открытый глаз, в тот самый, которым он видел. Спокойной ночи! Наш рыцарь очутился в полной темноте и, упав с коня, был отведен в палатку, где с благоговейным упрямством не пожелал ни снять сам, ни позволить другим снять повязку с уцелевшего глаза. Об этом случае доложили судьям, но и они не знали, как решить дело. Разговоров потом об этом было очень много, дело долго обсуждали, разгорелся жаркий спор между дамами и кавалерами. «Интересная история», — говорили дамы с таким же выражением, как иногда адвокаты говорят «интересное дело», а врачи — «интересный случай». У каждого мнения были свои сторонники, цитировались все римские законы и законы Моисея, латинские и провансальские авторы, пророки и романисты, философы и трубадуры, примеры приводились из всех самых знаменитых рыцарских романов.

Дело перешло в высшие суды, находившиеся в различных городах Европы; однако и они не пришли к единому решению, а потому обратились, наконец, с запросом в верховный суд Прованса, который по зрелом размышлении и после долгого разбирательства, с согласия первейших ученых, вынес торжественное постановление в пользу оставшегося глаза Каймо, то есть раз-

решили ему снять с этого глаза повязку. Щепетильный влюбленный, все это время оставшийся слепым, снял наконец роковую повязку и впервые за добрых три года снова увидел свет. С оставшимся глазом он вновь вернулся к прежней жизни, чтобы выполнить обет и выбить из седла недостававшего третьего рыцаря (вот какое постоянство было в добрые старые времена!). И в свое время он выбил из седла и третьего. То-то была радость! Но представьте себе, что его жестокая дама, которая, кажется, не очень жаловала одноглазых, придумала еще одну отговорку. Она сказала ему, что по обету он поклялся прийти к ней с двумя открытыми глазами, а раз уж он остался с одним, то в таком случае она не желает его видеть.

Но вернемся на поле. По правилам турниров рыцари-новички подарили герольдам шлемы, которые они носили, но и тут дело не обошлось без спора, так как один из упомянутых новичков уже участвовал в сражении на копьях во время турнира, состоявшегося недавно в Комо, и кое-кто стал говорить, что он не обязан отдавать герольдам свой шлем, раз это было не первое состязание, в котором он участвовал. Однако было решено, что шлем полагается отдать по той причине, что состязание, в котором он впервые участвовал, было на копьях и на мечах там не сражались, а потому судьи сослались на известное турнирное правило, согласно которому «меч заменяет копье, но копье не заменяет меча».

Рыцарей в белом провозгласили победителями. Затем общим голосованием не одних лишь судей и маршалов, но также дам и девиц было решено, что больше всех отличился Отторино, и он получил в награду белого коня в белой же сбруе, а также шлем и щит из серебра. Так закончился этот день.

Жена нашего оружейника была до того довольна, до того горда славными подвигами этого юноши, как она его называла, что без умолку только о нем и говорила. Она расхваливала его на все лады, так что ее благоверный начал хмуриться и чуть было не рассердился всерьез.

ГЛАВА XVIII

В тот же вечер адвокат Лоренцо Гарбаньяте принес известие о турнире в дом графа дель Бальцо. Биче, полуживая после страхов минувшей ночи и после смертельных мучений этого дня, когда она все время представляла себе тысячи опасностей, гро-

зящих Отторино, жадно внимала каждому его слову и постепенно приходила в себя — так увядший цветок вновь поднимает свой венчик на засохшем стебле и раскрывается навстречу утренней росе. Но, узнав, что после победы в турнире юный воин почтительно поцеловал повязанную через плечо голубую ленту в знак того, что он думает о своей даме, которая помогла ему выйти со славой из этого испытания, влюбленная девушка почувствовала, что она вот-вот потеряет сознание — так сладко вдруг сжалось ее сердце. А потому она скрылась на минуту от посторонних взоров, спрятала лицо в ладонях и по-женски предалась слезам. Вскоре она вернулась в зал, но еще не раз за этот вечер чувствовала, как вспыхивают ее щеки при упоминании любимого имени, которое было у всех на устах. И тогда она говорила про себя: «Он мой», и нежная гордость переполняла ее сердце.

Иногда она думала и о том, в каком ужасном положении она оказалась, размышляла над словами отца, навсегда запретившего ей видиться с любимым, но эти думы отступали и рассеивались перед нахлынувшей на нее радостью, словно туман в долине, тающий под лучами жаркого солнца.

Сияющая, счастливая оттого, что она отдала свою любовь такому замечательному человеку, оттого, что он, добившись новой славы, все равно не забыл ее, она в эти минуты не могла думать ни о каких бедах. Сердце девушки было полно надежд, будущее ей улыбалось, а в голове теснились сотни сладостных грез и радужных картин.

Дамы и кавалеры, пришедшие на вечер к графу, выразили удивление по поводу его отсутствия на турнире. Во время разговора речь зашла об истории с глазом Брондзина Каймо. В другие времена это заставило бы графа дель Бальцо оседлать своего любимого конька, ибо, если надо было разобраться в запутанном деле, порассуждать, он просто расцветал от удовольствия. Но в этот день ему было настолько не по себе, что его никак не удавалось расшевелить. Перед ним все время стояло лицо Марко, в ушах звучали его слова, все мысли были заняты им одним, и весть о триумфе Отторино не могла подействовать на него столь же чудесным образом, как на его дочь.

Мало-помалу, однако, он пришел в себя и немного воспрянул духом, а под конец нашелся чародей, который смог развеять его мрачное настроение и окончательно вернуть его к жизни. Это был его друг, старый барон, который, прежде чем распрощаться, отвел его в сторону и сказал, что наместник императора спраши-

вал о нем. Видали ли вы когда-нибудь, как старая тощая кляча с печально опущенной головой и висящими ушами, которую никак не расшевелить поглаживаниями да похлопываниями, неожиданно пускается вскачь, как молодая кобылица, едва возница дает ей пару пинков? И только потом становится понятно, что удар пришелся по старой ссадине. То же самое случилось и с графом.

— Неужели правда? Он говорил обо мне? — взволнованно спросил наш робкий честолубец.

— Да, он говорил о вас.

— А что? Что он сказал?

— Он спрашивал, почему вас нет на турнире.

— Значит, завтра надо непременно побывать на турнире и посмотреть поединки. Ведь завтра будут поединки?

— Да, второй день посвящен поединкам рыцарей, и вам бы неплохо там показаться, чтобы не сочли, будто... понимаете... Все знают, что вы большой друг Марко, но кто-нибудь может подумать... — как бы это сказать? — что вы не друг наместнику.

— Что? Что?

— А чему тут удивляться? Все знают, что между Марко и наместником, его племянником, нет особой любви.

— Я об этом ничего не знаю. Я дружу со всеми и хочу жить со всеми в мире.

— Поэтому я и говорю, что завтра вам не следует отсутствовать: ведь это празднество в честь назначения Адзоне... И если ему снова придет в голову спросить о вас, а ему скажут, что вас нет...

— Нет, нет, я буду там, я непременно буду.

И граф сдержал слово: на завтра он одним из первых появился в ложе рядом с ложей наместника. Еще не была готова площадка, еще не прибыли даже судьи и рыцари, державшие поле, а он был уже там, во всем блеске, с дочерью и многочисленной свитой из пажей и оруженосцев.

Когда наместник со своими дядьями взошел на галерею, граф снял шляпу и поклонился, церемонно разводя руки, но, по-видимому, никто не обратил на него внимания, никто не выделил его поклона среди всех других, и ему это показалось несколько странным. Когда все уселись, граф, ни на минуту не оставлявший в покое свою розовато-белую шляпу, поглядывал своими серыми глазками то в одну, то в другую сторону и, непрерывно сотрясая воздух своим противным скрипучим голосом,

все еще старался привлечь к себе внимание, но на него смотрели не больше, чем на пару дворняжек, которые с лаем носились по полю, и в конце концов он почувствовал крайнее раздражение.

Но вот начались поединки. Многие рыцари выезжали на поле и касались копьем того или другого из щитов, подвешенных на шестах, которые были воткнуты в землю рядом с палаткой рыцарей, держащих поле. Одно единоборство сменялось другим, но не было нанесено ни одного хорошего удара — кто промахнулся, кто потерял стремя, кто увернулся, пригнувшись к коню. Были сломаны два копья, и ничего больше не произошло.

Отторино не вызвали ни разу: после вчерашней схватки никто не осмеливался померяться с ним силой.

Зрелище длилось уже часа два, но дело шло так вяло, что зрителям это быстро надоело, и они начали роптать, а потом зашумели и наконец стали злобно ругать рыцарей, которые не озаботились для потехи публики выпустить разок кишки друг другу. Такова уж чернь: чаще всего она покладиста, сговорчива и послушна, но бойтесь в чем-нибудь ей не угодить — тогда из ягненка она превращается в медведя.

Чтобы укротить разъяренного зверя, на поле выехали герольды и возвестили, что поединки прекращаются и начинается «бигордо». Так называлось одно из любимых зрелищ того времени — штурм деревянного бастиона или замка. Один из герольдов уже начал произносить обычную формулу, означающую конец поединков, как вдруг в соседней роще раздался звук рога. Зрители захлопали в ладоши, давая тем самым понять, что они хотят дождаться появления нового рыцаря, о приближении которого возвещал рог. На несколько мгновений воцарилась тишина, затем все увидели, как на поле выехал гигант с закрытым забралом, в простых стальных доспехах, без всякой расцветки, без украшений и без герба. Он ехал на крупном апулийском жеребце, черном, но с белыми бабками и со звездочкой на лбу.

Щит вновь появившегося воина также был гладким, без всяких украшений, ибо его хозяин хотел остаться неизвестным, но следом ехал оруженосец с другим щитом, затянутым черно-желтым шелком — цвет этот означал безысходную печаль. Оставив своего господина на краю поля, граничившем с рощей, оруженосец пересек арену, чтобы отвезти обернутый в материю щит к судейскому шатру, расположенному в противоположной стороне. Судьи приносили клятву никогда и никому не открывать тайны того, кто хотел сразиться инкогнито, но по правилам турниров они должны были освидетельствовать его герб и

решить, достоин ли он чести померяться силами с рыцарями — защитниками поля.

Между тем в толпе пробудилось радостное оживление и любопытство. Это было заметно по гулу голосов.

Но как только оруженосец вошел в судейский шатер, шум стих, и повсюду воцарилась полная ожидания тишина.

Спустя несколько минут судьи вышли со щитом неизвестного, как и прежде обернутым в шелк. Они водрузили его на вершину шеста, который воткнули в землю, преклонили перед ним колено и дали знак герольду, который прокричал:

— Рыцарь волен выбрать себе противника.

Тогда неизвестный, которому было таким образом предоставлено право боя, медленно пересек площадь из конца в конец, подъехал к шатру рыцарей, державших поле, и остановился перед щитом Отторино, но, вместо того чтобы коснуться его копьем, как это было принято, он снял его с шеста и бросил наземь. Потом он снова водрузил его на место, но вверх ногами, что было наивысшим оскорблением для рыцаря и означало вызов на бой до конца, или, как мы говорим теперь, до последней капли крови.

Толпа, внимательно следившая за его действиями, сразу зашумела: все хорошо знали, что это означает. Некоторые пытались угадать, кто этот оскорбитель и почему он так смертельно ненавидит Отторино. Старики говорили, что наместник не допустит поединка; молодежь кричала, что препятствовать ему было бы недостойно. Одни боялись за Отторино; другие, тоже сочувствовавшие ему, радовались, что ему снова удастся отличиться; некоторые, завидуя, втайне ликовали и надеялись, что он лишится славы, задевавшей их гордость; но большинство зрителей, не склоняясь ни на чью сторону, просто готовились насладиться зрелищем, обещавшим вознаградить их за ожидание.

А что тем временем делала бедная Биче, что творилось в ее душе? Вначале, когда на поле выезжали рыцари и касались копьями щитов, жажда новой славы для любимого сменялась в ее сердце страхом за его жизнь — ей то хотелось, то не хотелось, чтобы кто-нибудь коснулся щита Отторино. Но затем, при виде стольких бескровных стычек, она успокоилась и под конец стала даже желать, чтобы ее возлюбленный тоже сразился с кем-нибудь. Все более волнуясь, она уже предвкушала его победу, ей чудились похвалы кавалеров и дам и молчаливое, плохо скрытое восхищение отца. Но, заслышав звук рога и увидев неизвестного рыцаря, она содрогнулась всем телом от внезапного

и тайного предчувствия, и ей показалось, что в ее сердце раздался голос: «Горе твоему жениху!» И пока грозный всадник пересекал поле, приближаясь к шатру, она смотрела на него, точно испуганное дитя, которому чудится, что из жуткой темноты ночи на него медленно надвигается призрак. Каждый шаг коня неизвестного рыцаря, казалось, отнимал у нее частицу жизни, в конце его пути она еле могла перевести дух, а стук сброшенного наземь щита поразил ее до глубины души, и на минуту свет померк в ее глазах.

Заметив смятение Биче, отец решил уберечь ее от этого слишком тяжелого для нее зрелища и, взяв ее за руку, попытался заставить девушку встать и выйти из ложи; но несчастная, для которой ждать дома известий о поединке и все время томиться предчувствиями худшего было бы еще невыносимей, чем видеть все своими глазами, отказалась следовать за ним.

— Разве ты не поняла, кому брошен вызов? — сказал ей граф изменившимся голосом.

— Я знаю: Отторино, — спокойно отвечала девушка, которая, твердо решив остаться, собрала в эту минуту все свои силы.

— Но ведь оружие... — продолжал, запинаясь, отец, — но ведь вызов...

— Оружие у них с острыми концами и заточенными лезвиями, — продолжала Биче, которой отчаяние придало уверенности, — а вызван он для боя насмерть, я все это видела. Но я не хочу уходить отсюда.

Тем временем Отторино, закованный в броню с ног до головы, вышел из шатра, подошел к своему боевому коню, которого держал под уздцы Лупо, ухватился рукой за переднюю луку и, несмотря на тяжесть доспехов, легко оттолкнулся от земли и сел прямо в седло.

Судьи поля выбрали два острых копья с древком из прочного, тяжелого дуба, с серебряными наконечниками и железными напятниками. Убедившись после строгого и тщательного осмотра, что оба копья одинаковы по гибкости, весу, качеству дерева и железа, а также по отделке, они передали одно из них рыцарю, сделавшему вызов, а другое — его противнику и велели обоим сделать круг по арене.

Двигаясь рядом, противники стали объезжать поле вдоль ограды и лож, каждый в сопровождении своего оруженосца. Весь закованный в железо, неизвестный рыцарь легко и непринужденно сдерживал могучего коня, который от грома рукоплесканий начал горячиться, то вставал на дыбы, то порывался ска-

коть и грыз удила, так что с его морды хлопьями падала пена. Рыцарь же, прочно сидевший в седле, держался прямо и уверенно, с удивительно строгой осанкой и природным изяществом. Лупо, ехавший в нескольких шагах от него, изумлялся ширине его плеч, прекрасной соразмерности всех членов, горделивой посадке головы, и в его душу невольно закрадывался страх за его господина. Лупо заметил, что на нем был шлем со сплошным забралом, и сразу же его узнал — это был тот самый шлем, который накануне купил старик в коричневом плаще.

Отторино скакал рядом с этим богатырем, подняв забрало, и из-под него выбилось несколько черных прядей, падавших на его лицо, полное открытой юношеской отваги. Под ним был прекрасный чалый андалузец, не такой могучий и грозный, как конь его противника, но полный огня, испытанный в боях, понятливый и послушный узде, голосу, знаку и, я бы сказал, даже мысли своего хозяина. Отторино умело заставлял его проделывать вольты, вставать на дыбы, идти то рысью, то галопом и грациозно поворачивать, так что казалось, будто он готовился не к смертельной схватке, а к демонстрации оружия или к рыцарской карусели.

Поравнявшись с ложей графа дель Бальцо, Отторино учтиво приветствовал отца и дочь, но граф сделал вид, что не заметил его, а Биче ответила ему лишь робким, беглым взглядом. Точно замороженная какими-то могучими чарами, она не могла в этот миг отвести глаз от незнакомого рыцаря. Она видела длинный, острый, блестящий наконечник его копья, и ей казалось, что холодное железо впицается ей прямо в сердце. И она не сводила с рыцаря глаз, точно хотела уничтожить его своим взглядом.

Незнакомец, ни разу не повернувший головы ни вправо, ни влево, слегка поклонился в сторону ложи графа дель Бальцо. После того как рыцари проехали вдоль всей ограды, поле было освобождено для их поединка. Как говорилось в те времена, между ними поделили поровну землю и солнце, то есть поставили друг против друга на равном расстоянии от центра арены и так, чтобы солнце светило сбоку, — таким образом, связанные с этим выгоды и неудобства были одинаковы для обоих.

Бесчисленные зрители, толпившиеся в ложах, у ограды, взобравшиеся на скамьи, на повозки и на временные мостки, вскарабкавшиеся на деревья соседней рощи, на крыши сараев и многих домов, стоявшие вокруг поля, замерли в ожидании. Не нашлось бы ни одного человека, у которого сердце не трепетало бы от нетерпения, от зависти, от радости или страха. Вот-вот

должен был прозвучать сигнал к началу боя, как вдруг произошло нечто такое, что разом взбудоражило всю толпу и чуть было не поколебало и без того шаткую власть Адзоне.

Лупо, стоявший позади Отторино, увидел, что наместник сделал какой-то жест, и по ошибке принял его невольное движение за знак, который он должен был подать трубачу, чтобы тот протрубил сигнал к бою. Тогда громким голосом, раскатившимся в наступившей тишине от одного края поля до другого, он воскликнул:

— Да здравствует Марко Висконти!

Это был боевой клич его господина, который, едва услышав эти слова, поднял вверх руку в железной перчатке и повторил вслед за Лупо:

— Да здравствует Марко Висконти!

Однако ни Отторино, ни его противник не сдвинулись с места, так как не было звука трубы. Но толпа зрителей, вся состоявшая из тайных сторонников Марко и смутно знавшая, что против него плетутся какие-то козни, решила, что это — условный знак какого-то заговора, сигнал к восстанию против наместника, и в один миг тысячи голосов дружно откликнулись со всех сторон, многие схватились за оружие, и вся масса людей пришла в движение, озираясь, не видно ли где-либо знамени или вождя, вокруг которых можно было бы сплотиться. Появись Марко в этот момент и покажись он народу, все было бы кончено. Немногочисленные солдаты наместника в испуге столпились вокруг его ложи, и на какой-то миг сам Адзоне и оба его дяди — Лукино и Джованни — решили, что они погибли.

В самый разгар возмущения, когда крики стали громче и злее, неизвестный рыцарь, так и не тронувшийся с места, поднял руку к шлему и попытался приподнять забрало, словно забыв на минуту, что оно составляет одно целое со шлемом, но это движение было коротким и, по-видимому, произвольным. Рыцарь быстро опустил руку, оперся сжатым кулаком на стальной набедренник и, оставаясь неподвижным, продолжал наблюдать из-под забрала за всей этой шумной суматохой.

Тем временем по полю забегали герольды, распорядители и их помощники. Они принялись кричать, призывая всех успокоиться и вернуться на свои места. Мало-помалу буря начала слабеть и вскоре совсем утихла. Возбужденные юнцы, у которых чесались руки, люди робкие, не желавшие, чтобы их затолкали в толпе, и любопытные, шумевшие больше всех и самые многочисленные, возвратились на свои места. Одни были вне

себя от ярости, другие смеялись, а третьи расспрашивали, что, собственно, случилось.

Когда вновь воцарилась тишина и спокойствие, прозвучала труба, и оба соперника двинулись навстречу друг другу, прикрывая грудь щитом и наклонив голову так, чтобы верхний его край находился на уровне глаз.

Однако неизвестный рыцарь, намеревавшийся с первого же раза нанести врагу изощренный удар, не стал прищипывать коня и пускать его во весь опор, а двинулся вперед умеренным галопом и, оказавшись в пределах досягаемости, подставил яростно налетевшему на него противнику наклоненный щит, так что направленное в него копье скользнуло по гладкой поверхности и прошло мимо, едва задев его за бок. Тем временем, прицелившись в голубую перевязь, которую Отторино надел в тот день поверх доспехов, неизвестный рыцарь пронзил ее копьем насквозь и, проскакав мимо, сорвал ее с плеча юноши.

Этот блестящий, мастерской удар не был, однако, по достоинству оценен зрителями, которые, приписав его случаю, стали даже роптать, сожалея, что первые удары пропали даром. Оба соперника промчались дальше, каждый в свою сторону, а затем, достигнув исходной меты, быстро повернули коней и вновь яростно устремились навстречу друг другу. На этот раз неизвестный рыцарь также пустил своего коня вскачь и так сжал ему коленями бока, что могучий конь весь напрягся, и видно было, что он жадно хватает воздух, стараясь перевести дыхание. Налетев со страшной силой посреди поля на своего соперника, Отторино сломал копье о навершие его щита, однако тот даже не покачнулся в седле и мгновенно нанес Отторино ответный удар по забралу и поворотом копья сбросил его с коня, который, почувствовав, что седло опустело, остановился как вкопанный и повернул голову назад, словно ожидая, что хозяин вернется и снова сядет на него.

Но хозяин, раскинув руки, лежал на песке и не подавал признаков жизни. Лупо быстро соскочил на землю, дрожащими руками открыл забрало и увидел, что у его господина кровь льется из носу, рта и ушей. Прибежали два служителя и, сняв с Отторино шлем, отнесли его на руках к шатру. Ноги его безжизненно свисали, обгаренные кровью волосы развевались на ветру.

Через несколько минут из ложи вышел герольд и возвестил:
— Рыцарь жив!

Тогда победитель, который поворачивал отягощенную шлемом голову вслед за раненым, пока его несли в шатер, и после

этого больше не смотрел в ту сторону, поднял руку и привстал на стременах, явно показав, что это известие его обрадовало. Затем он бросил прочь копье, прищпорил коня, покинул поле и скрылся в той же роще, из которой приехал. Его оруженосец, сняв щит с шеста, на котором он был укреплен, последовал за своим господином.

Когда позднее служители подняли с земли копье, брошенное исчезнувшим рыцарем, они увидели, что у него обломан наконечник. Большинство считало, что он сломался во время поединка, но кое-кто заметил, что неизвестный рыцарь, услышав, как его противник крикнул: «Да здравствует Марко!», приблизился к ложе и, воткнув копье в щель между кольями, повернул его, словно рычаг, отчего наконечник и сломался пополам.

ГЛАВА XIX

Теперь наша история, перескочив через события целого месяца, переносит нас в город Лукку, хозяином которого тем временем стал Марко Висконти. Произошло это таким образом. Император, вынужденный оставить Тоскану, поскольку и его дела и дела антипапы шли из рук вон плохо, решил, прежде чем навсегда покинуть этот край, выжать из него как можно больше, и среди различных придуманных им средств самым ловким была продажа дружественных ему городов за звонкую монету. Именно эта любезность была оказана и Лукке: коварный Людовик Баварский отнял ее у сыновей Каструччо, ее могущественного владыки, и продал Франческо Кастракани из рода Интерминелли, который выжал из города не одну тысячу полновесных золотых флоринов. Но граждане Лукки, не смирившиеся с тем, что ими торгуют, как скотом, обратились после отъезда императора к Марко, который как раз в это время был в Черульо, где он привлек на свою сторону отряд взбунтовавшихся германцев, и стали просить его прийти им на помощь. Висконти нагрянул в Лукку с шестьюстами копейщиками, лишил Кастракани столь несправедливо приобретенного им владения и был избран главой и повелителем города, освобожденного им от ненавистного тирана. Горожане охотно подчинились такому славному и благородному воину, еще недавно бывшему близким другом знаменитого Каструччо, под предводительством которого их город стал могучим и процветающим.

На шестой день после этого события Марко все еще рассы-

лал отряды в разные концы области Лукки, чтобы принимать во владение земли и замки, изъявлявшие готовность перейти на его сторону, и захватывать, опустошать и поджигать поместья тех феодалов, которые отказывались ему подчиниться. Кроме того, он начал тайные переговоры с графом Фацио, стремясь завладеть Пизой так же, как и Луккой, вырвав этот город из рук мессера Тарлатино ди Пьетрамала, которому уступил его Людовик Баварский.

Утро шестого дня Марко потратил на чтение полученных писем и отправление новых посланий князьям и городским коммунам Тосканы и Романьи, которые с завистью, страхом или надеждой взирали на появление нового владыки, чьи намерения нелегко было разгадать. Остаток дня прошел среди празднеств и чествований, в которых чернь никогда не отказывает своим новым властелинам. В его ушах еще звенели восторженные клики, которыми его приветствовали на улицах Лукки, когда он в сопровождении графов, баронов и цеховых мастеров направлялся в церковь святого Мартина на поклонение.

Было уже поздно, и Марко, отпустив своих новых советников и придворных, прогуливался по огромному залу городского дворца, в котором не так давно жил знаменитый друг его Каструччо, и время от времени поглядывал в готическое окно, выходившее на площадь. Из него были видны силуэты башен и отблески огня на церковных куполах. Внизу, на площади, горел огромный костер, освещавший неверным красным светом толпу горожан, пивших и распевавших здравицы и канцоны в честь Марко Висконти. Вдали на склоне холма, полукругом охватывавшего город, виднелись другие группы пирующих. Всюду, точно в праздник, звонили колокола.

Марко на минуту остановился у окна, чтобы полюбоваться представшим ему зрелищем, словно жених, который в день свадьбы не может отвести глаз от своей очаровательной невесты. Отойдя от окна, он перевел взгляд на портрет Каструччо, висевший над камином, и вид этого человека отравил ему всю радость и очарование пережитого дня. Марко подошел к креслу, сел в него и, не спуская глаз с лица недавно погибшего друга, подумал: «Если бы в Риме в дни твоей славы, когда все считали тебя правой рукой императора, а гвельфские города, король Роберт и папа трепетали при звуке твоего имени, когда я гордился твоей дружбой и надеялся с твоей помощью стать повелителем Милана, — если бы в те дни к тебе пришел гадатель и сказал: «Каструччо, через несколько месяцев все пойдет пра-

хом, а тело твоё зароют в землю», кто бы поверил такому предсказанию? Ведь ты был тогда в расцвете лет, силен и могуществен... И все же жизнь так обманчива, так быстротечна... Ты знал, что всякий человек смертен, и все же ты не поверил бы, если бы предсказатель добавил: «Видишь того, кто стоит с тобой рядом? Того, кого ты стараешься возвеличить в своём краю, того самого Марко, который из всех сил помогал тебе подняться на достигнутую тобою ныне высоту и который любит и почитает тебя больше, чем брата? Видишь ли ты его? Так знай же, что вскоре он станет владыкой твоего города, что твой дом станет его домом, твои богатства — его богатством, а твоя вдова и дети пойдут из города в город и будут просить убежища, но им везде в нём откажут». Что ответил бы ему этот великий мудрец? Что он почувствовал бы?.. А я... что сказал бы я?.. Нет, надо делать своё дело и не думать о будущем! Что за жалкое существо человек!.. Подумать только, вот этот славный, могучий город сам отдаётся тебе в руки, пока ты многие годы стараешься овладеть другим, ускользающим от тебя, словно призрак. Не кажешься ли ты сам себе безумным алхимиком, в поисках золота случайно проникшим в сокровенную тайну природы, о которой он и не подозревал?»

Он снова выглянул в окно, постоял минуту, созерцая площадь, а затем воскликнул:

— Как красива Лукка... Но все же это не Милан, — добавил он со вздохом. — Стать князем там, где ты был унижен, повелевать теми, кому ты повиновался, быть великим среди тех, кого радует твоё величие, делиться им с друзьями и бесить врагов, наслаждаясь их унижением, — вот это жизнь!.. Здесь вокруг весёлые холмы, покрытые виноградниками и оливковыми рощами, здесь много рыцарей, прелестных дам, богатства, изысканности... но все это ничего не говорит сердцу Марко.

В то время как он, полный этих дум, стоял у окна, собравшийся на площади народ заметил его тень на стекле, и все принялись кричать:

— Да здравствует Марко! Да здравствует Марко!

Потревоженный шумом голосов, прервавших его мысли, Марко склонил голову и в любезном поклоне развел руки, но потом потерял терпение и вышел в соседнюю комнату со словами:

— Глупые безумцы! Вы боитесь остаться без хозяина?.. Да здравствует Марко! А чего вы ждете от этого Марко? И кто он такой? Уверены ли вы, что он не захочет обмануть ваши надежды? Какой восторг! Какое ликование! Наверное, то же

было и после победы в Альтопашо... И кто-то, пожалуй, верил вашим крикам. Я сам когда-то упивался ими... А сейчас я знаю, как краток путь от вербного воскресенья до страстной пятницы, от осанны до крестного пути.

На пороге появился паж. Получив разрешение, он вошел с глубоким поклоном, вручил Марко несколько писем и сказал:

— Послания из Ломбардии; гонец ждет внизу, в красном зале, он говорит, что он ваш слуга; его имя Пелагруа.

— Подожди у двери, — отвечал Марко, отсылая пажа кивком головы. Потом он подошел к светильнику, начал читать надписи на письмах и, узнавая по почерку, от кого они были, бросал их одно за другим на стоявший рядом столик.

Вдруг на глаза ему попало письмо, при виде которого он удивленно поднял брови, взял серебряный колокольчик и позвонил. В дверях сразу появился паж, и Марко спросил у него:

— Все ли письма прибыли с одним гонцом?

— Да, — отвечал паж, — их все принес ваш слуга. Правда, одно оставил во дворце гонец, который был здесь проездом в Рим.

— Хорошо, — сказал Марко, и мальчик вышел.

Бросив на стол последнее письмо, которое он все еще держал в руках, Висконти сказал самому себе с горькой усмешкой: «Итак, меня удостоил вниманием мой сиятельный племянник!» Затем он взял другое письмо, которое сначала отложил в сторону, вскрыл его и начал читать. Это было послание от Лодризио, его советника. С тех пор как Марко покинул Милан, Лодризио регулярно сообщал ему все городские новости. Не проходило недели, чтобы гонец не вез его писем или ответов Марко, написанных условным шифром. В них они плели новые сети интриг и советовались, что предпринять в зависимости от положения дел.

Как только пошли слухи, что император двинулся в Ломбардию, Лодризио принялся уговаривать Висконти выступить с мятежными германцами из Черульо и напасть на Людовика с тыла, как намеревался сделать когда-то сам Марко, а Лодризио тем временем поднял бы Милан и вышел бы навстречу императору с ополчением горожан, враждебных Адзоне и отнюдь не желавших пускать в город банды голодных грабителей императора. Но в то время Марко еще не был готов к этому. Он не настолько доверял бунтовщикам из Черульо, чтобы прямо повести их против их собственного германского императора. С другой стороны, тут как раз подвернулось дело с Лук-

кой, от удачного исхода которого зависело, сможет ли он добыть нужные деньги, чтобы добиться привязанности и послушания немцев, чьим начальником он сделался.

Но стоит в предприятиях подобного рода упустить удобный момент, тот самый неуловимый, быстротечный момент, когда все идет как по маслу, момент, который нужно ловить на лету, — и дело оборачивается совсем по-другому. Пока Марко медлил, возникли новые неожиданные осложнения, предусмотреть которые было невозможно, так как они зависели не только от воли отдельных людей. Эти-то осложнения и перепутали нити заговора в Милане.

Любовь, которую миланцы питали к Марко, пошла на убыль, как только он перестал осыпать народ щедротами и с блеском разъезжать по Милану в сопровождении роскошной свиты рыцарей и оруженосцев. Он не устраивал больше шумных пиров, и из уст в уста больше не передавались его разящие шутки, сказанные на ухо приближенным, а затем разнесенные толпою, которой всегда льстит, если она может втихомолку уязвить кого-либо из сильных мира сего.

Богатые и влиятельные жители ломбардских городов, втайне ему сочувствовавшие, также были обескуражены тем, что время шло, а дело не двигалось с места. Им не нравились некоторые странности, которые появились в поведении Марко с тех пор, как он запутался в сетях любви. Предмет его страсти был еще не известен, но признаки ее уже всем бросались в глаза.

Марко мог бы опереться на священников, специально посланных для его поддержки папой Иоанном, но и они, заметив, что их друг не торопится покинуть Черульо, в то время как Людовик Баварский большими переходами стремительно движется к Ломбардии, почувствовали, что им надо найти союзника понадежнее, если они не хотят потерять все свое влияние в этих местах и попасть в руки Адзоне, который молчал, пока был слаб, но сразу бы все им припомнил, как только почувствовал бы силу с приходом императора.

Впрочем, духовенство могло не слишком утруждать себя поисками союзников: оно было уверено в своем будущем, но вот Адзоне чувствовал себя далеко не так спокойно. Ему было известно, что император приближается к Ломбардии с распущенной и бунтующей армией, что он вне себя от ярости и что зол он, как легко было догадаться, главным образом на него, на Адзоне, потому что Адзоне не выплатил денег, обещанных за его назначение наместником Милана, и, по всей видимости, сго-

ворился с Марко, чтобы не дать бунтовщикам из Черульо вернуться под знамена императора. Дрожь пробирала нового владыку Милана; трепетали и оба его дяди, Лукино и Джованни, при мысли об этом мстительном, жадном, капризном человеке, который предал гибеллинов Италии и много месяцев гноил их самих в темницах Монцы. Они не могли без страха подумать о том, что им снова придется очутиться во власти его прихотей.

При таком положении дел уступки напрашивались сами собой; и действительно, Адзоне сделал первый шаг, распустив слухи о том, что он хотел бы примириться с церковью, и духовенство приняло его с распростертыми объятиями. Первое же их совместное решение сводилось к тому, что он должен решительно выступить против императора и всеми силами отстаивать свои земли. Так новый миланский владыка неожиданно обрел спасение там, где прежде готовилась его гибель: став другом церкви, он привлек на свою сторону те силы, которые раньше упорно враждовали с ним, и обрел в них надежную защиту.

Все это было уже давно известно Марко. Теперь же Лодризио извещал его в письме, что Милан спешно укрепляется, готовясь оказать сопротивление императору, а Монца, Лоди и другие города заявили, что скорей дадут разрушить себя до основания, чем откроют ему ворота. Что же касается их первоначальных планов, то теперь им опереться не на кого: все жители города сплотились вокруг Адзоне для борьбы с общим врагом. А потому Лодризио советовал Марко выждать и ни к кому не присоединяться. Если победит император, писал он, то, приведя к нему отряд германцев из Черульо, Марко мог бы стать его другом и получить от него титул наместника, который тот наверняка отнял бы у Адзоне в отместку за его мятеж. Если же дело обернется худо для Баварца, то Марко сможет сослаться на услугу, оказанную им победителю наместнику: ведь именно он увел отряд наемников из Черульо и не дал им прийти на помощь императору в трудную минуту.

Лодризио писал, что Марко может не беспокоиться: их замыслы не раскрыты, а примирение духовенства с наместником было далеко не полным и не совсем искренним. Он также советовал Марко продолжать сношения с кардиналом Бельтрандо дель Поджетто, с папским двором в Авиньоне и с Флоренцией, чтобы опереться на них в случае необходимости, как только будут приведены в действие нити заговора.

Кончив читать, Марко презрительно бросил листок на стол и сказал:

— Опять это притворство и двойная игра! Вот к чему старается он меня приучить! Нет, я не рожден для этого подлого века!.. И все же...

Но так и не закончив фразы, он взял со стола и развернул письмо от Адзоне. Племянник подробно сообщал ему, что произошло в городе, объяснял причины, побудившие его выступить против императора, просил его занять чем-нибудь германский отряд в Черульо, чтобы он не пошел на соединение с врагом, и быть посредником в примирении и заключении союза с некоторыми городами в Тоскане и Романье. В конце он просил советов о том, как укрепить Милан.

Остальные письма были почти одного и того же содержания: ломбардские сеньоры приносили в них свои извинения за вынужденное сближение с Адзоне и клялись в верности Марко, который горько усмехался, читая изысканные фразы, которыми старые друзья пытались прикрыть свою измену. Марко слишком хорошо знал цену людям, чтобы испытывать при этом ненависть или удивление. «Они решили, что я уже ни на что больше не годен, — подумал он. — Но когда они узнают, что я стал господином Лукки, а дела в Ломбардии пойдут на лад, они снова будут ласковыми и послушными».

Он велел позвать Пелагруа. Тот все еще никак не мог опомниться от изумления, найдя своего хозяина владыкой столь могущественного города, в то время как он представлял его себе главарем шайки разбойников в одном из ничтожных замков долины Ньеволе. Войдя в зал, он начал низко кланяться и только было заговорил о том, как он удивлен и рад, но Висконти, прервав его на полуслове, спросил:

— Ты видел Лодризио перед отъездом?

— Да, он сам вручил мне письма, которые я вам привез.

— В каких он отношениях с наместником?

— В наилучших: ведь все у него в руках. Представьте себе, ему поручены укрепления у Арочного моста, а ведь это, говорят, самый важный участок стены.

— Так, значит, миланцы решили всерьез показать врагу зубы?

— И зубы и силу — стараются они вовсю.

— А как дела с оружием?

— Разобраны все запасы в лавках оружейников; работа не прекращается ни днем ни ночью; скоро должны быть готовы шесть новых баллист, восемь крупных камнеметов и уж не знаю сколько крепостных щитов; укрепляются бастионы и строятся

новые большие башни из дерева. На всех воротах вывешены флаги; при первом же ударе большого колокола сеньории все способные носить оружие соберутся в назначенных местах, и, меньше чем через час, на стенах будет сорок тысяч воинов.

При этих словах Марко вспыхнул от радости, глаза его заблестели, лицо озарилось отвагой. Он лучше, чем кто-либо, понимал, что этот единый порыв, охвативший всех горожан, приведет (если только это возможно) к росту популярности наместника и расстроит заговор, который он так долго и усердно плел; и все же достоинство родной земли, честь его любимого Милана были для него дороже всего остального.

— Послушай, — сказал он управляющему замком, — передай Лодризио — я ему сам об этом напишу, но ты тоже скажи, — чтобы он как следует укрепил бастионы у ворот Тичино, которые выходят к мельницам Тезинелло, иначе город останется без хлеба. Неплохо бы также перекрыть реку, чтобы затопить мост святого Эусторджо. А ты приготовься к защите моего замка в Розате на тот случай, если Баварцу взбредет в голову свернуть в ту сторону.

— Неужели, — отвечал неуверенно Пелагруа, — вы хотите выступить в открытую?.. Лодризио велел мне передать вам на словах...

— Я не спрашиваю советов у Лодризио, а тем более у тебя, — сказал Марко сурово. — Я приказываю, чтобы мои владения в Мартесане и Кастель Сеприо направили в Розате людей и продовольствие. Пусть Пелавичино возглавит солдат, а ты займись припасами. И запомните раз и навсегда: вам обоим придется плохо, если хоть один солдат Баварца вступит во двор замка. Десяток моих молодцов сможет в нем продержаться до тех пор, пока они не съедят всего, вплоть до последней клячи из моих конюшен.

Управляющий поспешил ответить, что он непременно выполнит все, что ему приказано. Тогда Марко жестом отослал его, и Пелагруа направился было к выходу, но не успел он дойти до двери, как Марко, передумав, позвал его обратно.

— А что слышно об Отторино? — спросил он.

— После того как вы его так отделали, он больше не появлялся в Милане. Говорят, что он приказал перенести себя в свой замок в Кастеллето и дней пятнадцать — двадцать залечивал раны. А сейчас ходят слухи, что он поехал к Баварцу и хочет перейти к нему на службу.

— Неправда! — решительно сказал Марко.

— Может быть, и неправда, — отвечал смиренно Пелагруа, — но кое-кто из миланцев уже перешел на сторону императора. Например, Джакобино ди Ландриано, и Уберто Брегондио, и Марино Бескапе, и...

— Кто угодно, но не Отторино! Это бесстыдная клевета, его хотят очернить!

Управляющий ничего не осмелился возразить. Немного погодя Марко спросил его уже более спокойно:

— А граф дель Бальцо? Он все еще в Милане?

— Да, в Милане. Он хотел было удрать в Лимонту, как только узнал, что Баварец идет на Милан и грозит ему осадой, но тут вышел указ, запрещающий выезд из города, — это чтобы народ не пал духом при виде сеньоров, бегущих из города.

— Так, значит, Отторино, — продолжал Марко, — не был больше в его доме?

— Вы можете быть уверены, что после турнира ноги его там не было. Должен сказать, что, получив от вас распоряжение, я подкупил одного из оруженосцев графа. Этот плут обходится мне в целое состояние, ну да ладно, он мой друг, и я узнаю от него обо всем, что происходит в этом доме.

Марко ничего не ответил, и мошенник продолжал:

— Если бы вам захотелось обезопасить себя от неприятных случайностей... и получить удовлетворение... вы можете рассчитывать на меня... я многое умею... И Лодризио велел еще сказать вам, что ваш разрыв с Отторино кажется ему опасным... И вообще этот юноша знает слишком много... Как бы он... не мешало бы заставить его молчать.

Висконти прекрасно понял, что хотел сказать Пелагруа, и ответил с улыбкой:

— Передай Лодризио, что он может спать спокойно: я хорошо знаю Отторино и ручаюсь, что где бы он ни был и что бы с ним ни случилось, он всегда будет мне верен. Он может меня ненавидеть, может желать моей смерти, но никогда не предаст меня.

— Да разве... я хотел сказать только... Да у меня никогда и рука не поднялась бы...

— Вот пусть и не поднимается, — ответил Марко и вдруг замолчал, словно хотел заговорить о другом, но не знал, с чего начать, чтобы не выдать себя. Наконец он с трудом произнес: — А что говорят в Милане о неизвестном рыцаре, который выбил из седла Отторино?

— Чего только не болтали! Кое-кто говорил, что это был

сын Рускони; другие будто бы узнали в нем одного из рыцарей короля Роберта, но сам Отторино, едва придя в себя, сказал своим друзьям, что в Италии, кроме вас, нет рыцаря, который смог бы нанести такой удар.

— Но я его не искалечил? Ведь он уже выздоровел? — озабоченно спросил Висконти.

— У него не осталось даже шрама, и он очень быстро вновь обрел цветущий вид, так что графская дочка не понесла никакого убытка. . .

— А что с ней? — прервал его Марко.

— С кем?

— С Би. . . с той, о ком ты говорил, — с дочерью графа?

— После турнира она дней пять или шесть была между жизнью и смертью, прямо хоть причащай ее, но потом немного оправилась. Мать с отцом, которые души в ней не чают, ни на миг от нее не отходили — и хлопотали вокруг нее, и всячески заботились о ней, так что поставили ее опять на ноги. Сейчас она немного капризничает, как все избалованные дети, но это все пустяки.

Услышав, как насмешливо говорит слуга о девушке, о которой он и мыслить не мог без волнения и глубокой почтительности, Висконти не сдержался и, повысив голос, воскликнул:

— Не забывай, о ком и с кем ты говоришь, наглый мошенник! Иначе ты получишь за это от меня такой подарок, что не забудешь его, пока твоя голова будет сидеть на плечах! — С этими словами он повелительно махнул рукою.

Пелагруа, бормоча какие-то извинения, тут же выскочил вон, точно ошпаренный пес, хотя и надеялся, что хозяин позовет его вновь, чтобы с ним попрощаться. И тут он начал размышлять о словах Марко, пытаясь понять, чем вызван его гнев.

Как и все другие, он считал, что Марко видел в Биче лишь помеху для брака Отторино с дочерью Рускони. Он знал, что Висконти хочет породниться с этим могущественным сеньором, знал характер Марко, и ему не казалось странным, что тот может пустить в ход копье, лишь бы добиться своего. Когда Пелагруа увидел, что Марко вступил в бой со своим двоюродным братом (а управляющий был единственным посвященным в тайну, ибо Висконти поручил ему достать шлем нужной формы и нанять оруженосца, которого никто не знал бы в их краях), он понял это как месть за то, что юноша нарушил свое обещание. Даже когда Марко перед отъездом поручил Пелагруа следить, не ходит ли Отторино в дом к графу дель Бальцо, у

него и тут не возникло никаких подозрений или сомнений. Поэтому ему и в голову не приходило, что его слова могут так разгневать его господина. Но яростная вспышка Марко, подобно блеску молнии, внезапно озарила его сознание ярким светом. Он понял, что здесь кроется какая-то тайна. «А что, если, — подумал он, — Марко и сам равнодушен к этой девице, перед которой он так робеет и смущается?» Он перебрал в уме все происшествия, все поступки своего господина, и эта новая догадка позволила ему легко и просто их объяснить.

Оставшись один, Марко сел к столу, написал пять или шесть писем, а затем велел вновь позвать управляющего замком, вручил ему письма и подробно рассказал, кому и как их передать. Поговорив с Пелагруа о замке в Розате и о его защите, Марко под конец сказал:

— Кстати, об Отторино. Я не сомневаюсь, что он не покажется в Милане, а если это случится, то вряд ли граф дель Бальцо пустит его в свой дом. Во всяком случае, внимательно следи за ним, и если будет что-то новое, сразу же мне сообщи.

— Слушаюсь, — отвечал Пелагруа, — но что, если... вдруг я узнаю... ведь говорят, что девица с ним помолвлена и что свадьба не за горами. Вдруг отец решит...

— Помешать, — сказал Марко.

— Но как? Потому что...

— Любым способом, — прервал его Марко, — помешать, действуя в зависимости от обстоятельств, и немедленно сообщить мне. — Сказав это, он отослал управляющего.

Пелагруа вышел, но по пути к двери он бросил испытующий взор на лицо хозяина, на котором было ясно видно волнение, тем более заметное, что он всячески старался его скрыть.

«Я его поймал, и дело в шляпе», — подумал мошенник. Он спустился во двор, сел на коня и, стегнув его хлыстом, выехал из дворца в сторону Ломбардии.

Ночью, в полном одиночестве, трясаясь в седле, негодяй рассуждал с самим собой так:

«Ну конечно, нет никакого сомнения! Голову даю на отсечение... Наконец-то в запутанном клубке нашлась нить, которая позволит все распутать... Теперь понятно, почему он был вне себя, точно безумный, когда явился в Розате. Вот почему ему так не хотелось ехать в Тоскану. Вот почему он отправился в путь и тут же вернулся обратно. Конечно, он всегда был странным человеком, но, черт побери, это уж слишком! Бедняга! И ведь он не мальчик, который только вчера отце-

пился от материнской юбки... Будь она по крайней мере дочерью князя или королевой — ну, так сказать, солнцем в небе. А то ведь он влюбился, втрескался самым глупым образом в какую-то девчонку, которая хотя, прямо скажем, и не дурнушка... Нет, она красива, но разве в этом дело! Есть же и получше ее. И потом, она горда до того, что противно становится, и еще того хуже — по уши влюблена в другого... Господи, меня смех разбирает... Такой человек! Марко Висконти! Как поглядишь наверх, так кажется, будто великие люди слеплены из другого теста... И вдруг такой срам, такое ребячество! Ладно, ладно, надувайся гордостью, задирай нос — теперь один человек, с которым ты обходишься, как с собакой, заполучил в руки нить, и он заставит тебя вертеться и прыгать, как ему захочется... А ведь от него зависит моя судьба, вся моя жизнь... Черт возьми! Как он разозлился из-за этой девчонки!.. «Не забывай, о ком ты говоришь!» Бедные великие люди, как вы ничтожны!»

Тут он прикрикнул на коня, перешедшего с рыси на шаг, прищпорил его и снова вернулся к своим мыслям:

«Но кое-чего я не могу понять, и это мне очень неприятно: как он не впал в ярость и не захотел свести счеты с наглецом, который увел у него девчонку? Он же видит, что яблочко само падает ему в руки и что довольно сказать одно слово — да нет, и не говорить, а только не защищать его, — когда ему прямо тут же готовы услужить... Вот Лодризио, тот не дурак, он даром помогать не станет. Он бы рад был избавиться от брата и завладеть его богатством в Кастеллето, но предпочел бы сделать это чужими руками. Как будто я не разбираюсь в этих хитростях. Я все прекрасно понимаю, все понимаю... Но Марко что мешает? Если от Отторино так легко избавиться, то чего же больше? Нет, Марко — сумасшедший, трижды сумасшедший... Он не хочет, чтобы с головы его вассала упал хоть волос. Не смей его трогать! Но свадьбе помешать! Ему-то хорошо, а каково его слуге? Взбреди сейчас влюбленным в голову жениться, мне, видно, ничего другого не останется, как встать стеною между ними и сказать: «Отступитесь, ради бога, друг от друга: моему хозяину ваш брак не по душе». Вот с Лодризио все было бы по-иному. Мы бы пошли напролом, без оглядки на всякие глупости. А там повезет так повезет... Вот уж он посмеется, когда я расскажу ему об этой любви... Ладно, спрошу у него совета — всегда полезно иметь человека, за чьей спиной можно спрятаться».

Пока управляющий замком в Розате замышлял все эти

интриги против своего господина, Марко улегся в постель, но так и не сомкнул глаз. Мысленно он представлял себе, как его слуга скачет в Милан, въезжает в любимый город. Ему казалось, что он сам входит во дворец наместника и обсуждает с ним и с братьями меры по обороне города. Ему хотелось пройти по улицам и площадям Милана, заглянуть в арсеналы и в мастерские, осмотреть боевые машины и оружие, вдохновить сограждан речами, собственным примером. Но над всей этой пестрой вереницей лиц, мест и событий господствовал один образ, неотступно стоявший у него перед глазами и не дававший ему ни минуты покоя. Среди разнообразных чувств, которые овладевали им при встречах с воображаемыми людьми, этот образ словно создавал какую-то мелодию, звучащую в его душе и отдававшуюся в глубине его сердца. Эта мелодия иногда затихала, заглушаемая другими переживаниями, но она никогда не умолкала совсем: так иногда басовые ноты проходят через весь хорал, исполняемый на органе.

ГЛАВА XX

Через час, устав от мучительных размышлений, Марко Висконти забылся тяжелым, беспокойным сном. Тем временем из отряда стражи, расположенного в крытом ходе у ворот, для охраны нового господина были посланы в прихожую три солдата: двое немцев и итальянец из Лукки. Один немец был из тех восьмисот копейщиков, которые пришли с Марко из Черульо, другой давно уже служил в городском гарнизоне и, как говорится, чаще покупал в местных лавках вино, чем масло. Первый очень устал этим утром во время налетов на селения в долине Лукки и теперь, устроившись на одном из выступов, которые в те времена делались по обеим сторонам оконной ниши, и положив шлем на другой, сладко спал, обнимая, если можно так выразиться, вытянутыми и скрещенными ногами древко стоявшего рядом копья, упиравшегося острием в угол оконной рамы. Если бы не его громкий храп, можно было бы подумать, что перед вами один из тех римских солдат Пилата¹, которых изображают около гробницы Христа.

---

¹ Согласно евангельскому преданию, Христос был распят римскими солдатами по распоряжению римского наместника Пилата. По установившейся традиции на картинах, изображающих гробницу Христа, около нее рисуют римских солдат, уснувших во время несения стражи.

Другой немец неподвижно стоял, вытянувшись перед дверью, которая вела в покои Марко, а итальянец мерил прихожую большими шагами. Проходя мимо окон, он время от времени останавливался и бросал горестный взгляд на бастионы города, теперь совершенно успокоившегося и затихшего. Наконец он остановился между караульным и спящими солдатами и, наконец кивнув на последнего, с горечью сказал:

— Послушай, немец, как храпит твой земляк: утром он бросался на всех волком, а теперь спит, как свинья. Надо же было отдать этот несчастный городишко на разграбление вора и убийцам! Бедный Кампомаджоре! Целый день у меня в ноздрях стоит запах гари. Храпи, храпи, алчный негодяй, — ведь тебе нужен отдых после твоих подвигов! Во мне все кипит, как только погляжу на тебя! Случись нам... ну да ладно, спою-ка я лучше колыбельную, чтобы эта свинья, твой земляк, мог как следует отоспаться.

— Я тоже немец, — отвечал второй. — Мы с ним и правда земляки, но я думаю, что тот, кто столько лет служил Каструччо, не может считаться чужеземцем в Лукке. Поэтому называй меня, Фацио, своим товарищем.

— Ну ладно, товарищ, что ж, по-твоему, мы хорошо сделали, что ворвались сегодня в Кампомаджоре? Правильно ли поступил Марко, что разрешил нам это?

В этот миг шлем, неосторожно оставленный немцем из Черульо на краю оконного выступа, соскользнул вниз и, упав на пол, подкатился к ногам спящего. Тот вздрогнул, проснулся от этого шума, услышал имя Марко и, желая показать, что вовсе не спит, сказал хриплым, сорванным голосом:

— Что вы там говорите о Марко?

— Мы говорим, — ответил сердито Фацио, — что налет на Кампомаджоре был простым разбоем и что Марко следовало бы всех нас передуть, а не позволять этого...

— «Позволять»! — перебил его немец. — Вот это мне нравится! Позволять, говоришь? Да разве это от него зависит? Видел ли ты, чтобы кулак просил у перчатки позволения захватить кому-нибудь в руку?

— Ха, ха! Слишком ты много о себе возомнил, — отвечал итальянец. — Не знай я, с кем имею дело, я бы подумал, что ты — капитан, а Висконти — простой обозник или безусый юнец.

— Кто говорит, что Марко Висконти — юнец? — возразил второй. — Он солдат, каких мало, а теперь, после смерти мессе-

ра Кастракани, я считаю его, если хотите знать, славнейшим капитаном во всей Италии. Но при чем тут его позволение?

— А при том, — вступил в разговор другой немец, — что капитан отряда сам командует своими людьми, и, если вы не хотите, чтобы вас считали разбойниками, нужно соблюдать дисциплину.

— Ну, у нас дисциплина — особого рода! — воскликнул первый. — Не каждый может нами командовать. Если нам не платят денег, которые обещали, беря нас на службу, мы теперь будем сами себе хозяева. А Марко — разве не получил он Лукку только за то, что возглавил наш отряд?

— Ну хорошо, раз мессер Марко — ваш начальник, — продолжал немец из гарнизона Лукки, — то разве вы не обязаны ему подчиняться?

— Ну и простак же ты! — отвечал другой. — Он нам начальник и не начальник: мы его выбрали, так сказать, для приличия, чтобы люди не относились к нам с предубеждением. Потому что если у отряда нет капитана, труб и барабанов, так его считают разбойничьей бандой, даже когда он никого не трогает, а если построить воров и грабителей в ряды, да поставить впереди любого, у кого болтается золотая цепь на шее, сунуть ему в руку жезл, да еще чтобы кто-нибудь держал рядом палку с привязанной к ней тряпкой, завести пару труб и несколько барабанов, чтобы оглушать народ, — и получится войско, перед которым снимают шляпы и распахивают ворота.

— Но чего ради Висконти на это согласился? — спросил Фацио.

— Чего ради? — удивленно воскликнул немец. — Вот так так! Да ради того же, что приводит в движение весь мир. Ради тех славных желтых кругляков, которые черное делают белым, а белое — черным, которые заставляют бегать старуху и замирать на месте молодую девчонку, которые...

— Ради бога, перестань говорить глупости, — прервал его итальянец. — Марко Висконти старается ради денег? Благородный, щедрый и великодушный человек, знаменитый герой!..

— Согласен, но другим храбрым людям приходится рыться в грязи, добывая ему деньги, — ответил немец из Черульо. — Мне-то крохи перепадают, а его надо кормить до отвала, если хочешь у него служить. Я вовсе не говорю, что Марко плохой человек, но чтобы оставаться щедрым и великодушным, денег ему нужно не меньше, чем другим. А порой большим господам приходится раскошеляться не на шутку, особенно когда их

забирает в руки какая-нибудь девка. Тут уж волей-неволей потянешься за чужим кошельком, какой ты ни на есть великодушный, особенно если владелец кошелька встречает вас цветами и усаживает на почетное место.

Тут итальянец почувствовал, что кровь закипает у него в жилах. Однако он сдержался и, чтобы не вызвать ссоры, прошелся по комнате, словно, разминая ноги, хотел унять зуд в руках. Немного успокоившись, он сказал:

— Ты мне лучше скажи, у кого пивные кружки в большей сохранности: у заботливого трактирщика или у беззаботного пьяницы?

— Послушай, — говорил о своем немец, — я в жизни не встречал ничего, что затрагивало бы мое сердце сильнее, чем кошелек, но все же я никогда не ошибаюсь: я их за версту вижу, этих несчастных олухов, которые вздыхают по какой-нибудь юбке. Если бы ты видел мессера Марко в Черульо, ты бы заметил, что ежели делать было нечего — ни драться, ни командовать, — так его словно подменяли. Увидав его тогда, любой дурак понял бы, что дома у него завелась красotka. Ты думаешь, он ездил верхом? Он только и делал, что ходил на мост Петри или к Сан-Марчелло. И так задумчиво уставится вдаль, в сторону Гарфаньяно и Ломбардии, будто хочет птицей перелететь через Апеннины, лишь бы очутиться у себя дома, за рекой По. А вечером несколько часов бродит один по стенам или стоит у окна и глядит на луну! Ты можешь себе представить, чтобы солдат смотрел на луну? Он или полоумный или влюблен. Ходит как ошалелый! Будь он простым книгочеем, это еще куда ни шло. . . Да что там говорить! Влюбился он, и все. . . И могу тебе сказать. . .

Неизвестно, как долго еще он говорил бы об этом, но итальянец, который еле сдерживал раздражение, прервал его на полуслове:

— Слышишь, там кто-то шумит — это, должно быть, знаменосец Вирлимбака, который сегодня вечером хватил лишнего.

С этими словами он бросился к двери, выходявшей на лестничную площадку, и встал перед ней. Тогда немец из местного гарнизона также вернулся на свое место, а его соотечественник из Черульо, оставшись без слушателей, снова поудобнее устроился в своей нише и опять погрузился в сон.

Мы пожелаем ему спокойной ночи, а сами тем временем вернемся в Милан и посмотрим, что происходит там.

... В первое время своего владычества, очень неустойчивого и вызывавшего всеобщее недовольство, Адзоне прилагал все усилия, чтобы раздобыть денег и расплатиться с императором за свое назначение наместником, но так и не смог полностью собрать обещанную сумму; однако стоило ему примириться с церковью, как он получил все, чего только мог пожелать.

Священники, посланные папой, объезжали города и деревни его владений, обещая отпущение грехов всякому, кто своими руками или деньгами поможет защищать Милан от отлученного императора. И тотчас же в столицу потекли, особенно из деревень, люди и продовольствие, деньги и оружие, так что скоро город уже мог бы выдержать долгую осаду.

Папские посланцы появились также и в Лимонте и стали призывать ее жителей вооружаться против Баварца. Надо ли говорить, с каким восторгом приняли их горцы, с какой радостью целовали они их руки и платье, какие почести им воздавали!

Все обитатели деревни, мужчины и женщины, сложив свой жалкий скарб, собрались уже двинуться в Милан, и потребовалось немало усилий, чтобы умирить их пыл, который вдали от родных мест, среди тягот осады, легко мог перейти в уныние и отчаяние. Отобрали лишь тех, кто способен был носить оружие, и поручили уже знакомому нам приходскому священнику вести их в Милан. Среди отобранных оказался и лодочник: его старая жена Марта была согласна остаться одна в осиротевшем доме, лишь бы ее муж мог идти туда, куда призывал его долг. И хотя вещей в доме было не бог весть сколько, она решила почти все отдать мужу, чтобы ему ни о чем не приходилось просить других. Так она вносила от своей бедности скромную лепту в общее дело, чтобы получить обещанное отпущение грехов. Но восхищенный ее поступком и сочувствовавший ее горю священник разрешил, а вернее, повелел ей следовать за мужем. Эта милость, оказанная ей одной из всех, кто добивался такого разрешения, ни у кого не вызвала ни слова недовольства: все понимали, что случай с бедной старухой был далеко не обычным, что ее несчастье и ее добродетели ставили ее в особое положение.

Маленький отряд направился в сторону Милана, везя с собой небольшой запас продовольствия, собранный в разоренной деревне, и оставив односельчанам лишь самое необходимое. В пути они встречали такие же отряды из соседних деревень, которые тоже шли к Милану, везя все оружие и продовольствие, какое только им удалось собрать.

Горожане радостно встречали всех вновь прибывающих. Жителей Лимонты тотчас же узнали по их знамени и поспешили проводить до дома графа дель Бальцо, где они должны были разместиться.

В доме графа дель Бальцо, располагавшемся недалеко от ворот Альджизио, жили солдаты, которые должны были защищать эти ворота, а также охранять вал, называемый в наших местах «террасой», и ров, доходивший до Большого моста, где тогда были ворота Комачина.

Войдя в передний двор дома, лимонтцы увидели, что и сам двор и навесы по его сторонам заняты оружием, припасами и людьми. Устроившись в небольшой комнатке на первом этаже, добровольцы уселись на скамьи, расставленные вокруг большого стола, сложили оружие и приготовились было, выражаясь современным языком, заморить червячка, но в это время к ним спустился слуга и позвал священника с собой.

Когда его провели к графу, добрый пастырь низко ему поклонился и в ответ на его расспросы перечислил всех прибывших с ним односельчан.

— Хоть злая судьба и впутала меня в эту историю, — сказал граф, — все же у меня есть утешение, что я не один, а среди хорошо знакомых людей, среди друзей, которые, если понадобится, смогут меня защитить, потому что все эти разбойники, которых поселили в моем доме. . .

Когда я думаю, что Баварец может одержать верх, что дело уже идет к этому и что он узнает об отряде в моем доме, — представьте себе! Представьте только себе! — ведь он может подумать, что я их нарочно привел сюда, что это мне нравится! . . Боже, до чего я несчастен! . . Ах, мессер, если бы только мы могли вновь увидеть наши горы! — И он глубоко вздохнул.

Не желая открыто ему перечить, священник старался ободрить его, вселить в него уверенность, говорил, что император, конечно, будет отброшен, что он сам видел, как основательно готовится город к обороне. Но граф нетерпеливо перебил его:

— Что вы об этом знаете? Вы ничего не знаете. . . Ну да ладно. Для меня сейчас важно, чтобы вы как следует растолковали своим землякам, что они не должны меня покидать: ведь я тоже, так сказать, лимонтец. . . И присмотрите, чтобы в моем доме они ни с кем не затевали ссор. Народ тут собрался разный. . . Кстати, я должен вас предупредить, что среди прочего люда из монастыря святого Амвросия вы встретите здесь и некоторых из тех копейщиков, которые сожгли Лимонту, и я не

хотел бы, чтобы наши начали сводить с ними счеты. . . Был бы здесь Лупо, он бы быстро с ними договорился, с этими солдатами, он бы навел порядок. Жаль, я не знаю, где он сейчас.

— Лупо? — сказал священник. — Мы только что встретили его здесь, за воротами, на маленькой площади. Он обучал отряд поселян обращению с мечом. Он даже проводил нас до ворот вашего дома, но войти не захотел. Он сказал, что вы ему это запретили.

— Это правда, — смущенно отвечал граф, — тут была одна неприятная история. . . но теперь. . . если бы он захотел прийти для того, о чем я вам говорил, я это ему охотно позволил бы.

— Раз так, — продолжал священник, — вы сейчас же можете послать за ним: его отыщут на площади, справа отсюда, около крепостных ворот — там, где большая новая церковь с красным фасадом. . .

— Это церковь святого Марка, — сказал граф, — да-да, не беспокойтесь, я все сделаю.

Тут же отрядили гонца, и вскоре появился Лупо, весьма довольный вновь обретенной милостью прежнего хозяина, а также возможностью повидать родных и друзей. Узнав, чего от него хотят, он сказал:

— Главное — это чтобы наши горцы сидели спокойно: им ведь сильно досталось. Ну, а солдатами я займусь. Неужели вы думаете, что они могут быть еще в обиде? Этого только не хватало! Да разве они правы?

Не теряя ни минуты, священник спустился вниз, чтобы подготовить своих земляков к примирению. Он не кончил еще говорить, как в комнату вошел Лупо, держа под руку Винчигуэрру. Следом шли все остальные, которые едва унесли ноги из Лимонты и вновь встретились с Лупо в Кьяравалле, где с ним чуть было не случилась уже известная нам неприятность.

Солдаты первыми закричали:

— Да здравствует Милан! Да здравствуют ополченцы из Лимонты!

Отчасти убежденные увещеваниями своего пастыря, отчасти растроганные словами и внешностью солдат, которые казались в этот миг такими искренними и миролюбивыми, горцы разом встали, и все обиженные и обидчики обнялись, забыв о былых оскорблениях и мщении, и заключили мир.

Не встал один лишь лодочник. Скрестив руки на груди, он по-прежнему сидел с хмурым и недоверчивым видом, и лицо его оставалось злобным и мрачным.

Винчигуэрра сразу узнал в нем «мужлана» (как он его называл), который завел Беллебуоно в западню. Он бесцеремонно похлопал его по плечу и сказал:

— А, уважаемый, и ты здесь?

Микеле не пошевелился, не ответил ни слова и только смотрел на него свирепым взглядом, каким сторожевые псы следят за волком.

— Ах ты шельма! — продолжал полушутливо солдат. — Ловко же ты нас провел рассказами о флоринах, за которыми отправился Беллебуоно и которые мы вроде бы должны были поделить между собой! Помнишь? Кто бы мог подумать, что мы снова увидимся? Гора с горой не сходится, а люди то и дело встречаются. Теперь у нас будет время. . .

— Ну что ж, — отвечал Микеле, подняв голову, — я здесь, чтоб проучить тебя и всех тех, кто стоит за тебя.

— Хо, хо! — вскричал солдат, заливаясь смехом. — Краб хочет ушипнуть кита! Послушай, мужик, что было, то прошло. Давай выпьем вместе. . . Что ты на меня так смотришь?

— Послушайте, — вмешался Лупо, — здесь все друзья, обнимите-ка и вы этого славного малого.

— Ты же знаешь, что нам говорил священник, — шептала тем временем на ухо упрямому старику его добрая жена. — Какой ты пример подаешь другим? Ведь ты здесь старше всех!

Тогда Микеле встал и с принужденным видом проделал все, что от него требовали, затем вернулся обратно и сел на прежнее место.

— Вот проклятый мужик! — сказал Винчигуэрра, отводя Лупо в сторону и прохаживаясь с ним по комнате. — Вместо того чтобы смириться, он еще нос задирает. Если бы не ты, я бы научил его хорошим манерам.

Лупо рассказал Винчигуэрре о несчастье старика, который потерял во время кораблекрушения единственного сына и с тех пор словно окаменел от горя. Священник тем временем, подойдя к Микеле, сообщил ему обо всем, что Винчигуэрра сделал для Лупо, когда тот был в Кьяравалле у него в руках и готовился к смерти. Эти подробности, сообщенные одновременно и той и другой стороне, быстро оказали свое благотворное влияние на добрые, в сущности, сердца и солдата и лодочника, которые, встретившись через некоторое время посреди комнаты, бросились, не говоря ни слова, друг другу на шею и долго не разнимали объятий, к удовольствию присутствовавших.

Граф дель Бальцо прислал им несколько бутылок хорошего

белого вина, и заключенный мир был скреплен добрыми пожеланиями, непрерывно звучащими с обеих сторон. Вино было из Лимонты, и похвалы, которые оно заслужило от монастырских копейщиков, возможно, и не были бы приняты горцами за чистую монету, если бы от него осталась хоть капля; но все бутылки были выпиты до дна.

ГЛАВА XXI

Священнику из Лимонты граф отвел отдельную комнату и каждый день приглашал его обедать за своим столом. В семейный круг графа была допущена и наша Марта, жена лодочника, которую поселили в комнатке неподалеку от Амброджо. Она занималась домашними делами вместе с четырьмя-пятью женщинами, приглашенными в это огромное хозяйство, где непрерывно расстилались и застилались постели, стиралось белье, готовились обеды и мылась посуда для всех новых обитателей дома.

Добрая старуха вскоре снискала расположение семьи скольнического: Марианна, Амброджо, Лупо и Лауретта полюбили ее и относились к ней как к родной, а она, вечно суетясь, за всем приглядывая и наводя, где надо, порядок, находила еще и время, чтобы поговорить с ними о родных горах и о родном озере.

С одним только Бернардо она никак не могла подружиться: этот глупец не только не изменил своих взглядов, но с еще большим упорством защищал императора и антипапу. Боясь выйти на улицу, чтобы не лишиться головы из-за бредней, которые давно уже были не в моде, у себя дома он ни на минуту не переставал брюзжать, бушевать и приставать к родственникам, и гости из Лимонты не меньше, чем другим, надоедали его ученые разговоры и раскольнические рассуждения.

Тем временем стали поступать известия о приближении армии императора — она насчитывала три-четыре тысячи всадников и бесчисленное множество пехотинцев. Кане делла Скала¹ прислал ему четыреста солдат, многие гибеллины из разных городов Ломбардии и даже ряд могущественных семей из Милана подняли императорские знамена и выступили со своими вас-

---

¹ Делла Скала — знатный род, правивший в городе Вероне. Кане делла Скала, прозванный Великим, был властителем Вероны с 1312 по 1329 г.

салами на помощь Баварцу. Силы их были огромны, а осадные орудия наводили страх.

Как раз в это время из Лукки прибыл Пелагруа и, тайно посоветовавшись с Лодризио, тут же уехал укреплять замок в Розате. Немного позже приехал другой посланец с письмами для наместника, и в городе распространилась весть о том, что Марко стал господином Лукки и окрестных земель. Легче вообразить, чем описать, с каким восторгом это известие было встречено в Милане. Все были уверены, что это необыкновенное событие явилось следствием тайного сговора с тосканскими гвельфами, который имел целью заманить императора в ловушку, и эта догадка укрепляла уверенность и мужество миланцев.

Прошел день, два, три, и из Монцы сообщили, что Людовик Баварский появился у стен города и что жители закрыли перед ним ворота. Миланцы днем и ночью несли караул на стенах и совершали обходы, выдвинули далеко вперед наблюдательные посты и передовые отряды, днем и ночью напряженно трудились, готовя метательные орудия и строя укрепления. Настало завтра, потом послезавтра, и вот, наконец, двадцать первого мая вдалеке появились императорские знамена. Казалось, это было целое море людей и бесконечная вереница коней и повозок.

В те времена Милан был окружен ровом, вырытым еще за полтора века до описываемых событий, когда город готовился обороняться от Фридриха Барбароссы¹. Это тот самый ров, который много лет спустя после событий, о которых мы рассказываем читателю, был заполнен водой и получил название Судходного канала. На месте нынешних мостов в то время, то есть в 1329 году, находились главные и малые ворота города.

Вначале император разбил свой лагерь против Арочного моста, затем перенес его к воротам святого Амвросия, а сам со своим двором перешел в монастырь святого Витторе, находившийся тогда вне стен города как раз напротив упомянутых ворот. Осажденные миланцы видели по ночам, как в этом огромном здании пылали бесчисленные огни, слышали шум пиров, устраиваемых Баварцем, и старались попасть в монастырские строения из камнемета, установленного на башне, которая до сих пор возвышается рядом с мостом святого Амвросия. Когда это им удавалось, они издавали те странные крики, о которых сообщает историк Фьямма: «Пей побольше, лысый черт, на здоровье, хо-хо!»

---

¹ Фридрих Барбаросса был императором с 1152 по 1190 г.

Во время этой осады император двинул свои главные силы против предместья у ворот Тичино, рассчитывая захватить тамошние мельницы и заставить город сдаться из-за голода; однако именно эта часть города, благодаря предупреждению Марко, была укреплена лучше других. Последовали многочисленные стычки, однако миланцы не только не были вытеснены из предместья, но даже добились некоторых успехов.

Осада длилась уже больше месяца, когда однажды некий офицер сообщил Лупо, что этой ночью через ворота Альджизио в город ввезут продовольствие, недостаток которого уже начал чувствоваться в Милане. Тогда он сам встал на стражу, чтобы опустить мост сразу же, как только будет подан условный сигнал. К этому времени Лупо уже возглавлял ополчение из Лимонты, и ему поручили охранять ворота Альджизио. Копейщиков же из монастыря святого Амвросия перевели отсюда в башню, стоявшую как раз напротив предместья у ворот Тичино, где больше всего чувствовалась нужда в дисциплинированных воинах, умевших обращаться с оружием.

Настала ночь. Наши горцы рассыпались по всему валу, тянувшемуся до ворот Комачина. Лупо всматривался в темноту с башни, высившейся над воротами, которые они охраняли. После долгого ожидания он наконец увидел, что на колокольне монастыря святого Симпличано мелькнул свет. Это был условный знак, и Лупо поторопился ответить на него, приоткрыв створку фонаря и на минуту выставив его между зубцами башни. Сделав это, он спустился этажом ниже, где спали его отец Амброджо, лодочник Микеле и четверо других его земляков, и сказал:

— Пора, вставайте!

Они вскочили, бросились к бойницам и начали прислушиваться, но снаружи все было тихо — раздавались лишь шаги часовых, охранявших нижний этаж башни. Прошло еще немного времени, и вот издали все ясней стал доноситься какой-то глухой шум. Это был скрип колес и топот лошадиных копыт.

— Что за черт! — воскликнул Лупо. — Похоже, они тащат с собой телегу.

— Конечно, телегу, — отвечал Амброджо.

— Вот ослы деревенские! — сказал Лупо. — Что за нужда была брать телегу и устраивать такой шум! Неужели они не могли принести все на плечах? Или, на крайний случай, погрузить на мулов.

Стояла крошечная тьма, в двадцати шагах ничего не было

видно. Но вот на краю рва появился человек, он трижды хлопнул в ладоши и проговорил:

— Святой Амвросий.

— Для кого? — спросил Лупо.

— Для Лукино и для жителей, — отвечал тот.

— Все правильно, — сказал вполголоса сын сокольничего.

А почему вы везете свой груз на телеге? — спросил он погромче. — Вы что, не боитесь наткнуться на немецкий дозор?

— В ней сено для графских конюшен, — ответили ему снизу.

Подъемный мост был опущен, и четверка лошадей, тащивших воз с сеном, подошла вплотную к воротам так, что первая пара почти уперлась мордами в подъемную решетку. Лупо отдал команду, и решетка с громким скрипом поползла по грубым пазам двух могучих колонн вверх под свод башни. Тогда кучер, стегнув лошадей, заставил их сделать несколько шагов, а потом вдруг почему-то остановился.

— Гони! — крикнул ему Лупо, но кучер, вместо того чтобы повиноваться, резко свистнул, и из-за церкви святого Марка высыпала толпа солдат, которые тут же бегом бросились к воротам.

— Опустите решетку! Опустите решетку! — закричал Лупо. Освобожденная от противовеса, решетка рухнула вниз, но, падая, уперлась в воз с сеном и не дошла до земли. — Поднимите мост!

— Не можем! Его держат канатами и крючьями!

— Измена! Измена!.. Амброджо, Микеле, лимонтцы, измена!

Караульный на башне поднес ко рту рог и затрубил тревогу. Солдаты, расставленные вдоль рва, со всех сторон побежали на помощь. Оба часовых, сокольничий, лодочник, четыре или пять солдат встали по бокам телеги и, вслепую нанося удары, принялись отбиваться от нападающих, которые старались прорваться в город. Не теряя ни мгновения, Лупо вскочил на одну из лошадей, запряженных в телегу, и начал бить их древком копья, колоть их острием и понукать. Напрягаясь изо всех сил, выгибая спины и почти касаясь животом земли, лошади пытались сдвинуть с места воз, придавленный весом огромной решетки, вдавившейся в сено почти до самой повозки. Два или три раза Лупо кричал, чтобы решетку хоть немного подняли и освободили телегу, но среди всеобщего смятения, в шуме свалки его никто не услышал. Тем временем лошади имперцев неслись во весь опор, и мост уже содрогался под их копытами. Кое-кто из них

пробился под арку ворот, где по-прежнему царила беспросветная тьма. Схватка становилась все более ожесточенной, отовсюду неслись крики, за ударом следовал удар. И вдруг посреди всего этого шума послышался скрежет железа, за которым последовал пронзительный крик. Последним усилием лошади вытащили воз из-под навалившейся на него решетки, и она с грохотом упала вниз, придавив какого-то немецкого солдата, который оказался в это время как раз под ней.

Наконец принесли несколько факелов, и они осветили ужасное зрелище: пять или шесть немецких рыцарей, успевших пробиться за решетку, корчились на земле под ногами у осажденных, а под сводом башни продолжалось яростное сражение между теми, кто снаружи старался поднять рычагами решетку, и теми, кто изнутри прилагал все усилия, чтобы воспрепятствовать им это сделать. Сражавшиеся яростно наносили друг другу удары, просовывали палки сквозь толстые прутья огромной решетки, кололи друг друга копьями, дротиками и алебардами. Но немцы были в худшем положении: им мешали наружные шипы решетки, задевавшие и ранившие коней и солдат.

Внезапно Лупо заметил, что со стороны церкви святого Марка появилась новая группа врагов, которая устремилась на помощь осаждавшим. Тогда он приказал своим людям, сбегавшимся со всех сторон, подняться на башню и пустить в ход камнемет. Через несколько секунд на врагов обрушился град камней, а из бойниц в них полетели тучи стрел, и немцам пришлось отказаться от своих намерений и отступить.

Подняв мост, который больше никто уже не удерживал, и немного успокоившись, защитники ворот подошли к решетке, чтобы закрыть ее как следует, и увидели под ней прекрасного гнедого венгерского скакуна, а рядом с ним — его хозяина. У коня, которого огромная решетка ударила по крупу, были перебиты задние ноги, а у всадника была придавлена ступня. Оба они извивались от боли и изо всех сил старались освободиться от мучительного груза. Бедный конь лежал с придавленным к земле задом. Грива его встала дыбом. Раздувая ноздри и поводя ушами, он смотрел вокруг горящими глазами, которые, казалось, готовы были выскочить из орбит. Время от времени он вытягивал шею и пытался подняться на передние ноги, которые то выбрасывал вперед, то, согнув, подбирал к самой груди. Хрипло дыша, он кусал всех, кто к нему приближался, то и дело издавая пронзительное ржание. При каждом движении животного всадник со сломанной ногой, застрявшей между сломанными

ногами коня и давившей сверху решеткой, корчился и содрогался от боли. Он то привставал на одно колено и, протягивая вперед руки, умолял по-немецки пощадить его, то, схватив с земли меч, злобно замахивался на окружающих, всем своим видом показывая, что даже теперь, раненный и попавший в западню, он дорого продаст свою жизнь. Освещенный факелами в этой позе, с лицом, заросшим рыжей щетиной, с вытаращенными, сверкающими глазами, полными ярости, боли и страха, он был похож на угодившего в капкан волка, над которым пастух заносит дубинку, чтобы проломить ему голову.

Наши горцы сжалились над несчастным и, вытащив его из-под решетки, перенесли в дом, где им занялась старая Марта, которая тут же принялась вправлять вывихи и переломы. В Лимонте ее недаром считали великой врачевательницей. В простоте душевной бедная женщина считала, что она не погрешит против любви к ближнему, распространив ее на врага. Ведь и он, перестав быть опасным, становился просто человеком.

В ту же ночь, через час после неудачной попытки немцев захватить город, Пелагруа, закутанный в темный плащ, с капюшоном, надвинутым на глаза, и в кольчуге, надетой под платьем, появился возле дома Лодризио Висконти. Дверь была приоткрыта, и он проскользнул внутрь. Солдаты, несшие там стражу, узнали его, и он прошел в зал, где его встретил сам хозяин, давно ждавший его там с нетерпеливым видом.

— Ты один? В этот час? — проговорил Лодризио. — Чем все кончилось?

— Черт бы меня побрал! Провались они пропадом, эти проклятые горцы! — отвечал Пелагруа, снимая с себя плащ.

— Как! У тебя ничего не вышло?

— Все пропало.

— Ах ты каналья-изменник! — вскричал рыцарь, замахиваясь на него кулаком. — Надо бы сбить с твоей ханжеской рожи христианскую личину.

— Послушайте, — сказал Пелагруа, не подавая и виду, что он хоть сколько-нибудь испуган, — я сделал все, что мог, но дело сорвалось из-за этого висельника Лупо, известного вам оруженосца Отторино. Из-за него я не смог вовремя отпрячь лошадей, а сам еле вырвался из его когтей и сразу же пришел сюда, чтобы все вам рассказать.

— И тебя там, конечно, узнали.

— Нет, капюшон у меня был опущен до самых глаз. А кроме того, там ни эги не было видно.

— А немцы?

— Их приступ отбили.

— Как? Простые мужики, да к тому же застигнутые врасплох? Это невозможно!

Тут управитель замка Розате принялся по порядку рассказывать, как все произошло.

Слушая рассказ о мужественном сопротивлении ополченцев из Лимонты, Лодризио чувствовал ту же досаду, которую испытывает птицелов при виде дроздов, ускользнувших из сети и лишивших его удовольствия свернуть им шею.

— Канальи! — восклицал он. — Негодяи! Дурак же я, что доверился такому простофиле. Я сам во всем виноват и получил по заслугам. А ты — ты сам проворонил свое счастье. Стань я владыкой Милана, ты не знал бы нужды и, уж конечно, не сидел бы до скончания дней управляющим замком у Марко.

— Это еще ничего, — холодно отвечал мошенник. — Хуже

будет, если он велит повесить своего управляющего. Но не в этом дело. Известно ведь: кто смел, тот и съел. А я, не жалея себя, сделал все, что можно было сделать. И вы это знаете. Подумайте сами, разве мне, помимо всего прочего, не доставило бы удовольствия насолить этим мошенникам горцам, которые в Лимонте хотели меня убить и из-за которых мне пришлось покинуть селение, где я жил припеваючи, не хуже любого князя?

Лодризио бил себя кулаком по лбу и повторял:

— Проиграть такую игру! Погубить все надежды!

— Хорошо еще, — продолжал Пелагруа, — что нас никто не подозревает. Не мне, конечно, себя хвалить, но дело сделано очень тонко — так тайно, так запутанно, что сам дьявол концов не найдет. Опасность миновала, и ничто не грозит ни мне, ни вам. . .

— Ну, это еще видно будет, несчастный глупец! — перебил его Лодризио. — Я еще заставляю тебя заплатить за все. Может быть, ты хочешь, чтобы я радовался, что, падая, только повредил себе ноги, а не сломал шею? А теперь прочь с моих глаз! Завтра вечером отправляйся в свой замок в Розате, и будь проклят тот день, когда я тебя оттуда вызвал! А пока узнай, что говорят о ночном сражении, и до отъезда сообщи мне. И помни, что на поверку ты оказался никчемным человеком. Добавлю только одно: держи язык за зубами, а еще лучше — проглоти его вовсе.

— Что до этого, — отвечал Пелагруа, — то можете спать спокойно: считайте, что вы говорили не со мной, а с каменной стеной, а я набрал в рот воды и вообще вас не видел.

Выпроводив управляющего из Розате и оставшись один, Лодризио предался безудержной ярости. Он познакомился с Пелагруа в Розате незадолго до того, как Марко уехал в Черульо. Рыбак рыбака, как говорится, видит издалика: они быстро сошлись друг с другом, разумеется не забывая о разнице в их положении. Господин оставался господином, а слуга — слугой. Понимая друг друга с полуслова и соединив, так сказать, рога и когти, сердца и души, они решили всеми силами помогать Марко в его предприятиях, связав все свои надежды на возвышение с его успехом. Но когда Пелагруа привез из Тосканы известие о том, что Марко стал правителем Лукки, заговорщики растерялись, полагая, что, занимаясь новыми хлопотами и удовольствовавшись своим приобретением, Марко не захочет больше возвращаться к старым делам, которые, как им казалось, с

некоторых пор шли весьма плохо. Поэтому они решили сами позаботиться о себе и воспользоваться первым же удобным случаем. Случай этот не замедлил представиться. Отчаявшись завладеть Миланом с помощью оружия, Баварец решил получить его изменой. Он попытался подкупить некоторых миланских военачальников, щедро обещая им деньги, чины, высокие посты, но все было напрасно. Тогда он обратился к Лодризио, уже известному ему своим мятежным и честолюбивым характером и неоднократными изменами Торриани и Висконти, и обещал ему ни много ни мало, как сделать его правителем Милана, если он сумеет сдать ему город. Предатель тут же клюнул на эту приманку, рассказал обо всем Пелагруа, и последний, приехав из замка в Розате, задумал описанную выше операцию, которая окончилась столь неудачно.

Теперь Лодризио горестно вспоминал о грандиозном здании, которое рухнуло на его глазах, и размышлял о том довольно неприятном положении, в котором он оказался.

После неудачи прошедшей ночи не могло быть и речи о новых переговорах с Баварцем: его немецкие отряды, измученные частыми вылазками миланцев, с трудом удерживали свои позиции, а солдаты Италии (так назывались союзники императора), лишенные денег и продовольствия, всеми презираемые и предаваемые, постепенно покидали поля сражения, и было ясно, что император вскоре будет вынужден снять осаду и отправиться восвояси. На Адзоне надеяться не приходилось: Лодризио понимал, что господин Милана его подозревает, хотя тот и оказывал ему ежедневно бесчисленные знаки внимания. Так куда же ему было деваться? За какую соломинку мог он ухватиться в этот миг кораблекрушения?

Когда вместе с известием о судьбе Лукки Пелагруа привез Лодризио другое, не менее странное известие о любви Марко к дочери графа дель Бальцо, Лодризио сразу усмотрел в этой любви нить, с помощью которой можно было вновь втянуть Висконти в миланские интриги. Затем завязанные с Баварцем сношения, которые должны были поднять его на такую высоту, о какой раньше он даже и не помышлял, заставили его позабыть об этой возможности. Так дневной свет, врывающийся в распахнутые окна комнатушки, затмевает мерцание лучины, которая кажется нам яркой и красивой, когда ставни закрыты; но теперь в душе тщеславного интригана, не находившего иного выхода, вновь затеплилась прежняя, хотя и слабая надежда.

Мысль о том, что эта глупая блажь (так Лодризио называл

любовь Марко к Биче) может оказаться достаточно сильной, чтобы заставить его друга рисковать уже приобретенной им властью над Луккой, ни на минуту не приходила в голову человеку такого склада, каким был Лодризио. Это, конечно, глупость, но такое влечение, говорил он себе, может вызвать у него интерес к другому городу, гораздо более заманчивому, чем Лукка, — к городу, о котором он так долго мечтал. Не достаточно ли бывает иногда небольшой гирьки, чтобы заставить чашу весов склониться в другую сторону? И Лодризио тешил себя надеждой, что держит теперь в руках такую гирьку и может в нужный момент бросить ее на ту чашу весов, которую надо будет опустить.

ГЛАВА XXII

На другой день вечером у Лодризио вновь появился Пелагруа и подтвердил, что в городе никто ничего не подозревает об их сговоре с Баварцем и что император действительно готовится снять осаду и вернуться в Германию. Немного успокоившись и перестав терзаться опасениями, Лодризио слегка подобрел к своему наперснику и принялся расспрашивать его о Биче и Отторино.

— У меня есть важные новости, — отвечал управляющий из Розате, которому очень хотелось вернуть себе милость Лодризио. — Я встретил того оруженосца графа, который, как вы знаете, у меня в руках, и он сказал мне, что в их доме идут большие приготовления.

— Приготовления к чему?

— К свадьбе.

— И граф согласен? У него пропал страх перед Марко?

— Согласен? О нет, и страх его вовсе не уменьшился, но что поделаешь, раз он такой теленок? Девушка жить не может без своего суженого, мать открыто держит ее сторону, и не мудрено, если. . .

— Мы должны вмешаться, — перебил его Лодризио, — и во что бы то ни стало расстроить этот брак. Очень хорошо, что Марко без ума от ее прекрасных глаз, но узнай он, что девушка уже выдана и дела не поправить, — это будет похуже! Он помучается, выкинет какую-нибудь штуку, каких и прежде выкидывал немало, — ну, а потом? Неужели ты думаешь, что он не смирится с этим, когда он так далеко, обременен делами и упоен своим могуществом? Конечно, смирится.

— Это верно, — отвечал управляющий из Розате. — Однако он влюблен в нее даже сильнее, чем вы думаете, и может стать, что, потеряв ее, он взбеленится пуще прежнего. И я думаю, что гнев его прежде всего обрушится на меня — ведь это я не помешал их браку!.. К тому же мой друг узнал, что обреченные хотят сразу после венчания уехать неизвестно куда. И вот тут-то, когда девица исчезнет, мы все останемся с носом. Марко либо впрямь обезумеет и в своем безумии погубит и себя, и всех нас, либо, сохранив рассудок, поступит так, как вы сказали, — с головой уйдет в тосканские дела, чтобы не думать больше о родных местах, память о которых будет только увеличивать его муки.

— Итак, за дело: надо помешать этому браку, — сказал Лодризио.

— Сделаю, — отвечал Пелагруа. — Когда он отправлял меня из Лукки, он тоже мне на это намекнул, но он не хочет, чтобы трогали Отторино...

— С этим молодым человеком пусть будет что будет. Во всяком случае, действуй так, как я скажу.

— Я в вашем распоряжении, но... если...

— Разговор у меня с тобой короткий: брось свои увертки. Если ты хочешь идти по моей дороге, то не бойся срезать извивы.

— Я от своих слов не отступаю: если я порой и сомневаюсь, то уж не после того, как решение принято. Когда придет время действовать, вы сами увидите: все будет сделано без разговоров. Вы плохо меня знаете: ведь я еще не мог... Ну ладно, не будем тратить лишних слов... Надо печь хлеб, а не месить пустую тесто.

— Однажды ты это уже доказал!

— А чем я виноват, — возразил Пелагруа, — коли сам дьявол сунул в это дело свои рога?

Так и закончился разговор между двумя злодеями.

А теперь нам пора вернуться к Биче и Эрмелинде, о которых мы совсем уже забыли.

В тот вечер, когда девушка вернулась с праздника, устроенного Марко, и принесла помилование для Лупо, мать из ее путанных слов вынесла печальную уверенность в том, что Висконти любит ее дочь. Трудно себе представить, что ощутила Эрмелинда при столь неожиданном и невероятном открытии: страх за дочь и жалость к ней, гнев против Марко и — скажем о том, в чем она не осмеливалась признаться даже самой себе, — мгно-

венную вспышку давней страсти; на какую-то минуту Биче показалась ей не такой любимой и дорогой, как обычно. Это внезапное открытие потрясло ее до глубины души; ее охватил стыд и почти ужас; но, отбросив и преодолев все то, что было жестокого, нематеринского в этом странном смешении тайных порывов, она ощутила нежную жалость, которая заставляла ее так заботливо относиться к дочери.

Зная, как страстно Биче любит Отторино, Эрмелинда не сомневалась, что даже если бы Марко (а это представлялось ей невероятным) сделал ее дочери предложение, она все равно была бы с ним несчастна, и, чтобы уберечь ее от этого, решила ускорить свадьбу, о которой они уже условились с молодым человеком. Этим она надеялась уничтожить все надежды Марко и поскорей отдать дочь под защиту супруга.

Едва Висконти уехал в Тоскану, Эрмелинда начала склонять мужа в пользу союза, которого он сам когда-то добивался. Но, представьте себе, граф пришел в неописуемое бешенство. Бесполезно было напоминать ему, что он сам способствовал зарождению любви дочери к молодому человеку, а мать, напротив, старалась заставить ее вести себя осмотрительней. Однако осада длилась день за днем, и настойчивость жены, не оставлявшей его в покое, грусть любимой дочери, действие времени, понемногу смягчавшего страх, внушенный ему словами Марко, а главное, сознание, что тот теперь далеко, занят целым морем новых дел и вряд ли помнит о своей угрозе, — все это делало графа добрее и сговорчивее. Окончательно же его заставило сдаться известие о том, что Марко стал владыкой Лукки. Граф решил, что Марко теперь уже совсем увяз в Тоскане и вряд ли сможет думать о чем-нибудь другом. Это сделало его более покладистым, и вскоре Отторино уже было разрешено посещать столь долго закрытый для него дом; однако принимали его тайно, только по вечерам, когда на улице уже было темно, чтобы — не дай бог! — любопытные его не заметили и слух об этом не достиг ушей сеньора Лукки, который славился тем, что умел держать свое слово. Вот так известие о возвышении Марко, смешавшее карты Лодризио и его подручного, управляющего из Розате, способствовало восстановлению мира в семействе графа дель Бальцо.

Что же касается Отторино, то все беды и невзгоды, пережитые им из-за Биче, только еще больше укрепили его любовь к ней. Если прежде мечты о возлюбленной переплетались в его пылкой душе с другими стремлениями, то теперь они стали

единственным смыслом его существования. Я говорю — смыслом существования, потому что, глубоко огорченный столкновением с Марко, юноша решил, что у него никогда больше не будет ничего общего с его прежним господином, а потому он лишился и цели в жизни, которая до этого состояла в том, чтобы служить Висконти, от которого зависели его возвышение и слава. Те люди и места, которые напоминали ему о прошлых радостях и несбывшихся надеждах, вызывали у него теперь только раздражение, и в сердце Отторино сохранилась лишь любовь к Биче; единственным его желанием было поскорей жениться на ней, тотчас же покинуть с ней родные края и уехать в Палестину сражаться с сарацинами. В те времена к такому решению обычно приходил каждый, кому жизнь на родине не сулила больше ничего хорошего.

Но можно ли поверить, что родители девушки согласились бы выдать ее за человека, собравшегося предпринять столь долгое и опасное путешествие в поисках сомнительного и нелегкого будущего? Однако, представьте себе, страх, который внушал им Марко, оказался сильнее. Эрмелинда решила на этот нелегкий шаг, чтобы избавить дочь от испытаний, которым со временем могли ее подвергнуть любовь или, скорей, каприз Висконти. Кроме того, она хотела уберечь Отторино от ненависти, которую питал к нему его господин, и оградить от ревности к столь сильному и могущественному сопернику.

Что же касается графа, то он соглашался на эту тяжкую жертву, чтобы сохранить пути для отступления и в любом случае иметь возможность заявить Марко, будто он вовсе не нарушил своего слова, чтобы заставить того поверить, будто Отторино похитил его дочь, или она сама сбежала с ним, или вообще придумать что угодно, лишь бы выгородить себя.

Так обстояли дела в то время, когда между Лодризио и Пеллаграу произошел разговор, о котором мы только что рассказывали.

Было решено устроить венчание в доме графа, как только будет снята осада и прекратятся военные действия. Граф согласился на него только с условием, что брак будет заключен тайно, что новобрачные тут же уедут в Кастеллето — маленький замок на Тичино, которым, как мы уже упоминали, владел Отторино, — и что они задержатся там не дольше, чем это будет необходимо, чтобы подготовиться к поездке в Святую Землю. Лауретта и Лупо, которым предстояло их сопровождать, были рады разделить с ними их судьбу.

Время шло, и то мгновение, которого все ждали с таким трепетом — одни с невыразимым страхом, другие же с нетерпением, — все приближалось. Уже Баварец, отчаявшись чего-либо достичь затяжной осадой, предпочел пойти на переговоры с Адзоне и снял свой лагерь. Мало-помалу отряды крестьянских ополченцев, прибывшие в Милан, чтобы помочь ему в минуту опасности, стали покидать город, отправляясь по домам. Жители Лимонты также готовились к возвращению в родные горы, гордясь славой, обретенной в ночной стычке, в которой они потеряли всего четырех человек, павших от немецких клинков.

Копейщики монастыря святого Амвросия, которые по распоряжению наместника должны были оставаться в Милане, пришли пожелать доброго пути своим друзьям. Лупо спросил, где Винчигуэрра, которого не было видно среди собравшихся, и ему ответили, что он погиб в одной из вылазок в Борго возле ворот Тичино. Некоторые из его товарищей, стоявшие на башне, видели, как он был сбит с коня, но, поднявшись, продолжал отбиваться, словно лев, размахивая железной палицей. На какой-то миг он исчез в толпе врагов, навалившихся на него со всех сторон. Многие думали, что он попал в плен, но вскоре все увидели его окровавленную голову, насаженную на копье.

— Он погиб, как настоящий солдат, выполняя свой долг, — сказал Лупо. — Да упокоит господь его душу!

И после этого разговор шел только о вещах приятных.

В то утро, когда славные горцы должны были тронуться в путь, к графу под большим секретом вызвали лимонтского священника, чтобы обвенчать Отторино и Биче. Хотя Адзоне на самом деле уже примирился с церковью, в Милане продолжало еще действовать папское отлучение, снятое лишь несколько месяцев спустя. Вот почему бракосочетание прошло скромно, без обычных церемоний и торжеств, приличествующих знатности и богатству новобрачных.

Марта, мать утонувшего Арригоццо, собрав свои пожитки, пришла в это утро попрощаться с семьей графа, в доме которого ее так гостеприимно и сердечно приютили.

Эрмелинда предложила ей и ее мужу остаться в доме графа. Микеле было уже заколебался, но добрая старуха, отведя его в сторону, сказала так:

— Послушай, Микеле, проживем те немногие дни, которые нам остались, как жили всегда. Вспомни, в те неурожайные годы, когда наш бедный Арригоццо (да будет господь к нему милостив) был еще малышом, разве провидение нас когда-ни-

будь оставляло? Разве мы обременяли кого-нибудь? Благодарение богу, глаза мои еще видят, пальцы мне еще служат; буду вязать весь день, а если понадобится, и всю ночь — так мы будем о времени и как-нибудь перебьемся.

Выслушав ее, муж вытер глаза и сказал:

— Ты права, Марта.

И оба они уехали вместе со своими земляками.

Бедная женщина, как мы говорили, явилась попрощаться к графу, держа в руках все свои скромные пожитки. Она низко поклонилась хозяину и поцеловала руку хозяйке дома, которая заговорила с ней самым приветливым и любезным тоном, что было особенно редко в те времена, когда разница в общественном положении проявлялась намного сильнее, чем в наши дни, и когда, казалось, и общие взгляды, и обычаи, и законы не допускали какой-либо близости между знатью и простыми людьми, словно они были существами разной породы.

Графиня тайно уже вручила священнику, хорошо знавшему щепетильность и скромность своих земляков и особенно робкий и стеснительный характер Марты, добрую пригоршню серебряных амвросиев и просила его как можно осторожнее и деликатнее передать их старушке, которая так твердо и даже не без гордости сносила свою честную бедность.

Под конец Марта подошла к Биче и хотела было поцеловать ей руку, но та ласково погладила по плечу и сказала:

— Прощай, добрая Марта! Помни обо мне, помни, что в те дни, когда я была маленькой, ты часто носила меня на руках. Молись за меня и прощай. Быстро пройдут оставшиеся мне дни, и когда ты узнаешь, что путь мой окончен, пролей слезу над бедной Биче, которая родилась и росла среди вас и надеялась, устав от жизненных мучений, уснуть под милой землей своей родины, оплакиваемая своими родными и близкими.

Пораженные и словно зачарованные неведомым духом, который, казалось, говорил устами их дочери, граф и Эрмелинда смотрели на нее, не осмеливаясь ее перебить, но когда в ее последних словах прозвучало глубокое и ясное предчувствие близкого конца, оба не смогли более сдерживаться и зарыдали.

Жена лодочника, с которой прощалась девушка, была охвачена состраданием и нежностью, когда Биче с тоской и любовью заговорила о столь дорогих ее сердцу местах. Рыдая, Марта пыталась ощупью найти руку дочери графа. Наконец ей это удалось, и она с мягкой настойчивостью притянула ее к себе, покрывая бесчисленными поцелуями.

Несколько минут царило молчание. Одна Биче не плакала: слишком сильное волнение не давало прорваться навертывавшимся на глаза слезам. Наконец, когда она немного успокоилась, ее захлестнул прилив необычайной нежности. Слегка пожав руку Марты, она вновь повторила:

— Прощай, молись за меня!

И когда та направилась к двери, Биче бросилась на шею к матери и, спрятав лицо у нее на груди, залилась горькими слезами.

ГЛАВА XXIII

Как только раздался звук рога, который был сигналом к отправлению ополченцев из Лимонты, Биче перестала плакать, вытерла глаза и лицо и вышла на балкон, а за ней последовали отец и мать. Они смотрели, как из ворот вынесли знамя с изображением аиста, как священник вышел первым, а за ним по двое пошли его земляки, направляясь к воротам Альджизио. Лодочник и его жена замыкали процессию. Марта подняла голову, чтобы попрощаться с господами, и была приятно обрадована, увидев, что Биче оправилась и вышла проводить их.

Было решено, что новобрачные выедут в Кастеллето утром следующего дня.

Когда настал условленный час, девушка, внешне все время остававшаяся спокойной, оторвалась наконец после долгих объятий и бесчисленных поцелуев от матери и, оставив ее всю в слезах, бросилась к лестнице, поспешно спустилась во двор, вскочила на приготовленного ей коня и выехала на улицу. Отторино, Лупо, Лауретта и двое оруженосцев графа, которые должны были сопровождать супругов до Кастеллето, немедленно сели на своих лошадей и последовали за ней. У ворот Биче увидела сокольничего и его жену, которые ждали здесь, чтобы попрощаться с ней и со своими детьми. Но при одной мысли, что ей придется вновь испытать волнение прощания и горечь разлуки, Биче ощутила столь сильное желание поскорее оказаться вне родных стен и вдали от людей, с которыми ей так трудно было расставаться, что она проехала мимо, опустив голову на грудь, и не ответила на поклон сокольничего и его жены.

Маленькая группа в молчании проехала значительную часть пути, ведущего в Сесто Календе. Наконец Отторино, положив руку на шею послушного иноходца, на котором ехала Биче, и не мешая его мерному шагу, заговорил:

— Ты помнишь, Биче, как мы однажды оказались на утесах в Моркате? Ты сидела между мной и отцом, не отнимая у меня своей руки... Тогда в моем сердце впервые зародилась надежда, что когда-нибудь ты станешь моею. Сколько препятствий пришлось преодолеть нам с тех пор! Сколько вынести горя! Но теперь ты моя, моя навсегда! В жизни у меня нет ничего дороже тебя. Я с такой верой, с такой любовью хочу отдать тебе всю свою жизнь, чтобы ты не жалела о том, что решилась соединить свою судьбу с моею!

И юноша продолжал изливать чувства, переполнявшие его душу. Биче так устала от перенесенных волнений, что почти не понимала его нежных слов и только ласково смотрела на своего супруга и, словно сквозь сон улавливая лишь общий смысл произносимых им фраз, слушала их, как сладкую музыку. Девушка, как она сама потом говорила, и правда находилась в таком состоянии, что ей казалось, будто все это сон.

Вскоре они добрались до Галларате, где сошли с коней и остановились на несколько часов отдохнуть на постоялом дворе. Здесь их разыскал гонец, который вручил Отторино письмо. Юноша вскрыл его и чрезвычайно удивился, увидев под ним подпись Марко. В письме говорилось, что Марко поспешно, в большой тайне, вернулся из Лукки и ждет Отторино в замке Сеприо, чтобы немедленно сообщить ему чрезвычайно важные известия. В приписке добавлялось, что Марко чувствует себя очень виноватым перед Отторино и хотел бы искупить свою вину.

Отторино был глубоко взволнован и растерян. Эти новости внезапно изменили все его планы на будущее, поставив его в совершенно иное положение. Решение оставить родные края, к которому он пришел за неимением другого выхода, было худшим из всех возможных. Где-то в сокровенных глубинах его души всегда жила тайная мечта, слабая, неясная надежда на примирение. Гнев молодого человека на Марко был подобен гневу влюбленного, который вспыхивает, как пламя, но тут же гаснет, едва любимая попросит прощения. Не зная за собой иной вины, кроме отказа жениться на дочери Рускони, и полагая, что этого было недостаточно, чтобы Марко так сильно его возненавидел, Отторино приписывал раздражение своего господина злым наветам, и ему казалось, что рано или поздно у Марко откроются глаза и он вернет ему свое расположение.

И подумать только, что теперь сам Марко искал его, просил прощения, протягивал ему руку! И это был тот самый великий человек, которого он любил и почитал, несмотря на его высокомерие и раздражительность, несмотря на еще свежую боль обиды и стыда за нанесенное оскорбление!

— Сейчас я должен сначала поехать в Кастеллето, — сказал Отторино гонцу. — Передай своему господину, что я еще за светло прибуду в Сеприо.

— Нет, нет, поезжайте сейчас, прошу вас! — ответил гонец. — Меня очень торопил управляющий замка, но я потерял много времени, пока вас разыскал.

— Но как ты догадался, что я здесь? — спросил Отторино.

— Один из конюхов графа дель Бальдо сказал мне, что вы поехали в эту сторону. Я поскакал за вами, но не смог догнать вас раньше.

— А кто дал тебе это письмо?

— Управляющий замка в Сеприо еще вчера вечером. Туда

прибыл какой-то знатный сеньор, и сразу в разные стороны отправили пять или шесть гонцов.

— Ты знаешь этого знатного сеньора?

— Нет, я недавно в этих краях, но если судить по почестям, которые ему воздавали, это, должно быть, очень большой человек. Он высокого роста, средних лет, красивый, выглядит так-то... — И гонец настолько точно описал внешность Марко, что никаких сомнений больше не оставалось.

Отторино подумал, что любое промедление было бы не только неприличным, но и непростительным из-за серьезности последствий, которые оно могло за собой повлечь. Поэтому он решил тотчас же скакать в Сеприо и оттуда немедленно вернуться к жене.

До замка Сеприо было немногим более получаса езды. Поездка туда и обратно не должна была бы оказаться более длительной, чем та остановка, которую новобрачные собирались сделать в Галларате. Отторино попросил гонца подождать, а сам, радостный и довольный, побежал сообщить новости Биче.

— Так это Марко? — испуганно спросила девушка. — Это Марко зовет вас к себе? О, не уезжайте, Отторино, бежим от этого человека, увезите меня в Кастеллето.

— Но он уже не тот, что прежде, уверяю тебя. Он сам просит прощения и хочет искупить причиненное мне зло.

— О, нет, нет, нет, не уезжайте! Бежим от этого человека, бежим, пока еще есть время!

— Послушай, радость моя, — сказал Отторино, беря ее за руку, — твои страхи, твои волнения безосновательны. В конце концов, разве он был когда-нибудь с тобой невежлив или нелюбезен? Разве он не даровал помилование Лупо благодаря твоим просьбам и заступничеству твоего отца?

При упоминании о страшной ночи, картины которой постоянно жили в ее душе, Биче ощутила такой прилив ужаса, что, положив руку на плечо мужа, сказала:

— Ах, Отторино, вы ведь знаете не все!

— Как? — воскликнул тот в изумлении. — Значит, и ты узнала тогда Марко? А я-то думал... Да, это правда: рыцарь, который выбил меня из седла на турнире, был Марко. Но знаешь ли ты, что жизнь моя — это дар его великодушия? Знаешь ли ты, что он поразил меня тогда затупленным копьем?

В первое мгновение Биче в замешательстве едва не проговорила о том, что Марко ее любит, но, заметив, что супруг ее не понял, она успела прийти в себя, взвесила всю серьезность

своей тайны и вспомнила настойчивые просьбы матери, советовавшей ничего не говорить Отторино, чтобы не поссорить его с этим могущественным сеньором. Вот почему она склонила голову на грудь и замолчала.

Когда же молодой человек с жаром и настойчивостью принялся говорить о великодушии Марко, о его возвышенности и благородстве и выказал безграничную веру в него и горячее желание снова стать его другом, броситься в его объятия, когда он стал убеждать жену в важности этого примирения для их судьбы, Биче после долгих колебаний, расспросов и объяснений согласилась, наполовину убежденная, наполовину смирившаяся, на поездку мужа в Сеприо.

— Вы скоро вернетесь, не правда ли? — спросила под конец Биче.

— Самое позднее часа через два я буду здесь, — ответил Отторино, — ведь мне нужно только повидать его и уговориться с ним о следующей встрече. А ты пока подожди здесь с твоей Лауреттой, под охраной Лупо и двух оруженосцев твоего отца.

— А вы разве никого не возьмете с собой?

— Повторяю, я обернусь очень быстро; со мной поедет гонец, доставивший письмо, и этого вполне достаточно: в округе все спокойно. — Сказав это, он обнял жену, поцеловал ее и уехал.

Прошли условленные два часа, прошел и третий, а Отторино все не возвращался. Любое пятнышко, которое Биче, выглядывая из окна, замечала в той стороне, откуда он должен был приехать, казалось ей белым султаном ее мужа, любой звук она принимала за стук копыт его коня. Она то ходила взад и вперед по комнате со своей служанкой, то звала Лупо, чтобы узнать, что он об этом думает, то выбегала на балкон и смотрела вдаль, то в мучительном ожидании сидела одна в уголке. Так в волнении прошел еще один час, затем другой; прошло уже пять часов с тех пор, как Отторино уехал, а его все еще не было.

— Послушайте, — сказал ей наконец брат Лауретты, — если вы мне позволите, я съезжу в замок Сеприо узнать, в чем дело, или можно послать туда одного из оруженосцев вашего отца.

— Лучше, если съездишь ты, — ответила Биче. — Передай Отторино, чтобы он возвращался, чтобы непременно приехал к вечеру. Когда вы поедете обратно, уже стемнеет, и ты пондобисься ему как провожатый. Ты видишь, в каких муках ты меня оставляешь! Скажи ему об этом... Или нет, не расстраи-

вай его из-за меня. Наверное, он не мог поступить иначе. Скажи ему только, чтобы он приехал вместе с тобой, чтобы обязательно приехал... Попроси, попроси его от моего имени и постарайся, чтобы он выполнил мою просьбу.

Лупо вышел. Провожая его до дверей, Биче повторяла опять и опять:

— Помни, не уезжай оттуда без него.

Увидев из окна, что он готов тронуться в путь, она вновь кивком головы напомнила ему то, что совсем недавно говорила.

Прошло еще немного времени, и наступил вечер. И вот наконец вдали послышался стук копыт. Биче выбежала на балкон.

— Едут, едут! — воскликнула она.

От волнения и нахлынувшей радости она едва могла перевести дух. Тем временем к гостинице подъехал небольшой отряд всадников, на лестнице послышался топот людей, поднимавшихся наверх.

— Отторино, это вы? — спросила Биче, устремляясь навстречу идущим.

Но это был не он; при свете ночника Биче разглядела одного из оруженосцев своего отца, который вел за руку человека, привезшего письмо от Марко и уехавшего затем с Отторино. Низко поклонившись, гонец сказал Биче, что он приехал из Сеприо, где оставил ее мужа в целости и сохранности, что тот до сих пор к ней никого не присылал, надеясь скоро окончить дела и приехать к ней, как и обещал, но что теперь, видя невозможность вернуться до утра, он послал его в сопровождении шести слуг, чтобы они тотчас же отвезли ее в Каstellето вместе со служанкой и оруженосцами отца.

— А Лупо? — спросила Биче.

— Лупо, раз уж он приехал, остался с ним. Отторино решил послать его ночью исполнить одно поручение хозяина замка.

— Так что же нам делать?

— Ваш муж прислал меня сказать вам, чтобы вы ни о чем не беспокоились — завтра утром вы непременно увидите его в Каstellето.

— А Лупо тоже приедет утром в Каstellето? — спросила Лауретта.

— И Лупо тоже, — ответил посланец.

— Теперь же, если вы позволите, — сказал оруженосец графа, — я прикажу приготовить коней.

Биче кивнула головой. В один миг все было готово, и ка-

валькада тронулась в путь. Рядом с госпожой и служанкой ехали те двое слуг, с которыми она вела переданный выше разговор, а остальные держались в нескольких шагах позади.

Ночь была темной, погода, казалось, вот-вот совсем испортится. Вокруг не было видно ни души. Когда они отъехали довольно далеко от деревни, Биче услышала позади гул голосов, крики, звуки ударов и попросила оруженосца отца, ехавшего рядом с ней, вернуться и прекратить начавшуюся, как ей показалось, ссору.

— На нас напали разбойники, — сказал тот и, прищипнув скакуна, подхватил под уздцы коня хозяйки, увлекая его за собой. В тот же миг гонец, сопровождавший служанку, проделал то же с ее конем.

— Но послушайте, — протестовала дочь графа, — ведь это же кричит Ричхардино, помогите ему!

Ричхардино было имя другого оруженосца ее отца, который остался сзади с солдатами, приехавшими из Сеприо.

— Ничего, ничего, — говорил оруженосец, — там их семеро хорошо вооруженных людей! Нам незачем за них бояться. — И он еще сильнее погонял коней, как бы желая увезти ее подальше от опасности и укрыть в надежном месте. Время от времени он повторял, что его просили не спускать с нее глаз и что ему не сносить головы, если с ней что-нибудь случится.

Немного погодя шум затих, и они поехали медленнее. Биче хотела узнать, чем кончилась стычка; она хотела поговорить с Ричхардино, узнать у него, что случилось. Второй оруженосец, который ехал рядом с ними, после долгих уговоров повернул назад, но почти тут же вернулся и с испуганным видом сообщил, что весь отряд рассеян и что разбойники гонятся за ними по пятам. Поэтому он заставил всех немедленно повернуть коней на тропинку, ведущую в лес.

Всю ночь они взбирались по косогорам, спускались в овраги, вязли в песках, продирались сквозь кусты, хотя от места последней остановки до их цели не могло быть более часа езды. Женщины, напуганные первым происшествием, изнемогали от усталости, но проводники смиренно просили Биче не сердиться, говоря, что в суматохе они сбились с пути и заблудились в лесу. Они умоляли ее простить их и не жаловаться на них мужу, тем более что они уже нашли правильную дорогу и скоро приедут в Кастеллето.

О, если бы бедняжки знали, куда они едут и в чьи руки они попали! Вместо Кастеллето их везли в Розате, в замок Мар-

ко Висконти, в когти Пелагруа. Оруженосец графа, ехавший рядом с Биче, и был тем самым изменником, который давно проданся Пелагруа, а гонец — верным псом Лодризио, как и все, кто приехал с ним из Сеприо. Все события предыдущего дня и этой ночи были подстроены Лодризио и Пелагруа, чтобы похитить Биче и увезти ее от мужа. Они хотели заполучить ее в свои руки и спрятать для Марко, но так, чтобы все обошлось без шума и сама она даже не заметила, что попала в ловушку, а потом постепенно подготовить ее к тому, что ее ожидало.

Отбросив поэтому первоначальный план — напасть на Отторино и двух его верных спутников — и перебрав множество других, оба негодяя остановились на мысли, которую, как мы видели, они и привели в исполнение: они разделили супругов, прислав Отторино подложное письмо от Марко. Что же касается Лупо, то они решили выманить его посреди ночи, сообщив ему, что его будто бы вызывает к себе Отторино, но, как мы видели, в этом не оказалось необходимости: как и его господин, он сам поехал в замок Сеприо, прямо в приготовленную ему западню. В общем, замысел негодяев удался на славу. Оставался еще второй оруженосец графа, непричастный к измене, но разве мог их беспокоить один-единственный человек, совсем незаметный, да еще в окружении стольких врагов? От него ведь так легко было отделаться!

По правде говоря, вначале это предприятие казалось Пелагруа слишком рискованным. Похитить и заключить в темницу девушку столь знатного рода!.. Но Лодризио, которому не терпелось привести в исполнение свой замысел хотя бы для того, чтобы отомстить Отторино, сумел рассеять его сомнения. Он убедил Пелагруа, что теперь, когда дело зашло так далеко, нельзя было бы иначе добиться того, о чем ему прямо говорил его хозяин, и что насилие оправдывается необходимостью, а успех позволил бы не считаться с положением девушки.

— Представь себе, что он попросил бы тебя раздобыть ему куропатку, — говорил Лодризио, — а ты ее сунул бы ему в сумку, — разве он на тебя за это обиделся бы?

В конце концов они договорились, что полезно будет держать некоторое время Марко в неведении, посмотреть, как пройдет похищение и чем все это кончится. Затем его можно было бы постепенно посвящать в тайну так, чтобы заинтересовать его и помешать ему забыть о Ломбардии. Пленницу же надо было подготовить к тому, чтобы она была любезна с Марко, а самим по возможности держаться в стороне.

Биче и Лауретта достигли Розате, когда уже светало. Они совсем не знали этих мест и думали, что приехали в Кастеллето. Они пересекли обширный двор, опоясанный крытой галереей, и поднялись по лестнице наверх. Через бесчисленные коридоры их провели наконец в зал, в который выходили еще четыре или пять комнат. На всем этом пути они не встретили ни одной живой души. Тут сопровождавший Биче предатель-оруженосец оставил их, сказав, что пойдет за управляющим, который должен исполнять все желания госпожи.

Оставшись одни, женщины прошли во внутренние покои, которые показались им вполне удобными. Там было все необходимое: прекрасные кровати, стулья, столики, зеркала, баночки с притираниями и душистыми эссенциями, платья и украшения и вообще все те изысканные вещи, которые могли потребоваться благородной девице, только что вышедшей замуж.

Думая, что она у себя дома, Биче, уставшая от долгой скачки, села в кресло, а служанка принялась хлопотать вокруг нее, приводя все в порядок. Она вынула из баулов меховые платья, набросила на плечи госпожи накидку из львиной шкуры, разобрала обувь, надела ей на ноги шелковые туфли, причесала ее и полила ей воду, когда она умывалась. Занимаясь этими делами, они тихо обменивались между собой отдельными словами.

— Светает, — говорила Биче. — Не может же он очень задержаться.

— Как знать? — отвечала служанка. — Вспомните, как долго мы ехали.

— Но ты забыла, сколько нам понадобилось времени, чтобы найти правильную дорогу.

— Это верно. Послушайте, госпожа, как только ваш супруг будет здесь, расскажите ему об этих растяхах. Надо же было им ехать наугад, заблудиться и мучить нас больше четырех часов, не давая сойти с коней все это время.

— Неужели четыре часа? Ты хочешь сказать, что мы потеряли четыре часа?

— Наверняка, а то и больше: мой брат говорил, что от Галларате до замка всего два часа езды. А вспомните, сколько мы ехали, и ведь все время рысью.

— Хорошо, — продолжала Биче, — за четыре часа Отторино, конечно, кончил свои дела... Скажи, а сколько надо времени, чтобы доскакать от Сеприо сюда?

— Я не знаю. Вы же видите, я сама путаюсь.

— Но все-таки примерно, — настаивала жена Отторино. — Сколько может здесь быть — миль восемь? Ну, скажи же хоть что-нибудь: тебе кажется, этого мало? Ну хорошо, пусть будет десять, даже двенадцать. Добавим даже лишнего... Двенадцать, не правда ли?

— Конечно, что-нибудь вроде этого.

— Но разве это много, когда ты на коне? Не успеешь оглянуться, как уже приехал. Значит, он уже сейчас может быть здесь, и я должна готовиться к встрече. Ведь ты тоже ждешь? Скажи мне, ради бога, ведь это так?

— Он, конечно, мог бы уже приехать, однако... если он и опоздает, не стоит обращать на это внимания. Когда мужчины заняты делом, они совсем забывают о времени: часом раньше, часом позже — это им все равно.

— Теперь ты рассуждаешь разумно. Это я могу понять. Но если он запоздает еще на час или два, то, значит, с ним что-то случилось. Знаешь, на дорогах всякое бывает, но я не боюсь... Он может приехать в любую минуту, и я его жду. Ведь я его так просила!.. Постой... Ты слышишь, кто-то идет? Может быть, он уже тут, а мы не слышали, как кони проехали через подъемный мост?

С этими словами Биче вскочила и бросилась к окну, но Лауретта, которая стояла к нему ближе, опередила ее. Окно это выходило в соседнюю комнату с крестообразным сводом, опиравшимся на тонкие колонны. Служанка узнала вошедшего туда человека раньше, чем хозяйка успела взглянуть на него. Отпрянув от решетки, которой было забрано окно, она сказала:

— Нет, нет, это не наши. А знаете, кто там идет? Это Пелагруа!

— Кто? Монастырский управитель из Лимонты?

— Он самый, — ответила служанка и тут же добавила: — Как же он здесь оказался? Ведь с тех пор, как он удрал из деревни, о нем ничего не было слышно. По правде говоря, его лицо мне вовсе не нравится: может быть, я ошибаюсь... Господи, что я вам тут наговорила...

— Да, да, — сказала Биче, — оставь свои глупости, я прекрасно знаю, с кем имею дело. Мне давно следовало бы сообразить, что я с ним здесь встречу. Достаточно было подумать... Но я тебе все расскажу потом. — Биче вспомнила, что в вечер кораблекрушения, когда они были в Варенне, юноша, ставший теперь ее мужем, обещал исполнить просьбу священника из

Лимонты и пристроить куда-нибудь беглого управляющего, которому грозила смерть. Не зная ничего больше о его судьбе и услышав, что он теперь здесь, она решила, что Отторино дал ему какую-нибудь должность в своем замке.

В дверь зала постучали. Лауретта, которой хозяйка утвердительно кивнула, сказала:

— Войдите.

Дверь распахнулась, и появился Пелагруа. Он снял с головы шапочку из черного бархата, взял ее в левую руку и двинулся вперед, низко кланяясь.

Если бы вы захотели познакомиться с Пелагруа, то увидели бы человека лет под пятьдесят, среднего роста, сухонького, с короткими ногами и руками. Его лиловатые щеки никогда и ни при каких обстоятельствах не розовели и не бледнели. Густые седые брови нависали над горящими черными глазами. Эти неукротимые, непокорные глаза, полные злобы и высокомерия, никак не вязались со смиренным выражением его лица. Их дьявольский блеск выдавал злодея, рядившегося в личину святого отшельника. Войдя с угодливым видом, он старательно опускал глаза вниз, но время от времени бросал вокруг взгляды быстрые и сверкающие, словно молния. И тогда казалось, будто он прячется от посторонних глаз, как вор, который боится, что его застанут на месте преступления.

Пелагруа подошел к Биче, опустился на колени и, склонив голову, сказал:

— Снизойдите, госпожа, принять клятву верности от вашего покорного слуги, хранителя Кастеллето.

— Значит, Отторино поручил вам надзор за своими здешними владениями?

— Да, госпожа, и это дает мне надежду угодить прекрасной и благородной супруге и повелительнице моего прославленного господина, которому я поклялся всю жизнь служить верой и правдой, каковую клятву он по милости своей принял с благоволением.

— Встаньте, — сказала Биче. Пелагруа повиновался, и Биче продолжала: — Мой супруг и господин сам выбирает себе служителей, я же должна охотно и от всего сердца одобрять его выбор. — Оставив затем сдержанный тон, приличествовавший этому церемонному обмену любезностями, девушка спросила более естественным и взволнованным голосом: — Скажите, управляющий, скоро ли, по-вашему, придет мой муж? Вам известно, что он отправился в Сеприо?

— Да, я все знаю. Мне известно также, что ваши проводники плохо справились с тем почетным делом, которое на них возложили, но не беспокойтесь, госпожа, поручите все мне: я задам им такого жару...

— Нет, нет, — прервала его Биче. — Я не хочу, чтобы кто-либо пострадал из-за меня. Все, что они сделали, они сделали из добрых побуждений, исполняя мои приказания и распоряжения своего господина. И даже если... если им случилось... выбирая слова... Ну, довольно, я не хочу, чтобы об этом говорили!..

— Как? — воскликнул Пелагруа, притворяясь разгневанным и изумленным. — Как? Неужели могло быть, что кто-то посмел... Нет, я не могу этому поверить. Я уж не говорю об их непростительной глупости, когда они поехали не по той дороге... Но неужели кто-то из этих негодяев... Кто бы он ни был, горе ему!

— О, что касается этого, — не вытерпела Лауретта, — то могу вас заверить, что дочь графа дель Бальцо не потерпела бы...

Но Лауретта тут же осеклась, заметив суровый взгляд, брошенный на нее хозяйкой.

— Позвольте! — воскликнул лжеуправляющий, словно задышавшись от гнева и от ужасных подозрений, а также от избытка уважения к госпоже, отговаривавшей его от крутых мер. — Позвольте, госпожа, честь замка требует... Что будет, если ваш благородный супруг когда-либо об этом услышит? Тогда горе всем и горе мне. Позвольте мне узнать, кто этот подлый оскорбитель... Я уверяю вас...

— Довольно, — сказала решительно и гордо супруга Отторино, — я же просила вас не говорить больше об этом. — Видя, однако, что мошенник опустил голову и замолчал, словно пристыженный и огорченный, она добавила уже более мягким тоном: — Скажите лучше, долго ли еще придется нам ждать Отторино?

— Если бы вы знали, — ответил Пелагруа, изображая на лице сокрушение, — если бы вы знали, как мне больно сообщать вам весть, которая не обрадует мою госпожу!

— Что вы хотите сказать? — быстро и испуганно спросила Биче. — Вы знаете что-нибудь новое?

— Незадолго до вашего приезда из Сеприо прибыл гонец, — отвечал негодяй. — Он просил передать вам, что Отторино не сможет приехать сегодня.

— Не сможет приехать сегодня? А что он там будет делать целый день? Видел ли гонец моего мужа, прежде чем ехать сюда? Говорил ли он с ним? И что он велел мне сказать? Пришлите немедленно посыльного ко мне, я хочу с ним поговорить. Вы поняли? Я хочу сейчас же видеть гонца.

— Если вы позволите, я сам могу вам все рассказать, потому что, видите ли, гонец... посылать к вам этого человека... не совсем удобно. Я знаю, что он говорил с вашим мужем перед отъездом. Он оставил его в замке в обществе Лупо и оруженосца вашего отца, который добрался туда сегодня рано утром. Все трое живы и здоровы. Ночное приключение кончилось благополучно. Ваш муж просил вас не беспокоиться: он как можно скорее уладит все дела и примчится сюда!

— Но когда? Когда он вернется? Не позже сегодняшнего вечера, правда?

— О да! Я думаю, что к вечеру он, конечно, вернется.

— Но разве он не сказал этого определенно?.. Довольно, сейчас же пришлите ко мне гонца... Идите же: я не привыкла повторять свои приказания слугам дважды.

Пелагруа отвесил глубокий поклон, робко развел руками, словно прося прощения, и удалился, повторяя про себя: «Ах ты спесивица! Ну-ну, успокойся, красавица, успокойся!» Ласковая и жестокая насмешка нашла свое выражение в том взгляде, который негодая, выходя из комнаты, бросил на свою пленницу. Приходилось ли вам видеть, как птицелов, поймав в силос синицу, с удивлением разглядывает непокорную птичку, норовящую клюнуть руку, одного движения которой достаточно, чтобы переломать ее косточки и раздавить ее в лепешку? Примерно так же посмотрел на девушку и Пелагруа.

Как только управляющий вышел, Биче задумалась, чем бы ей заняться в предстоящие часы ожидания. Они представлялись ей бесконечными, и она не знала, чем бы ей их заполнить. Ей казалось, что вечер никогда не наступит, что у нее не хватит сил пересечь пустыню своего одиночества. Она была подобна выбившемуся из сил путнику, который после долгого тяжелого подъема добрался до вершины холма, полагая, что здесь-то и окончится его путешествие, но очутился перед новым холмом и узнал, что место, где ему суждено отдохнуть, находится по ту его сторону.

Все это время Пелагруа потратил на то, чтобы натаскать одного из верных своих псов, которого он решил выдать за посланца Отторино, чтобы обмануть его жену.

Когда оба негодяя были готовы, они явились к Биче, чтобы разыграть сцену, о которой договорились.

Обманщик, выдававший себя за гонца Отторино, был старым мерзавцем, лишь случайно избежавшим виселицы, которого Пелагруа нашел в соседней деревне, где он попрошайничал, поскольку на склоне лет был не в силах заниматься разбоем. Негодяй был косоглаз, лицо его от носа до левого глаза пересекал глубокий шрам, борода и волосы у него были рыжие. При входе в комнату, где находились женщины, он сделал вид, что споткнулся, и ввалился внутрь, раскачиваясь и шатаясь.

Биче испуганно вскочила с кресла, но Пелагруа подошел к ней и, приняв свой обычный смиренный вид, сказал вполголоса, указывая на сообщника:

— Это хороший человек; жаль только, что он очень любит выпить! И тогда... у него язык немного заплетается... Вот почему я не хотел, чтобы он показывался вам на глаза... Но я исполнил ваше приказание. Он приехал сюда уже навеселе, а здесь за это время все пил и пил, так что теперь еле ноги волочит. Но если вам все-таки угодно поговорить с ним, я думаю, он еще сможет кое-что ответить.

— Спросите у него, видел ли он перед отъездом моего мужа, — сказала Биче.

Пелагруа приблизился к мнимому пьянчуге и, похлопав его по плечу, проговорил:

— Послушай, Мастино, госпожа спрашивает, видел ли ты того рыцаря, который послал тебя из замка Сеприо?

— Рыцаря? — отвечал негодяй, еле ворочая языком. — Видел ли я рыцаря? Как же я мог его не видеть, если это он дал мне славную бутылку, о которой я тебе говорил? Что за славное вино! Послушай, вот это вино!.. Здесь оно тоже неплохое, скажу я тебе, но немного кислит.

Управляющий перебил его и задал новый вопрос:

— Что он тебе сказал, прежде чем послать тебя сюда? Что он говорил?

— Что он сказал?.. Ничего он не сказал. Выпей, говорит, за мое здоровье, — вот я и выпил. А у вас тут я добавил еще две бутылки, чтобы первой не скучно было. И все за его здоровье. Добрый рыцарь, и за кошель не держится, как некоторые, о ком и худо помянуть не жалко.

— Скажи, Мастино, — да слушай меня! — был ли с ним еще кто-нибудь?

— Разве я не сказал, что я был с ним?

— Нет, я спрашиваю, был ли кто-нибудь еще другой?

— Да, был еще другой.

— Кто?

— Вот тебе и раз! Ну, он!

— Он? Да кто он?

— Он, тот рыцарь, черт тебя возьми! Кто же там мог еще быть! Ну, и я.

Пелаграу пожал плечами и повернулся к Биче, как бы говоря: «Вы же видите, от него ничего не добьешься».

Но бедняжка, которой очень хотелось узнать что-нибудь о своем муже, сказала управляющему:

— Постарайтесь узнать у него, не сказал ли рыцарь, что он придет сегодня вечером?

— Попробую, — отвечал предатель и, схватив за руку своего сообщника, начал его с силой трясти и кричать ему прямо в ухо: — Повернись ко мне и думай, что говоришь! — Потом он спросил: — Тот рыцарь сказал тебе, что придет нынче вечером?

— Вот так сказанул! — И негодяй разразился долгим дурашливым смехом. — По-твоему, сейчас вечер? — Он отступил на два шага, неуверенно ткнул пальцем в сторону Пелаграу и, продолжая раскачиваться из стороны в сторону, воскликнул своим испитым голосом: — Какой же сейчас вечер, когда на дворе светлым-светло! Да брось ты! Я понимаю: у тебя кружится голова. Стыдно! Напиться в такую рань!.. Но я тоже не прочь выпить! Тащи-ка сюда хорошего вина — у меня такая сушь в горле, словно сам черт в нем поселился.

— Замолчи, дурак! Перестань говорить глупости! Я тебя спрашиваю, говорил ли тебе рыцарь, что он придет сегодня вечером?

— Придет ли вечером? Ты об этом спрашиваешь?

— Да, чтоб тебе провалиться!

— Конечно, придет вечером, наверняка придет.

Биче вздохнула с облегчением, но ее радость оказалась недолгой, потому что управитель, подойдя поближе к словоохотливому пьянице, прокричал ему в ухо:

— Но разве ты не говорил мне, что он придет завтра утром?

— Конечно, говорил; завтра утром, наверняка завтра утром.

— Ну-ка, приди в себя, если можешь: когда же — нынче вечером или завтра утром?

— Вечером или утром, — отвечал мнимый пьянчуга. — Вот

и хорошо! Да, господин, и утром и вечером. — И он принялся распевать хриплым, как карканье вороны, голосом:

И завтра будем пить, как нынче пили, —
По капле, по глоточку, по глотку.
Когда я дорываюсь до бутылки,
Не лезьте, кредиторы, к должнику!
В кармане книги у меня. . .

Но тут Пелагруа, дав ему затрещину, закричал:

— Да замолчи же ты, неугомонная глотка!

Бедная девушка, оскорбленная этим неприглядным зрелищем, сделала знак управляющему, чтобы он избавил ее от присутствия мнимого посланца.

— Посадите немедленно верного человека на коня, — сказала она ему, — пусть он отвезет в Сеприо письмо, которое я вам сейчас вручу, и сейчас же пусть возвращается с ответом. Не позже, чем через три часа, он должен быть здесь, иначе вам придется дать мне объяснения.

Вместо ответа управляющий низко поклонился и вышел, волоча за собой своего подручного, который повис на нем, словно тряпка, то и дело спотыкался и падал, но тем не менее продолжал кричать:

— Куда ты меня тянешь? Куда ты меня тянешь, пропойца несчастный?

Хотя оба негодяя уже вышли из комнаты и начали спускаться по лестнице, до женщин долго еще доносился из-за затворенной двери хриплый и наглый голос, повторявший:

— Пропойца! Пропойца! Пропойца! . .

ГЛАВА XXV

«Твой муж говорит, что он не сможет приготовиться к поездке в Святую Землю раньше конца месяца. Обещаю тебе, дочка, навестить тебя вместе с отцом до наступления этого срока, чтобы попрощаться с тобой в Каstellето. Ну, поезжай с богом. Мы увидимся снова не позднее чем через неделю».

Таковы были последние слова, которые сказала Эрмелинда в день горестной разлуки, когда она, заливаясь слезами, обнимала Биче.

Настал назначенный срок; любящая мать села на коня, вместе с мужем в сопровождении всего двух слуг выехала на

рассвете из Милана, и через несколько часов они прибыли в Кастеллето.

Одним из двух сопровождавших их слуг был Амброджо, сокольничий. Ему хотелось еще раз обнять Лауретту и Лупо, до того как они уедут в Святую Землю.

Едва всадники выехали на равнину, расстилавшуюся перед замком, они увидели, что его башни, стены и укрепления украшены, словно для празднования свадьбы: на самой высокой башне реял значок Отторино, на зубцах стены сверкали пестрые щиты разнообразной формы с изображением доспехов и подвигов их владельца, между двумя башенками были натянуты яркие полотнища, в гребни валов были воткнуты большие ветки и даже целые деревья, связанные между собой и украшенные фестонами из зелени и цветов. Там и сям виднелись причудливые беседки с развевающимися флажками. Но эти праздничные украшения свидетельствовали о том, что торжества, ради которых они были устроены, уже закончились: цветы поувяли, зеленые ветки засохли, а листья осыпались на землю.

Остановившись на минуту, чтобы посмотреть на эту картину, граф дель Бальдо обернулся к жене, сиявшей от радости, и сказал:

— Видишь, замок до сих пор еще убран в честь новобрачной.

Как только в замке заметили приближение маленького отряда, навстречу ему выехали двое слуг в коротких кафтанах в голубую и белую полосу, с серебряными жезлами в руках. Один из них весьма почтительно осведомился у ехавшего впереди сокольничего, кто такие эти рыцарь и дама, собирающиеся почтить замок своим посещением.

— Граф и графиня дель Бальдо, — отвечал сокольничий.

Услыхав это имя, спрашивавший приложил к губам рог и протрубил условный сигнал. Сразу же из ворот замка высыпал отряд вооруженных людей, которые выстроились в два ряда по сторонам подъемного моста, встречая приехавших. Немного погодя с вершины главной башни донесся праздничный звон колокола, тут же заглушенный ликующими голосами сбежавшихся обитателей замка. Миновав еще одни ворота, наши путники очутились в большом дворе. Казалось, они попали на ярмарку: их мгновенно поглотило море празднично разодетых женщин, мужчин, ребятишек, которые шумно их приветствовали. В толпе мелькали жонглеры с дрессированными псами, выкидывавшие уморительные коленца и игравшие на лютнях, рожках, бараба-

нах, дудках, виолах и всевозможных других инструментах, распространенных в то время.

Сокольников соскочил на землю и направился было к хозяйке, чтобы помочь ей сойти с коня, но в этот миг в толпе показался раскрасневшийся, взъерошенный человек с солидным брюшком, который усиленно работал локтями, чтобы поскорее приблизиться к приезжим. Это был управляющий замка. Он знаком приказал Амброджо отойти в сторону и подоспел как раз вовремя, чтобы выполнить свои обязанности — подержать стремя у дамы. Весь запыхавшись, он не мог вымолвить ни слова. Наконец он церемонно развел руки и начал безостановочно кланяться, всем видом выказывая почтение и радость.

— Добро пожаловать, — сказал он, как только смог перевести дыхание, — добро пожаловать, благороднейшая госпожа, к своим верным слугам. — Затем он поднял голову, склоненную в знак почтения, и, взглянув в лицо прибывшей, казалось, удивился и растерялся. Пробормотав что-то про себя, он продолжал вполголоса, вопросительным тоном: — Мать нашей высокочтимой госпожи?

— Да, — отвечала Эрмелинда.

Управляющий засуетился, расталкивая людей, чтобы они пропустили рыцаря и даму, которых он провел в прекрасно украшенный зал в нижнем этаже, где новоприбывших уже ждали служанки, паж и слуги.

Пока Эрмелинда со свойственной ей любезностью принимала приветствия женщин, подходивших к ее креслу, граф, заложив руки за спину, прохаживался по залу и останавливался перед каждой картиной, висевшей на стенах.

— Не портрет ли это Пико? — спросил он управляющего, который все время следовал за ним.

— Да, это Пико Висконти, отец моего благородного господина, — отвечал тот, низко кланяясь.

— А вот тот, рядом, — продолжал граф, — ведь это Маффео, не так ли?

Но в этот миг какой-то паж дернул толстяка за фалду и шепнул ему на ухо:

— Вас зовет госпожа.

— Да, это Маффео, дядя нашего господина, — ответил управляющий на вопрос графа и тут же добавил: — Меня зовет ваша досточтимая супруга, и, если позволите, я пойду к ней.

Получив разрешение, он бросился к Эрмелинде, которая с радостным видом спросила:

— А где же новобрачные? Разве вы их не предупредили, что приехал граф дель Бальццо?

— Новобрачные? — отвечал добрейший управляющий, сомневаясь, не ослышался ли он.

— Да, да, новобрачные. Где они? — повторила графиня столь решительно, что места сомнению не оставалось.

— Но разве они не приехали с вами?

— А, понимаю! Они выехали нам навстречу, — продолжала Эрмелинда, улыбаясь. — Подумать только! Ведь мы нигде не повстречались. Должно быть, они поехали по другой дороге. Скорей, скорей пошлите кого-нибудь, чтобы их немедленно вернули обратно.

— Как! — воскликнул управляющий, все более и более смущаясь. — Разве они не приехали с вами? Мы здесь их совсем не видели. Мой господин предупредил, чтобы я был готов принять их на той неделе, но до сих пор никто не приезжал. Я думал, что они все еще в Милане, в вашем доме.

— Граф, граф! — закричала Эрмелинда, вскакивая с кресла, и быстро пошла к мужу. — Вы слышали? Их здесь нет.

— Кого?

— Наших молодых, Биче и Отторино. Он говорит, что их здесь не видели. — И графиня показала на управляющего, который стоял рядом с ними и, пораженный внезапным ужасом, прозвучавшим в голосе женщины, не знал, что сказать или сделать.

— Как? Как? — пробормотал, запинаясь, граф. — Что такое вы говорите? Их здесь нет? И вы их не видели?

— Нет. Я думал, что они в Милане.

— Но разве они не приехали в Кастеллето в субботу на прошлой неделе?

— Увы, нет, они не приезжали ни в субботу, ни после.

— И вы не получили никаких известий — не было ни гонца, ни...

— Ничего, я же вам сказал, ничего.

— Невероятно!.. Быть может, они... Но нет, в любом случае они что-нибудь сообщили бы... — пробормотал граф.

— О! С ними, наверное, что-нибудь случилось! — воскликнула Эрмелинда. — Они попали в руки разбойников!..

— Госпожа, — прервал ее управитель, — вы можете мне поверить: в нашей округе все спокойно, настолько спокойно, что одинокий путник в любое время дня и ночи может проехать ее вдоль и поперек, положив ноги на шею своего коня (так гово-

рили в те времена, если хотели показать, что в окрестностях нет ни вражеских солдат, ни разбойников).

— К тому же, — проговорил граф, — они были не одни: кроме служанки новобрачной, Отторино взял с собой оруженосца и еще двух вооруженных всадников, которых ему дал я, так что двух женщин сопровождало четверо мужчин, каждый из которых стоит двоих.

— Но все же где они сейчас? Где они могут быть? — тревожно спросила Эрмелинда.

— Скажу только одно: сейчас самое главное, — ответил ей муж, — это постараться не думать о худшем; но вообще бог знает, где они. Однако вы сами понимаете, что шесть человек не могут так просто исчезнуть.

— А вдруг они утонули в Тичино? — продолжала настаивать графиня.

— О нет, это невозможно, сейчас не время паводков. И к тому же мы что-нибудь об этом услышали бы. Правда, управляющий?

— Ну... — протянул тот и пожал плечами, показывая, что ему нечего больше добавить. Но, взглянув на графиню, он увидел на ее лице такое смятение, что поспешил добавить, стараясь ее ободрить: — Да, конечно, я тоже думаю, что они не могли утонуть, иначе бы мы об этом что-нибудь знали.

Во дворе тем временем толпа все разрасталась. Каждый считал себя счастливым, если ему удавалось с помощью локтей пробиться к окну нижнего зала, взобраться на плечи соседу и хоть на миг поглядеть на господ. Одни говорили, что приезжие и были новобрачные, другие уверяли, что супруги еще в пути, но всем хотелось самим проверить свои догадки. Однако установить истину так и не удалось. Поэтому кое-кто, впервые увидав Эрмелинду мельком через окно, упорно утверждал, что это вовсе не мать новой госпожи, а сама госпожа. Спорщики подняли страшный шум: кто кричал «Да здравствует граф и графиня дель Бальцо!», кто — «Да здравствует Отторино и Биче, да здравствуют молодые!»

Растроганная и огорченная этим праздничным гулом, Эрмелинда попросила управляющего уgomонить собравшихся. Он вышел, чтобы распорядиться, и тотчас все его подданные отправились заниматься делом: кто исчез в бесчисленных галереях, коридорах, внутренних двориках, кто вышел за ворота, так что во дворе остались одни жонглеры, да и тех было не более десяти. Последние, хотя они порядочно отъелись тут за время

ожидания молодых, не изъявляли, однако, никакого желания уйти с пустыми руками и всем своим видом показывали, что они рассчитывают, по обычаю того времени, на щедрое вознаграждение. Управляющий послал за приготовленными подарками и по достоинству вознаградил каждого.

Но один из жонглеров не захотел принять подарка.

— Я не меньше своих уважаемых собратьев нуждаюсь в одежде, и у меня так же пусто в кошельке, — сказал он. — Я не честолобив и не заносчив, но не хочу уходить, не увидев лица хозяина. То, что мне причитается, я хочу получить из его рук.

— Хозяина здесь нет, — грубо отрезал управляющий. — Нравится тебе — так бери, — сказал он и помахал перед носом шута шапкой, отороченной мехом и предназначавшейся ему в подарок. — А не хочешь — так уходи.

— Как? Разве Отторино здесь нет? — продолжал жонглер, вовсе не собираясь прекращать перепалку. — А кто же был тот сеньор, который приехал верхом и которого я тоже видел издалека?

— Граф дель Бальцо.

— Граф дель Бальцо? Хорошо, отведите меня к нему: он ведь меня знает. Скажите, что я Тремакольдо и что мне ему нужно кое-что сказать.

Пока управляющий отправлял на работу своих подданных и оделял дарами жонглеров, граф и графиня, избавившись от докучливых свидетелей, остались наконец одни. Тут же они засыпали друг друга множеством вопросов, на которые, как им обоим было известно, ни тот, ни другая не могли ответить. И все же они спрашивали друг друга, выдвигали тысячи предположений, мучились тысячами сомнений, не зная, на чем остановиться.

Эрмелинде пришла в голову хорошая мысль.

— Как знать, — сказала она, — быть может, среди всех этих людей, собравшихся здесь, кто-нибудь может что-то о них сообщить?

— Это верно, — ответил граф, — я сейчас же велю расспросить людей, прежде чем они отсюда уйдут.

Выйдя на крыльцо, чтобы позвать управляющего, он тут же наткнулся на Тремакольдо, который никак не хотел уступить в споре. Увидев графа дель Бальцо, шут бросился ему навстречу. Сняв колпак и звякнув колокольцами, он отвесил поклон, в котором почтение смешивалось с насмешкой.

— А я как раз, — заговорил он, — спорил с этим живодером, который хотел выгнать меня взашей, как последнего не-

годяя, но я ведь нарочно приехал сюда, как только прослышал, что Отторино...

— Как? Ты что-нибудь слышал о нем? Иди сюда, входи, — озабоченно сказал граф и, взяв Тремакольдо за руку, провел его в зал. Подойдя к Эрмелинде, он сказал ей: — Вот этот человек говорит, что знает кое-что о наших.

Жена графа бросилась к Тремакольдо.

— Скажите, — умоляюще проговорила она, — скажите, что вам известно? Вы их видели? Кто-нибудь вам о них говорил?

— О чем вы? Кто говорил? — недоуменно спросил Тремакольдо, удивленный тем, что все собрались вокруг него.

— Вы не видели Отторино и Биче? — взволнованно повторила мать.

— Нет, видеть не видел.

— А что-нибудь о них слышали?

— Да, я слышал в Сесто, что они еще не приехали к Каstellето, и про себя решил — значит, попируем; и тогда я отправился сюда, правда немного поздно, но...

— А что говорили в Сесто?

— Да ничего... Так вот я и пришел сюда, а по дороге сложил песню в честь новобрачных.

— Но неужели никто их не видел и вы ничего о них не слышали?

— Никто, — отвечал шут и опять заговорил о своем: — Я еще в Беллано говорил, что они поженятся, так что у меня больше прав, чем у других, пропеть им свадебную песню. Вот поэтому я здесь. — Произнеся эти слова, он распахнул плащ, сунул руку за пазуху, вынул оттуда какой-то свиток и галантно вручил его Эрмелинде. Но, протягивая руку, он открыл весь свой левый бок; граф, стоявший рядом, заметил, что на поясе у него висит клинок, и сразу же узнал кинжал одного из оруженосцев, посланных с новобрачными до Каstellето.

— Откуда ты взял этот кинжал? — испуганно спросил граф.

— Какой кинжал?

— Вот тот, который у тебя на боку...

Тремакольдо снял кинжал, протянул его графу и ответил:

— Я купил его вчера у оружейника в Галларате.

— Что случилось? Что случилось? — спрашивала Эрмелинда.

— Это кинжал Риччардино! — воскликнул граф.

При этих словах его жена побледнела и затрепетала.

«Ну, видно, влип я в историю, — подумал шут. — Не пора ли уносить отсюда ноги?» Бочком, бочком он пробрался к выходу из зала, посмотрел на своего быстрогоного коня, стоявшего на привязи у столба, посмотрел на распахнутые ворота, на опущенный мост и приготовился было уже задать стрекача, но потом сказал себе: «Нет, Тремакольдо повсюду может ходить с высоко поднятой головой. Я не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, будто я замешан в разбое. Я останусь здесь и докопаюсь до истины».

Под градом новых вопросов шут смог повторить только то, что уже сказал. Но ему самому наконец стало ясно то, что с таким трудом укладывалось в его мозгу: он понял, что речь шла не более и не менее как об исчезновении Отторино, его жены и свиты, среди которой был и Лупо. Тремакольдо растрогало горе несчастных родителей. Помня, как добры были к нему Отторино и Лупо, предвкушая возможность новых приключений, которые неотразимо влекли в те времена людские души, особенно если речь шла, как в нашем случае, о какой-нибудь красавице, шут решил проследить тонкую нить, оказавшуюся у него в руках, чтобы отыскать пропавших и по возможности узнать их тайну. Он сказал Эрмелинде и графу о своем намерении с таким чувством, что оба были растроганы.

Граф горячо поблагодарил Тремакольдо за его предложение и сказал:

— А не лучше ли тебе взять с собой кого-нибудь из моих слуг? Амброджо, например; он — отец Лупо и одной из служанок Биче, которая тоже пропала вместе с другими. Человек он осторожный и храбрый, и ты сам понимаешь, что он с радостью отправится на поиски.

— Нет, нет, — отвечал шут. — Такие дела лучше делать в одиночку, с вашим слугой все будет только труднее. Я сам справлюсь. А если я что-нибудь узнаю, где мне вас найти?

— Условимся так, — ответила Эрмелинда, — мы останемся в Кастеллето еще на три дня, не считая сегодняшнего. Если господь смилуетя над нами и поможет вам узнать хорошие новости, приезжайте скорее. Тогда ваш труд не пропадет даром, и мы не будем долго мучиться. Если же он захочет продлить наши испытания, то через три дня вы найдете нас в Милане. Послушайте, добрый человек, — продолжала она, — я понимаю, что, начиная столь милосердное дело, вы ищете иного вознаграждения... Но все же позвольте мне обещать вам, что отныне вам не придется больше добывать хлеб лютней.

— Благодарю вас, — отвечал шут, — но... к чему это? Говорю вам от всего сердца: не только хлеб, заработанный лютней, но и саму лютню, которая мне дороже брата, я готов отдать вместе с руками в придачу, лишь бы видеть вас довольной.

— Да вознаградит вас господь.

— Впрочем, если подумать, так это очень хорошо, что я могу использовать свою лютню и ради благого дела. Раз уж такое у меня ремесло, надо выполнять его со вкусом и изяществом, а также весело. Черт возьми! Где это видано, чтобы жонглер распускал юнии. Позор! Это же поношение колпака и лютни! — Тут он поклонился и ушел, напевая:

Менестреля видно сразу:
Прирожденный весельчак,
Может петь он по заказу,
Может петь и просто так.
Смерть — и ту поднимет на смех
В песне, сочиненной наспех.

Граф бросился за шутом, догнал его в воротах и остановил, положив руку на плечо.

— Послушай, Тремакольдо, — проговорил он, — все это время, пока ты будешь стараться ради нас, тебе будет нужно... к чему скрывать... ведь ты не богат, и в этом нет ничего зазорного...

С этими словами граф хотел было сунуть шуту за пазуху кошель с деньгами, но тот отступил назад и спрятал руки за спину.

— Нет, — сказал он, — сейчас я ничего не возьму. Вернее, не сейчас, а вообще мне ничего не надо.

— Может быть, вместо денег ты хочешь чего-нибудь другого?

— Ни денег и ничего другого, ни денег и ничего другого. Взгляните — разве я не богат? У меня остался еще кусок цепи, которую мне подарил Отторино. — И он показал несколько звеньев, висевших у него на груди. — Не будь у меня больше ничего, и этого хватило бы надолго, так что за меня не беспокойтесь. — С этими словами Тремакольдо вскочил на коня, выигранного им, а вернее, подаренного ему Арнольдо Витале в тот день, когда он состязался с ним на турнире, и медленно двинулся к мосту.

Вскоре опять слышалась его песня:

Для юнцов неискушенных,
Подражающих отцам,
И для старцев убеленных,
Подражающих юнцам,
Песню нужную подыщем.

Неудачника в счастлива
Эта песня превратит
И страдания ревнивца
Хоть на время прекратит.
И важиточным и нищим
Песню нужную подыщем.

Выехав за ворота, шут свернул за бастион, так что вскоре слова его песни уже нельзя было разобрать...

Три дня прошли, не принеся никаких вестей, и несчастные родители вернулись в Милан, но Тремакольдо тем временем вовсе не сидел сложа руки. Первым делом он отправился в мастерскую оружейника, который продал ему кинжал, и, притворившись, будто он хочет купить полное вооружение по поручению одного рыцаря, слово за слово, пригласил его для переговоров в харчевню. Там они выпили вместе кувшин доброго вина, и когда шут заметил, что его собутыльник слегка опьянел и стал болтлив, он притворился простаком и повел разговор вокруг да около, так что заставил своего собеседника, как говорится, развязать язык и выложить все, что у него было на душе.

Оружейнику было поручено продать этот кинжал вместе с кое-какой другой мелочью; поручил ему это его родственник — вассал и арендатор земель монастыря в Рескальдине. Тому, в свою очередь, эти вещи достались при разделе добычи, после того как однажды ночью были ограблены какие-то неизвестные ему всадники. Что случилось потом с пленниками, оружейник сказать не мог, так как попросту ничего не знал.

Услыхав все это, Тремакольдо хотел было немедленно броситься по горячим следам, но как явиться к родственнику оружейника, как расспросить его, не вызвав подозрений? Поэтому он всю неделю водил оружейника за нос, обещая со дня на день заключить с ним сделку, пока не настало воскресенье. Воскресенье было для соседнего городка местным праздником. Со всех окрестностей туда собирался народ, в нем устраивались всякие торжественные церемонии, игры, гулянья. Лучшего случая для шута не могло представиться: там, где шумел и веселился на-

род, — там был его дом родной. В субботу Тремакольдо с лютней на груди зашел за оружейником, и оба отправились в путь. По дороге он сумел расположить к себе оружейника, пустив в ход умильные и льстивые речи, которые проникли тому в самое сердце. Простак предложил шуту остановиться у своего родственника, и тот после долгих уговоров принял это предложение. Монастырский арендатор, которому оружейник представил шута как своего друга и заказчика, был рад приютить его в своем доме.

Вечером Тремакольдо пел, играл на лютне, откалывал коленца, каких присутствующим видеть еще никогда не доводилось. Проведя ночь в доме арендатора, наутро он как ни в чем не бывало вышел на площадь, чтобы заниматься своим ремеслом, а когда вернулся днем, то застал еще шестерых или семерых вооруженных людей, также приглашенных к обеду. Тремакольдо сразу же смекнул, в чем тут дело: это несомненно были соучастники хозяина в том деле, о котором ему так не терпелось разузнать. И он весь обратился в слух.

За столом ели, пили, хвастались, кричали, шумели. Тремакольдо все время прислушивался и приглядывался, ловил каждое слово, каждое движение, — ничего! Надо было что-то придумать, чтобы как-то помочь делу.

Но вот перед последним кубком на стол подали жареного павлина — это блюдо разрешалось лишь на рыцарских пирах, однако хозяин не боялся нарушать закон по большим праздникам, в кругу друзей и родных, когда хотел попотчевать гостей чем-нибудь особенным.

— Позвольте мне, — сказал Тремакольдо. — Нам, менестрелям, полагается первыми резать павлина, ибо мы пользуемся рыцарскими привилегиями, хотя сами и не рыцари.

С этими словами он вынул недавно купленный кинжал и с силой всадил его в тело лежавшей посреди стола благородной птицы, словно собираясь забрать ее себе целиком. Глаза всех сотрапезников устремились на это оружие, — высоко над птицей поблескивала серебряная рукоятка, а оставшаяся на виду часть лезвия сверкала золотой насечкой. Солдаты переглянулись, и кто-то тихо сказал:

— Точно такой же.

Тогда хозяин, подмигнув одному из гостей, сидевшему напротив, сказал:

— Кстати, а что случилось с теми двумя пташками?

— Залетная с гор, — отвечал тот, — до сих пор у нас в кре-

пости, а другая — в новой клетке, но думаю, она долго не вытерпит и запоет.

«Понятно», — подумал про себя Тремакольдо, но и виду не подал, что услышал этот разговор.

Как только пир кончился и убрали со стола, солдаты пригласили своего нового знакомого и других сотрапезников выпить по бутылке вина в замке, до которого было рукой подать. Они отправились туда всей компанией, и в замке шут так хорошо пел и играл на лютне, так развеселил компанию своими шутками, канцонами и куплетами, что покори́л всех. И когда к вечеру он собрался уходить, его заставили пообещать, что он снова вернется в следующее воскресенье, так как в замке всегда что-нибудь да праздновали, а в это воскресенье к тому же устраивали состязания. Тремакольдо обещал, но, прежде чем уйти, он, приглядываясь ко всему и вытягивая по полслова у каждого, убедился, что Лупо действительно находится в замке и сидит в темнице, которая выходит на ров с западной стороны.

С наступлением ночи наш шут, закутавшись в плащ, отправился побродить около замка. Он внимательно прислушивался и оглядывался, но вокруг не было ни души. Тогда он прошел вдоль рва к замеченному окошку, окликнул Лупо и постарался, чтобы тот его узнал, а потом сообщил ему, что пришел его вызволить. Окно, выходившее в поле, было защищено двумя толстыми решетками, в стене не было видно никаких других отверстий, и тут рассчитывать было не на что.

— Дверь моего каземата не очень крепка, — сказал Лупо, — и я мог бы выломать доску, отодвинуть засов и выбраться во двор, но что делать дальше? Придется начинать все сначала — ведь я все равно окажусь в замке с поднятыми мостами и охраной у ворот.

— Об этом уж позабочусь я, — ответил шут и добавил, что в воскресенье он снова придет в замок, но прежде еще раз навестит Лупо.

Хорошенько поразмыслив и взвесив все обстоятельства, Тремакольдо заказал два совершенно одинаковых шутовских костюма, а к ним — две причудливые шапочки с очень густой, сплетенной из шелка сеткой, которую можно было опускать на лицо, как забрало. Никто не увидел в этом ничего удивительного — ведь люди, чье ремесло заключается в том, чтобы смешить народ, могли рядиться во что угодно. В ночь на воскресенье Тремакольдо, взяв под мышку сверток с одним из костюмов и шапочкой, направился к темнице Лупо. Подойдя к самому рву, он

с помощью длинного шеста передал все эти вещи Лупо и подробно рассказал ему, что он должен будет делать. Они уговорились обо всем, наметили место и время, условились о сигналах и пожелали друг другу спокойной ночи.

— Была бы канва, — сказал на прощание Тремакольдо, — а узор по милости господней появится.

Утром в воскресенье шут явился в замок в новом одеянии с забавной шапочкой на голове. Праздник там был в самом разгаре. Тремакольдо принялся петь, плясать, играть на лютне, выкидывать разные коленца, шутить и всячески потешать публику, то опуская сетку на лицо, то снова ее поднимая. Но вот наконец наступил час, назначенный для состязания, на которые солдаты из замка вызвали солдат из соседней крепости. После первых ударов перед самым ловким копейщиком вдруг предстал Тремакольдо и заявил, что он бьется об заклад на коня и победит его в состязании на два удара по сарацину.

— Знаю я тебя, приятель! — отвечал зычным голосом вояка, весь обросший черными волосами и страшный, как черт. — Если ты думаешь обвести меня вокруг пальца, как сделал это кое с кем на турнире в Милане, то ошибаешься: не на того попал, — знай это заранее.

— Стоит ли об этом говорить! — ответил шут. — Из пустой бочки вина не нацедишь, и глупо искать грибы в малиннике или требовать рыцарского обхождения от мужлана с дубленой кожей.

При этой выходке шута все засмеялись, кроме самого мужлана, которого она задела за живое. Вытаращив глаза, он бросил на шута бешеный взгляд, но тот, не выказывая никакой робости, подошел к нему поближе и продолжал в том же духе:

— Послушайте, моя радость, состязание должно быть равным, а у тебя конь посильнее, не так ли, прекрасная моя душечка?

— Верно, верно, — сказал один из распорядителей, — пусть Тремакольдо дадут другого коня, а его лошадка пока постоит в конюшне под присмотром судей турнира.

Тут же привели отличного скакуна, того самого, которого отобрали у Отторино.

— Вот теперь все в порядке, — заявил шут, — мне сказать больше нечего.

Изобразив с дурашливым видом рыцаря, опускающего забрало, он натянул сетку на лицо и крикнул, чтобы подали сигнал.

Затрубил рог, звук его разнесся по всему замку и достиг ушей человека, о котором не думал никто, кроме шута, и у которого при этом сигнале сильно забилося сердце. Соперник Тремакольдо подобрал поводья, пришпорил коня, поскакал к мишени и поразил ее в самую середину. Под одобрительные крики он вернулся на прежнее место, снова разогнал коня, прицелился в забрало сарацина и снова метко поразил цель. Новые рукоплескания, новые крики восторга. Теперь очередь за Тремакольдо, но где он?

— Где Тремакольдо? — спрашивают в толпе.

Его нигде нет. Мальчик держит под уздцы приготовленную для него лошадь, но шута нигде не видно.

— Тремакольдо! Тремакольдо! Куда ты пропал! Что это? Новая затея? Говорили же, что из этого ничего не выйдет! Хорошо еще, что хоть конь его здесь. Тремакольдо! Тремакольдо!

Но вот на лестнице, приплясывая, появляется Тремакольдо. Большими прыжками он приближается к коню, вскакивает на него, хватая копьё, устремляется к сарацину и поражает его с такой силой, что кол, на котором он установлен, не выдерживает и все сооружение валится на землю. Нанеся этот блестящий удар, шут, а вернее, Лупо (читатели, конечно, уже догадались, что это был он), переодетый в шутовское платье, с сеткой, опущенной на лицо, разворачивает коня и, не обращая внимания на громовые клики восторга, пересекает двор, въезжает на подъемный мост и ветром мчится в поле.

Толпа бежит за ним, но вскоре все видят, что он скачет прямо по дороге, никуда не сворачивая.

— Тремакольдо! Тремакольдо! — кричат ему вслед. — Конь твой! Ты победил!

Но тот словно одержимый несется все дальше и дальше. В толпе строят самые разные предположения.

— Он небось думает, что проиграл, вот и сбежал, чтобы не потерпеть убытка.

— Как бы не так! Он не хуже нас знает, что это самый лучший удар — опрокинуть сарацина наземь.

— Так в чем же дело?

— В чем дело? Верно, опять выкинет какую-нибудь штуку,

чтобы выставить на посмешище этого медведя. Ведь тот думал, что шут побоится и промахнется по мишени, а теперь ему не убежать позора.

— Да бросьте! Ведь он оставил свою лошадь, верно? Ну, так и вернется!

Пока мнимый Тремакольдо скакал во весь опор по дороге, настоящий Тремакольдо сидел в укромном уголке замка. Да, недурную надо было иметь ему голову, чтоб незаметно улизнуть! Но предоставим действовать шуту — он уже все обдумал, обо всем позаботился. Кроме главных ворот, в крепости имелся еще запасной выход, который вел в небольшой дворик, служивший конюшней. На него-то как раз и рассчитывал Тремакольдо. В самом начале состязания он отвел в сторону сторожа этих ворот и сказал ему, что спор идет понарошку, чему легко было поверить, и что он просит его открыть ворота и подвести к ним поближе его коня. Он намекнул сторожу, что хочет выехать из крепости незаметно для других, а затем неожиданно появиться в главных воротах и выкинуть одну штуку... Ну, в общем, сторож сам увидит, как все животики надорвут от смеха. Доверчивый простак сделал все, как его просили: распахнул ворота, приготовил коня, помог шуту сесть в седло, тихонько, без стука, закрыл за ним ворота и бросился затем на главную площадь, чтобы посмотреть на его возвращение. Но там не было ни души: все выбежали на насыпь поглазеть, как Лупо, переодетый Тремакольдо, ветром мчался по дороге. Сторож тоже успел добраться до одной из бойниц, откуда едва разглядел удаляющегося шута.

— Как же это? — сказал он про себя. — Я его только что выпустил, а он уже вон куда умахал! Дьявол, что ли, в него вселился? Ну и чудеса!

Лупо мчался напрямик по дороге, а Тремакольдо извилистыми тропками спустился вниз через лес. К вечеру оба встретились в Милане, в доме графа дель Бальцо.

Легко себе представить, как обозлились и испугались негодяи, когда они поняли, что шут не вернется обратно, обнаружили пустую темницу, догадались, что птичка улетела, и подумали о том, в какое бешенство придет их хозяин, когда узнает о случившемся.

Эрмелинда и граф заставили сына сокольничего повторить все подробности странной истории, в которую он оказался замешан, хотя, конечно, и не в качестве главного лица. Но Лупо мало что мог рассказать: с той минуты, когда он оставил Биче в Галларате, отправившись в Сеприо на поиски Отторино, он ничего не слышал о пропавших. Его самого перед самым замком захватила какая-то шайка вооруженных людей, ему завязали глаза, куда-то долго вели и бросили в темницу, где он и сидел, пока его наконец не вызволил Тремакольдо.

Все было загадкой в этом деле. Единственный свет на случившееся, казалось, проливало письмо от Марко, после получения которого Отторино поскакал в замок Сеприо. Правда, его имя могли нарочно вставить в письмо те, кто хотел устроить ловушку и похитить новобрачных. Лупо был в этом уверен. Граф, совершенно терявшийся при одном упоминании о Марко, ухватился за это объяснение, словно утопающий за соломинку. Но Эрмелинда, знавшая о любви Висконти к Биче, решила, хотя и не имея никаких доказательств, что именно он и похитил ее дочь. Однако она ничего не сказала мужу, боясь, что своими подозрениями и трусливыми опасениями он помешает ей пойти по тому пути, который, как она надеялась, мог вывести их из тупика.

Она тайно вызвала Лупо в свои покои и сказала ему:

— Послушай, у меня есть для тебя трудное и опасное поручение. Возьмешься ли ты за него из любви к своим прежним господам? Я ни на кого так не полагаюсь, как на тебя, и никому так не доверяю.

— Госпожа моя, окажите мне такую милость, скажите, что вы хотите мне поручить, и я постараюсь доказать вам и свою храбрость, и свою верность.

— Я хочу послать тебя в Лукку, чтобы ты отвез письмо Марко, — сказала Эрмелинда.

— И это все? — отвечал Лупо. — Предстать перед Марко! Да я сам не знаю, что дал бы, лишь бы удостоиться этой чести.

— Послушай, Лупо, я уверена, что если он остался таким, каким был некогда, если характер его не изменился со времени его молодости, то тебе нечего опасаться.

— Простите меня, госпожа, простите, но об этом не приходится и думать! Неужели вы полагаете, что я не доверился бы

Марко! Благородней его нет никого на свете! Да будь я не таким ничтожным человеком, как сейчас, а бароном, или князем, или королем, и самым заклятым из его врагов, то и тогда я не побоялся бы уснуть, положив голову к нему на колени, и чувствовал бы себя безопаснее, чем в собственной постели. Послушайте, то, что я скажу, может показаться вам странным, но я так люблю этого человека и так ему предан, что пожелаю он казнить меня, хоть это и вовсе невозможно, все равно я не почувствовал бы никакой горечи; я считал бы, что хорошо прожил свою жизнь, так хорошо, что и после последней исповеди не смог бы представить себе ничего лучше.

— Значит, ты поедешь!

— Да еще с какой охотой! Я же говорю, что сто лет мечтал поехать к нему.

— Одно меня беспокоит, — продолжала Эрмелинда. — Как бы те, кому, быть может, важно помешать тебе доехать до цели, не устроили по дороге ловушки.

— А чтобы этого не случилось, будем действовать быстро и без шума, — заключил Лупо, — и постараемся не попасть снова впросак. Да я и сам не буду хлопать ушами: раз уж лишица оставила хвост в капкане, поди поймай ее снова.

— Вот, возьми письмо, — сказала графиня. — Я тоже считаю, что чем быстрее мы будем действовать, тем лучше.

— Для нас, — добавил Лупо. — А сейчас я сбегая вниз, поем, прощаюсь с отцом и матерью и тут же поеду.

— Прощай, мой славный Лупо, — сказала графиня. — Да поможет тебе господы!

Но не успел еще Лупо выйти, как она позвала его назад:

— Если за то время, пока ты будешь в пути, Тремакольдо что-нибудь узнает, я сразу пошлю гонца, чтобы сообщить тебе обо всем. Ты ведь знаешь, Тремакольдо обещал мне заняться этим делом, всюду смотреть и расспрашивать людей, чтобы напасть на их след?

— Да, да, я знаю, а теперь пора в путь, как и договорились. Одно только я хочу сказать вам до отъезда...

— Говори же, говори, не бойся.

— Я хотел просить вас, чтобы если со мной... если... А впрочем, не надо, вы и сами о них знаете... К тому же вы и так добры ко всем. Но довольно, я все сказал.

И, произнеся эти слова, Лупо вышел, чтобы приступить к задуманному делу.

Выезжая из ворот, Лупо встретился с Лодризио, который

ехал верхом мимо в сопровождении двух оруженосцев. Лупо знал этого благородного сеньора и знал также, что в его отношениях с Отторино, несмотря на давнюю ссору, всегда сохранялись внешние приличия, которые, как известно, гораздо более живучи, чем дружба. А потому Лупо снял шляпу, поклонился родственнику своего хозяина и продолжал свой путь, не заметив неожиданного и непонятного удивления, которое мгновенно промелькнуло у того на лице при виде сына сокольничего. Лупо и не подозревал, что в эту минуту оба они — правда, по-разному — были озабочены одним и тем же делом, ради которого и отправлялись в путь, хотя и в разные стороны.

Предоставим Лупо ехать своей дорогой, а сами последуем за Лодризио, который, получив накануне письмо от Пелагруа, скакал в замок Розате, чтобы поговорить с ним об их общих делах.

Придя в себя от изумления, вызванного появлением пленника, который, по его предположениям, находился отнюдь не в Милане и, уж конечно, не должен был иметь возможности разъезжать по дорогам, Лодризио шепнул несколько слов на ухо одному из своих оруженосцев, и тот, кивнув головой, повернул назад.

Лодризио же пришпорил коня, снова и снова перебирая темные мысли, которые все время осаждали его. Он думал о Марко, о Биче, об Отторино, о том, как быть тут и что сделать там. До самого Розате он молчал.

Уединившись наконец с Пелагруа, он спросил:

— Ну, так что? Прибыл новый гонец из Лукки?

— Да, прибыл и привез письмо от Марко, — ответил управитель, протягивая ему пакет.

Лодризио вскрыл его, сел на стул и долго читал, не говоря ни слова. Пелагруа стоял перед ним, держа шляпу в руках. Прочитав письмо, Лодризио покачал головой, пожал плечами и сказал:

— Все то же самое: с немцами плохо, а с жителями Лукки еще хуже. Одни — бездонные глотки, которые не наполнила бы даже река По в разлив; другие — проклятые скряги, которые не дали бы и гроша, чтобы выкупить свою шкуру у турок или у самого дьявола. Одни вопят и требуют, другие визжат и отказываются платить, а он между ними раздает кому пинок, а кому пряник. Сегодня он отправляет на плаху солдата, завтра — на виселицу горожанина: туда — сюда, как на качелях, а кончится тем, что и солдаты и горожане вместе поднимут на

рога его самого. В общем, говорит он, ему все так надоело и опротивело, что он готов поступить так, как ему сначала очень не хотелось, — продать город Флорентийской сеньории, а самому умыть руки.

— Если это случится, — сказал Пелагруа, — то он снова заинтересуется здешними делами.

— Наверняка, а та нить, за которую мы уговорились держать, чтоб держать его на привязи, послужит — теперь-то я это вижу — нам на пользу.

— На пользу? — сказал управитель, грызя ноготь на мизинце. — Дай бог, чтоб это послужило нам на пользу! Я боюсь, очень боюсь, что эта недотрога испортит нам всю игру.

— Почему ты всего опасаясь?

— А потому, что Марко, которому я только чуть-чуть намекнул насчет нее, чтобы как-нибудь его подготовить к возможным переменам, ответил. . . знаете, что?

— Что он на это не пойдет?

— Проклятье! Если бы только так! А то ведь он чуть голову не оторвал бедняге посланцу, а мне написал, чтобы я оставил в покое и ее и Отторино и вообще ни во что не вмешивался. Дела, что ли, излечили его от любви?

— Тем лучше! Если прежние бредни вылетели у него из головы, то он скорее займется серьезными делами и вспомнит о своих интересах. В конце-то концов, ведь это и наши интересы.

— Понятно, понятно, но мне-то тем временем что делать с этой трещоткой?

— То же, что и раньше: добром или силой заставить ее примириться с Марко. Думаешь, когда он вернется сюда и найдет ее очаровательной и покладистой, он не растает, как прежде, даже если первая страсть уже позади?

— Да смягчит небо ее душу! Вы ведь не знаете, что у нее за характер! Представьте себе: прошло уже двадцать дней, как она здесь, а она все еще думает, что она в Кастеллето. И я никак не могу решиться. . .

— Хорошенькое начало! Черт тебя побери!

— А что делать?

— Если видишь, что добром не выходит, надо действовать покруче: ты что, не знаешь, что такое женщины?

— Но она от всего падает в обморок.

— Пусть выкидывает свои штучки, а ты не обращай внимания,

— Легко вам говорить! Побыли бы вы здесь в четвертый день ее пребывания в замке: у нее началась такая горячка, что я испугался за ее жизнь и каждый час казался мне последним. Умри она в самом деле — попали бы мы с вами в переделку! А тут еще надо возиться и с другой, которая живет вместе с ней.

— Служанка, хочешь ты сказать? Вот еще забота! Приставь ее к госпоже, чтобы той не страшно было спать в одиночку. . . Ну, и чем же все это дело кончилось?

— Выздоровела после того, как получила письмо от своего разлюбленного, которое я ей достал.

— От Отторино? — спросил Лодризио с недоверчивым и раздраженным видом.

— Да, от него, но только не сердитесь, потому что Отторино — это был я.

— Ты сам написал письмо?

— Сам написал и сам подделал почерк.

— И что же ты написал?

— Прежде всего, надо было как-то объяснить ей причину его задержки, не так ли? Я наврал тут с три короба: что Марко принял меня с большой любовью, что он хочет послать меня в Тоскану, что он не оставляет мне свободного времени ни днем ни ночью, что я все еще не решаюсь сказать Висконти о своей свадьбе, так как вижу, насколько он был бы недоволен, но что скоро, как только я окажу ему одну великую услугу, мне, надеюсь, удастся его образумить. Словом, написал ей сотни всяких небылиц, приправил их обычными слащавостями и вздохами влюбленных, начинил письмо клятвами и словечками, вроде: «Душа моя! Сладкая моя надежда! Любовь моя!» — и всяческими преувеличениями, без которых не обходятся эти сердцееды, когда они хотят вскружить голову бедняжке, попавшей в любовные сети.

Лодризио расхохотался, а затем спросил:

— Ну, и что она? Ключула и ничего не заподозрила?

— Уж в этом вы можете на меня положиться, — сказал управляющий. — Да попадись письмо в руки Отторино, он и сам, голову даю на отсечение, принял бы его за свое собственное.

— Ну, а что было потом?

— Потом она ответила, Отторино прислал новое письмо, она написала второе, Отторино — третье, и пошло, и пошло. . . Дело не прекращается, потому что она влюблена в него без

памяти... И видели бы вы, какие нежные, трогательные вещи она мне пишет! С каким трепетом вскрывает мои письма, как жадно их читает, орошая их подчас слезами! А затем, с любовью сложив их своими белыми ручками, прячет на груди, опять вынимает, перечитывает и целует. Я каждый день наслаждаюсь этим зрелищем через дырочку в стене, и, клянусь вам, мне оно начинает просто нравиться.

— Ах ты старая шельма! Ах ты старый греховодник! — воскликнул Лодризио, шутливо хлопая его по щеке. — Итак, вместо того чтобы приступить к делу, ты все время развлекался милыми шуточками, и вот что получилось — двадцать дней потеряно напрасно.

— Нет, не совсем напрасно. Видите ли, кое-что я уже начал ей внушать, но пока что это все мелочь. К ней нужен такой тонкий, такой осторожный подход, а то ведь она шарахается от

каждого пустяка. Она так нежна и деликатна, что довела нас всех до изнеможения, до лихорадки.

— Короче, что же ты ей такого страшного написал?

— Я слегка приревновал ее, ссылаясь на то, что Марко постоянно говорит о ней и при всех ее хвалит.

— А она что?

— Возражает, клянется, что она моя, только моя и навсегда моя. Подумать только! Но вообще намек на чью-то похвалу — это такое семечко, которое, раз попав в сердце к женщине, рано или поздно пустит корни и принесет плоды. Тут уж ничего не поделаешь. Девицы и замужние, деревенские и городские — все они скроены на один лад: с ними только начни, а остальное доделает дьявол.

— Я не могу сказать, что ты плохо взялся за дело, только все это слишком затягивается. Черт возьми! Действуя таким образом, мы и через год не сдвинемся с места. Мы теряем время, сынок, а Марко может нагрянуть к нам через два месяца, а может быть, и раньше. Ну, а сейчас как обстоят дела с этой недотрогой?

— Сейчас она ждет, что через два дня я привезу ей новое письмо: я вынужден был пообещать ей это, потому что она начала очень беспокоиться, когда прошел срок, назначенный для приезда ее матерью. Когда я ей пообещал письмо, она было совсем успокоилась, но со вчерашнего дня, не знаю почему, стала еще хуже, чем раньше: ни с кем не говорит ни слова, все время плачет, к еде не прикасается. В общем, она держится, только пока ей преподносят сегодня одну ложь, завтра — другую, уговаривают, улещивают, отвлекают и запутывают, не давая ей ничего заподозрить, а уж если мне не удастся ее успокоить, я просто не знаю, что с ней тогда будет.

— Сейчас важно действовать быстро и решительно, — сказал Лодризио. — Дело в том, что есть новость, которой ты еще не знаешь. Лупо сбежал.

— Сбежал? — испуганно воскликнул Пелагруа и застыл в неподвижности, высоко подняв брови.

— Сбежал. По пути сюда я видел его собственными глазами, но я поручил его надежному человеку, так что прежде чем зайдет солнце... Ну ладно, сейчас я напишу в Лукку, а потом мы поговорим и тогда решим, что нужно будет сделать, — заключил Лодризио.

Он написал письмо, они обо всем договорились, а когда настал вечер, управляющий замка Розате провел его по тайным

переходам и коридорам в темную каморку, из которой через замаскированное отверстие можно было окинуть взглядом всю комнату, где Биче обычно уединялась со своей служанкой.

В эту минуту печальная жена Отторино сидела в роскошном кресле, подперев белой рукой устало склоненную голову.

Длинные светлые волосы, разделенные пробором, обрамляли ее лицо, и их золото еще сильнее подчеркивало его холодную, ровную, матовую белизну, не оживляемую даже легким румянцем. Выделялись на нем только бледно-розовые губы.

Но самым замечательным в ее лице были глаза — огромные голубые глаза, в которых за томностью и ангельской кротостью чувствовался огонь пламенной души, глаза, в которых выражение девичьей гордости сочеталось с неизъяснимой и бессознательной нежностью. Обычно ясные, мягкие и живые, а теперь усталые и ввалившиеся, они говорили о крайнем упадке сил, о страдании и тревоге.

Лауретта, сидевшая за столиком, который стоял между ней и ее госпожой, продолжала вышивать узор, только что оставленный Биче.

Некоторое время обе сидели в молчании. Затем служанка встала и пошла к балкону, чтобы закрыть дверь. И вдруг снаружи послышались звуки лютни. Лауретта застыла, положив руку на ручку двери. Биче поднесла палец к губам и прислушалась. Этот грустный напев был ей знаком. Воспрянув духом, она встала, легкими шагами подошла к окну и выглянула наружу, чтобы лучше слышать. Потом сказала Лауретте:

— Это — вступление к «Ласточке-касатке», сейчас начнется песня.

И в самом деле, тут же раздался голос, несколько приглушенный расстоянием, который в лад с жалобной мелодией струн печально запел:

Чуть погасит звезды зорька,
Ты окно мое находишь
И словами песни горькой
Разговор со мной заводишь.
В чем тоски твоей разгадка,
Легкокрылая касатка?

Может быть, твоя кручина
Вызвана утратой друга?
Может, мой удел — причина
Грустных нот твоих, пичуга?
Да, не скрою, мне несладко,
Легкокрылая касатка.

Но охотно злую долю
Я б на твой сменяла жребий.
Можно друга кликать вволю
И, расправив крылья в небе,
Предаваться грезе сладкой,
Легкокрылая касатка.

Но, увы, под крышей этой,
За решетками темницы,
Где ни воздуха, ни света,
До могилы мне томиться.
Потому-то мне несладко,
Легкокрылая касатка.

Холода не за горами,
Скоро ты меня оставишь
И над новыми морями
Крылья вольные расправишь.
До чего же лето кратко,
Легкокрылая касатка!

Но в разлуке неизбежной
Будет мне в моей темнице
Завыванье бури снежной
Щебетом знакомым мниться,
Будто над моей несладкой
Долей плачешь ты, касатка.

Ты в живых, вернувшись с юга,
Не найдешь меня весною.
Спой мне, добрая пичуга,
Пролетая надо мною.
Спой, чтобы спалось мне сладко,
Легкокрылая касатка.

ГЛАВА XXVII

— Это Тремакольдо, — радостно сказала Биче, как только песня кончилась. — Я узнала его голос. О, кто знает, быть может, он хотел привлечь мое внимание. . . Если бы я могла его увидеть! Если бы я могла взглянуть в его честные глаза! И забыть все свои сомнения! . .

— Но в чем вы сомневаетесь? Ради бога, скажите, чем вы так взволнованы? Ведь через два дня ваш муж будет здесь: он вам это обещал, и значит. . .

— Тише, — перебила ее Биче, приложив палец к губам.

Они постояли еще немного молча, надеясь, что песня по-

вторится, но снаружи не доносилось ничего, кроме зловещего воя псов, которые, казалось, откликались из самых далеких деревушек, разбросанных по мрачной равнине.

Окончательно потеряв всякую надежду, Биче опять вернулась к столику и, как бы продолжая прерванный разговор, сказала задерживавшей занавески служанке:

— В чем я сомневаюсь? Ты спрашиваешь, чем я взволнована?

Эти слова были сказаны с такой тревогой, словно в ее сердце жила страшная тайна, готовая вот-вот вырваться наружу. Однако, взглянув в глаза своей подруги по несчастью, которая как раз в эту минуту села с ней рядом, Биче только глубоко вздохнула и умолкла.

— Как? — взволнованно воскликнула Лауретта. — Вы что-нибудь знаете? Это какая-то тайна? Скажите мне, скажите!

— Нет, нет, успокойся.

— Чтобы я успокоилась? Да разве я могу?.. Еще со вчерашнего дня я заметила, что у вас какая-то печаль на сердце, что вы что-то от меня скрываете. Ну, скажите же, скажите...

— Оставь меня, — повторила ее госпожа.

Но служанка, нежно притянув к себе ее руку и не выпуская ее, с жаром принялась умолять:

— Дорогая Биче, моя милая госпожа! Разве вы не обещали мне делиться со мной всеми вашими радостями и горестями?

— О, моя добрая Лауретта! — всхлипнула Биче, с трудом удерживая слезы. — Мысль о тебе лишь увеличивает мое горе: ведь из-за меня ты оторвана от любящих родителей, от родного дома и, может быть, обречена на... Но всевышний милосерден, он спасет тебя, поверь мне, ибо я молю его об этом в муках души моей.

— Ах! — воскликнула служанка, все более пугаясь. — Ваши слова предвещают несчастье, не оставляйте меня в неведении: говорите, во имя бога, избавьте меня от мучений.

Биче открыла стоявшую на столе шкатулку и спросила:

— Ты знаешь, что за бумаги лежат здесь?

— Да, это письма, которые вам ежедневно пишет ваш муж.

— Я тоже так думала, и эта вера была последней паутиной, на которой висела моя жизнь. Но теперь она оборвалась: эти письма — не от Отторино.

— Господь да смилуется над нами! — воскликнула Лауретта, смертельно побледнев. — Но от кого же они? И как вы узнали?..

— Помнишь, вчера ты принесла мне вот эту белую розу, которую я приколотла к платью на груди?

— Да, мне дала ее старуха, которая каждый день приносит нам пишу.

— И ты сказала, что розу прислала мне жена управляющего замка.

— Да.

— А ты знаешь, кто она?

— Да, знаю: это жена Пелагра, которую ваша мать приютила у себя в замке в тот день, когда она спасалась вместе с ребенком.

— А теперь, в день моего несчастья, она вспомнила об оказанной ей услуге, и сердце подсказало ей, что она должна поведать мне об адском обмане. В лепестки розы она вложила записку, в которой предупреждала, какие козни плетутся против меня. Подумай, в какую бездну ввергло меня это известие! Я не знаю, что случилось с Отторино, да и жив ли он вообще? Разве могу я поверить, что он меня покинул?.. А что будет с моими родными?.. И с нами, о боже!.. Если бы я хоть знала, в чьих руках мы очутились. Действительно ли это замок Отторино или... Ты знаешь, мне в голову приходят самые ужасные, самые невероятные мысли!

— Боже милостивый, помоги нам! Ах мы несчастные! — восклицала Лауретта.

— Я скажу тебе, — продолжала Биче, — причину моих опасений. Ты должна знать, что в ту ночь, когда я с отцом и тетей была на празднике в доме Марко Висконти...

Но тут ее рассказ был прерван шумом, который послышался за дверью, выходявшей на балкон. Кто-то постучал. Служанка, вся затрепетав, хотела подняться, но Биче взяла ее за руку и вполголоса сказала:

— Оставайся здесь, я не хочу, чтоб ты кому-нибудь открывала.

— Лауретта, Лауретта! — донесся снаружи знакомый голос Пелагра. — К нам приехал один рыцарь с вестями от Отторино, он хочет немедленно поговорить с твоей хозяйкой.

— Ответь ему, — сказала шепотом Биче, — что сейчас я никого не хочу видеть, что я приму его завтра.

— Завтра! Приходите завтра! Сейчас она не может! — крикнула в сторону двери неуверенным и срывающимся голосом служанка, дрожа, словно в приступе лихорадки.

— Ему надо как можно скорее с вами поговорить, — продолжал снаружи Пелагруа. — Он привез хорошие вести... Да отопри же наконец... Говорю тебе, хорошие вести... Открой же, поняла?.. Я кому говорю? Откроешь ты или нет?.. погоди же, упрямица, я научу тебя слушаться! — говорил Пелагруа, не переставая стучать и колотить в дверь руками и ногами. Но все было напрасно: оробевшие пленницы, обнявшись и трепеща, как голубки, не отвечали ни слова, а дверь не поддавалась, так как была закрыта изнутри на засов. Через некоторое время шум прекратился, голос Пелагруа умолк, и в комнатах воцарилась прежняя тишина. Перепуганные женщины стали уже приходить в себя, как вдруг они почувствовали, что сзади на них дохнуло ветром, который поколебал и почти задул слабое пламя свечи. В ужасе повернувшись, они увидели, что в стене открылась потайная дверь, прежде искусно скрытая от взгляда, и в комнату вошли двое мужчин.

Закрыв глаза руками, Лауретта испустила пронзительный крик и съежилась в кресле. Но Биче с достоинством встала, оперлась рукой о столик, повернулась лицом к Пелагруа, которого она тут же узнала, как и сопровождавшего его Лодризио, и голосом, полным спокойного и сурового величия, сказала первому из них:

— Управляющий, вы, я вижу, ошиблись комнатой: здесь живет та, которую вы привыкли называть женой вашего господина.

Возмущение, охватившее девушку при виде столь грубого и дерзкого вторжения, заглушило в ней всякий страх. Она внезапно почувствовала, как к ней возвращаются душевные и телесные силы, как в ней просыпается прежнее мужество. На щеках вновь заиграл румянец, в глазах появился давно исчезнувший блеск, лицо и фигура выразили скромную отвагу и уверенность.

Оба негодя были поражены, изумлены и на миг даже прониклись невольным уважением к своей жертве: дьявольские глаза Пелагруа опустились под взглядом девушки и самому Лодризио, казалось, стало не по себе. С его губ сошла полная холодного высокомерия и жестокости усмешка, бесцеремонные слова, которыми он собирался уязвить девушку, замерли у него на языке, и, склонив голову в знак почтения, которое в ту минуту было искренним, он промолвил, запинаясь:

— Извините меня, госпожа... не подумайте... — Он собирался было уже повернуться и уйти, но тут же овладел собой

и продолжал: — Я надеялся, что, раз я пришел поговорить с вами об Отторино, мне будет позволена такая вольность. . .

При виде заклятого врага своего мужа Биче почувствовала, что в душе ее вновь ожили все страшные подозрения, которые и раньше не давали ей покоя. Не в силах сдержать внезапный трепет, пробежавший по всем ее членам, она с трудом проговорила:

— Сеньор, не злоупотребляйте слабостью беззащитного существа. Я трепещу при мысли, что попала в вашу ловушку, как это, конечно, случилось и с тем, кого вы только что назвали, и чье имя в ваших устах представляется мне лишь коварной приманкой. Если это так, то у меня нет иной защиты, иного прибежища, кроме слез и жалоб. Я слабая женщина, увезенная в неведомую темницу, вдали от тех, кто мог бы меня защитить или хотя бы быть свидетелем учиненной несправедливости, ибо эта служанка не в счет — ведь она страдает вместе со мной (тут она кивнула в сторону Лауретты, которая при этих словах подняла глаза, надеясь, что Биче удалось разжалобить их мучителей). Я в ваших руках, — продолжала Биче замирающим голосом, — и вы можете, если захотите, сломить меня, как былинку, но над нами есть высший судия, и от него ничто не скроется. Самый сильный бессилен перед ним. И этот судия спросит, кто обидел плачущего и почему обидчик заставил его лить слезы.

Раздосадованный тем, что с него сорвали маску, что какая-то девчонка смеет бросать ему в лицо такие упреки, стыдясь самого себя за робость и почтение, которые вдруг им овладели, Лодризио с трудом взял себя в руки и, приняв прежний дерзкий и насмешливый вид, сказал:

— Послушай, голубушка, неужели ты думаешь, что такой красивой девочке, как ты, пристало упрямиться? Поверь мне, ты ошибаешься. Перестань, перестань! — И, произнося эти слова, он сделал несколько шагов по направлению к девушке.

— Не подходите! — в испуге воскликнула Биче и, кинувшись к окну, с силой его распахнула. — Не подходите!

— Успокойся, сумасшедшая, я тебя не съем! Видишь, я не двигаюсь с места. Могу даже вернуться назад, если тебе так хочется. . . Ну вот так, ты довольна? . . . Черт возьми! Я хочу поговорить с тобой для твоего же добра!

— Для моего добра? — сказала девушка. — Подите прочь, уйдите отсюда — вот то добро, которое вы можете мне сделать.

— По-твоему, ничего доброго я больше сделать не могу?

— Нет, вы можете оказать мне гораздо большее благодеяние: избавьте меня от этого смертельного ужаса, верните меня к моим родным, дайте мне спокойно умереть в объятиях моей бедной матушки. О, сделайте это, если у вас есть хоть капля жалости, сделайте это ради всего самого дорогого, что у вас есть на свете, — сделайте это ради бога!

Перепуганная Лауретта ухватила хозяйку за край платья, боясь, как бы она в отчаянии не бросилась в окно, возле которого стояла. Пелагруа тем временем жестами и кивками пытался успокоить обоих несчастных.

Как только Биче умолкла, Лодризио продолжал со своей безжалостной невозмутимостью:

— Плохо, дочь моя, плохо! Ты требуешь от меня слишком многого. Я хочу не этого... Знай прежде всего, что у меня и в мыслях не было чем-нибудь повредить тебе, а потому не бойся, что я тебя проглочу. А сейчас замолчи, посмотри мне в глаза — я ведь не василиск¹ — и выслушай то, что я хочу тебе сказать... Я уже понял, что ты знаешь больше, чем я думал. Тем лучше: так мы скорей договоримся. Знай же, что Отторино, который должен был стать твоим мужем...

— Он еще жив? — тревожно воскликнула девушка.

— Дай мне договорить: жив он или мертв — это тебя не касается.

Биче затрепетала так, что Лодризио вынужден был тут же добавить:

— Да, он жив, успокойся.

— В этом могу заверить вас и я, — вступил в разговор Пелагруа. — Он жив и здоров и скоро отправится, как и собирался, в Святую Землю.

— Как? Без меня? Нет, это неправда! За что вы меня так мучаете, жестокие люди? Что я вам сделала, какое зло причинила? — Она в тоске опустила голову и разразилась рыданиями, но тут же умолкла, восторженно и с ужасом огляделась, проверяя, не приблизился ли к ней кто-нибудь. Начавшие уже литься слезы тихо струились из ее глаз, двумя ручейками стекая по щекам и капая на грудь несчастной, но лицо ее вновь приняло то спокойное и гордое выражение, которое делает скорбь столь возвышенной.

Тут Пелагруа подмигнул своему сообщнику, сделал гримасу

---

¹ В а с и л и с к — сказочное чудовище, взгляд которого будто бы был губителен для всего живого.

и пожал плечами, словно говоря: «Видите? Вы хотели сделать по-своему, пойти напролом — и что получилось?» Но в ответ негодая энергично и нетерпеливо покачал головой, что в переводе на обычный человеческий язык означало: «Не суйся, душень, я сам справлюсь!» — или что-нибудь в этом роде. Затем он вновь обратился к Биче:

— Ты плачешь, бедняжка? Да, я тебя понимаю: ты ведь давно его любила и тебе нелегко вырвать его из сердца. Но что поделаешь? Надо подчиняться необходимости... Любовь проходит; вот увидишь, пройдет немного времени, и ты его забудешь. Поверь мне! Скажу тебе откровенно: если ты его и правда любишь, то прежде всего должна думать о том, чтобы спасти его. Не так ли? Знай же, что его жизнь и смерть зависят от тебя одной.

— Что вы говорите? — воскликнула Биче, охваченная новым приступом ужаса. — Разве я могу верить вашим словам? Не кроется ли в них новый обман? О, сжальтесь надо мной! Сжальтесь над всеми покинутой, измученной женщиной! Скажите мне правду! Вы видите (тут она прижала руки к груди), я прошу вас об этом с такой же тоской и мукой, с какой вы на смертном одре будете молить всевышнего даровать вам прощение. Снизойдите же к моей мольбе, если хотите, чтобы и он снизошел к вашей в тот ужасный час. Скажите мне, ради бессмертия вашей души и ее вечного спасения, скажите мне, правда ли, что Отторино угрожает опасность и что я могу его спасти?

Наш злодей, который был не хуже и не лучше всех других злодеев того времени, но который, однако, по-своему верил в бога и в загробную жизнь, не мог не заколебаться при этих словах, произнесенных таким голосом и с таким выражением лица, что они казались вдохновенными свыше. Через несколько секунд, которые он потратил на то, чтобы внутренне приободриться, пристыдить себя и набраться смелости, он вновь напустил на себя развязный вид и, оставив прежнее обращение на «ты», казавшееся ему теперь слишком наглым, но не зная, что же сказать, ответил с явным смущением:

— Опасность, конечно, есть... Да, да, в этом я могу поклясться вам своей душой. Правда и то, что вы можете спасти его.

— Но где же он? Какая опасность ему угрожает? И что я могу сделать для него?

— О, вы хотите узнать сразу слишком много. Есть вещи,

детка, о которых нельзя говорить и не следует спрашивать. Сейчас я могу вам сказать только одно: достаточно вам сделать знак — и Отторино не погибнет, даю вам слово рыцаря и христианина. И пусть эта рука, которую я приложил к груди в знак моей искренности, покроется проказой, если я хочу вас обмануть. Он не умрет и сможет, как говорил управляющий, поехать в Палестину. И вы сами должны склонить его отправиться в Святую Землю, ибо это лучшее, что он может сделать.

— Но чего вы хотите от меня? Скажите мне, как я могу его спасти? Если моя жизнь, моя кровь. . .

— Нет, бедняжка, нет. . . Ну, успокойся. Не смотрите на меня такими испуганными глазами, подойдите поближе, сядьте, почувствуйте себя как дома и не питайте никаких подозрений ни ко мне, ни к другим. Ведь все здесь почитают вас, как королеву, вы здесь — полная хозяйка. Этот дом принадлежит вам.

— Да? Это правда? Значит, я действительно нахожусь в замке Каstellето? Значит, это и правда дом моего мужа?

— Какой еще муж? Отторино вовсе вам не муж.

Биче молча, словно зачарованная, смотрела в лицо своему тирану, который безжалостно продолжал:

— Та нелепица, которую вы совершили в Милане, не имеет ровно никакого значения. Вы все еще не замужем и можете отдать руку кому угодно. Вы хотите знать, кому принадлежит этот замок? Его владелец — знатный господин, могущественный сеньор, перед которым с почтением склоняются даже князья, а сам он не склоняется ни перед кем и ни перед чем, кроме вашей красоты.

Видя, что ее госпожа молчит, перепуганная Лауретта спросила слабым и дрожащим голосом:

— Боже мой! Так это верно, что мы находимся в. . .

— В Розате, — быстро закончил Лодризио. — В замке Марко Висконти.

При звуке этого имени супруга Отторино замертво упала на руки служанки.

В то время, пока в Розате происходили описанные выше события, Лупо, усталый после того как он весь день скакал верхом, остановился возле небольшой харчевни, отвел коня в стойло и задал ему корм, после чего попросил на кухне приготовить чего-нибудь поесть и ему. В одну минуту стол был

накрыт, и путника пригласили отведать те немногие кушанья, которые водились в этой гостинице. Поужинав, Лупо попросил хозяина устроить ему какое-нибудь ложе, на котором он мог бы поспать ночь не раздеваясь.

— Я положу вас вот тут, в комнатке рядом, — сказал тот и, взяв светильник, пошел впереди гостя к двери, на которую указал.

Однако не успели они еще выйти из кухни, как в харчевню ввалились двое вооруженных людей, и один из них, бросив взгляд на Лупо, похлопал по плечу хозяина, с которым, по-видимому, был очень дружен, и сказал:

— Якопотто, нас два человека и две лошади. Мы уедем отсюда только на рассвете.

Хозяин поставил светильник на стол, обернулся к Лупо и сказал:

— Я сейчас приду.

Потом он взял одного из вновь прибывших за руку, подвел его к очагу, снял крышку с котла, в котором варился кусок баранины, и проговорил:

— Глянь-ка, какой лакомый кусочек!

Человек, к которому были обращены эти слова, тоже нагнулся, словно желая получше рассмотреть мясо. Придвинувшись таким образом к хозяину совсем близко, он что-то шепнул ему на ухо, после чего тот сказал нарочито громким голосом:

— А теперь пойдем в конюшню. Там уже стоит конь вот этого постояльца и для трех лошадей места не хватит, но я устрою вас как смогу.

С этими словами хозяин вышел вместе с гостем, а за ними последовал и его товарищ, который до сих пор не произнес ни единого слова. Лупо, заметив, что дело неладно, однако, не подал вида и лишь как бы невзначай, шаг за шагом, приблизился к двери, выходявшей во дворик, откуда можно было затем пройти в конюшню. Там он увидел, что хозяин с двумя друзьями стоит в углу двора и о чем-то с ними совещается. При его появлении все трое разошлись в разные стороны, а затем один за другим вышли на улицу, чтобы продолжить, как тут же понял Лупо, свой разговор.

«Что они затевают? — думал Лупо, чувствуя, как в его

душе растет подозрение. — Может, это какая-нибудь ловушка? Надо быть начеку».

Он бросил взгляд на свой меч, на кинжал и вновь повторил: «Надо быть начеку».

Немного погодя хозяин вернулся к Лупо и под тем предлогом, что хочет устроить его получше, предложил ему другую комнату вместо той, которую предлагал раньше.

— В ней, — сказал он, — не так слышен шум, кровать получше, да и вообще она удобнее.

Лупо ни на мгновение ему не поверил, а, наоборот, еще больше утвердился в своем подозрении, что с ним хотят сыграть скверную штуку. Отвечая притворством на притворство, он сказал, что теперь, когда в конюшню поставлены еще две лошади, он должен присматривать за своим конем, за которым нужен глаз да глаз, а потому пойдет спать в конюшню. Как хозяин его ни отговаривал, он стоял на своем.

Итак, Лупо прошел на конюшню и похлопал по крупу своего коня, который, обернувшись назад, приветствовал его коротким и тихим ржанием. «Не лучше ли убраться отсюда подобру-поздорову? — подумал Лупо, но тут же решил: — Конь устал, и было отчего, бедняге. Пятьдесят миль единым духом! И завтра столько же. И дальше не меньше! — И он продолжал ласкать и похлопывать своего скакуна, который тем временем хрустел овсом. — А потом, в такое время и по этой дороге вряд ли найдется место, где переночевать. Ладно,ждемся уж утра. Я пока и глаз не сомкну — ночи сейчас короткие. Конечно, невесело бодрствовать еще четыре или пять часов, ну да завтра отоплюсь в дороге. Сегодня пусть спит конь, а завтра буду я». И, приняв такое решение, он улегся на ворох соломы с твердым намерением не спать.

Он начал перебирать в памяти все случившееся за вечер и задумался над тем, почему хозяин захотел вдруг поместить его в комнату поудобней, хотя они не были знакомы и вид у Лупо был вовсе не господский. И странно, что тот, будто бы боясь пожара, не захотел дать ему на ночь фонарь. Взвесив все это, Лупо пришел к заключению, что дело здесь нечисто.

Перед его глазами все время стояли зловещные лица всех трех заговорщиков, и мысленно он перебирал их черты в мельчайших, едва уловимых подробностях; и в какой-то момент ему вдруг показалось, что он уже видел где-то кривую усмешку, то и дело появлявшуюся на губах одного из приезжих. Порывшись в памяти, он вспомнил, что видел это лицо совсем не-

давно. Он еще сильнее напряг память. И чем дольше он думал, тем больше убеждался, что это действительно совсем недавнее воспоминание.

Тогда Лупо стал перебирать людей, которых видел после своего бегства и до приезда в эту харчевню. Он припомнил всю поездку, которую совершил верхом от Рескальдино до Милана, мысленно представил себе всех, кого повстречал на пути, — ничего, что напоминало бы эту проклятую усмешку. А что было потом?.. Встреча с родными, с графом и графиней... со слугами, — опять ничего. А дальше?.. Он сел на коня, выехал за ворота... «Ах, вот оно что! — воскликнул про себя Лупо. — Вспомнил!» И он действительно вспомнил, что эту кривую ухмылку он видел на лице у одного из оруженосцев Лодризио, с которым повстречался утром того дня, когда выезжал из дома графа дель Бальцо. «Ловко ты переоделся, мерзавец, но я тебя узнал! Это он, он, готов голову прозакладывать!»

Потом он подумал, что нити заговора тянутся куда-то дальше и, возможно, где-то переплетаются с теми, которые захлопнули западню, поймавшую и его самого, и его господина. И тогда к рокам трех негодяев, мелькавшим в его воображении, прибавилось еще одно лицо — коварная физиономия самого большого и самого главного злодея — Лодризио.

Переходя от одной мысли к другой, Лупо вдруг подумал: «Но как же такой негодяй может быть другом Марко?» И верите ли? Это имя, произлившее мозг Лупо, настолько изменило все его мысли, что его страхи стали понемногу исчезать.

Правда, время от времени он чувствовал словно толчок в сердце, и какой-то внутренний голос говорил ему: «Будь осторожен». Тогда он заставлял себя возвращаться к прежним тревогам, и это ему на короткое время удавалось. Но смертельно утомленный долгой поездкой, истерзанный страданиями долгих дней и ночей, проведенных в темнице, измученный самой необходимостью держать в постоянном напряжении ум, так нуждавшийся в отдыхе, бедняга все чаще клевал носом, погружаясь в дремоту и забывая о том, где находится. Если иногда сознание его и просветлялось, то просветление это было недолгим и мимолетным, а чувство тревоги, неясно тлевшее в душе, все более смягчалось и притуплялось. Образы, роившиеся в голове, стали путаться, терять очертания и наконец совсем исчезли. Короче говоря, наш brave воин попросту уснул.

Лупо приснилось, что он уже в Лукке и стоит перед Марко Висконти в богато украшенном зале. Но у Марко растерянное лицо и остекленевший взгляд; Лупо говорит с ним, но он ничего не отвечает. Лупо подает ему письмо от Эрмелинды, но он не протягивает руку, чтобы его взять. Лупо хочет поцеловать ему руку, и Марко ее вроде бы не отдергивает, но ее уже нет там, где Лупо только что ее видел, и ему никак не удастся отыскать ее снова. Что за чертовщина?.. Лупо хочет посмотреть, нет ли кого вокруг, с кем можно было бы посоветоваться. Но что это? В зале вдруг исчезли фрески, лепка и позолота, мгновенно облупившиеся стены потемнели и покосились, сиявший золотом балдахин превратился в грубый, тяжелый свод, паркет — в грязный земляной пол, а в углу, на охапке соломы, лежит Марко Висконти... Но Марко ли? Нет, это не Марко... Непонятным образом он превратился в Отторино, который глухим жутким голосом спрашивает его:

«Это ты, Лупо?»

«Да, это я».

«Но разве ты не поехал в Лукку?»

«Да, я поехал».

«Что ж ты не торопишься ехать дальше? И как ты здесь оказался? Ах, беги, беги отсюда скорей! Иначе с тобой случится беда!»

Тут до слуха спящего донесся неясный, почти неуловимый звук нескольких голосов, по плотно закрытым глазам на миг скользнул какой-то отблеск света. Но часто бывает, что внешние ощущения лишь подкрепляют сонные грезы или сливаются с ними. Так и Лупо приснилось, будто Отторино, напуганный голосами и светом, говорит ему: «Вот они! Они пришли тебя убить! Беги! Спасайся!» Лупо хотел было бежать, хотел закричать или вынуть из ножен кинжал, но, как он ни старался, ему не удалось сделать ни шагу, он, казалось, потерял голос, а рука его бессильно падала.

Через мгновение Лупо почувствовал, что на него навалилась страшная тяжесть и какие-то сильные руки схватили его за горло. Он попытался закричать, открыл глаза — нет, это не сон. Оба приехавшие вечером злодея навалились на него, прижимают его коленями к земле. Один душит его за горло, другой тычет в грудь кинжалом, а хозяин харчевни, стоя позади с фонарем, кричит:

— Держи его крепче! Не давай вставать! Сильнее, Пассерино, сильнее! Коли прямо в сердце!

— У него кольчуга под курткой, и нож не берет, — ответил тот.

— Погоди, я сейчас, — крикнул хозяин, — держите его покрепче, держите оба!

Поспешно поставив фонарь на землю, он бросился за колом, стоявшим у двери.

Несчастный, напрягая силы, рвался из мускулистых рук бандитов, и наконец ему удалось перевернуться на живот и показаться вместе с обоими разбойниками прямо под копыта ближайшему коню. Последний, перепуганный шумом свалки, начавшейся у самых его ног, внезапно пришел в ярость. Он начал брыкаться, вставать на дыбы, рваться с привязи и лягать свившихся в клубок противников, которые поневоле отпустили друг друга, чтобы укрыться от града ударов. Лимонтцу удалось первым вскочить на ноги. В мгновение ока он выхватил меч из ножен и, увидав перед собой хозяина харчевни, который держался поодаль от взбесившихся коней и не решался нанести удар, потому что не мог разобрать в этой путанице рук, ног и голов, где тут друг, а где враг, бросился к нему и с силой всадил ему меч в живот.

— Убирайся в ад! — вскричал Лупо, видя, что хозяин валится на землю весь в крови. Затем он яростно повернулся навстречу одному из двух оставшихся разбойников, который только что выбрался из-под ног лошади и теперь направлялся к нему со злобной усмешкой на губах — с той самой кривой усмешкой, которая заставила Лупо так долго думать вечером, прежде чем уснуть.

— Ах, это ты? — воскликнул Лупо. — Да разве так отправляют на тот свет христианские души? — С этими словами он нанес ему мечом такой удар, что отрубил негодю правую руку с кинжалом, которую он поднял, чтобы заслониться.

Негодяй секунду еще стоял, пошатываясь, а затем со страшным воплем рухнул около стены.

Оставался еще третий; но этот третий при виде бесславного конца, постигшего его друзей, предпочел удрать. Пробравшись ползком между лошадьми, он подскочил к одной из них и попытался ее отвязать, чтобы поскорей вывести наружу. Однако животное, перепуганное всей этой суматохой, принялось так брыкаться, что дело могло бы кончиться для разбойника плохо. Но как ни странно, именно это его и спасло: дергаясь и пы-

таясь встать на дыбы, конь сорвался с привязи и бросился вон из конюшни. Увидав, что конь проносится мимо, злодей схватился за его гриву и прыгнул ему на спину. словно преследуемый дьяволом, он стремглав ринулся через поля. Лупо побежал было за ним, но вскоре убедился, что это дело бесполезное, и вернулся к харчевне посмотреть, не сбежался ли народ и не готовится ли какая-нибудь засада. Однако харчевня была пуста. Она стояла в стороне от деревни, и в ней жил один хозяин с женой, которую в ту ночь он нарочно отослал к куме, чтобы легче было скрыть преступление. Так что весь поднятый ими шум не привлек ничьего внимания.

Лупо прошел во двор, а оттуда в конюшню, где нашел лишь двух коней, которых он там оставил. Оруженосец Лодризио был мертв, но хозяин, отняв от живота обогренную кровью руку, протянул ее к Лупо и попросил:

— Сжался надо мной... пить хочу, все жжет внутри... Там, снаружи, стоит бадья с водой, дай мне выпить глоток... Я больше не могу.

Лупо вышел и тут же вернулся с водой. Раненый жадно выпил ее и затем продолжал:

— Если бы я знал об этом с вечера, когда ходил к колодцу и таскал сюда воду, чтобы смыть кровь, когда мы тебя прикончим...

Наш герой оседлал своего коня и сел на него. Видя, что он уезжает, хозяин крикнул ему:

— Сделай еще одну милость, если ты христианин!.. Не дай мне умереть без покаяния... Там, на повороте дороги... стоит церковь... попроси, чтобы ко мне приехал священник.

Лупо обещал исполнить его просьбу и, проезжая мимо дома священника, постучал в дверь и крикнул ему в открывшееся окно:

— Вас зовет к себе трактирщик... Поторопитесь да захватите с собой все для причастия.

— Как? В чем дело? Что случилось, добрый человек? — крикнул ему вслед священник, но Лупо уже и след простыл.

Юноша ехал все дальше и дальше, не встречая никого на своем пути. Время от времени он останавливался, чтобы размять затекшие ноги, и, ощущая жжение на коже от неглубоких царапин, нанесенных тонким острием стилета, который все-таки проник в отверстия кольчуги, он говорил про себя: «Счастье еще, что я ее не снял». Немного погодя он почувствовал сильную боль в ключице. По ней, должно быть, угодил копытом

конь, когда Лупо очутился под ним, борясь с обоими противниками. Потом он заметил и порез на виске, оставленный кинжалом, которым негодяи хотели поразить его в голову. Наконец, устав от долгого счета подарков, оставленных ему на память его новыми приятелями, он плюнул и принялся ворчать:

— Мерзавец Лодризио! Послать христианина на заклание, словно овцу! И ведь я ничего плохого ему не сделал... Должно быть, он по-прежнему питает лютую ненависть к моему господину, просто с ума сходит от зависти! Может быть, и Биче похитил он? А сам-то я хорош: уже вчера утром при встрече с ним можно было кое о чем догадаться... Как он меня оглядел с ног до головы, а потом подмигнул оруженосцу! Ну и усмешка у того! Стоило на нее посмотреть, когда этот висельник бросился на меня, как пес, чтобы покончить со мной... Ну, да он получил по заслугам. Черт возьми, это был неплохой удар! Раз — и он полетел на землю, как арбузная корка. Ничего, будешь знать, как будить спящих собак!

Тем временем наступил рассвет. Навстречу Лупо стали попадаться путники, появились крестьяне с серпами, которые шли в поля на жатву. Успокоенный светом, мирным видом полей, людей и лошадей, Лупо скоро отогнал воспоминания о недавней опасности, о нанесенных и полученных ударах. Он продолжал свой путь, не думая ни о чем другом, кроме Марко и той дороги, которую еще надо было проехать до встречи с ним. Вдруг он услышал, как в винограднике словно кто-то закричал:

— Стой! Лови его, лови!

Вслед за этим он увидел толпу крестьян, бежавших вдогонку за всадником, который сломя голову скакал через поля. И знаете ли, кто это был? Наш знакомый из харчевни, третий заговорщик, которому чудом удалось ускользнуть от нашего героя. Скакун, на котором он сидел, — пугливый жеребец без узды, сорвавшийся, как известно, с привязи, — совершенно вышел из повиновения: он совершал отчаянные прыжки, топтал засеянные поля, ломал изгороди, опустошал виноградники, а крики и вопли крестьян приводили его в еще большее неистовство. Запыленный, взмыленный, с перепачканными кровью боками и грудью, конь тяжело дышал и пронзительно ржал. Прядая ушами, выгибая шею, подняв хвост, он яростно фыркал и неся бешеным галопом, так что из-под его копыт летели камни и комья земли. Сидевший на нем всадник сжался в комок и, вцепившись в гриву, кричал:

— Помогите!

Лупо сразу узнал его и остановился посмотреть, чем кончится дело. Конь еще долго метался в разные стороны, увертываясь от гнавшихся за ним людей. Наконец, не видя ничего перед собой от ужаса, он налетел на ствол громадного дерева и вместе с всадником рухнул на землю. Конь сломал себе шею, наездник же остался почти невредим. Он быстро, как кошка, вскочил на ноги и стряхнул землю, в которой весь выпачкался. Но тут, подняв глаза, он увидел перед собой того демона, который двумя ударами расправился с его товарищами, — то есть Лупо. Лимонтец, проскакав по полю, как раз подъехал к месту происшествия. О боже! Негодяй счел себя уже мертвым. Понимая, что бежать от всадника бесполезно, он бросился перед ним на колени и стал умолять пощадить ему жизнь.

— Кто ты такой, мерзавец? — спросил его Лупо.

— Господин мой, ваша светлость, — отвечал несчастный, дрожа всем телом, — я бедный человек; то, что я сделал, я сделал не по злобе. Но мне ведь надо было купить хлеба пятерым моим детям, моим пятерым ангелочкам — их у меня как раз столько же, сколько пальцев на руке. Это Пассерино подбил меня на черное дело.

— А ему-то зачем было меня убивать?

— Я ничего не знаю.

— Как ничего не знаешь?

— Правда, я ничего не знаю. Вы можете пронзить меня мечом, но я ничего не знаю. Он пришел ко мне домой вчера вечером и сказал: «Пойдем со мной: можешь заработать золотой флорин». А об остальном я ничего не знаю. Я даже не знаю, кто вы такой.

— Хорош! И тебе было все равно, что ты прирежешь человека, даже не зная, кто он такой?

— О, сжальтесь! Да, вы правы, вы можете разделаться со мной, как хотите. Но прошу вас, пожалейте моих детей... Поверьте мне, только голод толкнул меня на преступление. У нас ведь в этом году неурожай, а смотреть, как они умирают от голода...

Лупо вынул из сумки золотой флорин, бросил его на землю и сказал:

— Не для тебя, подлец, а для твоих детишек. Если бы ты попался мне на полчаса раньше, то не спас бы всеми этими разговорами своей шкуры. А теперь ступай и вознеси благодарственную молитву своему святому.

С этими словами он дернул поводья и вернулся на дорогу.

До конца пути с ним не случилось больше ничего такого, о чем стоило бы рассказать.

Въехав в Лукку, Лупо увидел, что улицы полны народу, услышал гул и догадался, что дело пахнет бунтом. Чем дальше он ехал вперед, тем гуще становилась толпа и тем более возрастали шум и беспорядок. Повсюду мелькали оружие и приставные лестницы. Время от времени сквозь этот мрачный, грозный рев возбужденной толпы, похожий на бурный рокот моря, пробивался звон колокола или чей-то предсмертный крик, на что толпа отвечала громкими воплями восторга.

— Ну, что у вас нового? — спросил Лупо у какого-то юноши, который вышел из дому с копьём в руках и повернул в ту сторону, где толпа была гуще всего.

— А ты разве не знаешь? — отвечал тот. — Сейчас пойдем брать герцогский дворец. Бей их! Надо покончить с этими отступниками! — И, проговорив это, он тут же исчез в гуще людей.

«Брать герцогский дворец? — сказал про себя Лупо. — Если я не ошибаюсь, в Милане мне говорили, что именно там и живет Марко». Ошеломленный этой мыслью, Лупо проехал еще немного вперед с твердым намерением получше выяснить, как обстоят дела. Но затем он подумал, что прямые расспросы о Марко среди толпы, которая, судя по всему, восстала именно против него, не приведут ни к чему хорошему. Поэтому, еще раз поразмыслив, он повернул туда, где, как он помнил, находился трактир. Подъехав к нему, он поставил коня в конюшню и, словно от нечего делать, завел разговор со старой трактирщицей, которая осталась дома одна, так как ее муж и оба сына были на улице с другими мятежниками. Расположив ее к себе вежливым обхождением и прикинувшись простачком, Лупо заставил ее разговориться и выудил у нее все, что ему было нужно.

Вот как обстояли дела. Марко уже несколько дней находился во Флоренции. Тем временем его наместник — один из предводителей немецкого отряда, оставшегося в Лукке, — настолько распустил солдат, которые и без того ждали только удобного случая, что они стали своевольничать, грабить, облагать всех поборами, убивать и вообще чинить всяческие беззакония. Граждане, и так уже обеспокоенные подозрением, что Висконти собирается продать Лукку Флорентийской республике, не выдержали и подняли бунт.

Думая, что Марко грозит опасность, Лупо уже решил либо

спасти его, либо погибнуть, но теперь, узнав, что его нет в городе, он почувствовал облегчение. Других дел в Лукке у него не было, и он тут же опять тронулся в путь, чтобы отыскать Марко во Флоренции, ибо справедливо полагал, что от того, как быстро он вручит ему письмо Эрмелинды, возможно, зависит жизнь трех человек, которые все так или иначе были ему дороги. Поэтому он сел на коня и отправился дальше. От Лукки до Флоренции дорога не близкая, и я не думаю, чтобы моим читателям так уж хотелось бы проехать ее вместе с Лупо. Поэтому оставим его рысать в одиночестве, а сами перенесемся на берега Арно и, пока там не появился лимонтец, займемся на некоторое время Висконти.

ГЛАВА XXIX

С тех пор как Марко отправил свое последнее письмо Лодризио, которое этот негодяй, как вы, вероятно, помните, получил из рук Пелаграуа в замке Розате, дела в Лукке шли все хуже и хуже. Отряды немцев, состоявшие из алчных, жестоких, не признающих никакой дисциплины искателей приключений, распустились настолько, что нагло отказывались подчиняться даже самому Висконти.

У Марко день ото дня было все больше хлопот с этой необузданной сворой, и если он держал наемников в узде, то был этим обязан славе своего имени, своему величественному виду и красноречию, то есть тем качествам, которые всегда увлекают толпу почти вопреки ее воле.

К сожалению, Марко не мог опереться и на горожан, чтоб как-то утихомирить наемников из Черульо. Беда граждан Лукки состояла в том, что они были безоружны, разрозненны и, хуже того, постоянно враждовали между собой. Народ выступал против знати, знать — против народа, квартал воевал с кварталом, цех с цехом, кто хотел одного, кто — другого. Легко себе представить, какую пользу извлекали из этого немцы.

Тот бунт, о котором мы рассказывали выше, затронул лишь один конец города, другие не поддерживали его, и те бедняги, которые так шумели, когда Лупо въезжал в город, разошлись по домам, едва он успел отъехать на пять-шесть миль от ворот, и сидели за запертыми дверьми, дрожа за свою шкуру, а добрых два десятка остались лежать на улицах и площадях, пронзенные копьями немцев или затоптанные копытами их коней. Таковы были плоды восстания горожан в Лукке, если не считать,

разумеется, новых притеснений и еще более затянувшейся на их шее петли.

Так что, как видите, Марко, в конце концов, можно было только посочувствовать: чтобы держать в узде сильных, он должен был доверяться слабым и из любви к человечности иной раз давать пинка правосудию.

Однако дела шли все хуже и хуже, и он, видя, что власть над Луккой ускользает из его рук, решил продать ее кому-нибудь подороже; с согласия начальников, или, как их тогда называли, капитанов немецких отрядов, он начал тайные переговоры с Флорентийской республикой, которая давно уже уговаривала его уступить ей этот город. Переговоры о продаже были почти закончены, и оставалось лишь обсудить некоторые частности, для чего Марко, как утверждали, и уехал во Флоренцию.

Накануне того дня, когда договор о приобретении Лукки должен был перейти на рассмотрение совета республики, Марко, которому сообщили, что «приоры и другие правители земли флорентийской» хотят обсудить его, прежде чем вынести окончательное решение, сидел один в своей комнате. Он только что кончил выбирать из груды бумаг договоры, заключенные им прежде с правителями республики, когда вошел паж и доложил, что из Ломбардии прибыл человек, проездом побывавший и в Лукке.

— Впусти его, — сказал Марко, полагая, что это обычный гонец — один из тех, которых Лодризио посылал к нему каждую неделю.

Гонец вошел; это был Лупо. При виде Марко он так растерялся и обрадовался, что не смог вымолвить ни слова, а только вынул из-за пазухи письмо Эрмелинды и протянул его Висконти. Не взглянув на пакет, Марко положил его на столик и спросил:

— Итак, ты прибыл из Лукки?

— Из Лукки, — отвечал Лупо, и голос его дрогнул — так сильно билось у него сердце. Справившись с собой, он продолжал: — Когда я уезжал оттуда, там был бунт.

— Сейчас там спокойнее, чем в любом монастыре, — сказал Марко, к которому за это время прибыло три или четыре гонца, сообщивших о начале, ходе и конце описанного нами мятежа. — А тебе, надеюсь, не причинили вреда?

— О нет, — отвечал юноша, ободренный заботливостью, прозвучавшей в голосе Висконти. — Да если бы кто и попытался. . .

со мной ведь шутки плохи. А кроме того, я ехал к Марко, — хотел бы я посмотреть, кто посмел бы помешать мне!

Услышав эту похвальбу, Висконти взглянул ему в лицо, смеялся с головы до ног и, засмеявшись добрым смехом, сказал:

— Да, ты не простой человек, ты был солдатом.

— И останусь солдатом на всю жизнь, — отвечал Лупо.

— Видишь, я угадал! Нашего брата сразу отличишь по виду. Твое лицо и повадки подтверждают твои слова, и по всему видно, что ты честный и славный малый.

Лупо покраснел от радостного смущения, которое охватило его при этой похвале.

Подойдя к нему поближе, Марко продолжал:

— Но ты еще совсем молод. Скажи мне, в каких сражениях ты участвовал?

— Первое дело, в котором я побывал, это битва на Адде, где я сражался под вашими знаменами, а потом...

Но Висконти, не дав ему закончить, дружески потрепал его по щеке и сказал:

— Ах, так, значит, ты один из моих славных копейщиков, из тех храбрецов, которые отличились в двадцать четвертом? Рано же ты получил боевое крещение! Ну, раз так, то мы старые друзья.

Не успел Висконти опустить руку, как Лупо схватил и поцеловал ее со страстной преданностью.

Это горячее проявление чувств тронуло сердце благородного воина, который, привыкнув жить среди опасности и риска, ничего так не ценил, как любовь своих солдат. Сейчас же поступок Лупо был ему тем более приятен, что он давно уже жил среди чужих и враждебно настроенных людей. Поэтому он с таким же пылом воскликнул:

— Да здравствуют мои славные миланцы!

— Да здравствует Марко, да здравствует наш предводитель! — ответил Лупо. — Эх, если бы вернулись те деньки, когда мы шли от победы к победе с вашим именем на устах!

— Послушай, — сказал Висконти, понижая голос, — эти дни могут еще повториться, и, может быть, они не так уж далеки. Когда ты вернешься в Ломбардию, шепни на ухо своим храбрым товарищам: «Сердце Марко по-прежнему с вами. Не забывайте своего старого военачальника...» Что же касается тебя, то в любое время, в любом месте, кем бы я ни был, как только нас вновь сведет случай, напomini мне то, что я тебе сказал, и ты об этом не пожалеешь.

Юноша начал горячо благодарить и протестовать, но Марко перебил его и сказал:

— Почему я до сих пор о тебе ничего не слышал? — Потом он подошел к столу, взял перо и спросил: — Солдат, как твое имя?

— Лупо из Лимонты.

— Лупо? Мне это имя знакомо.

— Очень может быть: ведь вы однажды уже оказали ему честь, написав его своей славной рукой на листке бумаги, который спас мне жизнь.

Тут Марко вспомнил о письме, которое он по просьбе Биче написал в ту памятную ночь аббату монастыря святого Амвросия. Он вспомнил, что тот, для кого добивались помилования, был оруженосцем у Отторино в день турнира. Пораженный этим открытием, он спросил себя: «Как же так? Как мог Лодризио отправить ко мне гонцом слугу своего врага?» Он хотел было спросить об этом самого Лупо, но тут же решил сначала посмотреть привезенное им письмо, которое несомненно могло быть только от Лодризио и в котором он надеялся найти разгадку столь необычной новости.

Он взял письмо и вскрыл его. Его сразу поразило, что оно написано не шифром, а обычными буквами. Еще более его удивили первые фразы, и он посмотрел в конец письма, чтобы узнать, откуда оно пришло. Как описать его потрясение, когда он увидел имя Эрмелинды? Боясь, как бы волнение не толкнуло его на какой-либо поступок, не отвечавший его достоинству, он поспешил отпустить Лупо, который тут же вышел, стараясь понять, чем объясняется постоянная смена настроений, которая так явственно читалась на лице и в поступках этого великого человека.

За то короткое время, которое понадобилось Марко, чтобы встать и запереть дверь на засов, тысячи мыслей пронеслись у него в голове: «Быть может, Биче разлюбила Отторино и не жалеет об этом? Господи, о чем я брежу? Скорей всего, Эрмелинда пишет мне, чтобы просить меня не противиться их браку. Сообщила бы уж просто, что они повенчаны, да и дело с концом!.. Конечно, это была бы ужасная весть, и все же я как-нибудь перенес бы ее... Справился бы с собой, постарался бы искупить свою вину перед несчастными и заставил бы их простить меня».

Он сел в кресло, взял письмо и начал читать:

«Марко,

к вашим стопам припадает отчаявшаяся мать, которая, орошая горчайшими слезами вашу доблестную руку, заклинает вас всем, что есть святого на небе и на земле, вернуть ей единственную дочь, ее отраду и последнее утешение ее несчастных дней. Я знаю, что сильные мира сего предпочитают иногда окутывать мраком свои поступки, скрывать свои пути и, совершив несправедливость, притворяться, будто они возмущены жалобами пострадавших. Но вы... вы ведь давно уже знаете, что такое горе, и не отвергнете просьбу бедной, несчастной матери.

Марко, моя дочь похищена: вот уже двадцать дней, как она находится во власти неизвестных людей. Кто знает, где она, кто знает, в чьи руки она попала! Я решительно требую от вас, чтобы вы как можно скорее вернули ее целой и невредимой ее осиротевшим родителям, ее обманутому и похищенному вместе с ней супругу. Этого требует от вас мать, взывающая к вам во имя всего самого дорогого, во имя всевышнего.

Я смиренно прошу вас об этом, склоняясь головой во прах, с душой растерянной и трепещущей, но полной смелости, почерпнутой в сознании того, что мои молитвы дойдут до неба, что и сильные мира сего не бессмертны.

Ах, нет, Марко, нет! Простите меня. Я хочу лишь рыдать и умолять. В моих словах должно звучать одно лишь смирение, одно лишь уничтожение. Простите бедную мать, которую сделало дерзкой только невыносимое горе. О, если бы я знала, чем могу я тронуть ваше сердце!.. Сообщала ли я вам, что Биче стала женой Отторино? Да, они обменялись кольцами, их брак освящен церковью. Знайте, это я торопила их со свадьбой, и... нужно ли мне признаваться? Смогу ли я сделать это без смущения, не покраснев?.. Поверите ли вы мне, если я скажу, что сделала это также из жалости к вам?

Клянусь вам, я поступила так и ради вас, ибо считала и твердо верила, что в этом состоит единственное средство отвлечь вас от злополучного решения, которое не принесло бы вам ничего, кроме несчастья... Потому что... даже если бы... я когда-нибудь смогла забыть о себе настолько, что отдала бы вам в жены свою дочь, Биче все равно не смогла бы стать вашей женой, ибо ее бедное сердце уже принадлежало другому! О, Марко, я знала вас в иные времена, и тогда вы, несомненно, не захотели бы взять в жены насильно ту, кто вас не любит, не стали бы искать своего счастья в страданиях любимой вами женщины. А теперь скажите мне, ошибается ли мать Биче, считая вас таким, каким считала когда-то Эрмелинда?

Вы не забыли еще это жалкое имя? Оно одно осталось от всего, чем я была прежде: годы и муки унесли остальное. Вы добились такого могущества! Вас уважают друзья и боятся враги! Вы — слава и гордость Ломбардии... А что есть у меня? Только моя дочь — дорогая и любимая, все мое утешение, все мои надежды, вся моя гордость заключены в ней одной. Ах, во имя вашего благородства, во имя окружающей вас славы, во имя всего, что было между нами когда-то нежного, доброго и святого, если я некогда заслужила вашу благосклонность, прошу вас, избавьте меня от этих терзаний, верните мне мою дочь, верните, прежде чем горе навсегда закроет мои выплаканные глаза. О, если бы вы знали, как я страдаю все эти дни! Если бы вы могли испытать муки моих бессонных ночей, полных видений и ужасов! Если бы вы знали, что значит быть матерью! Мой жизненный путь — вы это знаете — всегда был усеян горестями и мучениями, но все это ничто, лишь слабая тень страдания по сравнению с той болью, которую нанес мне этот смертельный удар. Я никогда не знала, что можно так страдать на этом свете... Боже мой! Боже милостивый! Я слишком слаба, чтобы вынести такую тяжесть: избавь меня от этих мучений, с которыми я не могу справиться, призови меня к себе, но прежде спаси мою дочь! Увы, слезы застилают мои глаза, рука моя дрожит, и я чувствую, что силы меня оставляют... О, Марко! Если бы я могла увидеть вас, припасть к вашим ногам и умереть, умоляя вас о милости, в которой вы не отказали бы умирающей! Сжальтесь, сжальтесь над несчастной Эрмелиндой!»

ГЛАВА XXX

Письмо Эрмелинды вызвало бурю в душе Марко. Он хотел тотчас сесть на коня и скакать прямо в Милан, но его удержала мысль, что завтра начнутся переговоры о продаже Лукки. Всю ночь он провел как на иголках, не смыкая глаз; он испытывал мучительные терзания, теряя рассудок от беспокойства и нетерпения. Он то вскакивал с постели и выходил на балкон в ожидании столь желанного и столь ненавистного рассвета, то сгромными шагами мерил комнату, то снова ложился и ворочался с боку на бок, не находя себе покоя.

Наконец наступил рассвет, пробил назначенный час, и Марко предстал перед приорами. Вид у него был расстроенный, глаза блуждали, говорил он мало и бессвязно. При малейшем воз-

ражении он выходил из себя, упрямо отстаивал любое слово, любой пункт, словно желая уличить всех и каждого во лжи. В общем, вел он себя настолько требовательно и невежливо, что те немногие члены совета, которые не хотели этой сделки, легко переубедили тех, кто этой сделки хотел, доказав им, как опасно полагаться на слово столь странного, капризного и неуравновешенного человека, который, того и гляди, сейчас сойдет с ума и изменит все свои намерения. Поэтому решено было отказаться от приобретения Лукки и прекратить переговоры.

Как только это постановление приоров и других правителей республики было доведено до сведения Марко, который на время принятия решения удалился из зала, он, не обменявшись ни единым словом с немецкими военачальниками, приехавшими с ним во Флоренцию для этих переговоров, и не обнаружив ни удивления, ни гнева по поводу столь неожиданного отказа, вернулся во дворец, взял с собой Лупо и двух оруженосцев, сел на коня и в тайне от всех отправился в Ломбардию.

Часто меняя коней, он продолжал свой путь и днем и ночью. По дороге он заставил лимонтца рассказать ему все, что тот знал о Биче и о своем господине.

Эрмелинда в письме не сообщила ему никаких подробностей. Уверенная, что нити заговора плелись самим Марко, она полагала, что ему известно гораздо больше того небольшого, что удалось узнать ей самой.

Теперь же, когда Висконти, ничего не зная обо всем этом, услышал об исчезновении Биче и ее служанки, о западне, в которую попал сам рассказчик вместе со своим господином, и об опасности, которой тот подвергся по дороге в Лукку, он мысленно обратился к прошлому, подумал о смертельной ненависти, которую Лодризио питал к Отторино, вспомнил о том, как Пелагруа недавно предлагал ему избавиться от молодого рыцаря и как клеветал на него сам или через гонцов. Сопоставив время, обдумав события и характер действующих лиц, он убедился, что все тут сходится и что вся эта интрига — дело рук обоих негодяев, которые, как он прекрасно знал, давно уже вступили в тайные сношения друг с другом.

И когда он пришел к этому заключению, кровь вскипела в его жилах, краска залила его лицо: в бешенстве он поклялся отомстить обоим предателям за тот позор, которым они хотели покрыть его имя, отплатить им за муки бедной матери и ее несчастной дочери и не давать себе ни минуты покоя до тех пор, пока мерзавцы не распростятся с жизнью. пылая яростью,

думая только о кровавой мести, он прищиприл коня и пустил его во весь опор.

Приехав в Милан после долгой стремительной скачки, Марко отправил оруженосцев и лошадей к себе во дворец, а сам пешком вместе с Лупо бросился к дому графа дель Бальцо, решив во что бы то ни стало добиться свидания с Эрмелиндой, узнать, нет ли у нее новостей о похищенных, чтобы как можно быстрее заняться их освобождением, не тратя времени попусту. Он хотел также оправдаться перед ней, объяснить, что он никак не замешан в этом подлом деле, что он не мог бы совершить такую низость по отношению к женщине, которую когда-то любил больше жизни, а теперь уважал больше всех на свете.

Было уже темно и поздно, когда Лупо постучал в дверь графского дворца. Марко опустил на лицо забрало, чтобы слуги не узнали его. Им открыли; внутри все было тихо. Лимонтец провел Висконти через длинную анфиладу комнат в маленькую отдаленную комнатку, где оставил его с зажженным светильником, сказав, что пойдет разбудить старую служанку Эрмелинды и попросит ее доложить хозяйке о приезде гостя, который хочет немедленно с ней переговорить.

Марко снял шлем, положил его на стол и, бросившись в кресло, стал ждать прихода Эрмелинды. Вот уже двадцать пять лет он ее не видел. Как все с тех пор переменялось! Сколько произошло в их жизни событий! Как они встретятся теперь? Хватит ли у него мужества выдержать ее взгляд, прежде полный любви и добродетели, а теперь горько упрекающий его за смерть отца и утрату дочери?

При малейшем шорохе, при любом дуновении ветерка или колыхании теней он говорил себе: «Это она!», и холодная дрожь пробегала по его телу.

Однако он недолго пребывал в смятении. Скоро он увидел, что дверь тихонько открывается и к нему идет женщина, одетая в просторное белое платье без пояса, с распущенными, но аккуратно расчесанными волосами. На лице ее играл легкий румянец, но сразу было заметно, что он вызван чрезвычайным волнением и лишь на краткий срок сменил ее обычную бледность. В глазах, распухших и покрасневших от долгих бдений и слез, сверкал слабый луч надежды, смешанный с невольной растерянностью.

В первый миг Висконти просто не узнал Эрмелинду, настолько изменили ее годы, а еще больше — страдания. И хотя, увидев, как эта женщина вошла в комнату с тревогой на

лице, сразу понял, что это может быть только мать Биче, он все же колебался и не решался заговорить с ней, но тут она, остановившись в нескольких шагах от него и потупив глаза, сказала:

— Это вы?.. Это вы? — продолжала Эрмелинда дрожащим от волнения голосом. — Вы приехали сами, чтобы даровать мне жизнь? Господь вознаградит вас за ваш милосердный поступок. В душе я всегда говорила себе: когда он узнает о причиненном мне горе, он не устоит, сжалится надо мной — ведь он так добр и великодушен.

При этих словах Марко охватило такое сострадание к несчастной матери, такое презрение к самому себе, что он с досадой махнул рукой, повергнув Эрмелинду в ужас.

— Это я-то добрый и великодушный? — сказал он сдавленным голосом. — Бога ради, Эрмелинда, прекратите эту жестокую пытку. Я ничтожный, утративший разум негодяй, но я не настолько потерял совесть, чтобы отказаться от самого себя и не испытывать радости, когда я признаюсь в этом, особенно вам.

— Нет, нет, не говорите так! Господь вас простит, а я вас уже простила. Радость, которую вы принесли мне в этом миг, искупает все муки прошлого. А теперь скажите — где моя дочь? Когда смогу я увидеть ее вновь?

— А разве вы не получили никаких известий от шута, которого послали на поиски? — озабоченно спросил Марко.

Эрмелинда, казалось, на минуту растерялась, легкое облач-

ко пробежало по ее лицу, только что светившемуся надеждой. Она взглянула на Висконти и неуверенно ответила:

— Шут, говорите вы?.. Нет, он больше не появлялся. Я уже начинаю бояться... Но вы... почему вы спрашиваете об этом меня?.. — И она в нерешительности остановилась.

— Я понимаю, Эрмелинда, — продолжал Висконти, — вы думаете, что Биче похитил я, но это не так. Знайте же...

— О боже! Что вы говорите? Так где же она?.. Простите меня, Марко!.. Я не сомневаюсь в вашем слове, но разве вы сами, можно сказать, только что не признались в этом?.. И ведь я давно знаю, какие чувства питаете вы к бедняжке.

— Выслушайте меня, — виновато опустив голову, начал Висконти тихим и хриплым голосом, который постепенно зазвучал более громко и возбужденно. — Это правда: я любил вашу дочь, любил безумно. Унаследованный ею милый облик, душа, перешедшая, как мне казалось, прямо от вас, очаровали меня и лишили разума. О, если бы я мог положить к ее ногам корону! Если бы я мог сделать ее своей супругой и повелительницей! На какой-то миг я вкусил дивную сладость этой надежды, и она меня погубила. Таинственный яд проник мне в кровь, заполнил меня всего и ураганом пронесся в моей душе... Когда я понял, что сердце девушки занято другим, было уже слишком поздно: рана стала неизлечимой... Не буду рассказывать, каким долгим и мучительным путем пришел я к мысли погубить своего близкого, верного и самого бескорыстного друга и родственника... Я до сих пор трепещу, вспоминая, как чуть было не запятнал его кровью эту руку, которую он столько раз пожимал с горячей сыновней любовью.

— Вы говорите об Отторино?

— Да, неизвестный рыцарь, бившийся с ним на турнире боевым оружием, — это безумец, который стоит перед вами.

Эрмелинда с глубоким состраданием подняла глаза на Висконти и, казалось, хотела ему что-то сказать, но он продолжал со все возрастающим жаром:

— Нет, выслушайте меня до конца. Вы знаете, что в то время мне пришлось уехать из этих мест. Уезжая, я сделал подлое дело: я приказал одному негодяю помешать браку Отторино с вашей дочерью. За мое золото он купил предателя даже в вашем доме, среди ваших слуг. Повторяю, Эрмелинда, я не приказывал ему похитить Биче и даже вовсе не помышлял об

этом, но подлец, которому я дал столь бесчестное поручение, мог набраться наглости и совершить это чудовищное деяние. Однако в любом случае я — мерзкое чудовище...

— Нет, Марко, нет, пожалейте меня, не будьте столь жестоки к самому себе. Эти обидные слова не могут относиться к вам, — разве мерзок тот, кто так казнит себя за совершенную ошибку? Буря страсти могла сбить вас с правильного пути, но сердце Марко — я в этом уверена, я никогда в этом не сомневалась, — сердце Марко всегда оставалось прежним.

— О, мой ангел-утешитель! — проговорил растроганно Марко. — Ваши слова проливают бальзам на мое сердце!.. Эрмелинда, Эрмелинда!.. Если бы вы всегда были моей светлой и нежной подругой, если бы вы не оставили меня на моем темном и тяжком пути, мои дни прошли бы тогда в тишине и невинности, озаренные священным счастьем супружеской и отцовской любви, и на склоне лет прошлое не представлялось бы мне мрачным и скорбным из-за всех моих бывших заблуждений... Скажите, вы не считаете меня дурным человеком? О, благодарю вас! Раз вы говорите мне это, значит, я никогда не был плохим до конца. Да разве могло измениться сердце, так долго горевшее небесным огнем, который зажгла ваша ангельская доброта, ваша святая добродетель! Да, Эрмелинда, благодаря вам я чувствую себя не столько преступным, сколько несчастным.

Графиня закрыла лицо руками и заплакала.

— Я теперь в вашем распоряжении, — продолжал все так же взволнованно Марко, — пусть моя кровь послужит искуплением моей вины: я готов пролить за вас ее всю до последней капли. Я отыщу Биче, чтобы вернуть ее вам, чтобы она была счастлива в своем столь желанном браке. Я найду и Отторино, чтобы своей рукой привести к нему супругу, которую я у него оспаривал. Я должен это сделать, ибо хочу доставить вам радость, загладить причиненное ему зло и вознаградить его за любовь и преданность, за которые я отплатил ему черной неблагодарностью. Я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу вас всех счастливыми, пока не станет явной вся эта позорная тайна.

Тут он на мгновение остановился, устремил взор в лицо Эрмелинды, которая все это время не переставала плакать, а затем, сжав кулаки, яростно воскликнул:

— И пусть трепещут мерзавцы, которым придется платить за эти слезы! Горе, горе им всем! Послушайте, Эрмелинда, даже

если я буду вынужден отрывать их от алтаря, то клянусь вам, клянусь адом...

— Нет, Марко, — решительно прервала его благочестивая графиня, глядя на него со смущением и робким достоинством, — нет, не оскверняйте уста богохульством. Как можете вы надеяться, что господь благословит столь милосердное дело, о котором вы мне говорили, если вы начинаете его со злобой в сердце? И как могу я верить в успех человека, с которым не будет благословения господнего?

— Вы ангел, — воскликнул Висконти, — а я... я ничтожество. Довольно! Еще до зари я буду в своем замке в Розате. И солнце завтрашнего дня увидит вас радостной. Прощайте!

— Прощайте, — отвечала Эрмелинда. — Да будет с вами господь и ныне, и во веки веков, да ниспошлет он вам всем свою милость. Прощайте.

И теперь, когда она увидела, что он уходит, все те силы, которые она напрягала, чтобы перенести это страшное потрясение, оставили ее. Упав в кресло, она прислушивалась к его шагам, громко отдававшимся под сводами бесконечных залов. Когда звук их затих, она встала и, пошатываясь, пошла в свои покои. Она была сломлена и оглушена всеми пережитыми волнениями, и ей казалось, что все это было во сне.

Выйдя из дворца, Висконти увидел у дверей Лупо, который ждал его возвращения.

— Ты поедешь со мной в Розате, — сказал Марко.

Лимонтец почтительно склонил голову, показывая, как он благодарен, и последовал за ним, не говоря ни слова. Выйдя из ворот, они поспешно пошли — Марко впереди, а Лупо за ним — по темным улицам города. Оба молчали, пока не дошли до дома Марко, а там взяли лошадей и галопом помчались в Розате.

Но по той же дороге, намного их опережая, давно уже скакал другой человек, о котором они ничего не знали. Это был гонец, которого Лодризио, сразу же извещенный о прибытии Марко в Милан, поспешно направил к Пелагруа.

Когда наши путники подъехали к стенам замка в Розате, уже начинала заниматься заря. Марко подал условный сигнал, тут же был опущен подъемный мост, распахнулись ворота, и он вместе с Лупо въехал в передний двор, не встретив по пути ни одной живой души.

Узнав владельца замка, привратник хотел было позвонить

в колокол, чтобы известить всех о его приезде, но тот жестом приказал ему не делать этого и сразу спросил, где Пелагруа.

— Он уехал ночью, — отвечал привратник, — и еще не вернулся. А тут как раз, — добавил он, — час назад прибыл гонец из Милана и привез ему письмо. По всему видно, очень срочное.

— Где этот гонец?

— Здесь, у меня в комнате, и ругается, как последний еретик, что его заставляют ждать.

— Пошли его немедленно в красный зал. Если тем временем вернется Пелагруа,пусти его, но никого не выпускай из замка без моего приказа. Ты понял?

— Даже управляющего, когда он вернется?

— Никого.

— Все будет исполнено.

Марко пересек обширный двор и поднялся в красный зал, чтобы принять посланца Лодризио. Спустя немного времени появился гонец. Подойдя к нему, Марко взял его за руку и приказал:

— Давай сюда письмо!

В слабом свете зари, проникавшем в зал, гонец в первое мгновение не узнал человека, который заговорил с ним и так грубо его схватил. Он попытался высвободить руку, рвался, извивался и наконец проговорил:

— Мне не велено отдавать письма никому, кроме управлятеля.

Но Висконти еще сильнее сжал его руку, подтащил его к окну и повторил угрожающим тоном:

— Давай сюда письмо!

При свете, падавшем из окна, бедняга узнал знаменитого воина. Он побледнел и ответил дрожащим голосом:

— Простите, я вас не узнал. . . Правда, хозяин сказал мне. . . но вы. . . вы здесь хозяин. Вот письмо. — И, вынув пакет из-за пазухи, он протянул его Марко.

Вскрыв письмо, Марко быстро прочел его. Под ним не стояло никакой подписи. Вот что было в нем написано:

«Подлый висельник,

я думаю, что ты уже приступил к делу, о котором мы договорились в прошлый раз. Черт бы тебя побрал с твоей медлительностью! Что с тобой станет теперь, когда Марко уже в Милане? Да, он вернулся сегодня ночью и завтра может нагрянуть к тебе. Пошевеливайся, проклятый! Не мешкай! Пусть это письмо подхлестнет тебя: спрячь все концы в воду, скрой все

улики, позаботься обо всем. Не забывай, несчастный, что речь идет о твоей шкуре».

Охваченный ужасом, Висконти, чувствуя, что у него холодеют руки и волосы встают дыбом, поднес кулак к лицу посланного и закричал:

— Кто тебе дал это письмо?

Вопрос был задан тоном, который не допускал никаких уверток и колебаний. Гонец не запирался, а сразу же ответил:

— Лодризио.

— Если ты хочешь выйти отсюда живым, — продолжал Марко, — то скажи мне, что за дела у твоего господина с моим управляющим.

Но тот, ошавев от страха, только смотрел на него выпученными глазами и ничего не отвечал.

— Известно ли тебе, — продолжал Марко, все более повышая голос, — известно ли тебе, о каком деле идет речь в письме, которое ты привез?

Ничего не соображая, гонец продолжал молчать.

— Знаешь ты это или нет, негодный трус? — загремел Марко, тряся его за плечи.

— О, пощадите меня, — отвечал тот, словно очнувшись от ужасного сна. — Я ничего не знаю: я только повиновался моему господину, который сказал мне: «Отвези это письмо Пелагруа». Вот я его и отвез... Верой в Христа-спасителя клянусь, что я ничего не знаю. Вы можете убить меня, но я ничего не знаю.

— Ладно, мы еще поговорим, а пока не вздумай выходить отсюда.

Сказав это, Марко бросился в комнаты управляющего, постучал и, когда служанка ему открыла, сказал ей, что хочет немедленно поговорить с женой Пелагруа.

Служанка, которая не знала Марко, провела его в небольшой зал, куда через несколько минут пришла жена управляющего. На руках у нее был ребенок — настолько неожиданным оказалось для нее это посещение.

— Где ваш муж? — мрачно спросил ее Висконти, как только она появилась.

Испуганная неожиданным появлением хозяина замка и голосом, каким был задан вопрос, бедняжка отступила на несколько шагов и, растерянно прижимая к груди ребенка, ответила с запинкой:

— Он уехал ночью, и я не знаю, где он сейчас.

— Прочтите это письмо, — приказал Марко, протягивая ей записку Лодризио, — и объясните мне сейчас же, что тут за тайны.

Бросив испуганный взгляд на роковую бумагу, жена Пелагруа упала перед ним на колени и, заливаясь слезами, сказала:

— О, сжальтесь над моим несчастным мужем!..

— Говорите же — что означают эти слова? — перебил ее Марко.

— Я скажу вам все, все, что я знаю.

— Встаньте и говорите.

Испуганная женщина поднялась на ноги и начала, дрожа и всхлипывая:

— Сколько раз я ему говорила, просила, умоляла... Господь свидетель...

— Я спрашиваю вас о Биче! — яростно заревел Марко. — Скажите мне, что с ней? Она жива?

— Да, она жива, она здесь уже больше месяца, — ответила женщина.

— Жива? Здесь? — повторил Висконти, облегченно вздыхая.

— Да, — продолжала жена управляющего, — вчера в сумерках я видела в окне ее служанку. Она, как всегда, жестами показала мне, как у них дела и в чем нуждается ее госпожа. Она дала мне понять, чтобы я не беспокоилась, а то ведь бедняжка уже давно больна.

— Скорее! Отведите меня к ней. Я хочу ее видеть, сейчас же, немедленно, говорю вам!

Женщина отдала ребенка служанке и сказала Марко:

— Идите за мной.

Они спустились вниз по маленькой лестнице, повернули налево под арку и вышли оттуда во двор. Затем они вступили в длинный и темный проход и, пройдя многие изгибы и повороты, вышли наконец в небольшой пустой дворик. Там, подняв руку, жена управляющего указала на верхние окна в стене напротив и сказала:

— Она там со своей верной служанкой, которую заперли вместе с ней.

— Пойдем к ней, — сказал Марко, собираясь уже ступить на первую ступеньку лестницы, ведущей наверх. Но тут же он остановился, на мгновение задумался и продолжал: — Нет, поднимитесь вы одна, я подожду здесь. Ведь если она увидит мужчину... если она увидит меня... Ободрите ее, скажите ей, чтобы она не отчаивалась, что скоро она увидится с матерью... и вер-

нется к себе домой... Скажите ей, что я... нет, ничего не говорите ей обо мне, не произносите моего имени, но скажите ей все, что может ее утешить, обещайте ей все, что она попросит.

— Но вы правда пришли, чтобы ее освободить? — робко спросила жена управляющего. — Сердце мое не вынесет, если я предам бедняжку...

— Пусть меня отлучат от церкви, пусть тело мое не будет покоиться в освященной земле, если я говорю неправду.

— Да благословит вас господь! — воскликнула женщина, воздев к небу руки.

— Пожалуй, — продолжал Висконти, — чтобы не терять времени, пока вы подниметесь к ней и будете ее успокаивать, я пошлю гонца к ее родным — пусть едут сюда поскорее.

Сказав это, он повернул назад, прошел прежним путем, вышел в большой двор, позвал Лупо и приказал ему тотчас же сесть на коня, выбрав лучшего скакуна из конюшни замка, и как можно скорее ехать в Милан, чтобы сообщить графу и графине дель Бальцо, что их дочь нашлась, и просить их немедленно приехать в Розате, чтобы отвезти ее домой.

Пока Марко занимался всем этим, жена Пелагруа поднялась по лестнице, вышла на галерею и, подойдя к двери, которая вела в комнаты Биче, слегка в нее постучала и позвала Лауретту. Ей никто не ответил. Приложив ухо к замочной скважине, она прислушалась. В комнатах все было тихо. Постучав сильнее, она стала звать Лауретту, стала звать Биче — никакого ответа. Тогда она подошла к защищенному решеткой большому окну второй комнаты, постучала пальцем в стекло, заглянула внутрь, опять стала звать служанку, потом госпожу — никого. Снова вернувшись к двери, она принялась стучать все сильнее, дергать ее, бить по ней кулаками, но все было напрасно.

Бедняжка почувствовала, что ее охватывает смертельный холод. Что могло случиться с пленницами? Она вспомнила о письме Лодризио и ужаснулась. Она подумала о Марко, и ей захотелось умереть на месте, провалиться сквозь землю, лишь бы не появляться перед ним с этим печальным известием. Но что было ей делать? Спрятаться? Бежать? Но куда и как? Да к тому же, если она тут же не вернется, Висконти заподозрит и ее. А вдруг тем временем приедет ее муж?.. Она подняла глаза к небу и проговорила:

— Господи, в твои руки предаю я душу свою, помоги мне!

Затем она боязливо направилась в комнаты, где, как она знала, всегда останавливался Марко, когда приезжал в замок.

Она как раз подошла к первому залу, когда увидела, что Марко появился из-под арок галереи, возвращаясь после того, как он отправил Лупо в Милан. Заметив ее, он ускорил шаг и как только оказался достаточно близко, чтобы можно было говорить, не повышая голоса, встревоженно спросил:

— Ну что? Вы ее успокоили? Вы сказали ей, что ее мать через несколько часов будет здесь? Как она себя чувствует, что говорит, что делает?

Вместо ответа женщина закрыла лицо руками и безудержно зарыдала.

— Боже мой! — воскликнул Марко, переходя внезапно от заботливых расспросов к отчаянию и гневу. — Что с ней? . . . Говорите скорей. . . Говорите, если вам дорога жизнь! — продолжал он, схватив ее за руку.

— Я ее не нашла, — всхлипывая, ответила жена управляющего прерывающимся голосом. — В ее комнатах пусто.

— Проклятая шайка! Все вы тут предатели и изменники! — вскричал Марко, словно обезумев. — Но слава богу, вы все у меня в руках, негодяи! Да, от меня вам никуда не уйти! И за кровь вы заплатите кровью! — И, ударив себя кулаком по лбу, он другой рукой крепко сжал запястье женщины, которая, решив, что пришел ее последний час, возвела очи к небу с такой мольбой, что при виде ее сжалился бы и более твердый человек.

Глубоко тронутый, Висконти выпустил ее руку и смотрел ей прямо в лицо, пока она, подняв кверху затекшую руку, говорила сквозь слезы:

— Господь свидетель: я ни в чем не виновата.

— Я верю вам, — сказал Марко. — Успокойтесь, добрая женщина, и не бойтесь меня. Возьмите себя в руки и расскажите мне все, что вы знаете.

Немного успокоившись, женщина рассказала о том, как она нашла дверь запертой, как она напрасно стучала и звала, как заглядывала в окна, и после ее рассказа у Висконти зародилась надежда, что Биче могла все же быть в своих комнатах, но по какой-то причине не захотела открыть и ответить жене управляющего. Вспомнив о потайном ходе в ее комнаты (о том самом, через который незадолго до этого вошли Лодризидо и Пелагруа, до смерти напугав бедных пленниц), он предложил жене управляющего пройти к Биче этим путем. Он сам провел ее через запутанный лабиринт потайных ходов и, сказав ей, что подойдет снаружи, дернул за шнур, который пустил в ход механизм, открывший им дверь.

Переступив через порог, жена Пелагруа притворила за собой дверь, чтобы скрыть Марко от глаз тех, кто, возможно, находился внутри, обвела взглядом комнату, в которой Биче обычно спала, но не увидела никого. Она бросилась во вторую, третью, наконец, в последнюю комнату, заглянула во все уголки, звала Биче и ее служанку, но нигде не нашла их.

Вообразите, какие муки испытывал тем временем Марко.

Спустя некоторое время женщина вернулась к двери, за которой оставила Марко, и сказала тихим голосом:

— Никого нет.

В комнате Биче, недалеко от той стены, где находилась потайная дверь, стояла большая кровать с узорчатым балдахином. На ней все еще лежали убранные ее руками простыни. Они были аккуратно подвернуты и разглажены, если не считать одного края, где оставалась небольшая вмятина, словно что-то на них опиралось. С тех пор, как Биче разуверилась в своей безопасности, хотя из-за болезни она никогда не покидала своих комнат, она не решалась больше спать в кровати и проводила мучительные ночи, не раздеваясь, сидя на стуле, слегка облокотившись о край постели и положив на подушки усталую голову.

На столике посреди комнаты стоял все еще не погасший светильник. Обгоревший по краям фитиль чадил, потому что масла осталось уже мало, и свет его был слабым и неверным. Взглянув на колеблющийся огонек, Марко, обуреваемый томительными предчувствиями, как это было свойственно людям его века, полного мрачных поверий и нелепых предрассудков, подумал, что это гаснущее, мерцающее пламя подобно жизни Биче, находящейся в опасности. Взяв за руку жену управляющего, он с суеверным страхом осторожно отвел ее в сторону, чтобы колеблющийся воздух не погасил огня.

Пройдя в соседнюю комнату, они увидели следы борьбы. Им бросились в глаза опрокинутый столик, осколки ваз, разбросанные вокруг цветы, которые, должно быть, прежде стояли в них. Постель была в страшном беспорядке: на полу валялись смятые одеяла, полог был разорван сверху донизу, кровать с одной стороны отодвинута от стены. Видимо борясь с нападавшими, служанка ухватилась за спинку кровати, от которой ее пришлось отрывать силой.

Марко осмотрел все это, не говоря ни слова, прошел в третью комнату, затем в четвертую, подошел к двери балкона, исследовал ее и, убедившись, что она закрыта изнутри на за-

сов, понял, что пленницы были уведены не этим путем, а через потайной ход. Поэтому он повернул назад, в сопровождении жены управляющего прошел через все уже осмотренные комнаты и вышел тем же путем, каким вошел. В одном из темных переходов женщина наступила на что-то мягкое. Нагнувшись, она подняла какую-то тряпку, в которой узнала смятый и затоптанный шарф Биче. Это лишний раз утвердило Висконти в его предположении, что девушка тоже прошла тут. Они молча двинулись дальше.

Длинный извилистый проход, в котором они нашли вуаль Биче, после бесчисленных поворотов заканчивался винтовой лестницей, и по ней можно было спуститься в заброшенный дворик, заросший крапивой и лопухами. Во дворик выходили две двери. Одной начинался темный туннель, который, прорезав толстый земляной вал и могучую каменную стену, выводил за пределы замка; он заканчивался воротами с опускной решеткой и подъемным мостом. Другая, пониже, окованная железом и закрывавшаяся тяжелыми засовами и замками, почти невидимая между огромными контрфорсами из бурого камня, вела внутрь замка. Через нее можно было проникнуть во все его подземелья, состоявшие из несметного числа казематов, каменных мешков и подвалов. Это был лабиринт запутанных ходов, узких коридоров и галерей, которые то расходились в разные стороны, то перекрещивались, то сходились самым неожиданным образом, окружая и пересекая весь фундамент огромного здания.

Вызвав местного судью, который вершил от его имени суд в замке и окрестностях, Марко приказал ему допросить семейство, жившее неподалеку от известного нам дворика. Было выяснено, что ночью оттуда доносились приглушенные крики, словно кричавшим зажимали рот. Не зная, были ли пленницы уведены через наружные ворота или спрятаны в подземельях замка, Марко, у которого не было ключей, приказал взломать двери всех подвалов. В то же время он послал нескольких смысленных людей в деревню послушать, что там говорят, и ко всему приглядеться, не вызывая, однако, подозрений у Пелагруга, если они с ним встретятся, и приказал им доставить его живым или мертвым в замок, как только они его найдут.

Те, кому было поручено обыскать подземелья, взломали дубинками, рычагами и кувалдами первую дверь и спустились в широкую и темную галерею, откуда разошлись в разные стороны, но тут их ждали новые препятствия: каждый боковой коридор был перегорожен большой железной решеткой, а мас-

сивные двери подвалов были заперты тяжелыми и прочными замками. Появляясь повсюду, Марко подбадривал работавших, сам помогал ломать двери, сбивать засовы и скобы, но все было напрасно. С трудом проникнув в один из коридоров, они разбили три или четыре двери и осмотрели столько же подвалов — везде было пусто. А во сколько еще коридоров предстояло им проникнуть, сколько еще подвалов осмотреть один за другим!

ГЛАВА XXXI

Тяжелая работа длилась уже несколько часов, как вдруг одному из работавших показалось, что из-под земли доносится чей-то далекий голос. Марко тут же приказал всем остановиться. Они долго прислушивались... Через некоторое время опять тот же звук. Это был протяжный, мучительный стон, долетавший откуда-то из подземелья, находившегося еще ниже, у самого основания башни. Все тотчас вновь принялись за работу. Надежда удвоила их силы. В один миг была сломана решетка, расшатана и повалена дверь. Марко с факелом в руке вошел в подземелье, поднял крышку люка и по винтовой лестнице спустился вниз. С трепетом вошел он в мрачную темницу и направился туда, где кто-то молил о милосердии. И вот у стены какая-то тень протягивает к нему руки. Он устремляется в ту сторону. Факел, который он держит в руке, освещает незнакомую фигуру... Но это не Биче, нет... это мужчина... Это был Тремакольдо.

Шут в двух словах поведал о своих злоключениях, о том, как, придя в замок, чтобы узнать тайну исчезновения дочери графа дель Бальцо, он был схвачен и брошен в темницу, откуда не чаял уже больше выбраться. О Биче ему ничего известно не было.

Шута освободили от оков и тут же выпустили из темницы, а Марко, еще более встревоженный этой неудачей, приказал продолжать поиски. Через некоторое время вниз спустился один из оруженосцев и сообщил, что граф и графиня дель Бальцо прибыли в замок и настойчиво спрашивают хозяина. При этом известии Марко побледнел. Сначала он сделал несколько шагов к двери, словно собираясь выйти навстречу гостям, но тут же вернулся назад, печально склонив голову, бессильно опустив руки, прислонился к столбу и долго стоял так без движения, не говоря ни единого слова, не сделав ни единого жеста.

Вдруг в дальнем конце подземелья раздались голоса. Несколько человек кричало:

— Она здесь! Здесь! Нашли! Нашли!

Побросав инструменты, все с криками радости бросились в ту сторону, откуда доносились крики. Мелькавшие повсюду факелы озаряли неверным светом длинные побуревшие своды запутанного лабиринта.

— Она жива? — спросил Марко, оказавшийся в середине толпы.

— Нет, умерла, — ответил чей-то голос из темницы, куда все старались протиснуться.

Затем оттуда вышла кучка людей, посреди которой двое оруженосцев бережно несли на руках Биче. Ее лицо было покрыто восковой бледностью, веки сомкнуты, а голова склонилась на плечо. За ней шла с распущенными волосами Лауретта. Поддерживая голову госпожи, она не переставала ее целовать и орошать слезами.

Марко прошел рядом с телом девушки до лестницы, выходившей из подземелья во внутренний дворик. Когда они поднялись по ней, свежий воздух и солнечный свет помогли Марко прийти в себя. Он вспомнил, что его ждет Эрмелинда, и понял, что она умрет от горя, увидев дочь в таком состоянии, если ее не подготовить. Эта мысль на минуту вернула ему прежние силы. Он сделал знак тем, кто был в подземелье и шел теперь за ним, чтобы они остановились, и, к их удивлению, громко и уверенно приказал потушить факелы и прекратить всякий шум. Люди молча разошлись, и никто не осмеливался говорить о том, что они видели внизу.

Обогнав Лауретту и обоих оруженосцев, которые несли Биче, Марко молча прошел в комнаты жены управляющего.

Как только дочь Эрмелинды положили на кровать, Марко спросил служанку, когда скончалась Биче.

— Она еще совсем недавно была жива, — отвечала Лауретта сквозь рыдания. — Она умерла от страха у меня на руках, когда услышала, как взламывают дверь нашей темницы, и решила, что это пришли нас убить.

Тут в комнату вошел срочно вызванный врач. Он внимательно осмотрел Биче и поднес к ее рту свечу. . . Пламя слегка отклонилось в сторону. Лауретта и жена управляющего засуетились, стараясь привести девушку в чувство. Мало-помалу сердце ее вновь начало биться, появился пульс, живое тепло согрело холодные руки. . . Но силы Биче были подорваны стра-

даниями, волнениями и перенесенным испугом. У нее началась лихорадка... Врач опасался, что она не доживет до утра. Марко, который, увидев, что Биче неожиданно воскресла, был вне себя от радости, при этом известии печально опустил голову. Затем с видом человека, которому уже больше не на что надеяться и нечего бояться, он подошел к жене Пелагруа и спросил ее об Отторино.

По некоторым словам, оброненным в ее присутствии Лодризио, она догадывалась, что муж Биче заключен в замке Бинаско. Она сказала Марко о своих подозрениях, и он решил немедленно начать поиски пленника. Он вышел из комнаты больной, приказав уйти всем, кроме Лауретты, чтобы, придя в себя, бедняжка, которой становилось все лучше, видела около себя только привычное и нежное лицо своей служанки.

— А сейчас пойдите позовите мать Биче, — сказал он жене управляющего, — и пусть она помолится также и за меня.

Сказав это, он поспешно спустился во двор, отдал какие-то распоряжения судье, вскочил на коня, выехал из замка, и подъемный мост тут же был поднят снова.

Окна комнаты, в которую принесли Биче, выходили на равнину, раскинувшуюся перед замком с восточной стороны. Солнце, стоявшее уже высоко, заглядывало в окно, напротив которого стояла кровать Биче, и бросало на ее лицо свет, лишь подчеркивавший его смертельную бледность и изможденность. Придя в себя, девушка открыла глаза и тут же опять их закрыла, заслоняясь рукой от солнца, потому что яркий свет причинял ей боль после долгих часов пребывания в кромешной тьме подземелья, из которого ее вынесли совсем недавно.

Служанка торопливо закрыла ставни. Потом она вернулась к своей госпоже, села возле нее, обняла ее и, плача, стала звать ее по имени. Биче почувствовала ее слезы на своих щеках, узнала ее голос и, вновь открыв глаза, посмотрела на нее долгим взглядом, словно в забытии.

— Это ты, Лауретта? — спросила она наконец.

— Да, это я. Все хорошо. Нас освободили из темницы, успокойтесь.

Но Биче, не понимая еще как следует смысла ее слов, испуганно продолжала:

— Куда ушли эти злодеи?.. Ведь они сломали дверь темницы... Я слышала, как они кричали, я чувствовала удары их кинжалов... О, скажи мне — меня ведь не убили?.. Мне казалось, что я умерла, что меня несли хоронить и было много-мно-

го людей и много-много факелов... Это было ночью, почему же вдруг стало светло как днем? Где мы сейчас?

— Мы в покоях доброй жены управляющего. Мы свободны, говорю вам, сам Марко пришел, чтобы...

Звук этого страшного имени подействовал на Биче, как прикосновение раскаленного железа, от которого вздрагивает даже умирающий. Она испуганно села на постели и воскликнула:

— Бежим! Бежим! Спрячь меня поскорее, спаси меня, спаси меня во имя господ!

— Нет, нет! Успокойтесь! Марко здесь нет. Никто не войдет в эту комнату без вашего разрешения. Я же говорю вам — мы свободны. И знаете, какую хорошую новость хочу я вам сообщить? Приехала ваша мать.

— Моя мать?

— Да, ваша мать. И как только вы поправитесь так, что сможете вынести переезд, мы вместе с ней вернемся домой.

— О, пожалуйста, не обманывай меня! Вспомни, сколько раз ты говорила мне, что она, наверное, скоро придет! А что было потом?..

— Но теперь-то она правда здесь, и вы ее увидите, когда захотите.

— Нет, нет, твоя жалость слишком жестока! Нет, я знаю, что больше ее не увижу. Я столько раз молила бога ниспослать мне эту милость. Я пролила столько слез, я так верила в это! И все же богу не было угодно меня услышать!

— О, дочь моя! — вскричала в этот миг Эрмелинда срывающимся от волнения голосом.

Врач удерживал ее в соседней комнате, чтобы радость первой встречи не подорвала угасающих сил несчастной; Эрмелинда услышала оттуда слова Биче и, не в силах сдержать нахлынувшие на нее чувства, бросилась к дочери.

Биче склонила голову на плечо матери, и они долго молчали, прижавшись друг к другу. Эрмелинда первой освободилась от этих нежных и горестных объятий. Положив руку на голову дочери, она сказала:

— А теперь отдохни. Видишь, я с тобой, и мы больше никогда не расстанемся. Теперь мы всегда будем вместе. Да, да, моя дорогая, моя бедная Биче. Все несчастья позади, не думай больше о них, думай только о своей матери, которая навсегда с тобой, которая никогда с тобой не расстанется.

Биче послушалась и на минуту опустила голову на подушки, но затем вновь приподнялась на кровати и, невзирая на слабые

протесты и упреки матери, опять обняла ее. Заливаясь горячими слезами, она беспрестанно повторяла:

— О матушка! Милая матушка!

— Ты знаешь, отец тоже здесь, — сказала Эрмелинда, едва она немного успокоилась и смогла опять заговорить.

— Отчего же он не пришел? — воскликнула девушка, обрадовавшись еще больше.

Позвали графа, и он вошел в комнату с взволнованным и испуганным видом. Но когда он увидел, как исхудавшая, изможденная дочь высвободилась из объятий матери и с любовью протянула к нему руку, обычная робость сменилась в его душе жалостью, и он не испытывал уже других чувств, кроме любви к дочери. Он бросился к Биче, прижал ее к своей груди и растроганно спросил:

— Ты больна, доченька?

— О нет, теперь, когда рядом со мной мои дорогие родители, я чувствую себя гораздо лучше... Но что с Отторино?

Граф поджал губы, словно выпил горькую микстуру, и, не удержавшись, сказал:

— О, ради бога! О ком ты говоришь! И здесь!

— Но разве он не муж мне? — отвечала девушка негодующим голосом. Потом она доверчиво повернулась к матери и спросила: — Ведь он жив, правда? Могу ли я его увидеть?

— О да, господь, наверное, сохранит его нам, — ответила Эрмелинда. — Жена управляющего сказала мне, что он, должно быть, сейчас в Бинаско, и Марко сам отправился туда, чтобы найти его и привезти сюда.

— Марко! — воскликнули разом отец и дочь, охваченные одинаковым удивлением и страхом, хотя и по разным причинам.

— Да, Марко Висконти, — повторила женщина и тут же рассказала им, о чем говорила с ним прошлой ночью. Она объяснила, что Висконти не имел никакого отношения к этому преступлению, сказала, что он глубоко страдает из-за своей косвенной причастности к нему и готов отдать жизнь, если это будет нужно, чтобы как-то искупить невольно принесенное им несчастье; она коротко упомянула о его вернувшемся расположении к Отторино и не побоялась даже сказать о его любви к Биче, так как знала, что эта любовь, очищенная раскаянием и муками совести, превратилась теперь в почтительное поклонение. При этом она не искала оправданий для Марко, а так горячо его

восхваляла, что в душе ее дочери и мужа не осталось и следа от прежних обид.

Биче спросила:

— Вы сказали, что он поехал на поиски Отторино, не правда ли? .. Как вы думаете, успеет он приехать, чтобы повидаться со мной?

— Ах, дочь моя, не говори так! — воскликнула Эрмелинда с мягким упреком.

Биче взяла руку матери и покрыла ее поцелуями. Ни та, ни другая не посмели произнести слова надежды, потому что надежды не было в их душе.

В течение всего дня болезнь все больше овладевала девушкой, которая была слишком слаба, слишком измучена и не могла оказать ей сопротивления.

Подчиняясь распоряжениям врача и настойчивым уговорам Эрмелинды, Биче все время молчала, спокойно ле-

жала на подушках и довольствовалась тем, что неотрывно смотрела на сидевшую у нее в ногах мать, поворачивая за ней голову, если той почему-либо приходилось подвинуться на другое место.

В ногах кровати, рядом с Эрмелиндой, сидела любимая служанка Биче — Лауретта, которая, как ни уговаривали ее все присутствовавшие и особенно Биче, не захотела оставить комнату больной и пойти немного отдохнуть, хотя она очень нуждалась

в отдыхе после мучительных бдений прошлых ночей. Она вполголоса рассказывала матери историю бед, которые они вместе с молодой госпожой перенесли после приезда в Розате. Она рассказала о том, как негодяи хитростью и обманом пытались заставить Биче отказаться от обета верности, данного ей своему супругу, как ее обманывали, чтобы заставить забыть его и склонить ее мысли к тому человеку, которого обе они считали виновником своих несчастий. Она не забыла упомянуть и о доброте жены управляющего, которая, несмотря на то что муж все время подозревал ее и следил за ней, никогда не переставала предупреждать их об опасности, давать им советы и по мере сил утешать их. Глубоко взволнованная этим рассказом, Эрмелинда время от времени бросала полный сострадания взгляд на свою бедную дочь, перенесшую столько мук, а Биче, которая прекрасно понимала, о чем они так долго разговаривают, отвечала ей улыбкой, полной любви.

Однако эта тишина и спокойствие иногда нарушались шумом, доносившимся из замка. Биче сразу же начинала прислушиваться, слабый румянец появлялся на ее лице, и она спрашивала у матери:

— Он приехал?

Эрмелинда поспешно выходила из комнаты и, возвращаясь, всякий раз отрицательно качала головой, хотя и добавляла при этом слова надежды и утешения.

К вечеру больная, которой становилось все хуже и хуже, снова захотела увидеться с родными.

— Послушай, дочь моя, — сказал ей отец. — Отторино еще не приехал, но мы ждем его сегодня вечером.

Биче взволнованно воскликнула:

— Отторино! Мой муж! Мой дорогой муж! Если бы я смогла увидеть его прежде, чем умру!

Эрмелинда и граф с трудом сдерживали рыдания и не могли вымолвить ни слова. Несколько секунд все молчали. Тем временем Лауретта принесла больной подкрепляющее питье, а сама села в кресло около кровати, но, сломленная усталостью и волнениями, вскоре опустила голову на одеяло и уснула. Как только Биче это заметила, она, не снимая руки с ее плеча, сделала знак присутствующим, чтобы они замолчали и не шумели. Она сама, продолжая говорить с исповедником, понизила и без того уже слабый голос, и благочестивый монах, растроганный этой благородной заботливостью, поступил точно так же. Вначале Биче ежеминутно просила поправить одеяла и подушки: ей хо-

телось то привстать, то перевернуться на другой бок, как это часто бывает с больными, которые от страданий не находят себе места; но теперь она старалась лежать неподвижно и сдерживала дыхание, боясь разбудить свою дорогую Лауретту, и только смотрела на нее любящим и ласковым взглядом. Когда Лауретта проснулась, начало уже светать и свет лампы, стоявшей рядом с кроватью, побледнел в лучах зари, падавших из окна напротив.

Проснувшаяся Лауретта удивленно обвела комнату взглядом, не понимая, где она находится, но тут ее взор упал на Биче, которая, нежно улыбнувшись, сказала ей:

— Ты со мной, с твоей Биче.

Лауретта смущенно опустила голову, стыдясь, что телесная немощь заставила ее на некоторое время забыть о своей госпоже. Но та, хотя и не угадала чувства Лауретты, сумела быстро ее утешить, отвечая благодарностью за каждую услугу, которую Лауретта оказывала ей с еще большей энергией и нежностью, чем прежде.

Через час после восхода солнца Биче сказала, что она устала и хочет поспать. Она опустилась на подушки, закрыла глаза и через некоторое время заснула тревожным лихорадочным сном. Вдруг она встрепенулась, словно от толчка, подняла голову и снова упала на подушки. Холодный пот выступил на ее лбу, дыхание стало прерывистым, пульс исчез. Все пришли в ужас, думая, что это конец. Однако это был всего лишь мимолетный приступ сердечной слабости, от которого она вскоре оправилась. Оглядевшись и видя всеобщее отчаяние, Биче ласково сказала:

— Отчего вы плачете? Видите, я опять с вами.

Все столпились вокруг ее кровати, а она, немного отдышавшись, обратилась к матери и продолжала:

— И все же я чувствую, что жизнь уходит от меня, что близится мой час. Будьте тверды и выслушайте мои последние слова, последнее желание моей души.

Она сняла с пальца кольцо и передала его матери, говоря:

— Мне дал его в вашем присутствии Отторино. Это символ уз, которые были такими краткими. Если вы его еще увидите, отдайте ему это кольцо и скажите ему, что сейчас, в этот миг, я прошу его только об одном: во имя его любви ко мне, пусть он ни с кого не требует ответа за то, что мне пришлось вынести на этом свете.

Она минуту отдыхала, а потом слабым кивком указала на служанку, стоявшую в ногах кровати, и проговорила:

— Мне не нужно напоминать вам о ней — вы всегда ее любили, но после всего того, что она из-за меня перенесла, она стала мне близка, как сестра, так пусть же она будет вам дочерью... Она будет более послушной, чем я... ведь вы меня слишком баловали. — И, повернувшись к Лауретте, она спросила: — Ты обещаешь мне это?

— Да, да, — отвечала та, — я никогда, до самой смерти не покину вашу мать, я всегда буду с ней и всей душой буду принадлежать ей.

Чувствуя, что силы оставляют ее, больная замолчала. Некоторое время она дремала, потом, медленно открыв глаза, посмотрела в окно, через которое лились солнечные лучи, и прошептала про себя:

— О мои любимые горы!

Мать подошла к ней поближе, и Биче все более слабеющим и прерывающимся голосом с трудом проговорила:

— Там, на кладбище в Лимонте, в той капелле... где покоится мой бедный брат... где мы молились... и столько раз вместе плакали... Похороните меня рядом с ним... Вы будете приходить туда и оплакивать нас обоих... Эти добрые люди будут молиться за меня... Передайте им всем мой поклон... И бедная Марта... ведь ее сын тоже поконит в этом месте...

Но внезапно царившую в комнате торжественную тишину нарушил донесшийся с лестницы звук торопливых шагов. Все взоры обратились к двери. Жена управляющего встала, пошла навстречу двум людям, появившимся в комнате, и обменялась с ними какими-то словами. Один из пришедших остановился у порога, а другой, бросившись в комнату, упал на колени перед кроватью и начал целовать одеяла, обливая их слезами.

Эрмелинда, граф и Лауретта сразу же узнали Отторино, другие же догадались, что это он.

Юноша только что прибыл из замка Бинаско вместе с человеком, именем которого его держали там в заточении и который сам прибыл туда, чтобы его освободить.

Потревоженная этим шумом, умирающая с трудом приоткрыла глаза, но не увидела вновь прибывшего, так как его заслоняли другие, и спросила, что случилось.

— Как?.. Отторино? — пролепетала умирающая, напрягая последние силы, чтобы произнести это имя.

И в глазах ее вновь блеснул угасавший было свет; она про-

тянула ему руку, которую он прижал к измученному лицу. Через минуту Биче нежно отняла у него руку и, показывая пальцы, стала кивать в сторону матери. Тогда Эрмелинда быстро сняла кольцо с пальца и вручила его Отторино, который, поцеловав его, сказал:

— Я унесу его с собой в могилу.

ГЛАВА XXXII

Марко стремительно вышел из комнат жены управляющего, за ним бросился Отторино, который среди тревог этого рокового утра не переставал почтительно заботиться о своем господине; ему необходимо было в этот миг забыться, встряхнуться, сделать что-нибудь, чтобы прийти в себя, чтобы вновь вернуть ясность рассудку, потрясенному страшным ударом.

Великий воин тер рукой лоб и глаза, словно пытаясь прогнать пелену мрака; он широкими шагами прошел по галерее, поднялся по лестнице и остановился перед какой-то дверью, не зная, войти или нет. Тут ему вдруг стало душно, он почувствовал, что ему необходим свежий воздух, и пошел по лестнице дальше вверх. Он поднимался все выше и выше, пока не очутился на верхней площадке башни. Здесь он остановился, окинул взглядом открывавшуюся сверху панораму, взглянул на солнце, окутанное пылающими облаками, и, наконец опустив голову на грудь, скрестив руки, прислонился к стене и надолго замер в молчании. Глаза его были сухи, лицо — мрачно и насупленно, на широком лбу, который то и дело пересекали морщины, читались сменявшие друг друга жестокие мысли.

Через минуту он заметил стоявшего неподалеку юношу, который поднялся на башню вместе с ним и теперь молча смотрел на него. Марко спросил его:

— Почему ты ее покинул?

— О ней заботятся родные, — отвечал Отторино.

— Да, ты прав, — продолжал Висконти, — нам не следует терять время на сетования, когда надо действовать. А сейчас спустись по этой лестнице: на первом этаже находится комната судьи, — скажи ему, чтобы он прислал сюда Пелаграуа. Я хочу сам его допросить. Ты тоже приходи: мне понадобится твоя помощь.

Отторино, казалось, на миг заколебался, но Марко, угадав его мысли, сказал:

— Иди не сомневаясь. Как я смогу прожить остаток своих дней, если буду знать, что кровь не отмщена и подлость не наказана? За причиненные страдания расплачиваются страданиями... За... Нет, Марко не умрет, как последний негодяй, не отомстив врагу.

Юноша ушел, а Марко, скрестив руки на груди, стал ждать, когда Пелагруа предстанет перед ним.

В это время Пелагруа был уже в замке. Расскажем теперь читателям, как он оттуда уехал и как туда возвратился.

После того как он и Лодризио поговорили о Биче, оба негодяя поняли, что никакими силами не смогут заставить эту несчастную согласиться на их безумный план. Видя, что она изо дня в день теряет силы и тает у них на глазах, они решили любой ценой избавиться от нее, как от опасного бремени, которое тянуло их ко дну. В ту ночь, когда Марко приехал в Милан, а точнее — как раз в то время, когда он беседовал с Эрмелиндой, управляющий Розате по уговору с Лодризио отправил жену Отторино вместе с ее служанкой в подземелье, в котором намеревался их уморить, а сам поехал по делам в Фаллавеккья, деревушку недалеко от Розате, где и оставался до следующего дня.

Когда он вернулся в замок, — как, несомненно, понимает читатель, совсем не подозревая о случившемся, — его схватили слуги Марко. Во время допроса у судьи он вначале вел себя высокомерно, но, узнав, что сам Марко прибыл в замок и что Биче найдена, понял, что погиб.

Когда Отторино пришел за ним, два стражника скрутили ему руки и велели подняться на башню. Поднимаясь со ступени на ступень, Пелагруа умолял шедшего за ним юношу заступиться за него и спасти его от гнева его господина. Представ перед Марко, Пелагруа бросился перед ним на колени и, стуча от страха зубами, бессвязно залепетал:

— Сжальтесь, сжальтесь надо мною!.. Я думал... Я не по злобе... Я только хотел... Во всем виноват Лодризио... Это он меня заставил... Простите меня, и я вам все расскажу... Вы увидите...

Но Висконти только бросил на него гневный и презрительный взгляд и, не слушая, принялся просматривать бумаги, переданные ему от имени судьи одним из стражников. Прочитав их, он сделал знак солдатам отойти в сторону, затем отдал всю пачку бумаг Отторино и сказал:

— Это твои письма. Их нашли в комнате бедняжки.

Юноша взял бумаги и стал их читать.

Тем временем Марко вновь посмотрел на управляющего, который, распростершись у его ног, не переставал рыдать и молить о пощаде. Пнув его ногой в плечо, он приказал гневным голосом:

— Встань, негодяй!

Несчастный повиновался. При виде его физиономии, на которой даже страх и унижение не могли уничтожить злобного и жестокого выражения, хозяин Розате почувствовал, что кровь закипела у него в жилах. Сделав несколько шагов взад и вперед, чтобы немного успокоиться, он наконец остановился перед предателем и начал допрос:

— Когда Лодризио приезжал сюда?

Но не успел еще управляющий ответить, как Отторино пошел к Марко и, показав письма, которые тот ему дал, сказал:

— Это бесстыдная и жестокая подделка. Все эти письма писал не я.

Марко вырвал у него из рук бумаги и, швырнув их в лицо Пелаграу, который при этих словах Отторино затрепетал еще сильнее, спросил его срывающимся от гнева голосом:

— Так от кого же эти письма?

— Это... — начал тот, запинаясь, — это... чтобы угодить вам... чтобы лучше вам услужить...

При этих словах у Висконти от ярости потемнело в глазах.

— Ах ты исчадие ада! — взревел он словно безумный и с такой силой ударил Пелаграу, что тот со свернутой челюстью полетел вниз головой с башни, у подножия которой наутро нашли его бездыханное тело, пронзенное кольями, которыми был утыкан ров.

После этого Марко ушел в свои покои, никому, даже Отторино, не позволив следовать за собой. Он заперся на ключ и просидел в одиночестве до поздней ночи, роясь в шкафах и разбирая бумаги. Многие из них он сжег, другие положил на место, кое-где сделал пометки на полях. Потом он написал письма разным людям и оставил завещание, в котором, назначив хорошее содержание вдове Пелаграу и щедро одарив оруженосцев, пажей и многочисленную родню, кормившуюся за его счет, назвал своим наследником Отторино. В полночь он велел привести к нему монаха, который читал молитвы над Биче, и пожелал у него исповедаться. Сделав это, он бросился в кресло и, как рассказал затем слуга, незаметно за ним приглядывавший из соседней комнаты, спокойно проспал около двух часов. Проснув-

шись, он попросил пить. Ему принесли воды в большом золотом бокале, и он залпом осушил его до дна. Чувствуя, что ему больше не удастся уснуть до утра, и тяготясь вынужденным бездельем, он вышел на галерею и принялся, как зверь в клетке, ходить из угла в угол, прислушиваясь в темноте к тихому бормотанию молитв, долетавшему среди всеобщей тишины из комнаты напротив.

Тем временем в Милане Лодризио не находил себе места от мучивших его сомнений. Видя, что посланный им к управляющему гонец не возвращается, он отправил в Розате нескольких верных людей, которые, порасспросив кое-кого в окрестностях, вскоре узнали обо всем. Лодризио донесли, что письмо его попало в руки Висконти, что Биче, найденная в подземелье, умерла, что Отторино освобожден, а управляющий после допроса убит самим Марко. Лодризио понял, что все его козни раскрыты, что ему не удастся оправдаться и уйти от гнева грозного военачальника, которого он так низко и жестоко обманул. Мерзавец уже представлял себе, как тот появится перед ним и яростно потребует у него ответа. И хотя Лодризио был храбрым человеком, смелым и уверенным в себе, ему все же было не под силу тягаться с подобным противником, которого заслуженно считали первым рыцарем Ломбардии. К тому же, если бы дело дошло до ссоры, неизбежно выплыли бы на свет такие дела, которые навек покрыли бы его имя позором.

Загнанный в угол негодяй, стараясь избежать кары за предательство, задумал и совершил новое, еще более подлое и отвратительное преступление.

Он написал письмо Адзоне, притворяясь, будто жалеет о своей измене, и открыл ему заговор Марко, который хотел захватить власть в Милане. В доказательство он приложил к своему посланию многочисленные письма, записки и другие бумаги, находившиеся в его руках. После того как письмо было отослано, он ушел из дому, сказав, что отправился во дворец к наместнику, а сам тем временем, вскочив на коня, выехал за ворота города и не слезал с седла до тех пор, пока не оказался в безопасности, за пределами Миланского государства.

Вне себя от тоски и гнева, Марко не мог спокойно ходить по земле, не мог наслаждаться утренней прохладой, не мог смотреть на солнце, поднимавшееся, чтобы осветить его жизнь. С сердцем, переполненным отчаянной жадью мести, не помышляя ни о чем другом, примчался он в Милан и, обманутый лож-

ными сведениями, полученными в доме Лодризио, отправился во дворец к наместнику, где, как легко себе представить, ему уже был подготовлен соответствующий прием.

Своего оруженосца он оставил в одном из первых залов и спросил у слуг, где найти того негодяя, который был ему нужен.

— Он здесь, — отвечал ему один из них, указывая на какую-то дверь и направляясь к ней, чтобы почтительно распахнуть ее перед посетителем.

Ни о чем не подозревая, Марко переступил порог и очутился в длинном зале. Как только Висконти вошел, дверь за ним со

скрежетом захлопнулась, а из тайников мгновенно выскочили шестеро вооруженных людей в кольчугах и шлемах с опущенными забралами и тут же набросились на него с разных сторон. При первом натиске они дважды задели его кинжалом по горлу и ранили в бок. Затем, навалившись на Марко сзади, они пытались повалить его на пол. Марко потянулся к кинжалу, но не нашел его, потому что кто-то из напавших ловко сорвал с него оружие. Марко понял, что погиб, однако решил не сдаваться без боя. Занеся кулак, который никто не смог удержать, он с такой силой обрушил его на голову одного из нападавших, что тот грохнулся на пол, точно бык, оглушенный кувалдой. Но остальные все вместе навалились на истекающего кровью Марко. Подтащив его к окну, выходившему на улицу, и ухватив за руки и за ноги, они с трудом подняли его, раскачали и бросили вниз головой на мостовую, где он через секунду и испустил дух.

Позже в Милане, в Ломбардии и во всей Италии ходили сотни самых разных рассказов о кончине славного воина. Многие, как легко себе представить, намекали, что причиной его трагической смерти была мрачная история его любви. Кое-кто в угоду сильным мира сего, жаждавшим поскорей замять эту позорную историю, верил или делал вид, будто верит, что сам Марко, убив из ревности Биче, обратил кинжал против себя и выбросился из окна дворца наместника. Эти слухи были собраны и записаны некоторыми слишком легковверными или слишком боявшимися правды современниками Висконти. Лазарио, более осторожный, чем другие историки, пишет, что о смерти Марко нельзя сказать ничего определенного, что его обвиняли во многих грехах, в которых он был неповинен, и умалчивали о других, гораздо более вероятных.

Но за пределами Ломбардии, где люди не трепетали перед семейством Висконти, никто не сомневался, что Марко был убит по приказанию Адзоне и его братьев. Джованни Виллани, например, тот самый Джованни Виллани, который хорошо знал нашего Марко и вел с ним во Флоренции переговоры о продаже Лукки, прямо говорит, как умер великий воин. И, объясняя причины недомолвок и колебаний наших летописцев, тут же пишет следующие примечательные слова: «Все миланцы были потрясены коварным убийством мессера Марко, но никто не осмеливался говорить о нем».

Марко Висконти был с большими почестями похоронен в Милане, в церкви Санта Мария Маджоре, а супругу Отторино, как нам сообщает достоверный источник, перевезли, согласно ее просьбе, для погребения в Лимонту.

Граф и графиня дель Бальцо вместе с Лауреттой в то же утро выехали из Розате, направляясь в Лимонту на похороны Биче. По дороге их догнали домочадцы, находившиеся в Милане, которые были извещены о том, что родители Биче отправились в сторону озера Комо.

Те, кто прибыл из Милана, еще ничего не знали о судьбе Марко; они слышали о нем лишь в Севезо, где остановились переночевать на постоялом дворе. Никто не хотел верить, что Марко погиб, — ведь они совсем недавно выехали оттуда, где скорее, чем в любом другом месте, могли бы узнать такую новость. Лупо и Амброджо как раз обсуждали эти слухи с хозяином двора и некоторыми местными жителями, высчитывая, сколько времени прошло после их отъезда из Милана, когда прибыл гонец, посланный вслед за семейством графа дель Бальцо из Розате сразу после того, как там было получено роковое известие, но только теперь сумевший их догнать. Гонец, один из верных слуг Висконти, со слезами подтвердил сообщение о гибели своего господина. Отведя затем в сторону Эрмелинду, он передал ей письмо от Марко, которое, сказал он, было найдено на столе его господина. Сердце женщины, и без того истерзанное материнскими страданиями, не вынесло нового горя и ужаса: ее охватил озноб, в глазах у нее помутилось, по всему ее телу прошла судорога. Спрятав на груди письмо, которое в тот миг она была не в силах ни вскрыть, ни прочитать, она упала в кресло и, казалось, лишилась чувств.

Не теряя времени, Лупо вскочил на коня и поскакал прямо в Милан на поиски Отторино, которому он мог в такое время понадобиться. Все были поражены случившимся, но граф был потрясен и испуган несравненно больше других.

В самом деле, связь с Марко, который, как утверждали, был убит по приказанию наместника за тайные интриги, могла в тот миг заставить призадуматься человека и менее робкого, чем он.

Но Адзоне, сам напуганный размахом раскрытого заговора, счел за лучшее смотреть на все сквозь пальцы и не ворошить осиное гнездо, так что, не говоря уж о графе дель Бальцо, ко-

торый был надежно защищен своим ничтожеством, многие близкие друзья Марко, самые ярые и влиятельные его сторонники, отделались только испугом.

Тем временем продолжались давно уже начатые переговоры о примирении Висконти с церковью. Папа, вернувший свое благоволение владыке Милана, выступившему против германского императора, не поверил или сделал вид, что не поверил слухам о том, что Адзоне повинен в убийстве своего дяди, и снял отлучение и с него, и с его семейства, и со всего города и округа. По этому поводу были устроены великолепные праздники и пиршества. Светские сеньоры, захватившие было церковное имущество, возвратили его духовенству, которое стекалось теперь в Милан со всех сторон. Среди вернувшихся был и законный аббат монастыря святого Амвросия Астольфо ди Лампуньяно, вновь поселившийся в своей прежней обители, из которой он был так надолго изгнан. Ему были возвращены все древние владения монастыря, в том числе и Лимонта. Едва приехав в Милан, он написал длинное письмо местному священнику, в котором похвалил его и всех жителей Лимонты за их верность законному господину, выразил сожаление по поводу испытаний, выпавших на их долю из-за самозванного аббата, которого он не преминул назвать раскольников, еретиком, чернокнижником, бесовским отродьем, и, наконец, самое главное, в возмещение понесенных ими убытков предоставил им новые привилегии и льготы.

Наши горцы с большой торжественностью вновь открыли свою маленькую церквушку.

Проснувшийся от долгой спячки колокол трезвонил три дня и три ночи, не умолкая ни на минуту. Мужчины и дети оспаривали друг у друга право звонить в колокол, влезали на колокольню, цеплялись за канат, били в медные бока колокола прутьями, камнями и чем попало. На улицах появились сплетенные из веток триумфальные арки, процессия шла за процессией, служба продолжалась с утра до ночи, и все это время церковь была переполнена. В заключение отслужили общую панихиду по всем погибшим в лихолетье, после чего прихожане попарно — мужчины впереди, женщины позади — отправились на кладбище, где опустились на колени и принялись читать молитвы. На лицах молившихся была написана торжественная скорбь по усопшим и тихая, молчаливая радость, потому что наконец пришло освобождение. Поминая умерших и убитых врагами жителей Лимонты, добрые люди то и дело обращали свои взоры на

белый камень, появившийся недавно около часовни, на котором было написано дорогое всем имя.

Марта, стоявшая на коленях возле могилы своего Арригоццо, поднялась, чтобы уйти, но, проходя мимо белого камня, наклонилась над ним и поцеловала его с почтением и любовью. Жена сокольничего, а за ней и все остальные деревенские женщины последовали ее примеру. Лишь Эрмелинда и Лауретта, которые тоже были на кладбище, не смогли заставить себя это сделать, но вечером, спустившись по тропинке с горы, они вернулись сюда вдвоем и, никем не замеченные, стали плакать и молиться над белым камнем.

С тех пор их одинокие прогулки всегда кончались на кладбище.

Лупо не участвовал в празднествах: вместе с Отторино он отправился в Святую Землю. После смерти Биче и Марко молодой рыцарь не мог больше оставаться в родных краях. Сознание, что где-то рядом живет Лодризио, приводило его в ярость, он жаждал отыскать негодяя и схватиться с ним, убить его или самому расстаться с жизнью, но он обещал умирающей супруге не искать отмщения, и это обещание было для него свято. И вот, для того чтобы сдержать свое слово, он уехал на чужбину.

Но в эти дни в Лимонте очутился другой наш знакомый — Тремакольдо. Эрмелинда приняла его как близкого и родного человека в память о том, что он сделал и перенес ради бедной Биче.

Славный малый и обязательный участник всех празднеств и пирушек, он прожил больше восьмидесяти лет.

Эрмелинда скончалась в Лимонте через два года после описанных событий. Ее оплакивала вся деревня. Среди ее вещей было найдено последнее письмо Марко, которое она положила в шкатулку вместе с золотой цепочкой. Никто не мог догадаться, как там оказалась цепочка и что она означала. Об этом знали лишь жена сокольничего и его дочь Лауретта, но они не сказали ни одной живой душе.

Граф дель Бальцо прожил так долго, что видел, как умер Адзоне и его сменил Лукино Висконти. Граф пережил и его, и его наследника Джованни. О Марко тогда вспоминали уже лишь как о лице историческом, как о великом военачальнике и необыкновенной личности. Его имя произносилось с почтением и восхищением, и граф еще успел погреться в лучах его славы. В последние годы его жизни, когда в Миланской области все

стало спокойно и можно было ничего не бояться, неизлечимый зуд хвастовства овладел им с еще большей силой. По его словам, выходило, что он был советником Марко, его самым близким другом, душой всех его предприятий.

— Если бы он положился на меня, — говорил он иногда с таинственным видом, — если бы он послушался меня... Но бог с ним, кое о чем лучше промолчать, и хотя с тех пор многое изменилось, все же лучше промолчать.

При этих словах он раздувал щеки и проводил рукой по лбу, словно в нем таились бог весть какие великие секреты.

А что стало с Лодризио? Я уверен, что читатель, неравнодушный к добру и злу и не лишенный сердца и души, жаждет видеть его наказанным. Даю вам слово, что и я желал бы того же. Но что делать? Нужно смириться с тем, что в истории не все идет так, как нам хочется. Вот что она повествует об этом негодяе.

Долгие годы он скитался по разным городам Италии, пока в 1338 году ему не удалось с помощью князя делла Скалла набрать три с половиной тысячи всадников (цифра очень внушительная для того времени), не считая большого числа пехотинцев. Со всем этим сбродом, получившим наименование войска святого Георгия, к которому затем примкнули воры, бандиты и разбойники, почуявшие наживу, он двинулся на Милан, сжигая и грабя все на своем пути. Под Парабьяго, где его ждал Лукино со всеми силами, приведенными им из Милана и из союзных земель, Лодризио дал печально известное сражение, названное по имени того местечка, в окрестностях которого оно произошло. Он потерпел полное поражение и, попав живым в руки победителя, был вместе с двумя своими сыновьями заключен (милость весьма необыкновенная в те времена!) в крепость святого Коломбано, в которой прожил до 1348 года. А что было потом? Потом, после смерти Адзоне и Лукино, его освободил архиепископ Джованни. В конце концов, 5 апреля 1364 года, после многих других приключений, он скончался в Милане, будучи уже дряхлым стариком.

Похоронен он был весьма пышно. Более того, тогдашний властитель Милана Барнабо отменил в знак траура большой турнир, и князья, бароны и графы, съехавшиеся на состязание, вынуждены были ждать до тех пор, пока тело Лодризио не было предано земле после весьма продолжительных церемоний, в которых все они приняли участие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила, —

эти горькие и страстные слова принадлежат великому итальянскому поэту Данте. Это строки из его «Божественной комедии», написанной незадолго до тех дней, которые изображены в прочитанном вами романе. Они могут служить эпиграфом к истории Италии на протяжении столетий.

В средние века (и много позже, вплоть до 60-х годов XIX века) Италия оставалась раздробленной. Долгий и мучительный период феодальной раздробленности знали и другие страны Европы — Франция, Англия, Испания... Но в этих странах сохранялась королевская власть — представительница порядка в феодальном беспорядке. И какой бы слабой она ни оказывалась временами, каким бы относительным ни был этот порядок, сколько бы раз он ни взрывался бурными вспышками феодальных усобиц, королевская власть выполняла роль обруча, который до некоторой степени стягивал страну воедино. В Италии не было королевской власти. Ни сильной, ни слабой — никакой: «В великой буре судно без кормила».

Италия представляла собой конгломерат средних, мелких и мельчайших феодальных владений и городов-республик. «Сапог, сшитый из разноцветных лоскутов» — так говорили о ней, и это впечатление легко подтвердится, если вы взглянете на карту средневековой Италии.

А это была богатейшая и передовая страна средневековья. Славой своей Италия была обязана городам. Во многих из них жизнь не затухала со времен Древнего Рима. Города Средней и Северной Италии — Венеция, Генуя, Милан, Флоренция, Лукка, Пиза и другие — больше всех выиграли от крестовых походов. Все выгоды от торговли с Востоком достались им. Но эти города служили не только перевалочными пунктами для восточных товаров, которые отсюда растекались по всей Европе. В них бурно развивается производство. В городах скапливается множество трудового люда, образуются ремесленные цехи, кое-где, особенно во Флоренции, появляются ростки капиталистического производства — крупные предприятия с наемными рабочими. Флоренция по всей Европе славится своими сукнами, Милан — бархатом и оружием. В городах набирают силу новые люди из народа — их называют пополанами («пополо» — народ) — купцы, банкиры, зажиточные цеховые мастера. По свидетельству

современника, в Милане в конце XIII века проживало 200 тысяч человек. Даже в наши дни это был бы город заметной величины.

Горожане еще в XI веке сбрасывают власть своих феодальных господ. Городские ополчения штурмуют и разрушают замки феодалов в ближайших окрестностях городов, принуждают их гордых и заносчивых владельцев переселяться внутрь городских стен: здесь, под бдительным оком городских властей, они не так опасны. Города превращаются в независимые республики — коммуны. Они сами вершат свои дела и заставляют даже самых крупных феодальных владык считаться с собой. Только в Италии можно было в те времена наблюдать явление, отмеченное одним современником: «Бароны бродят пешком, а купцы разъезжают на конях». Только в Италии можно было увидеть сценку, мимоходом изображенную в романе Гросси: Марко Висконти, игроку случая оказавшийся повелителем Лукки, направляется в городской собор в окружении баронов, графов и... цеховых мастеров.

Города помогают крестьянам освободиться от крепостной неволи. Случалось, они издавали такие законы: «Никто впредь не может быть прикреплен к земле и не должен называться крепостным». Множится число свободных крестьян, обязанных только платить арендную плату, деньгами или натурой, за землю, которую обрабатывают. Крестьянские общины тут и там образуют, подражая городам, сельские коммуны, которые сами решают под присмотром городских властей свои местные дела. Таковы деревни Лимонта и Белладжо на берегах озера Комо, описанные в первых главах романа Гросси. Мы знаем, что уже в конце XII века Белладжо именовалась коммуной и выбирала должностных лиц — консулов, выступавших от ее имени в спорах с владельцем земли — миланским монастырем св. Амвросия. Историки могли бы предъявить документы (они сохранились до наших дней), которые сразу же доказали бы незаконность попыток прокуратора (управляющего) монастыря Пелаграу вернуть крестьян Лимонты в крепостное состояние: не понадобился бы и «божий суд» — сражение на палках между Лупо и его противником.

У городов хватило силы подчинить себе окрестных феодалов. У них не хватило силы уничтожить в Италии феодальный строй.

И после образования коммун они не знают мира. В городах продолжается борьба за власть между живущими в их стенах знатными феодальными родами и пополанами, которые часто

объединяются с мелкими городскими рыцарями. Обостряются противоречия среди пополанов: между богатой верхушкой и мас-сой бедного люда — мастерами из бедных цехов, подмастерьями, поденщиками. Города вечно соперничают и воюют друг с дру-гом. Из-за торговых прибылей или господства на морских и су-хопутных торговых путях, из-за власти над окрестными землями.

Расцвет городов-республик оказался недолговечным. Оже-сточенное соперничество пополанов и феодальной знати приво-дит к тому, что враждующие партии, стремясь установить силь-ную и прочную власть, передают ее в руки единоличных прави-телей—так называемых сеньоров или тиранов. Иногда правителя выбирает народ и наделяет званием «народного капитана», чаще его выдвигает знать и называет господином или сеньором.

Тиранами в широком смысле называют жестоких правите-лей, действия которых основаны на произволе и насилии. (Вэтом смысле тиранами можно назвать многих королей, царей и т. п.) «Тирания», или «сеньория», в городах Италии имеет специфи-ческое значение: это единоличное правление, переходная сту-пень от городской республики к наследственной монархии. А произвола и жестокостей эти правители творили не меньше чем коронованные тираны.

Тирания в итальянских городах устанавливается в XIV—XV веках. Именно этот период, вернее его начало, отражен в романе Гросси. В самом деле, кто такие Висконти — Маттео Великий, Галеаццо, Адзоне, Марко и другие? Они еще не на-следственные монархи, они еще не обладают феодальными титу-лами герцогов или королей. Висконти — тираны, или сеньоры, Милана.

Вот вкратце история этого рода, которая поможет лучше понять некоторые ситуации и упоминания в романе.

Еще в середине XIII века в Милане выдвигается к власти дворянско-купеческий род делла Торре (Ториани), представи-телей его избирают «народными капитанами». Они правят в ин-тересах купцов, богатых цеховых мастеров, мелких рыцарей. Не-довольная ими феодальная знать объединяется вокруг архи-епископа Милана Оттона из знатного рода Висконти. В 1277 г. произошла решающая битва. Наполеоне делла Торре был раз-бит, и торжествующий Оттон заключил его в железную клетку, в которой ему и суждено было кончить свои дни. Борьба между Висконти и делла Торре позднее возобновилась, но в 1310 г. правителем стал Маттео Висконти, племянник Оттона, и оста-вался им до своей смерти в 1322 году. Внешне в Милане сохра-

нялась республика: собирався совет граждан, проводились выборы должностных лиц. На деле всеми делами самовластно распоряжался Маттео. Совет наделил его целым букетом почетных званий — господина, генерального ректора, пожизненного сеньора Милана. Маттео, прозванный Великим, вел энергичную внешнюю политику и непрерывные войны. Он присоединил к Милану окрестные города Монцу, Бергамо, Комо и сделал попытку захватить крупнейший город Геную, но это оказалось ему не по зубам. Он вступил в конфликт с неаполитанским королем и римским папой, который подверг церковному отлучению и предал проклятию самого Маттео и весь его род вплоть до четвертого поколения.

Проклятия папы не помешали Висконти укрепиться у власти в Милане. После Маттео недолго правил его сын Галеаццо, а за ним внук Адзоне (1329—1339), который, по-видимому, и отдал распоряжение убить своего дядю Марко, опасного честолюбивыми замыслами. Адзоне был способный правитель. Он примирился с папой, восстановил в Милане порядок, расширил свои владения. После него власть прочно удерживается родом Висконти.

Во второй половине XIV века Миланом правили два брата: Барнабо и Галеаццо П. Они породнились с королевскими дамами Англии и Франции и вели жизнь настоящих наследственных государей, поглощенных своими прихотями и феодальными забавами. Барнабо надолго запомнился в Италии как своенравный и жестокий тиран. Любивший охоту и собак, он построил дворец, в котором содержалось 500 собак, а сотни других роздал по домам жителям Милана. Каждые две недели они должны были давать отчет о самочувствии этих псов в особое «собачье ведомство», и горе было тому, кто не уберезет собаку: такие расплачивались всем имуществом или самой жизнью.

Сын Галеаццо — Джан-Галеаццо — стал самым могущественным из Висконти. В 1395 г. он купил у императора за 100 тысяч флоринов титул герцога. Тирания в Милане окончательно переросла в наследственную монархию.

Так как в Италии не было королевской власти, она не могла дать отпор иноземным вторжениям. В течение трех веков она служила ареной соперничества двух гигантов, двух могущественных сил средневековой Европы — римских пап и германских императоров.

Еще в 961 г. король Германии Оттон I совершил поход в Италию, занял Рим и получил из рук римского папы корону

императора Священной Римской империи. Название было воспоминанием о владычице мира — Римской империи древности. Сущность была иной: провозглашение империи означало претензию германских королей на обладание богатой Италией.

После Оттона каждый новый король Германии переваливал через Альпы с армией вассалов и наемников и короновался в Риме императорской короной. Одновременно они грабили итальянские города, облагали тяжкими поборами население.

Римские папы сначала были только игрушками в руках императоров. В XI веке папство усилилось и бросило вызов претензиям императоров. Но не в интересах Италии выступали папы — эти всемирные пауки, высасывавшие богатства из всех католических стран Европы. Папы хотели утвердить свою власть над Европой. Они провозглашали, что папы выше императоров, что папы и императоры — это как солнце и луна: как луна получает свет от солнца, так императоры власть от римских пап.

Города и феодалы Италии разделились: одни стали на сторону папства, другие — империи. Партию папы в XII веке стали называть гвельфами, партию империи — гибеллинами. Борьба горожан и феодальной знати переплелась с борьбой папства и империи.

Три века продолжается борьба этих партий (с середины XI до середины XIV). Она заливают кровью улицы городов, покрывает трупами поля сражений, ожесточает сердца, порождает людей бурных, неистовых, ослепленных ненавистью, выражается в кровавую вендетту: семья против семьи, кровь за кровь! Хронист (летописец) скорбно пишет: «Тот, кто решительно заявляет себя гвельфом или гибеллином, не может благополучно кончить свои дни. Бог простит меня, если я ошибаюсь...» Он не ошибался. «Смерть флорентийцам!» — возглашают в битве при Арбии... флорентийцы; с этим кличем флорентийские гибеллины идут в бой против граждан своего города, в котором власть принадлежит гвельфам (1260). Победив, они требуют разрушить до основания родной город — Флоренцию, жемчужину Италии. Флорентийские гвельфы изгоняют из города Данте, разрушают его дом; если Данте вернется, его ждет сожжение. «Безмерно горький мир!» — восклицает поэт, который пишет «Комедию» и умирает на чужбине.

В 1310 г. в Италию явился новый император Генрих VII. Он вещал, что несет Италии покой и справедливость. Измученные усобицами города открывали перед ним ворота и встречали его колокольным звоном. Данте, изгнанник, возмечтал о том, что

император установит в Италии всеобщий мир — «самое лучшее из всего, что служит нашему блаженству». Он написал трактат «О монархии» (по поводу которого так негодует в нашем романе граф дель Бальцо). В нем Данте заявлял себя врагом папства и сторонником империи — гибеллином. Империю он утопически представлял такой, где император — «слуга народа» и где «не народ ради царя, а царь ради народа». Увы, Генрих VII обманул надежды Данте. У императора не было денег, и он начал беспощадно обирать города. В разгар войны с Флоренцией, оплотом гвельфов, император умер (1313). И с его смертью кончилась последняя серьезная попытка подчинить Италию германским феодалам. Никому не было дано соединить одним обручем такие разнородные страны, как Италия и Германия.

Империя потерпела поражение. Но не выиграло и папство. В 1309 г. король Франции Филипп IV принудил папу перебраться из Рима в Авиньон, город в Южной Франции. Началось так называемое «авиньонское пленение пап» (1309—1377), когда они находились в политической зависимости от французских королей.

Это время и изображено в романе Гросси. Мы присутствуем при последних вспышках вековой борьбы папства и империи. Воспользовавшись ослаблением папства в годы «авиньонского плена» в Италии появляется германский король Людвиг Баварский. Он захватил Рим, короновался императором, поставил в Риме папой монаха Пьетро из Корвары под именем Николая V. Папа Иоанн XXII в Авиньоне предал проклятию Николая V. Папа Николай ответил Иоанну тем же. Произошел раскол церкви.

Людвиг Баварский торжествовал недолго. Он не смог сломить сопротивления гвельфов, восстановил против себя и многих гибеллинов и в 1329 г. бежал в Германию, бросив на произвол судьбы «своего» папу и оставив в Италии печальную память о грабежах и шайки отставших от его армии солдат, готовых служить за деньги кому угодно, сражаться за любое дело. Из этих солдат кондотьеры формируют свои первые отряды.

Кондотьеры — военачальники наемников. Они заключали с городами договора — «кондотты», получали плату и распределяли ее среди своих солдат («сольдо» — плата). Со временем их становится все больше. И это лишь раздувает пламя не затухающей в Италии смуты. В середине XIV века поэт Петрарка называл кондотьеров «бичом Италии, худшим, чем чума и землетрясение».

Марко Висконти и его сородич Лодризио Висконти были первыми кондотьерами Италии. Опираясь на немецких наемников, Марко в 1329 году захватил Лукку и строил обширные планы завоеваний. . . О дальнейшем вы знаете из романа и этих заметок.

Роман Т. Гросси «Марко Висконти» написан в 1834 г. По времени появления и характерной для него романтической обрисовке главных героев его можно сравнить с русскими историческими романами, такими, как «Юрий Милославский» М. Загоскина (1829) и «Холодный дом» И. Лажечникова (1835). Все эти произведения были первыми всходами на ниве, вспаханной Вальтером Скоттом, родоначальником исторического романа. Английскому писателю подражали и во Франции, и в Италии, и в России. . .

Конечно, в каждой стране исторический роман носил своеобразные черты. Италия и в годы Гросси оставалась феодально раздробленной, как и во времена, описанные в его романе. Она страдала под чужеземным австрийским гнетом. Но многое изменилось со времен средневековья. Тогда только в сознании немногих выдающихся людей, таких как Данте, рождалась еще смутная мысль о единстве Италии. В XIX веке в Италии поднялось могучее народное движение за освобождение и объединение страны. Оно выдвинуло много отважных борцов и пламенных патриотов, и среди них исполинскую фигуру Гарибальди. Этот период в истории Италии — с конца XVIII века и до объединения страны в 1870 г. — получил название Рисорджименто (Возрождение).

Итальянский исторический роман впитал в себя идеи и настроения передовых людей Рисорджименто.

Первым историческим романом в Италии были «Обрученные» А. Мандзони (1827), наставника и друга Т. Гросси. В романе нарисована мрачная картина феодальных насилий в Италии XVII века и показана стойкость и высота духа людей из народа. Последним историческим романом Рисорджименто был столь любимый нашими читателями «Спартак» Р. Джованьоли (1874); образ Спартака в романе, как давно замечено, напоминает не столько героя древности, сколько великого народного вождя Гарибальди.

Итальянский роман эпохи Рисорджименто отличают черты, близкие и дорогие нам: обостренное чувство любви к родине, пафос самоотверженной борьбы за ее свободу, романтическая окрыленность героев.

В романе Гросси эти черты несколько приглушены. Но они чувствуются в том негодовании, с каким говорится об иноземном вторжении, о немцах-наемниках, о сожженном ими «бедном Кампомаджоре»; они проступают в образе Марко, для которого, декларирует писатель, «достоинство родной земли было выше всего остального». Марко сумел побороть в себе эгоизм во имя справедливости и благородства. И хотя он достиг этого только в своих отношениях с Биче и Отторино, читатели тех дней легко переносили призыв к самоотречению ради торжества справедливости в область общественной борьбы. Патриотические мотивы заметны и в той затаенной тоске по свободе, которая звучит в песне шута Тремакольдо «Ласточка», напоминающей своим настроением стихотворение Пушкина «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...»). Примечательна судьба песни. Как бы оправдывая свое название, «Ласточка» выпорхнула со страниц романа — песня зажила самостоятельной жизнью и надолго стала одной из самых любимых в Италии. А с какой теплотой и заботливостью нарисованы в романе сцены из жизни родного края в его далеком прошлом! Читатель получает представление об обстановке крестьянской хижины и о званных пирах у крупного феодала, о мятежах крестьян и о рыцарских турнирах, об обороне осажденного города и об обычае «божьего суда». Бытоописание придает роману особый колорит и историко-познавательную ценность.

Современный читатель легко заметит недостатки романа: растянутость действия, напыщенность диалогов, сентиментальность и поверхностность в обрисовке характеров; нас покорабят «красивости», которыми уснащены страницы романа: «эфирная глубина, нежный и томный блеск очей» — о юной Биче, подобной «свежей и благоухающей розе»; «дивная сладость надежды», «огонь, который зажгла ваша ангельская доброта», «слова, проливающие бальзам на сердце», и т. п. — в речах Марко. Надо сказать, что самым правдоподобным получился в романе трусливый резонер граф дель Бальццо.

Было бы, однако, неправильно утверждать без оговорок, что в изображении главного героя — Марко Висконти — Гросси «порывает с исторической правдой» (такие упреки можно встретить в трудах по истории Милана, не обходящихся без упоминания популярного романа). Марко Висконти представлен в романе так, словно два разных человека совместились в одном. Пока Гросси изображает Марко в сфере политических интриг, он остается верен духу времени и тому немногому, что мы знаем

о характере Марко из старинных хроник и сообщений современников. (В романе приведены высказывания хронистов Виллани, Лазарио и Фьяммы и нет необходимости повторять их здесь.) Гросси рисует портрет «великого воина», человека решительного, страстного, мстительного, но неосторожного. Мы верим, что для такого человека, как Марко, «бесить врагов, наслаждаясь их унижением, — вот это жизнь», что великой опасности подвергает себя тот, кто «пытается встать Марко поперек дороги». Эти черты не расходятся с историей. Гросси воссоздает достоверный портрет кондотьера XIV столетия.

Полюбив Биче, Марко сначала действует в духе своей натуры, «не знавшей удержу ни в любви, ни в гневе». Когда же писатель в конце романа возвращается к любовной интриге, превращая Марко из дерзкого кондотьера в неудачливого влюбленного, он покидает почву истории и психологически ничем не мотивирует переворот в душе Марко. «Великий воин» неожиданно предстает перед нами человеком сентиментальным, разъедаемым сомнениями, страдающим от угрызений совести. Он бичует себя: «Я ничтожный, я мерзкое чудовище...» Он заявляет: «Нет, я не рожден для этого подлого века!», как будто он был лучше, чем «честолюбивый интриган» Лодризио, не вел вместе с ним двойную игру с папой и императором, не поступал подло с преданным ему Отторино и т. п. Марко превращается в мелодраматический тип «раскаившегося злодея», ничего общего не имеющий с колоритной фигурой первого кондотьера Италии.

Нелишне отметить, что любовь Марко к Биче не придумана романистом. Вот что рассказывает об этом миланский историк начала XVI века Бенедетто Корио.

«В своем замке Розате, — сообщает Корио, — Марко Висконти держал жену своего кузена Отторино Висконти из Каstellето, которая согласилась на это очень неохотно, хотя Марко ее горячо любил». И Корио продолжает, не смущаясь некоторой противоречивостью сообщаемых им сведений: «Женщина пожелала привязать к себе своего возлюбленного более прочными узами, и с этой целью она украла маленького мальчика у одной бедной женщины и выдала его перед Марко за их сына, которого она якобы родила. Марко узнал об обмане и велел утопить Биче во рву замка, что и было сделано его слугами. Все-таки он раскаивался в том, что погубил свою прекрасную возлюбленную. И так, скорбя о ней, он однажды во-
рвался как бешеный со своими слугами во дворец правителя,

громя все на своем пути. Сопровождавшие его люди помогали ему не очень усердно, и приближенные Адзоне, схватив Марко, удушили его и выбросили из окна, хотя потом распространилась молва, что он выбросился сам».

Лаконизм этого сообщения заставляет строить догадки о том, почему гибель Биче от руки самого Марко вызвала его гнев против Адзоне? (По-видимому, из таких догадок и вырос замысел романа.) Но какие бы подробности этой драмы ни остались скрытыми от нас во тьме прошлого, она характерна для того времени с его жестокими нравами и приниженным положением женщины, когда, по словам Маттео Банделло, итальянского новеллиста XVI века, отцы и мужья при малейшей провинности женщин «тотчас хватались за веревку, кинжал или яд». Драма XIV века, полная страсти и крови, в романе Гросси получила сентиментальную и благочестивую развязку.

Среди исторических романов, созданных известными итальянскими писателями эпохи Рисорджименто, «Марко Висконти» Т. Гросси принадлежит сравнительно скромное место. Но это место роман удерживает прочно, его не забывают. Хорошая репутация романа, передаваемая из поколения в поколение, поддерживает его жизнь в Италии. Роман не потерял интереса и для нашего читателя. Он знакомит с тщательно выписанными картинами средневекового быта, в нем продолжают звучать благородные идеи Рисорджименто. И он доставит наибольшее удовольствие тому, кто прочтет его, не теряя чувства исторической дистанции, помня о том далеком уже от нас времени, когда роман был написан.

А. Завадье

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	3	Глава XIX	162
Глава II	11	Глава XX	174
Глава III	21	Глава XXI	182
Глава IV	29	Глава XXII	192
Глава V	36	Глава XXIII	198
Глава VI	47	Глава XXIV	206
Глава VII	60	Глава XXV	214
Глава VIII	65	Глава XXVI	229
Глава IX	71	Глава XXVII	237
Глава X	75	Глава XXVIII	248
Глава XI	82	Глава XXIX	255
Глава XII	94	Глава XXX	260
Глава XIII	104	Глава XXXI	274
Глава XIV	112	Глава XXXII	284
Глава XV	124	Эпилог	290
Глава XVI	137		
Глава XVII	147	<i>А. Завадье.</i> Послесло-	
Глава XVIII	152	вие	294

Гросси Томмазо

- Г88 Марко Висконти. Исторический роман. Пер. с итал. Г. П. Смирнова под ред. П. С. Гурова. Стихи в пер. Е. Солоновича. Послесл. и примеч. А. С. Завадье. Рис. В. Высоцкого. М., «Дет. лит.», 1972.

304 с., с ил., 50 000 экз., 76 к., в пер.

В романе воссоздана борьба за Ламбардию между сторонниками папы и императора. Главный герой романа — кондотьер Марко Висконти, гибнущий от рук противников.

76 коп.

